ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИЧЕСКИХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

ТВОРЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ИСТОРИКА: ГОРИЗОНТЫ ВОЗМОЖНОГО

(к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого)

Материалы
Всероссийской научной конференции
с международным участием
(Томск, 3–4 октября 2019 г.)

Часть I

Издательство Томского университета
2019

УДК 930
Т28

Рецензенты:
В.В. Керов, д-р ист. наук, **Н.Н. Родигина,** д-р ист. наук, **С.А. Смирнов,** д-р филос. наук

Редакционная коллегия:
В.В. Журавлев, канд. ист. наук (Институт истории СО РАН);
Д.С. Коньков, канд. ист. наук, доцент (ТГУ);
Н.В. Трубникова, д-р ист. наук, доцент (ТГУ);
Д.Н. Шевелев, д-р ист. наук, доцент (ТГУ) – ответственный редактор;
А.В. Юшников, канд. ист. наук (ТГУ)

Т28 **Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого)** : материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Томск, 3–4 октября 2019 г.): в 2 частях. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2019.– Ч. I. – 454 с.

ISBN 978-5-7511-2592-9

В сборнике представлены материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Творческая лаборатория историка: горизонты возможного», приуроченной к 90-летию со дня рождения признанного лидера томской историографической школы и одного из крупнейших отечественных методологов истории Б.Г. Могильницкого (1929–2014), д-ра ист. наук, профессора, заведующего кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории (1967–2009), декана историко-филологического, затем исторического факультета (1968–1980) ТГУ, заслуженного деятеля науки РФ.

Научная повестка конференции охватывает широкий спектр актуальных для современной исторической науки вопросов как теоретико-методологического, так и конкретно-исторического характера, сгруппированных вокруг нескольких основных проблемных ракурсов и ставших «центром притяжения» ученых самых разных школ и направлений из Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Рязани, Волгограда, Екатеринбурга, Тюмени, Омска, Новосибирска, Томска, Иркутска и других городов Российской Федерации, а также исследователей из Беларуси, Италии, Казахстана, Китая, Кыргызстана, Украины и Франции.

Издание рассчитано на специалистов и всех интересующихся современным состоянием исторической науки в ее теоретическом, источниковедческом, историографическом и методологическом измерениях.

УДК 930

Сборник подготовлен и издан при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-09-20068.

ISBN 978-5-7511-2592-9

© Томский государственный университет, 2019
© Авторы, 2019

ВВЕДЕНИЕ

18 апреля 2019 г. исполнилось 90 лет со дня рождения Б.Г. Могильницкого (1929–2014), доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой истории древнего мира, средних веков и методологии истории (1967–2009 гг.), декана историко-филологического, затем исторического факультета (1968–1980 гг.) Томского государственного университета, заслуженного деятеля науки РФ.

Б.Г. Могильницкий – признанный лидер томской историографической школы, один из крупнейших отечественных методологов истории, автор многочисленных и известных в профессиональном сообществе публикаций, под научным руководством которого было защищено пятьдесят семь кандидатских и докторских диссертаций. Исследовательский фокус его публикаций был сосредоточен на тенденциях развития дореволюционной российской и зарубежной западной историографии, а также методологии истории. Создавая обобщающие исследования по истории исторической мысли, ученый рассматривал эволюцию «ремесла историка» сквозь призму понятия «историографическая революции», базовых категорий историописания и наделял ключевым значением общественное измерение деятельности историка.

Творческий научный подход Б.Г. Могильницкого с высоты XXI в. представляется фундаментальным и разнонаправленным, являясь достойным отражением того многообразия и внутренней сложности, что характеризуют эпистемологическую ситуацию современной исторической науки. Борис Георгиевич известен советским и российским историкам, прежде всего, как автор обобщающей монографии по методологии истории «О природе исторического познания» (М., 1978) и одного из первых вузовских учебников подобного профиля – «Введение в методологию истории» (М., 1989). Его академическая судьба является примером

неуклонного развития и самообразования, углубления и расширения проблемного поля исторических исследований в профессиональной среде исторического факультета ТГУ. Стремление к глубокому, логически состоятельному объяснению категориальных основ исторического познания было главным в его исследованиях и вдохновляло его учеников, равно как и представление о принципиальном идейно-методологическом плюрализме исторической науки. Б. Г. Могильницкий писал о необходимости использования множества исследовательских стратегий, заимствуемых из арсенала различных наук, и возможностях синтеза разных теорий ещё до того, как термин «междисциплинарность» стал широко распространенным.

3–4 октября 2019 года факультетом исторических и политических наук Национального исследовательского Томского государственного университета при финансовой поддержке Росссийского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-09-20068) была проведена Всероссийская научная конференция с международным участием «“Творческая лаборатория историка”: горизонты возможного», приуроченная к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого.

Тематика состоявшейся конференции охватила широкий спектр актуальных для современной исторической науки вопросов как теоретико-методологического, так и конкретно-исторического характера, сгруппированных вокруг четырех основных проблемных ракурсов. В условиях современной мультипарадигмальности научного знания вообще и исторической науки в частности, а также в отсутствие разделяемых всем профессиональным сообществом единых критериев научности организаторы конференции сформировали дискуссионные фокусы секций, исходя из сфер интересов, способных послужить «центрами притяжения» ученых разной методологических принципов.

Секция 1 «Историк и его время: вехи личностного и научного роста в контексте эпохи» была представлена докладами и продолжающей их научной дискуссией о поворотах человеческих и научных судеб российских дореволюционных, советских, постсоветских, а также зарубежных историков в жанрах научной биографии, исто-

рии и социологии научных сообществ. Дополнительным вектором обсуждения стали интеллектуальные акценты и этические максимы «ремесла историка», претерпевающие значительную трансформацию на крутых событийных виражах XX–XXI вв.

Работа второй секции «Историографические коллизии и парадоксы в прошлом и настоящем» была посвящена анализу очень вариабельных практик исторических исследований различных периодов российской и всеобщей истории с устойчивыми акцентами на историографии конфессиональных групп и подходов к их изучению, российской дореволюционной экономике, военной истории, повседневной истории Сибири, этнической истории, русской религиозной историософии, возможностях применения опыта зарубежных историографий российскими исследователями.

Секция 3 «События, идеи, тексты: от противостояния интерпретаций к методу» собрала доклады и спровоцировала наиболее теоретическую по своей фокусировке в рамках рассматриваемой конференции дискуссию, связанную с поиском объединяющих оснований современной исторической науки, замкнутой в состоянии фрагментированных тематических ниш и специальных методологий. Обсуждению подверглись проблемы языка и коммуникативные стратегии исторической науки, правомерность устоявшихся в западной и отечественной историографии стереотипов и концептуальные основы ряда передовых историографических направлений, социальная роль историка в современном мире.

В четвертой секции конференции «Языки описания: новые практики, подходы, методы в изучении прошлого» были заслушаны и обсуждены доклады, отражавшие нарратологические конструкты (дискурсы, понятия) исторической науки, посвященные отдельным категориям исторических источников или имевшие выраженную методологическую направленность. Сквозным ракурсом в работе секции стали проблемы изучения исторической памяти и тех социокультурных триггеров, что оказывают влияние на ее трансформации.

Опыт работы конференции «“Творческая лаборатория историка”: горизонты возможного» показал, что круг проблем, очерченный трудами выдающегося ученого Б.Г. Могильницкого, и предложен-

ные им ракурсы изучения историографической среды и методологий исследования сохраняют свою значимость для современного профессионального сообщества и дают возможность развивать его идеи и обсуждать в рамках широкой научной дискуссии на будущих конференциях.

Н.В. Трубникова

I. ИСТОРИК И ЕГО ВРЕМЯ: ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, ВЕХИ ЛИЧНОСТНОГО И НАУЧНОГО РОСТА В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/1

УДК 94(47).08

О.П. Дорошенко

Г.Е. КАТАНАЕВ И ОБЛАСТНИЧЕСТВО: СТАНОВЛЕНИЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ИДЕЙ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СИБИРЕВЕДЕНИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Аннотация. *В статье показан процесс постепенного вовлечения историка сибирского казачества Г.Е. Катанаева в «наукотворчество» как движение по пути от общей заинтересованности региональной проблематикой к научному изучению истории сибирского казачества. Дается оценка влияния идеологии областничества на взгляды исследователя.*

Ключевые слова*: история Сибири, сибирское областничество, Г.Е. Катанаев, регионалистика, сибиреведение.*

Интерес Г.Е. Катанаева к истории сибирского казачества пробуждается во время обучения в Сибирском казачьем корпусе (1857–1866). Большое влияние на становление и развитие личности Катанаева оказали преподаватели корпуса Н.Ф. Костылецкий (страстный поклонник В.Г. Белинского), В.П. Лобадовский (знакомивший кадетов с критическими и публицистическими статьями Д.И. Писарева, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова), Е.И. Старков (широко известный в сибирском обществе своей историко-географической начитанностью и неподдельным патриотизмом) и Э.К. Зедергольм (выпускник историко-филологического факультета Московского университета, ученик историка С.М. Соловьева), давший Катанаеву первоначальные понятия о позитивистской методологии, теоретические установки которой впоследствии найдут отражение в его сочинениях. Будучи кадетом, Катанаев посещал литературно-музыкальные вечера, организуемые молодыми областниками, личное же его знакомство с идеологами сибирского областничества состоя-

лось в 1866 г. во время омского заключения «сибирских сепаратистов».

Следует признать, что молодой Катанаев был близок областникам 60-х гг. XIX в. как «представителям протестующего и, вместе с тем, мечтающего регионального самосознания» [1. С. 107]. Впоследствии Катанаев назовет Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева своими «духовными отцами» [2. Л. 6], и наставниками, и «руководителями первых шагов его участия в литературе и служении родине (Сибири)» [Там же]. Областническая идеология, по мнению А.В. Ремнева, представляла собой сложный сплав российских социально-мессианских надежд с западными социальными доктринами [3]. Большая часть сторонников сибирского областничества «имела западную идейную и цивилизационную ориентацию» [1. С. 107]. Под влиянием областников и, отчасти, по их «рекомендации» Катанаев начинает читать определенную литературу. Так, в личном фонде Катанаева (ИАОО. Ф. 366) сохранились выписки из трудов английского историка и социолога-позитивиста Г.Т. Бокля (История цивилизации в Англии. СПб., 1862–1864); сочинений Архиепископа Филарета об истории Слободской Украины (Историко-статистическое описание Харьковской Епархии. М., 1852–1859); труда И.Д. Беляева (О сторожевой, станичной и полевой службе на Польской Украйне Московского государства. До царя Алексея Михайловича. М., 1846); работ историка Н.И. Костомарова (Очерк домашней жизни и нравов Великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1860); статьи первого теоретика «областности» А.П. Щапова «Историко-этнографическая организация русского народонаселения» («Русское слово». 1865. № 1, 2, 3); публицистических статей и исторических романов сторонника «земства» Д.Л. Мордовцева (Гайдамачина. СПб., 1870); известного сочинения С.В. Максимова (Сибирь и каторга. СПб., 1871).

Беседы с областниками укрепили у Катанаева желание дальнейшего образования, расширения кругозора и поля деятельности. По совету и при содействии Потанина в конце 1867 г. Катанаев уезжает в Москву и поступает в Петровскую земледельческую и лесную академию (Потанин достает для Катанаева программу академии и снабжает его двумя рекомендательными письмами: известному славянисту и славянофилу, профессору Московского университета О.М. Бодянскому и известному натуралисту и путешественнику А.П. Федченко). Но связь Катанаева с областниками не прерывается. Он пишет письма сначала Потанину, а затем (с весны 1872 г.)

и Ядринцеву. Наиболее активная переписка Катанаева с Потаниным приходится на начало 1880-х гг., когда идеолог сибирского областничества, «преодолев радикальные устремления 1860-х гг., занимает более умеренную и реалистичную позицию» [1. С. 108]. По воспоминаниям Катанаева, стараясь как можно больше заинтересовать его Сибирью, Потанин и Ядринцев писали «об её природе и богатстве; об её населении; специально на темы о сибирской женщине, о сибирской молодежи, об её абсентеизме и нелюбви к родине; о необходимости возврата в Сибирь всех учащихся в столичных высших учебных заведениях сибиряков; о необходимости изучения этой страны» [4. С. 46–47]. Приводились целые библиографические указатели о том, что писалось и что нужно читать о Сибири. От Катанаева, в свою очередь, требовалось время от времени сообщать, что он делает, что читает; главнейшая же его обязанность заключалась в том, «чтобы давать возможно полные обзоры того, что делается на свете, в обществе, литературе и особенно о том, какие <…> появились новые книги, сочинения и статьи о Сибири и её делах с кратким изложением таковых» [Там же. С. 47].

Во время учёбы в Москве Катанаев продолжает изучать литературу о Сибири. Более того, он неоднократно ездит в Петербург специально для занятий в Императорской публичной библиотеке. Катанаев тщательно изучает труды С.У. Ремезова, Г.Ф. Миллера, И.Э. Фишера, П.С. Палласа, И.И. Георги, П.И. Небольсина, А. Левшина, В. Вильяминова-Зернова, И.И. Завалишина, К. Риттера и многих других. В одном из писем Ядринцеву Потанин пишет, что Катанаев «литературу <…> всю прочитал, по крайней мере, больше нашего, <…> и не пропустил даже таких специальных журналов, как “Горный журнал”» [5. Т. 1. С. 94]. При поддержке Потанина Катанаев даже задумывает и на протяжении весны – лета 1872 г. упорно работает над созданием каталога книг о Сибири. Им был собран значительный по объему материал, планировалось издать целый том, содержащий не только перечень книг и статей о Сибири, но и реферативное изложение таковых, и отражающий проблемы сибирской беллетристики, журналистики и культуры в целом. Потанин оценивал эту работу Катанаева как «труд почтенный», в котором «сквозят и субъективные взгляды составителя» [Там же]. К сожалению, Катанаеву не удалось завершить работу, и каталог так и не был издан. Примечательно, что об этой «библиографии журнальных статей о Сибири» как о «попытке, не увидевшей света и хранящейся у его

составителя», упоминает В.И. Межов в предисловии к первому тому своей «Сибирской библиографии» [6].

Осенью 1872 г., после окончания курса Петровской земледельческой и лесной академии, Катанаев возвращается в Омск. Потанин связывал с возвращением Катанаева в Сибирь определенные надежды, полагая, что он «оживит омское ученое общество» [5. Т. 1. С. 94]. Ядринцев же посвятил возвращению Катанаева (наряду с возвращением в Сибирь А.П. Нестерова) одно из своих патриотических стихотворений, озаглавленное «Welcome! Welcome!» Стихотворение имеет подстрочник: «Посвящается А.П. Н. и Г.Е. К.» Впервые оно было напечатано в «Камско-Волжской газете» (1873. № 41) в цикле «Песни» за подписью «Семилуженский», перепечатано в «Сборнике избранных статей, стихотворений, фельетонов Николая Михайловича Ядринцева» [7. С. 171–172].

В 70-е гг. XIX в. Катанаев делает свои первые шаги на литературно-публицистическом поприще и в научных изысканиях. В 1873 г., по настоянию Потанина, Катанаев начинает сотрудничество в качестве омского корреспондента с «Камско-Волжской газетой», которую Потанин называл «родоначальником сибирской областной печати» [8. Т. 4. С. 316]. Достаточно показателен выбор Катанаевым публицистического псевдонима – он подписывал свои статьи в «Камско-Волжской газете» «Жорж-бай» (или просто «Ж.-Б.»), подчеркивая тем самым свою «генетическую принадлежность» не только Сибири, но и Степному краю. Областники призывали Катанаева писать о Сибири как можно больше и использовать любую возможность для публикаций; намечались темы, на которые необходимо писать: о народном образовании, об университете, гласном суде, земстве, о вреде штрафной колонизации, о бесчеловечности истребления и спаивания северных инородцев. В конце 1874 г., с переходом редакторства иркутской газеты «Сибирь» к В.И. Вагину, Катанаев начинает сотрудничать и с ней. В «Сибири» за 1875 и 1876 гг. были помещены статьи Катанаева «К вопросу о Сибирском университете» [9], «Омск или Томск? (к вопросу о Сибирском университете)» [10] и принесшие ему наибольшую известность и популярность не только среди областников и сибирского общества в целом, но и далеко за пределами Сибири.

Во второй половине XIX в. функции главных регионоведческих организаций в Сибири выполняли отделы Русского географического общества. Известно, что инициатива создания ЗСОИРГО принадле-

жала генерал-губернатору Западной Сибири Н.Г. Казнакову и была составной частью его программы экономического и культурного реформирования региона. Вместе с тем создание ЗСОИРГО было «обусловлено совокупностью причин объективного и субъективного характера: особенностями социально-экономического развития региона, неравномерностью его исследования, наличием интеллектуальной базы для создания подобной организации и конкретных личностей, заинтересованных в его работе» [11. С. 14]. Среди последних был и Катанаев, ставший одним из членов-учредителей отдела.

Катанаев состоял действительным членом ЗСОИРГО со дня его основания по день своей смерти (за исключением периода с 1898 по 1908 г.), на протяжении более 30 лет, последовательно занимая ряд административных должностей и ведя обширную научно-исследовательскую и экспедиционную деятельность.

В 1870–1890-х гг. приоритетным направлением исследовательской работы ЗСОИРГО становятся вопросы выявления и характеристики условий для организации переселенческого движения. В многочисленных статьях, заметках, докладах и сообщениях членов общества оценивается природно-географический и экономический потенциал Степного края. В контексте этой деятельности большое значение имеют гидрологические исследования Катанаева [12].

В рамках деятельности ЗСОИРГО были предприняты первые попытки выявления хозяйственно-экономического статуса и колонизационного потенциала сословий Степного края: коренного населения, казачества и крестьян-переселенцев из Европейской России. Одним из наиболее острых для Катанаева-исследователя был вопрос о судьбе казачества в условиях курса на аграрную колонизацию Степного края, в своих работах он акцентировал внимание на первопроходческой и землеисследовательской деятельности сибирского казачества [13, 14]. Актуальным для Катанаева оставался и «инородческий вопрос», в своих исследованиях он уделяет внимание вопросам перехода «инородцев» в осёдлое состояние, пригодности степных участков к культурному земледелию, материальной культуры и быта кочевого населения, взаимопроникновения и взаимовлияния соседствующих культур [15, 16]. (Следует подчеркнуть, что в рамках своей научно-экспедиционной деятельности Катанаев исследовал Сибирь и Степной край как свой, родной регион. Он был степняком по рождению, вырос во «фронтирной зоне», Прииртышье считал своей «малой родиной».)

В рамках деятельности в ЗСОИРГО Катанаевым были намечены векторные направления его дальнейших исследований, положено начало его многолетним изысканиям по истории Сибирского казачьего войска, ставшим делом всей его жизни.

Таким образом, следует признать, что сближение Катанаева с идеологами областничества происходило на «почве сибирского патриотизма, своего рода «сибирефильства», горячей любви к сибирской родине» [1. С. 107]. Безусловно, областники сыграли значительную роль в становлении научно-исследовательского интереса Г.Е. Катанаева в рамках сибиреведения второй половины XIX – начала XX в. Но с течением времени Катанаев, оставаясь сибирским патриотом, делает выбор в пользу изучения истории Сибири и сопредельных регионов Евразии и дорогого его сердцу сибирского казачества, в пользу культурно-просветительской работы и популяризации своих знаний, добытых в архивах и сформировавшихся под влиянием научной литературы. По мнению резкого в оценочных суждениях Ядринцева, Катанаев постепенно становится одним из тех, кого тоже «провинция трогает, но коих приковывает к ней только ее мелкая практическая жизнь, ее трепетанье, и радует самое малое ее пробуждение» [5. Т. 2. С. 300]. «Сколько не напихивали его общими вопросами, сколько не вдохновляли общей теорией, но его влечет другое, – пишет Ядринцев о Катанаеве в одном из своих писем Потанину. – Он практик, он не может парить в этой области светлого голубого пространства, связывая жизнь только с общей орлиной идеей, и с ее полета смотря на действительность…» [5. Т. 2. С. 287].

Катанаев воспринял идеи областничества не более, чем действенную программу оживления культурной жизни провинции с ярко выраженной патриотической окраской. Областничество для Г.Е. Катанаева – идея, позволяющая объединить ради решения общесибирских проблем людей с разным мировоззрением, но одинаково преданных Сибири, идея, способствующая сохранению и умножению местной интеллигенции.

Литература

1. *Селиверстов С.В.* Г.Н. Потанин: сибирское областничество между западничеством и евразийством (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник ТГУ. – 2007. – № 300-1. – С. 107–115.

2. ИАОО. Ф. 366. Оп. 1. Д. 357. 11 л.

3. *Ремнев А.В.* Западные истоки сибирского областничества // Русская эмиграция до 1917 года – лаборатория либеральной и революционной мысли. – СПб.: Европейский Дом, 1997. – С. 142–156.

4. *Катанаев Г.Е.* На заре сибирского самосознания. Из воспоминаний об инициаторах учреждения первого сибирского университета в Томске Н.Г. Казнакове, Г.Н. Потанине, Н.М. Ядринцеве // Катанаев Г.Е. На заре сибирского самосознания. Воспоминания генерал-лейтенанта Сибирского казачьего войска. – Новосибирск, 2005. – С. 33–121.

5. *Письма* Г.Н. Потанина: в 5 т. – Иркутск: Вост.- Сиб. кн. изд-во, 1987–1992.

6. *Межов В.И.* Сибирская библиография. – СПб., 1891–1893.

7. *Ядринцев Н.М.* Сборник избранных статей, стихотворений и фельетонов. – Красноярск, 1919. – 223 с.

8. *Потанин Г.Н.* Воспоминания // Литературное наследство Сибири: в 8 т. – Новосибирск, 1969-1988.

9. *Катанаев Г.Е.* К вопросу о Сибирском университете // Сибирь. 1875. – № 16, 17, 24, 25.

10. *Катанаев Г.Е.* Омск или Томск? (к вопросу о Сибирском университете) // Сибирь. – 1876. – № 18.

11. *Скалабан И.А.* ЗСОИРГО в последней четверти XIX – начале XX веков (1877–1919): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 1994.

12. *Катанаев Г.Е.* Доклад по вопросу об организации наблюдений над водными бассейнами степного района Западной Сибири с программой для сбора сведений о водах района и с формой дневника климатологических наблюдений // Записки ЗСОИРГО. – 1893.– Кн. XV, вып. 2. – С. 1–18.

13. *Катанаев Г.Е.* Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях. По показаниям, разведкам, доезжим записям, отчетам и исследованиям западно-сибирских казаков и прочих служилых людей // Записки ЗСОИРГО. – 1893. – Кн. XIV, вып. 1. – С. 1–72.

14. *Катанаев Г.Е.* Еще раз об Ермаке и его Сибирском походе (новая вариация на старую тему) // Записки ЗСОИРГО. – 1893. – Кн. XV, вып. 2. – С. 1–36.

15. *Катанаев Г.Е.* Прииртышские казаки и киргизы Семипалатинского уезда в их домашней и хозяйственной обстановке (к вопросу о культурном взаимодействии рас) // Записки ЗСОИРГО. – 1893. – Кн. XV, вып. 2. – С. 1–38.

16. *Катанаев Г.Е.* Хлебопашество в Бельагачской безводной степи Алтайского горного округа // Записки ЗСОИРГО. – 1893. – Кн. XV, вып. 2. – С. 1–24.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/2

УДК: 930

К.В. Герш, А.В. Свешников

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА И.М. ГРЕВСА

***Аннотация**: Исследуются публицистические статьи по политическим вопросам известного русского медиевиста И.М. Гревса. Выявляя основные тематические блоки публицистических статей И.М. Гревса, авторы делают акцент на «идейной» взаимосвязи историографических и публицистических работ историка.*

***Ключевые слова:** политическая публицистика, И.М. Гревс, русская медиевистика, либерализм, кадетская партия, русская революция.*

Принципиальный вопрос «Зачем в России вообще нужна медиевистика?» (т.е. изучение отдаленного периода истории других (западноевропейских) стран) на разных этапах истории профессиональной исторической науки в России периодически приобретает особую остроту и актуальность как для историков исторической науки, так и для самих медиевистов. Поскольку универсального ответа на этом вопрос не было выработано, следует, видимо, исходить из того, что ответ может быть сугубо контекстуальный. Другими словами, в разное время, ориентируясь на различные актуальные в данный момент интеллектуальные, политические и культурные контексты, российские медиевисты по-разному обосновывали «право на жизнь» (и финансирование) своей научной дисциплины.

В своей классической работе Б.Г. Могильницкий показал, каким образом работы российских медиевистов, посвященные изучению аграрных отношений западноевропейского Средневековья, были связаны с актуальными вопросами общественно-политической жизни пореформенной Российской империи [1]. Но, с одной стороны, механизм реализации этой стратегии обоснования легитимности профессиональной историографии был весьма вариативен, а с другой – далеко не все российские медиевисты начала XX в. занимались непосредственно изучением аграрных отношений.

Одним из таких медиевистов был Иван Михайлович Гревс (1860–1941). На протяжении многих лет он читал как общий курс истории средних веков в Санкт-Петербургском университете и на Высших Женских (Бестужевских) курсах, так и большое количество специальных курсов по Средневековью. Его ученики составили цвет российской медиевистики первой половины XX в., а сфера его непосредственных научных интересов была связана с изучением проблем средневековой западноевропейской культуры.

Как и многие коллеги историка, Гревс активно занимался общественно-политической деятельностью, в том числе был автором нескольких десятков статей, опубликованных в начале XX в. в различных периодических изданиях. При этом получается, что эти статьи прошли мимо как авторов работ, посвященных истории российского либерализма, в частности политической активности историков начала XX в. [2, 3], так и авторов исследований, посвященных изучению жизни и творчества И.М. Гревса [4, 5, 6]. Последних в большей степени привлекали публицистические статьи Гревса по вопросам краеведения и проблемам образования. Исключениями здесь являются статья Б.С. Кагановича [7], а также небольшое предисловие Б.В. Ананьича и Р.Ш. Ганелина к публикации наброска воспоминаний Гревса о М.П. Драгоманове [8].

В связи с этим, стремясь заполнить эту лакуну, в нашей работе мы попытаемся сугубо предварительно, рассмотреть политическую публицистику Гревса как индивидуальный режим обоснования общественной легитимности исторической науки, установив «идейную» связь публицистических статей и профессиональной деятельности петербургского историка.

Как убедительно показал Б.С. Каганович, И.М. Гревс еще со студенческих лет был связан с оппозиционным движением, а близкий круг его многолетних друзей (так называемое «Приютинское братство») играл важную роль в формировании идеологии либерального движения и кадетской партии [9. С. 15–17]. Еще со студенческих лет Гревс состоял под «надзором полиции», а в 1899 г. «секретным приказом министра народного просвещения» был отстранен от преподавания в университете. Видимо, снизив свою политическую активность, в 1902 г. он вернулся в университет, а начало его систематической деятельности в качестве публициста связано с событиями 1905 г.

В октябре 1905 г. Гревс вместе со многими своими друзья и единомышленниками совершенно ожидаемо вступил в ряды кадетской

партии. С изданиями, ассоциированными с этой партией, и связана его деятельность как публициста. Он печатался в таких изданиях, как журналы «Полярная звезда», «Свобода и культура», газеты «Право» и «Речь», фактически главном печатном органе кадетской партии. По предварительным подсчетам, на страницах этих и других изданий им было опубликовано около 30 статей. Мы можем выделить, так сказать, два «пика публицистической активности» Гревса – 1905–1906 гг. (13 статей) и 1917–1918 гг. (15 статей). Рост этой активности напрямую связан с политическими событиями, революциями. В промежутки между этими датами Гревс публикует статьи, но гораздо реже.

Тематика политических статей Гревса определяется двумя моментами – актуальной политической ситуацией и кругом вопросов, в которых он считает себя относительно компетентным. Начинает он, с одной стороны, как автор пытающийся обосновать в своих статьях вопросы тактики и идеологии партии кадетов на думских выборах, а с другой – как эксперт в вопросах высшей школы. В своих первых статьях И.М. Гревс анализирует ситуацию, связанную с прекращением занятий в Санкт-Петербургском университете, знаменитым «письмом 23-х профессоров» и «запиской 342-х ученых» (к которым он присоединился), критикует правительственную политику в сфере высшей школы, выступая идеологом свободной науки и преподавания [10, 11]. Затем выходит блок статей, появление которых связано с выборами в Первую и Вторую Государственные думы. В них Гревс призывает избирателей принять активное участие в выборах и отдать свой голос за кадетскую партию, программу которой он пытается разъяснить [12, 13, 14]. После 1906 г. он вновь переключается на критику правительственной политики в области высшего образования [15], а также затрагивает вопрос о реформе среднего образования и подготовке учителей нового поколения [16]. Публицистика Гревса 1917–1918 гг. тематически более разнообразна. Историк анализирует бурные революционные события и их негативные последствия [17, 18, 19], оценивает возможности участия молодежи в революции [20], рассматривает правительственную политику в области высшего образования, науки, свободы слова и органов периодической печати [21, 22, 23], прорисовывая перспективы дальнейшего развития в новых условиях. По своему содержанию эти статьи, с одной стороны, как и ранее, совпадают с кадетскими позициями и оценками, а с другой – в них заметно усиливается антибольшевист-

ская направленность, которая в конце концов сделала деятельность Гревса-публициста после революции практически невозможной.

Таким образом, имплицитной идеологической основой позиции Гревса, представленной в политической публицистике, является характерное для XIX в. либеральное прочтение философии истории Гегеля с ее идеями историчности, универсализма, рационализма, объективизма, активной роли сознания и прогресса как основного закона истории. Сутью прогресса в данном случае является поступательное эволюционное движение к свободе, осуществляемое через осознание и объективацию его результатов. Однако индивидуальная «физиономия» Гревса проявляется, на наш взгляд, не столько в идеологии (при наличии определенных вариаций, вполне типично-партийной), сколько в специфике конструируемого автором дискурсного режима. Во-первых, методологические принципы историка, реализуемые в «научных» текстах, находят свое отражение и в публицистических. Историк анализирует современные ему процессы в образовании, науке, государственной, партийной жизни через призму гуманизма, исторического идеализма, генетического принципа (особое внимание уделяя причинам и истокам), культурно-исторического прогресса и преемственности. Общечеловеческая культура и ценности, свобода личности, индивидуальность, прогресс, вера в единство и др. наполняют пространство публицистических текстов Гревса не меньше, чем «медиевистских». Во-вторых, Гревс пытается быть личностно-эмоциональным публицистом. Он часто использует собственный опыт, эффект «вживания» и «присутствия». Например, детские воспоминания о добром сожительстве «хохлов» и «кацапов», внутреннее чувство комфорта во время пребывания на Украине, отсутствие у историка «чувства розни» вполне являлись для него доказательством «русскости» украинского народа: «Здесь сильны не столько доводы, сколько общие ощущения души, сращение единиц и групп в сложное личное целое, нераздельное органическое сплетение живых людей в живой народ» [19. С. 5–6]. В-третьих, для «Гревса-идеалиста» (именно так он определял свою историческую позицию до конца жизни) был характерен, безусловно, и «идеализм политический». В этой связи вполне приемлемыми для историка были призывы к «партийному единению всех прогрессистов» [14. № 12. С. 56], слиянию наций в «единое человечество – братство», «вера в отрезвление революционеров», способность всех классов к «единой благой работе», путь «к миру, свету и свободе!» [18. С. 28].

При этом, собственно, профессиональные научные тексты, точнее наличествующий благодаря им символический капитал, выполняют в рамках выбранного Гревсом коммуникативного режима функцию имплицитной аргументации. Читатель «должен поверить» автору в том числе и потому, что автор «профессор». Если же этого окажется недостаточно, читатель может обратиться к научным работам автора и найти в них развернутое обоснование намеченной в публицистических статьях позиции.

Литература

1. *Могильницкий Б.Г.* Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х гг. XIX в. – начало 1900-х гг. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1969. – 410 с.

2. *Волобуев О.В.* Революция 1905–1907 гг. в публицистике русских буржуазных историков // Исторические записки. – М.: Наука, 1978. – Т. 102. – С. 54–72.

3. *Шарова А.В.* Всеобщая история в общественно-политической жизни России начала XX в. // Средневековая Европа: Восток и Запад. – М.: Изд. Дом НИУ ВШЭ, 2015. – С. 367–412.

4. *Скржинская Е.Ч.* Иван Михайлович Гревс. Биографический очерк // Гревс И.М. Тацит. – М.;-Л.: Изд. АН СССР, 1946. – С. 223–248.

5. *Скворцова Т.Н.* И.М. Гревс как учитель и ученик // Российские университеты в XVIII – XX веках. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2000. – Вып. 5. – С. 183–200.

6. *Вахромеева О.Б.* Духовное единение. К изучению творческой биографии И.М. Гревса. – СПб.: Знаменитые универсанты, 2005. – 166 с.

7. *Каганович Б.С.* О генезисе идеологии «Ольденбургского кружка» и «Приютина братства» // Русская эмиграция до 1917 г. – лаборатория либеральной и революционной мысли. – СПб., 1997. – С. 90–103.

8. *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Из архива И.М. Гревса // Общественная мысль в России в XIX веке. – Л.: Наука, 1986. – Вып. 16. – С. 234–237.

9. *Каганович Б.С.* Русские медиевисты первой половины XX века. – СПб.: Гиперион, 2007. – 244 с.

10. *Гревс И.М.* Забытая наука и униженное звание // Наши дни. – 1904. – № 10. – С. 2–3.

11. *Гревс И.М.* Возродится ли у нас подорванное научное просвещение // Право. Еженедельная юридическая газета. – 1905. – № 9. – Стб. 634–644.

12. *Гревс И.М.* Дружно к урнам! // Речь. – 1906. – № 26. – С. 2.

13. *Гревс И.М.* После победы // Речь. – 1906. – № 42. – С. 2–3.

14. *Гревс И.М.* Идейная борьба и созидательная работа в революции (к истолкованию души конституционно-демократической партии) Полярная звезда. – 1906. – № 11. – С. 787–804; 1906. – № 12. – С. 55–75.

15. *Гревс И.М.* Строительство и разрушение в высшей школе // Право. Еженедельная юридическая газета. – 1908. – № 29. – Стб. 1581–1596; № 31. – Стб. 1661– 678.

16. *Гревс И.М.* К просветительской взаимопомощи // Речь. – 1906. – № 121. – С. 2–3.

17. *Гревс И.М.* Старый революционер за эволюцию // Речь. – 1917. – № 80. – С. 2.

18. *Гревс И.М.* Культ революции // Русская свобода. – 1917. – № 24–25. – С. 19–28.

19. *Гревс И.М.* Русским – украинцам // Русская свобода. – 1917. – № 20–21. – С. 3–11.

20. *Гревс И.М.* Молодежь и революция // Русская свобода. – 1917. – № 2. – С. 3–8.

21. *Гревс И.М.* Демократия и наука // Русская свобода. – 1917. – № 8. – С. 13–20.

22. *Гревс И.М.* Гибель одного культурного дела // Наш век. – 1918. – № 79. – С. 5.

23. *Гревс И.М.* За духовную культуру России // Наш век. – 1918. – № 16. – С. 1.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/3
УДК: 929

И.И. Дронова (Серженко)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСТОРИКА МОСКВЫ П.В. СЫТИНА В 1910–1920 ГОДЫ – МУЗЕЙНАЯ, НАУЧНАЯ АДМИНИСТРАТИВНАЯ РАБОТА В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ ПЕРЕМЕН. СТАНОВЛЕНИЕ ИСТОРИКА-УРБАНИСТА

Аннотация. *Историк П.В. Сытин широко известен как автор фундаментальных трудов «История планировки и застройки Москвы» и «Из истории московских улиц». Данный доклад посвящен периоду с 1913 по 1929 гг. в жизни будущего историка Москвы и основан на его неопубликованных воспоминаниях. Главной темой исследования является постепенный переход деятельности П.В. Сытина от прикладной урбанистки к историческим исследованиям в контексте изменений социально-политической обстановки в России.*

Ключевые слова: *История Москвы, историк П.В. Сытин, городское муниципальное хозяйство, Музей истории Москвы, урбанистика, историческая урбанистика, краеведение.*

Тема городского благоустройства и роли исторического наследия в развитии городского пространства становится все более популярной в научном и общественном пространстве последнего десятилетия. Спрос на данную тематику остается неизменно высоким, масса информационных и научно-популярных ресурсов и образовательных площадок специализируется на тематике современной и исторической урбанистики. К сожалению, массовый спрос часто приводит к снижению качества информации, а интерес читателей удовлетворяется информацией вторичной, не отвечающей канонам научного или даже научно-популярного знания. Однако среди литературы и ресурсов, посвященных истории Москвы, есть несколько фундаментальных трудов, в равной степени отвечающих как интересу публики, так и основательному подходу к работе с материалом. Одно из

таких произведений «Из истории московских улиц» П.В. Сытина, классический труд, используемый как специалистами-историками, специалистами по городской топонимике, так широкой публикой.

Однако слава его книги затмила имя и биографию П.В. Сытина. Современным специалистам практически ничего не известно о жизни и становлении этого выдающегося исследователя, тогда как биография и жизненный путь Петра Васильевича, приход его в историческую науку из экономики и статистики и работа в области музейного дела в период меняющейся политической повестки являются чрезвычайно важным сюжетом для истории отечественной урбанистики и истории науки в межвоенный период.

Первая попытка исправить эту ситуацию была сделана в 2002 г., когда свет увидела монография историка П.Ф. Николаева «Патриарх московедения» [1] В ней автор впервые попытался создать цельное биографическое повествование о П.В. Сытине. В этой книге были собраны воедино документы из фондов Музея истории Москвы, воспоминания Н.П. Сытиной, дочери историка, книги и рецензии автора. Однако данная биография носит скорее общий характер. Отдельным эпизодам и ключевым периодам жизни исследователя Москвы часто не было уделено должного внимания. Значительная часть текста монографии является практически дословным пересказом или скрытым цитированием воспоминаний самого П.В. Сытина, написанных им в период с 1948 по 1965 г. и хранящихся в домашнем архиве наследников историка (к которым относится автор данного доклада). Источниковедческого анализа данного документа П.Ф. Николаевым проведено не было.

В своем исследовании я решила акцентировать внимание на наиболее интересном и сложном периоде в жизни будущего историка Москвы, периоде между 1913-м, с момента привлечения молодого студента Московского коммерческого института П.В. Сытина в качестве исполняющего обязанности заведующего Музеем городского хозяйства, и 1929 г., когда Петр Васильевич приказом московских властей был отстранен от своего детища. Именно этот период можно назвать временем становления Сытина как ученого-историка. Впервые столкнувшись с темой городского хозяйства Москвы как экономист и социолог, взяв на себя труд по руководству и организации фактически с нуля музея городского хозяйства, именно в указанный период Сытин создает свои первые исторические работы. Необходимость междисциплинарного подхода, обязательное рассмотрение

актуальных хозяйственных вопросов в рамках исторического контекста – все это прослеживается в работах Петра Васильевича с первых лет его службы в Музее городского хозяйства (позже – Московского коммунального музея). В 30-х годах Сытин создает свои первые полностью исторические исследования.

Приехав в 1911 г. в Москву получать высшее образование в области экономики и статистики, П.В. Сытин с 1913 г. начинает сотрудничать с Московской городской управой в качестве экономиста. Важно рассматривать период с 1913 по 1918 г. в работе будущего историка именно в контексте развития городского самоуправления в России в целом и в Москве в частности. Именно в эти годы работа в городском правлении стала престижной, популярной. Видный деятель московского самоуправления и городской глава Н.И. Астров писал о московском самоуправлении так: «… здесь – работа в самой гуще жизни. Здесь – свобода инициативы, мысли, иногда увлекательнейшие речи на темы широкого общественного интереса таких людей, как С.А. Муромцев, кн. А.И. Урусов, В.М. Пржевальский, проф. В.И. Герье, В.М. Духовский. Постановка новых целей и задач во всех областях интереснейшего дела, которое называлось – далеко не охватывающим всего сложного содержания и внутреннего смысла – словом “городское хозяйство”» [2. С. 27]. Именно в это время молодого специалиста, студента Московского коммерческого института пригласили для работы в комиссии по делам образования, а также практически с нуля поднимать новое детище – музей истории города. Фактически музей представлял собой хаотично перевезенные в Москву экспонаты, представленные Московским городским правлением для Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде в 1986 г. Исследователи обычно называют этот музей по его будущему названию – Музей городского (позже – коммунального) хозяйства города Москвы, хотя в своих воспоминаниях П.В. Сытин подчеркивает, что городские власти давно хотели создать музей истории города и развивать имеющуюся экспозицию именно в историческом направлении [3. С. 129].

Первые годы деятельности П.В. Сытина в Музее городского хозяйства показывают его как деятельного администратора и организатора. Первые публикации будущего историка носят характер сухих путеводителей по экспозиции, пояснительных записок к экспонатам музея [4]. Видна кропотливая деятельность по созданию описей, ведению четкой статистики посещаемости. В своих воспоминаниях

будущий историк чрезвычайно подробно расписывает результаты своей деятельности и спустя более сорока лет после описываемых событий приводит массу цифр и точных данных, связанных с деятельностью музея в описанный период.

Планы по развитию музея и выделению ему дополнительного финансирования для превращения коллекции в полноценный исторический музей были сорваны начавшейся Первой мировой войной, которая потребовала от П.В. Сытина работы по своей основной специальности – статистика и экономиста. Историческая или музейная деятельность временно отошла на второй план. Однако именно в эти самые годы мы можем наблюдать в статьях и рецензиях П.В. Сытина усиливающийся интерес к истории города.

Вторым важнейшим этапом в становлении исследователя стал период с 1921 по 1929 г. Именно в это время основным направлением его деятельности становится Музей коммунального хозяйства города. Период этот любопытен тем, что, будучи далеким от политики человеком, но уже зарекомендовав себя как первоклассного специалиста, П.В. Сытин смог не только сохранить свое детище – музей, но и вывести его на качественно новый уровень. Более того, неожиданно для самого себя П.В. Сытин стал своеобразным связующим звеном между специалистами городского хозяйства до революции 1917 г. и новым городским правлениям, остро нуждавшимся в квалифицированных кадрах. Массовое привлечение специалистов дореволюционной школы является очень характерным для периода нэпа. Петр Васильевич писал: «Бывшие работки городской управы за 1918–1921 гг. большей частью разбежались по другим учреждениям, и коммунальные учреждения оставались без многих специалистов. Надо было собрать их всех в МКХ, заинтересовать – и эта политическая в то время задача была поручена мне». Один только список людей, которых Сытин привлекает к этой деятельности, впечатляет – А.М. Васнецов, А.В. Щусев и др. [3. С. 131]

Именно работа в коллективе, состоявшем из ведущих специалистов своего времени, участие в комиссии по переименованию московских улиц, а также переезд Коммунального музея в одно из самых примечательных исторических зданий Москвы того времени – Сухареву башню – значительно повлияли на интересы П.В Сытина. Сам он отмечал, что его интерес к исторической тематике начался именно в это время с истории планировки города. «В 1924–28 годах мною были напечатаны в сборнике «Коммунальное хозяйство»

11 статей под общим названием «Старая планировка Москвы. Белый город» [3. С. 132]. Статьи и путеводители П.В. Сытина, написанные в годы нэпа, все меньше напоминают его ранние сухие статистические очерки. Сытин все больше обращается к историческим примерам, собирает народные легенды, связанные с историей города [5]. Важной составляющей в работе музея была образовательная и просветительская деятельность. Лекции по истории городского хозяйства были обязательными для всех работников коммунального хозяйства города. Важно отметить, что именно П.В. Сытин включал в программы этих курсов достаточно обширную информацию о прошлом города, его истории и основных вехах развития.

В 1929 г. неожиданно для себя П.В. Сытин был отстранен от работы в музее. Во многом именно это событие стало ключевым поворотом в его биографии, потому что, оставив административную работу в музее, П.В. Сытин стал уделять куда большее внимание своему новому увлечению – изучению истории Москвы, что и привело к публикации в 1938 г. его первой совместной с историком П.Н. Миллером книги, ставшей позднее классическим трудом для московского краеведения.

Подводя итоги, необходимо отметить, что биография П.В. Сытина являет собой ярчайший пример становления ученого историка в контексте самых неспокойных лет в российской истории. Умение решать прикладные задачи не в ущерб историческому контексту и наследию является крайне актуальным в современном мире. Использование междисциплинарного подхода, обращение к тематике исторической урбанистики через методологию экономики и статистики могут являться своеобразным примером для современных исследователей городского пространства.

Литература

1. *Николаев П.Ф.* Патриарх Московедения. – М., 2002.
2. *Астров Н.И.* Воспоминания. – М., 2000.
3. *Сытин П.В.* История моей жизни. (Рукопись из архива наследников).
4. *Каталог* Музей московского городского хозяйства. – М., 1915.
5. *Сытин П.В.* Сухарева башня. (1692–1926). Народные легенды о башне, ее история, реставрация и современное состояние. – М., 1926.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/4

УДК:930

В.С. Груздинская

«ВОЗВРАЩЕНИЕ В НАУКУ»: РЕАБИЛИТАЦИЯ М.Н. ПОКРОВСКОГО В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ (1960-е гг.)

Аннотация. *Рассматривается процесс «реабилитации» М.Н. Покровского в советской исторической науке в 1960-е гг. Делается вывод о противоречивости и сложности данного процесса. Он разворачивался преимущественно в рамках научного поля, но границы его по-прежнему определялись сверху.*

Ключевые слова: *советская историческая наука, М.Н. Покровский, М.В. Нечкина, О.Д. Соколов, «историографический ренессанс».*

В 1960-е годы интерес советских историков к фигуре М.Н. Покровского достиг небывалого масштаба[1]. В этот период были опубликованы как труды самого ученого, так и работы, посвященные его творчеству. На «историографических средах» Научного совета по проблеме «История исторической науки» обсуждались доклады источниковедческого плана. Завершилось десятилетие защитой в Академии общественных наук докторской диссертации О.Д. Соколова. В предшествующий период в ученом сообществе имя историка упо-

[1] 1. Назовем наиболее значимые работы, опубликованные в 1960-е г.: *Дубровский С.М.* Академик М.Н. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки // Вопросы истории. 1962. № 3. С. 3–31; *Найденов М.Е.* М.Н. Покровский и его место в советской историографии // История СССР. 1962. № 3. С. 48–71; *Соколов О.Д.* Об исторических взглядах М.Н. Покровского // Коммунист. 1962. № 4. С. 69–79; *Луцкий Е.А.* Развитие исторической концепции М.Н. Покровского // История и историки: историография истории СССР. М.: Наука, 1965. С. 334–370; *Говорков А.А.* Проблема соотношения истории и современности в произведениях М.Н. Покровского советского периода // Методологические и историографические вопросы исторической науки: Сб. ст. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1965. Вып. 3. С. 66–85; *Черепнин Л.В.* М.Н. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки // Очерки истории исторической науки. М.: Наука, 1966. Т. 4. С. 180–198; *Соколов О.Д.* Развитие исторических взглядов М.Н. Покровского // Покровский М.Н. Избранные произведения. М.: Мысль, 1966. Кн.1. С. 5–71 и др.

миналось в негативном ключе – в контексте преодоления «ошибок “школы Покровского”». Теперь эта практика противоречила не только тренду социокультурного развития советской исторической науки – возрождению историографии как научной дисциплины, но и «социальному заказу». Последнее, к слову, прозвучало в речи Л.Ф. Ильичева на XXII съезде КПСС, когда кампания против М.Н. Покровского и его школы упоминалась в качестве иллюстрации перегибов «культа личности» Сталина [1. Т. 2. С. 185].

В историческом сообществе мысль о необходимости по-новому посмотреть на творчество М.Н. Покровского и оценить его вклад в развитие отечественной науки прозвучала в дискуссии о периодизации истории советской исторической науки, развернувшейся на страницах «Истории СССР» в 1959–1962 гг. [2]. Жанровая особенность настоящего исследования не позволяет детально рассмотреть «реабилитацию» М.Н. Покровского, поэтому мы ограничимся анализом отдельных сюжетов, наиболее ярко, на наш взгляд, свидетельствующих о специфике этого процесса.

М.В. Нечкина: «Статья и текст доклада – все готово, но …»

7 февраля 1962 г. на очередном заседании Научного совета по проблеме «История исторической науки» М.В. Нечкина выступила с докладом «Вопрос о М.Н. Покровском в постановлениях партии и правительства 1934–1938 гг. о преподавании истории и исторической науке (К источниковедческой стороне темы)» [3]. Сохранилась только вводная часть стенограммы заседания, из которой известно, что в его обсуждении приняли участие А.Л. Сидоров, В.М. Далин, М.Я. Гефтер, И.Б. Берхин. По мнению докладчицы, перед научным сообществом стоит непростая задача – «восстановить истинную роль этого ученого (Покровского. – *В.Г.*) в развитии советской исторической науки», учитывая не только его ошибки, но и «сложный трудный путь, по которому он пришел к марксизму» [3. Л. 3]. В своем выступлении она затронула принципиальный вопрос – отражение разоблачения «ошибок» Покровского и его учеников в постановлениях ЦК ВКП (б) и СНК в 1934–1938 гг., на которые впоследствии неоднократно ссылались авторы печально известного «антипокровского» двухтомника. Анализ архивных материалов позволил М.В. Нечкиной заключить: официальные документы не содержат упоминаний об этом в отличие от опубликованного в «Правде» ин-

формационного сообщения «Преподавание истории в нашей школе» с «замечаниями» Сталина, Кирова и Жданова [4].

Первоначально планировалось, что доклад М.В. Нечкиной ляжет в основу статьи для «Вопросов истории». В дневниковых записях историка за 1962 г. зафиксировано: «Статья и текст доклада – все готово, но публикация задержана запретом Л.Ф. Ильичева упоминать о тех весьма обширных поисках “постановления о Покровском” в архивах ЦК КПСС, которое было тщательно проведено и дало отрицательный результат». И далее резюмирует: «Все сделано, текст готов, но … (Очевидно, останется в моем архиве!)» [5. С. 424]. Забегая вперед, скажем, что статья будет опубликована только в 1990 г. [4].

Что же произошло после заседания 7 февраля? Почему не удалось опубликовать работу раньше? 12 февраля 1962 г. Милица Васильевна обращается к Л.Ф. Ильичеву с просьбой разрешить упомянуть в статье, что «неопубликованных постановлений о М.Н. Покровском в архивах ЦК КПСС не имеется» [6. С. 126]. Отрицательный ответ заставляет историка писать дальше – в ЦК КПСС. Из этого обращения мы узнаем, что В.И. Евдокимов не советовал Ильичеву печатать эту статью, так как «не все ли, мол, равно – было или не было постановления о Покровском ЦК и СНК СССР» [6. С. 128]. Комментируя сложившуюся ситуацию, М.В. Нечкина отмечает «двойственную позицию» Л.Ф. Ильичева, который сначала обещал содействовать разработке темы, против доклада ничего не имел, а в отношении статьи занял непримиримую позицию. Причина подобного поведения, по мнению историка, связана с тем, что партийный деятель чего-то испугался. Но чего – не уточняет и только оговаривает: «Тут есть еще подробности, о к[ото]рых я когда-либо напишу» [5. С. 425].

В личном фонде М.В. Нечкиной сохранился любопытный документ, датируемый 26 мая 1964 г. и свидетельствующий о дальнейшей судьбе этой работы. Речь идет о «Замечаниях А.М.Самсонова (Директор издательства «Наука». – *В.Г.*) на статью М.В. Нечкиной “Вопрос о М.Н. Покровском в постановлениях 1934–1938 гг. о преподавании истории и исторической науке (К источниковедческой стороне вопроса)"» [6. С. 131–135], вероятнее всего, написанных по случаю выхода сборника, посвященного 75-летию С.Н. Валка [7], в котором М.В. Нечкина рассчитывала опубликовать статью. Не останавливаясь на содержании замечаний, скажем, что они носили преимущественно археографический характер.

«… трудно писать о Покровском, так как о нем писали много и по-разному …»: защита докторской диссертации О.Д. Соколова.

16 января 1970 г. в Академии общественных наук состоялась защита докторской диссертации О.Д. Соколова «Исторические взгляды М.Н. Покровского и его место в советской историографии», которая подвела итог почти десятилетних изысканий историка. Официальные оппоненты, в роли которых выступили И.И. Минц, И.Д. Ковальченко, С.С. Волк, отметили высокий уровень исследования [8. Л. 19–20].

Весьма любопытное действо, развернулось в прениях. Первым взял слово философ Е.Г. Глезерман, он попросил диссертанта определить «свою позицию в отношении необходимости критики концепции Покровского», развернувшейся в конце 1930-х гг. [8. Л. 21]. Свою позицию по отношению к «антипокровской» кампании О.Д. Соколов обозначил так: «Критиковать недостатки и ошибки исторической концепции Покровского было необходимо, но в этом деле были допущены серьезные издержки» [8. Л. 22]. И далее продолжает: «Когда в моих руках оказался архив издания этого двухтомника (Против исторической концепции М.Н. Покровского. – *В.Г.*), было установлено, что редакторы этого двухтомника, в частности сам Сидоров, допустили некоторые искажения мыслей, высказанных в статьях авторов сборников <...> Редактирование было произведено довольно произвольно: вводились целые абзацы, вычеркивались отдельные положения». Также диссертант добавил, что после собрания в Институте истории АН СССР2[1] в 1962 г. А.Л. Сидоров подошел к нему и сказал: «Я от двухтомника отказываюсь. Считаю, что он не нужен!» [8. Л. 25]. Достоверность слов подтвердила слышавшая этот разговор М.В. Нечкина, выкрикнув с места: «Да это было так!» [8. Л. 25]. Историк консультировала диссертанта, поэтому была посвящена в курс дела. Так, например, накануне упоминавшегося заседания в Институте истории О.Д. Соколов прислал «на вычитку» две работы – текст доклада и статью об исторических взглядах М.Н. Покровского[2]. В ответном письме М.В. Нечикна дру-

[1] О.Д. Соколов имеет в виду «историографическую среду» Научного совета по проблеме «История исторической науки», состоявшуюся 14 марта 1962 г. На этом заседании историк представил доклад «Новые архивные документы о М.Н. Покровском» [9].

[2] Статья будет опубликована в последнем номере 1962 г. журнала «Коммуниста». Кроме того, в эту работу войдут фрагменты документов, на которые Л.Ф. Ильичев запретил ссылаться М.В. Нечкиной [6. С. 130].

жески советовала младшему коллеге: «…надо много осторожнее поступать с архивными текстами, касающимися ныне живых и действующих людей. А Вы пишете о Дубровском, Минце, Островитянове так, как будто эти люди не существуют…Так нельзя!» [6. С. 125]. Видимо, совет все же был услышан, по крайней мере, судя по текстам опубликованных в эти годы работ О.Д. Соколова, а также по положительным откликам на его работы С.М. Дубровского, И.И. Минца, Е.А. Луцкого.

После профессора Е.Г. Глезермана слово взял аспирант МГУ В.В. Нардин (в следующем 1971 г. он защитит кандидатскую диссертацию «Историческая концепция М.Н. Покровского»). Молодой ученый сделал много замечаний О.Д. Соколову, среди которых отсутствие достаточного анализа как работ Покровского разного периода, так и связей историка с современной ему историографией и экономическими учениями. Это обстоятельство, по мысли выступавшего, привело к тому, что «Покровский появляется у Соколова как Георгий Победоносец, нанося удары змею буржуазной историографии, и создается впечатление, что автор обходит сюжет о том, что этот змей все-таки успешно соблазнил-таки Покровского» [8. Л. 33].

Выступление В.В. Нардина имело большой резонанс среди присутствовавших на защите ученых. Так, Г.А. Трукман поделился с собравшимися своими размышлениями на тему, можно ли на уровне кандидатской диссертации заниматься изучением историографических проблем. Благодаря выступлению аспиранта МГУ историк окончательно определился: это удел докторской диссертации [8. Л. 50–51]. По мнению Г.А. Трукмана, молодой исследователь, не успевший «внести сколько-нибудь заметный вклад в историю, в разработку конкретной проблемы», не способен увидеть «то, что увидели официальные оппоненты, известные в нашей стране и за ее рубежами историки» [8. Л. 50–51]. Кроме того, выступавший отметил, что «трудно писать о Покровском, так как о нем писали много и по-разному», но диссертант «избрал единственно правильный путь», оттолкнувшись в своих научных изысканиях от архивных источников [8. Л. 57].

Отвечая на замечания В.В. Нардина, О.Д. Соколов подчеркнул голословность обвинений аспиранта, даже не познакомившегося с текстом работы [8. Л. 62–63]. Несмотря на это он поддержал молодого коллегу, сказав, что тот недавно начал работать, поэтому еще

не до конца разобрался в теме, в частности, в таком ее аспекте, как отличие «торгового капитала» от «капитализма» в концепции М.Н. Покровского.

Подводя итог сказанному, отметим, что рассмотренные нами сюжеты «реабилитации» позволяют заключить, что процесс возвращения имени М.Н. Покровского в «историографический пантеон» происходил преимущественно в рамках, пользуясь терминологией П. Бурдье, научного поля. Это подтверждается отказом от закрепившихся в конце 1930-х гг. оценок творчества историка и одновременно поиском модели изучения исторической концепции М.Н. Покровского, предлагаемой представителями разных научных школ при непременном условии – апелляции к архивным источникам. Немаловажное значение имело активное участие в этом процессе историков, участвовавших в кампании против Покровского, – М.В. Нечкиной, С.М. Дубровского, Е.А. Луцкого, А.Л. Сидорова и др. В то же время не следует идеализировать этот процесс – «социальный заказ» со стороны власти влиял если не на содержание интеллектуального знания, то на возможности его презентации научной корпорации.

Литература

1. XXII съезд КПСС, 17–31 октября 1961. Стенографический отчет: в 3 т. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1962.
2. *Груздинская В.С., Корзун В.П.* Первая историографическая дискуссия в СССР: проблема периодизации советской исторической науки в интерьере коммуникативного поля // Вестник Пермского университета. Серия История. – 2016. – № 3. – С. 58–68.
3. *Научный* архив ИРИ РАН (НА ИРИ РАН). Ф. 1. Оп. 10а. Д. 36.
4. *Нечкина М.В.* Вопрос о М.Н. Покровском в постановлениях партии и правительства 1934–1938 гг. о преподавании истории и исторической науке (К источниковедческой стороне темы) // Исторические записки. – М.: Наука, 1990. – Т. 118. – С. 236–237.
5. «…И мучилась, и работала невероятно»: дневники М.В. Нечкиной. – М.: РГГУ, 2013.
6. *История* в человеке. Академик М.В. Нечкина. Документальная монография. – М.: Новый хронограф, 2011.
7. *Труды* Ленинградского отделения Института истории. Вып. 7: Исследования по отечественному источниковедению: Сб. статей, посвященный 75-летию проф. С.Н.Валка. – Л.: Наука, 1964.
8. *Российский* государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 606. Оп. 1. Д. 744.
9. НА ИРИ РАН. Ф. 1. Оп. 10а. Д. 37.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/5
УДК: 930(092)

М.А. Демин

НАУЧНАЯ КАРЬЕРА ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ИСТОРИКА В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ВНЕШНЕЙ СОЦИАЛЬНОСТИ

Аннотация. *На основе изучения научной биографии известного сибирского историка и археолога А.П. Уманского рассматривается влияние внешних социальных факторов и взаимоотношений внутри профессионального сообщества на карьеру ученого. Сделан вывод об исключительно важной роли научных и личностных связей исследователя с видными представителями российской гуманитарной науки.*

Ключевые слова*: внешняя социальность, научное сообщество, история, археология, Уманский.*

Важную роль для личностного развития ученого имеют его профессиональные контакты, степень его включенности в деятельность научно-образовательных сообществ. Для историка, работающего в отдалении от академических и вузовских центров, эти факторы нередко приобретают первостепенное значение. При этом нередко научные устремления вступают в противоречие с жизненными реалиями, которые диктуют иную стратегию поведения и самореализации личности. Рассмотрим влияние научных связей и внешних социальных условий на научную карьеру известного сибирского историка и археолога Алексея Павловича Уманского.

В 1949 г. бывший фронтовик, недавно окончивший экстернат исторического факультета Барнаульского пединститута, принял участие в раскопках археологических памятников в Верхнем Приобье под руководством известного ленинградского ученого М.П. Грязнова. Включение А.П. Уманского в эти исследования произошло случайно – после обращения руководителя экспедиции в ректорат института с просьбой направить студентов на полевые работы. Моло-

дой преподаватель с большим энтузиазмом откликнулся на предложение администрации вуза и во главе небольшой группы студентов принял участие в раскопках. В результате А.П. Уманский, по его словам, на всю жизнь «заболел археологией» и стал серьезно и профессионально заниматься археологическими исследованиями. В начале 1950-х гг. он уже по собственной инициативе принял участие в аварийных работах, проводившихся М.П. Грязновым в зоне будущего Новосибирского водохранилища. Установившиеся в экспедициях контакты как с самим корифеем сибирской археологии, так и с его коллегами и учениками М.Н. Комаровой, С.С. Сорокиным, М.П. Завитухиной, Н.Л. Членовой сыграли ключевую роль в профессиональном становлении будущего историка.

Однако неожиданное увольнение из высшего учебного заведения поставило под вопрос реализацию его творческих замыслов. Он перешел на новое место работы – сначала в школу, а затем в управление культуры. И надо было иметь недюжинную силу воли, чтобы не смириться с влиянием внешних факторов, а использовать должностные возможности инспектора управления культуры для целенаправленного сбора археологических источников. И здесь важное значение имели как уже устоявшиеся связи с ленинградскими коллегами, так и новые тесные творческие контакты с сотрудниками Государственного Эрмитажа Б.А. Латыниным, К.М. Скалон, А.П. Манцевич, З.А. Абрамовой. Все они поддерживали исследовательские планы барнаульского археолога, вводили его в курс важнейших событий научной жизни, высылали книжные новинки, давали советы по тематике научной работы и пытались оказать практическую помощь в реализации его творческих замыслов. К началу 1960-х гг. А.П. Уманский в результате многолетних археологических разведок и раскопок имел в своем распоряжении обширный археологический материал. На его основе он планировал подготовить кандидатскую диссертацию в годичной аспирантуре Ленинградского отделения Института археологии под руководством М.П. Грязнова. Однако здесь непреодолимой преградой вновь встали внешние обстоятельства в виде бюрократических инструкций Министерства просвещения РСФСР, запрещавших прикомандирование диссертанта в неподведомственное академическое учреждение. В результате А.П. Уманскому пришлось отказаться не только от подготовки диссертации в столичном археологическом центре с авторитетным научным руководителем, но вообще круто изменить

планы научных работ [1]. Проблему поступления в аспирантуру удалось решить только в ведомственных рамках Кемеровского педагогического института. Но для этого вопреки исследовательским интересам пришлось заняться изучением истории телеутов в XVII–XVIII вв., что не предполагало использование накопленного массива археологических источников. А.П. Уманскому пришлось фактически заново осваивать новую научную тему, собирать трудные для понимания архивные источники, разбираться в сложнейших проблемах этнополитической истории. Благодаря исключительной работоспособности и целеустремленности он справился с поставленной задачей, однако это привело к «раздвоению» научной тематики: до конца жизни он публиковал научные труды и занимался как археологической, так и конкретно-исторической проблематикой. Заметим, что в обоих направлениях он достиг заметных успехов, однако ни в одном из них не смог создать собственную научную школу.

В рамках новой тематики по истории «Телеутской землицы» А.П. Уманский подготовил и защитил кандидатскую диссертацию, и трудился над завершением докторской работы. Однако, в отличие от археологического сообщества, взаимоотношения с коллегами по историческому цеху оказались более сложными. Неизменную поддержку барнаульскому автору оказывали его научный руководитель, исследователь историографии Сибири В.Г. Мирзоев и научный сотрудник Института истории, филологии и философии СО АН СССР О.Н. Вилков. Положительные отзывы на его работы давали авторитетные сибирские историки З.Я. Бояршинова, Н.Н. Покровский, А.Д. Колесников. В очень непростой для Уманского ситуации нужные ему слова поддержки и одобрения были получены от Н.А. Миненко. Однако с некоторыми руководителями и научными сотрудниками профильного для его темы Горно-Алтайского института истории, языка и литературы взаимопонимания по ряду ключевых вопросов не было. Еще более неблагоприятные последствия для научной карьеры барнаульского ученого имели его взаимоотношения с видным исследователем тюркоязычных народов Южной Сибири Л.П. Потаповым. Как это нередко бывает, расхождения в трактовке ряда частных исторических сюжетов переросли в принципиальные разногласия, за которыми последовали организационные препятствия для научной карьеры А.П. Уманского. Выход из, как казалось, непреодолимого тупика, когда были исчерпаны все возможности для

публикации монографии и защиты докторской диссертации, был найден благодаря крупнейшему российскому ученому академику А.П. Окладникову. Именно его помощь сыграла решающую роль на переломных этапах научной биографии А.П. Уманского. Академик помог в издании его монографии через Институт истории, филологии и философии и, несмотря на тяжелейшую болезнь, предпринимал необходимые меры, чтобы «двигать» диссертацию: «Пока я жив и в состоянии делать добро хорошим людям» [2. Л. 70]. Впоследствии в ответе на полученный из ВАКа отрицательный отзыв на свою монографию, представленную в качестве докторской диссертации, А.П. Уманский несколько раз упомянул о положительной оценке его трудов уже покойным А.П. Окладниковым и приложил отзыв академика на его рукопись. Так, даже через несколько лет после смерти старший товарищ барнаульского ученого вновь помог ему в преодолении очередных препятствий.

Таким образом, на пути к вершине научного Олимпа А.П. Уманскому пришлось преодолевать многочисленные сложности, связанные как с внешними социальными условиями, так и с коммуникациями внутри профессионального сообщества. При этом исключительно важную роль в его карьере сыграли научные и личностные связи с видными представителями российской гуманитарной науки. Следует отметить, что сам барнаульский исследователь был активным инициатором этих контактов. Обладая явным коммуникационным талантом, искрометным юмором и непрестанной тягой к научному поиску, он вызывал неизменную человеческую симпатию, что не могло не сказываться на взаимоотношениях с людьми самого разного положения и статуса [3. С. 264].

Литература

1. *Демин М.А.* Ученый и бюрократия (к истории нереализованного варианта научной биографии А.П. Уманского) // Вестник Томского государственного университета. История. – 2018. – № 51. – С. 143–148.

2. *Государственный* архив Алтайского края. Ф.Р-1820. Оп. 1. Д. 150.

3. *Демин М.А.* Алексей Павлович Уманский: путь в науку. – Барнаул: АлтГПУ, 2018. – 404 с.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/6

УДК: 378.096

М.В. Шиловский

ОНИ БЫЛИ ПЕРВЫМИ: ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА В НОВОСИБИРСКЕ В 1960–1970-х гг.

Аннотация. *Реконструируется процесс организации и становления в Новосибирске с конца 1950-х до начала 1980-х гг. Института истории, филологии и философии СО АН СССР и гуманитарного факультета Новосибирского государственного университета. На их базе шло формирование и консолидация исторического сообщества Академгородка в области исследования и преподавания истории СССР. Оно пополнялось за счет преподавателей истории КПСС новосибирских вузов, приглашенных из других городов региона (прежде всего, Томска, Иркутска) и Москвы историков. Шестнадцать из них в 1966–1980 гг. защитили докторские диссертации. Среди них не было ни одного родившегося в Новосибирске, половина до прихода в перечисленные выше структуры успела защитить кандидатские диссертации. Все были в возрасте от 28 до 40 лет, в основном выходцы из крестьян, семеро участвовали в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Изучаемая совокупность отличалась высокой социальной и миграционной мобильностью. Кроме М.М. Громыко, все остальные были мужчинами. Благодаря, в том числе, им в Новосибирске начал функционировать многоотраслевой гуманитарный комплекс. В его составе сформировалось историческое сообщество, определявшее в течение рассматриваемого периода развитие исторических исследований в Азиатской России.*

Ключевые слова*: историк, кафедра, доктор исторических наук, Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, Новосибирский государственный университет.*

Важным условием развития научных исследований является наличие профессионально подготовленных и высококвалифицированных кадров. В данном случае речь пойдет о кандидатах и докторах наук в области отечественной истории (история СССР, история КПСС). Применительно к Сибири имеются определенные наработки

по кадровому составу исторических кафедр местных вузов и Института истории СО РАН[1]. Биографии историков представлены в фундаментальном многотомном биографическом словаре «Профессора Томского университета» (отв. ред. С.Ф. Фоминых), региональных энциклопедических изданиях и Сибирской исторической энциклопедии (2010). Тем не менее применительно к Новосибирску обобщающих разработок и биословарей нет, и в настоящем исследовании предполагается выявить основные особенности и персональный состав исторического сообщества города в период его оформления в 1960–1970-е гг.

Парадокс заключался в том, что в перешагнувшей в 1962 г. миллионный рубеж и имеющей более 10 вузов столице Сибири к началу 1960-х гг. не было ни одного доктора исторических наук. Первым из местных обладателем этой ученой степени стал в 1964 г. М.М. Шорников (1914–1989). Данное обстоятельство не означало полного отсутствия специалистов высшей исторической квалификации в городе, хотя в открытой здесь в ноябре 1946 г. ВПШ не было тогда остепененных специалистов. В 1944–1955 гг. в составе НГПИ обеспечивала учебный процесс кафедра истории СССР, которую объединили со «всеобщниками», и только в 1964 г. она восстановила автономный статус. В ее составе работали кандидаты исторических наук Б.Г. Кокошко, Е.П. Матханова, Т.П. Прудникова, Е.И. Соловьева, В.Ф. Цыба, защитившие диссертации в 1940–1955 гг.[2] Кроме того, в вузах города на кафедрах истории КПСС и марксизма-ленинизма трудились выпускники в основном московских и ленинградских вузов, кандидаты наук. Именно они, вместе с приехавшими

---

[1] *Корзун В.П., Кузнецова О.В., Осадченко Б.А*. Современная историческая наука Западной Сибири. Историки Омска. Биобиблиографический словарь / под ред. В.П. Корзун. Омск: Омский гос. ун-т, 1999. 300 с.; *Профессора* Омского государственного университета: Биографический справочник / сост.: А.В. Ремнев, И.А. Речкина. Омск: Изд-во ОмГУ, 2004. 284 с.; *Факультет* истории и политических наук: главы жизни. Тюмень: Мандр и К, 2005. 216 с.; «*Числюсь* по России»: профессора и преподаватели кафедры отечественной истории НГПУ: биобиблиографический справочник / отв. ред. В.А. Зверев. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2007. 160 с.; *Историческому* образованию в Сибири 90 лет: исторический факультет Томского государственного университета в воспоминаниях и документах / сост. Д.В. Хаминов, С.А. Некрылов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 264 с.; *Хаминов Д.В.* Историческое образование и наука в Томском университете в конце XIX – начале XXI в. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2011. 270 с.; *Новосибирский* Национальный исследовательский государственный университет. Гуманитарный факультет. Профессора. Доктора наук – выпускники факультета. Персональный состав (1962–2012). Новосибирск: НГУ, 2012. 348 с.; *Институт* истории / отв. ред. В.А. Ламин. Новосибирск: ЗАО ИПП «Офсет», 2014. 234 с.

[2] «*Числюсь* по России»… С. 60–61, 84–85, 105, 122, 148.

из сибирских областных центров стали ядром исторического направления будущего Института истории, филологии и философии СО АН СССР и НГУ.

В январе 1959 г. для координации в области гуманитарных исследований при Президиуме СО АН организуется Постоянная комиссия по общественным наукам (ПКОН) во главе с первым в городе доктором философских наук, проф. И. И. Матвеенковым. В марте 1960 г. она провела конференцию по актуальным проблемам истории Сибири и Дальнего Востока (секции работали в Новосибирске, Томске, Иркутске), на которой обсуждался проект многотомного издания по истории Сибири. Параллельно с этим в 1959 г. открывается Новосибирский государственный университет, а в 1962 г. в его составе – гуманитарный факультет с отделением истории. В 1961 г. В Институте экономики и организации промышленного производства СО АН создается сектор, а в 1962 г. – отдел истории. Для руководства этими структурами из Ленинграда приглашаются доктора наук – сибиреведы А.П. Окладников (археолог) и В.А. Аврорин (филолог). «Предварительно Алексей Павлович и Валентин Александрович между собой договорились, – замечает Л. Ф. Лисс, – что первый возглавит отдел в СО АН, а второй – факультет в НГУ»[1]. Организационный период завершился 23 декабря 1966 г., когда Президиум АН СССР принял постановление об организации Института истории, филологии и философии СО АН во главе с А.П. Окладниковым.

Для созданных структур потребовались научные сотрудники и преподаватели. Предполагалось, согласно общему принципу взаимодействия Сибирского отделения и НГУ, что ведущие ученые академических институтов и станут кадровой основой университетских кафедр, за исключением общеуниверситетских: истории КПСС, философии и научного коммунизма, политэкономии, где ставка делалась на штатных преподавателей. Они должны были заниматься еще и воспитательной работой среди студентов в духе всепобеждающих идей марксизма-ленинизма.

Для решения кадровой проблемы были привлечены работающие в институтах Новосибирска обществоведы (историки КПСС): к. и. н. (1955) Н.Я. Гущин (доцент электротехнического ин-та связи), к. и. н.

[1] *Лисс Л.Ф.* Юбилейные воспоминания человека своих эпох // Лисс Л. Ф. Мои университеты. Новосибирск: Параллель, 2013. С. 303. С. 249–336.

(1957) А.С. Московский (доцент сельскохозяйственного ин-та), к. и. н. (1957) В.Л. Соскин (Сибстрин). Кафедра истории КПСС НГУ пополнилась приехавшими: в 1962 г. из Иркутска В.В. Алексеевым (к. и. н., 1964 г.), в 1964 г. из Горно-Алтайска В.А. Демидовым (к. и. н., 1961), в 1964 г. из Томска Д.М. Зольниковым (к. и. н., 1957), из Читы Б.М. Шершевским (к. и. н., 1950), в 1965 г. из партийных структур Новосибирска И.А. Молетотовым (к. и. н., 1966). В отделе, а затем в ИИФФ начали работать переехавшие: в 1961 г. из Томска Л.М. Горюшкин (к. и. н., 1967), в 1959 г. М.М. Громыко (к. и. н., 1954), в 1961 г. из Кемерова Г.А. Докучаев (к. и. н., 1957), в 1965 г. Н.Н. Покровский (к. и. н., 1955), в 1961 г. из Горьковской обл. О.Н. Вилков (к. и. н., 1965 г.), в 1961 г. из Иркутска И.И. Комогорцев (к. и. н., 1961), в 1960 г. из Москвы А.Н. Копылов (к. и. н., 1960), в 1961 г. из Омска В.С. Познанский. Перечислены только защитившие впоследствии докторские диссертации. Кроме них следует назвать ставших впоследствии кандидатами Ф.А. Лукинского, Р.С. Русакова.

Согласно воспоминаниям В.Л. Соскина, «более сложно шел процесс комплектования по другим историческим направлениям. Первый этап отбора был первоначально отдан «на откуп» Марине Михайловне и мне. Естественно, что она, взяв на себя заботу о специалистах по дореволюционной истории, ориентировалась в основном на москвичей, прежде всего, известных ей по МГУ, который она окончила. Так был «вытянут» из деревни О.Н. Вилков, выпускник МГУ, учительствовавший в то время. Несколько раньше появился у нас А.Н. Копылов, выпускник Историко-архивного института»[1].

Возраст 16 будущих докторов наук по состоянию на 1962 г. был в диапазоне от 28 (Алексеев) – 32 (Познанский, Покровский) до 42–43 (Зольников, Докучаев) лет. Значительная часть включенных мной в анализируемую группу (Докучаев, Зольников, Московский, Соскин, Шерешевский, Вилков, Копылов) участвовали в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., получили ранения, были награждены орденами и медалями. Большинство являлись выходцами из крестьян. Единственная женщина среди «отцов-основателей», М.М. Громыко, приехала в Академгородок в качестве жены физика Н.А. Желтухина. Сибиряками являлись Алексеев, Горюшкин, Золь-

[1] *Соскин В.Л.* Новосибирский научный центр: исследования по новейшей отечественной истории. Очерк истории и историографии: Учебное пособие. Новосибирск: НГУ, 2008. 188 с. С. 21.

ников, Московский, Соскин, Комогорцев и Копылов. Причем Горюшкин родился в семье переселенцев из Орловской губ., Зольников – Пензенской. Отец Соскина появился на свет в Бобруйске, мать – в местечке Узда Минской губ., у истоков Немана, бракосочетались в Томске, где получили высшее образование и относились к «новым советским интеллигентам первого поколения»[1]. Из профессорской семьи был Покровский.

Высшее историческое образование Горюшкин и Зольников получили в Томском университете, Алексеев и Комогорцев – в Иркутском, Молетотов – в Новосибирской ВПШ, Шерешевский – в Кзыл-Ордынском пединституте. Все остальные – в вузах Европейской России, прежде всего московских: МГУ (Громыко, Покровский, Вилков) и Историко-архивном институте (Копылов, Московский, Познанский). Ленинградский университет окончили Гущин и Соскин, а Демидов обучался в аспирантуре, Саратовский университет был за плечами Докучаева. Демидов получил диплом о высшем образовании в Мордовском ГПИ (Саранск). Все они отличались высокой социальной и миграционной мобильностью. Только Покровский оказался в Сибири не по своей воле. Отсидев шесть лет в Мордовских лагерях по «делу Московской университетской группы», он в 1964–1965 гг. работал замдиректора Владимиро-Суздальского музея-заповедника и по рекомендации своего научного руководителя академика М.Н. Тихомирова оказался в ИИФФ СО АН СССР.

В процессе адаптации на новом месте произошло перераспределение перечисленных выше историков между ИИФФ и НГУ. На кафедре истории КПСС трудились Демидов, Зольников, Молетотов, Шерешевский; Алексеев перешел в 1971 г. в институт; Гущин, начав работать в НГУ, в 1963 стал штатным научным сотрудником СО АН. В целом, к середине 1970-х гг., за исключением Алексеева, Громыко и Познанского, все остальные 9 чел. на условиях совместительства преподавали на гуманитарном факультете. Марина Михайловна за подписание так называемого «письма 46-ти» в 1968 г. была отстранена от преподавания и руководства сектором истории дооктябрьского периода ИИФФ. На собрании партийного актива областной организации КПСС 19 апреля 1968 г. секретарь обкома по идеологии, к. и. н. М.С. Алферов заявил: «Доктор исторических наук Громыко

[1] *Соскин В.Л.* В ракурсе личной судьбы: Материалы по истории советской интеллигенции (1920–1950-е годы). Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2013. 182 с. С. 9.

до сих пор доказывает, что претензии коллектива института к ней необоснованны, что она своего мнения не меняет и не изменит. Я говорю это потому, что можно ли этому человеку оказывать доверие, не лучше ли этому доктору наук заниматься не историческими проблемами, не чтением курса истории в университете, а другой работой, которая помогла бы ей понять современную жизнь»[1].

Представители анализируемого сообщества активно занялись исследовательской деятельностью. Первым масштабным проектом, реализованным ими вместе с историками Томского и Иркутского университетов, стала пятитомная «История Сибири» (1968). На базе ИИФФ СО АН СССР и гумфака НГУ «сформировался единый научно-учебный комплекс, обеспечивающий непрерывное развитие актуальных исследований»[2]. Первой из 16 докторскую диссертацию защитила в 1966 г. Громыко, в 1968–1970 гг. «остепенились» шестеро, в 1971–1980 гг. – 8 чел., после 1980 г. – один. Подводя итоги своей учебно-научной деятельности, Зольников констатировал: «Всего же с 1956 г. по 1998 я опубликовал 61 работу общим объемом 111 п. л., среди них 3 авторских монографии и 6 монографий в соавторстве… Под моим руководством подготовили и защитили кандидатские диссертации 12 человек, 2 из них позже защитили докторские… Чем отличалась моя научная работа в Академгородке от такой же работы в Томске? Она была интенсивнее по объему публикаций в год в среднем в 4 раза, а при учете редактирования – в 6 раз. Она была и разнообразнее»[3].

Из-за отсутствия информации о научном руководстве поименованными докторами наук мне удалось собрать сведения лишь по отдельным историкам. Только аспирантами и соискателями Алексеева, Горюшкина, Громыко, Демидова, Зольникова, Московского, Соскина было защищено 149 кандидатских диссертаций. Первый выпуск историков на гуманитарном факультете состоялся в 1967 г. Окончившая тогда НГУ Н.А. Миненко, первой из выпускников, в 1979 г. защитила докторскую диссертацию, долгое время заведовала кафедрой истории СССР и была деканом ГФ. В общей сложности к 50-летию факультета (2012 г.) 41 его выпускник стал доктором

---

[1] *Кузнецов И.С.* Новосибирский Академгородок в 1968 году: «письмо сорока шести». Документальное издание. Новосибирск: Клио, 2007. 132 с., с. 56.

[2] *Институт* истории. Новосибирск: ЗАО ИПП «Офсет», 2014. 234 с., с. 12.

[3] *Зольников Д.М.* Времена и нравы (от гражданской войны до наших дней глазами участника событий и ученого-историка). Новосибирск: НГУ, 2000. 217 с., с. 173.

исторических наук по специальности «Отечественная история»[1]. Только бывшие студенты в настоящее время работают на кафедре отечественной истории НГУ, они составляют большинство сотрудников Института истории СО РАН: 11 из 16 докторов наук в настоящее время, еще двое – выпускники ТГУ, двое – НГПИ. В 1998 г. «десант» во главе с Алексеевым (Н.А. Миненко, Е.Т. Артемов, В.П. Тимошенко, И.В. Побережников, К.И. Зубков) высадился в Екатеринбурге, чтобы стать основой Института истории и археологии УРО РАН. Н.Н. Покровский и В.В. Алексеев стали академиками, Л.М. Горюшкин – членом-корреспондентом РАН.

Суммируя изложенную мной информацию, можно утверждать, что благодаря созданию в Новосибирске Института истории, филологии и философии СО АН СССР и гуманитарного факультета, упорству их основателей, к которым применима данная поэтом А.Т. Твардовским характеристика сибиряков «народ сборный, но отборный», в Новосибирске начал функционировать многоотраслевой гуманитарный комплекс регионального уровня. В его рамках сформировалось историческое сообщество, определившее направления и динамику последующего развития исторических исследований в Азиатской России.

[1] Подсчитано по: *Новосибирский* Национальный исследовательский университет. Гуманитарный факультет…

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/7
УДК: 929:94

В.Д. Камынин

ЛИЧНОСТНЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ ИСТОРИКОВ УРАЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА НА РУБЕЖЕ 1960–1970-х гг.

Аннотация. *Раскрывается судьба научного наследия историков, входивших в «уральскую школу» «нового направления», доказывавших существование многоукладности уральской экономики в пореформенную эпоху. Анализируются взаимоотношения историков Урала в эпоху «консервативного поворота», произошедшего в советской исторической науке на рубеже 1960–1970-х гг. Выявляются причины, обусловившие появление в научном сообществе периода позднего социализма неприятия чужой точки зрения.*

Ключевые слова: *«новое направление», «уральская школа», В.В. Адамов, коммуникации ученых.*

На рубеже 1960–1970-х гг. в исторической науке происходили перемены, свидетельствовавшие об изменении отношения власти к историкам. В современной историографии это время характеризуется как «консервативный поворот». Одним из проявлений этого стал разгром «нового направления» в советской исторической науке, которые затронул историков не только Москвы, но и периферии. Перипетии борьбы с «новым направлением» на союзном уровне хорошо известны из историографической литературы.

В Уральском государственном университете им. А.М. Горького (УрГУ) в г. Свердловске во второй половине 1950-х – 1960-е гг. сложилась так называемая «уральская школа» «нового направления», в которую обычно включают ее главу, заведующего кафедрой истории СССР досоветского периода доцента В.В. Адамова, и его учеников – Ю.А. Буранова, Т.К. Гуськову, Л.В. Ольховую. «Уральская школа» стала широко известна в научных кругах после проведения в Свердловске 27–31 мая 1969 г. Всесоюзной научной сессии

Научного совета по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» (секция «Общие закономерности и особенности развития России в период империализма») «В.И. Ленин о социально-экономической структуре капиталистической России (проблема многоукладности)».

После проведения научной сессии был издан сборник статей «Вопросы истории капиталистической России (проблема многоукладности)». Выход сборника в свет на союзном и региональном уровнях стал поводом для критики опубликованных в нем статей, завершившейся принятием целого ряда организационных мер в отношении его авторов.

В последнее время опубликовано достаточно большое количество источников личного происхождения, которые позволяют пролить свет на обстоятельства, приведшие к разгрому «уральской школы» «нового направления».

Обращает на себя внимание история с публикацией и распространением сборника. Уже на стадии издания сборника у редколлегии возникли сложности. Сборник был сдан в набор 7 апреля 1971 г., но в печать был подписан лишь 20 марта 1972 г. Необычным был и тираж вузовского сборник – 1500 экз. [1. С. 376].

Свидетели событий сообщают о физическом уничтожении тиража сборника. Р.Г. Пихоя пишет: «Тираж еще не распроданного сборника был уничтожен» [2. С. 582]. Про уничтожение сборника трудов кафедры в типографии сообщает и Г.А. Кулагина [3. С. 98]. Это утверждение не совсем верно: экземпляры сборника вплоть до весны 1973 г. лежали на прилавках книжных магазинов г. Свердловска, и каждый мог приобрести его.

Своеобразным историографическим феноменом, обстоятельства появления которого до сих пор не получили должного объяснения, является статья профессоров Ф.П. Быстрых и В.Я. Кривоногова, опубликованная в марте 1973 г. в областной газете «Уральский рабочий». Сторонников «нового направления» они обвинили в том, что их рассуждения о многоукладности «с точки зрения марксистско-ленинской методологии не выдерживают никакой критики» и «отказ от марксистской методологии приводит авторов сборника к нелепым антимарксистским выводам, искажающим историческую правду» [4].

Попытаемся разобраться в причинах публикации данной статьи. Не вызывает сомнения идеологическая подоплека статьи. В совет-

ское время об этом было писать не принято, и первые отклики на критическую статью пришли из-за рубежа.

Ю.А. Русина опубликовала статью из эмигрантских архивов 1974 г., посвященную сборнику «Вопросы истории капиталистической России». Ее автор Иг. Ратмиров замечал, что в связи с публикацией сборника, написанного в чисто марксистском духе, «совершенно сенсационно было появление в областной газете Свердловска "Уральский рабочий" статьи двух профессоров Ф. Быстрых и В. Кривоногова с претенциозным заголовком “За строгую научность и историческую правду”» [5. С. 104–105]. Автор статьи обвинял критиков В.В. Адамова и его сторонников в научной некомпетентности. По его словам, «недостаток знаний сказывается в том, что уважаемые профессора очень часто прибегают к жонглированию архиполитическими терминами и ходульными выражениями…» [Там же. С. 105].

Современные авторы также указывают на идеологические причины выступления Ф.П. Быстрых и В.Я. Кривоногова. Р.Г. Пихоя пишет: «Идеологическое вольничанье не прошло даром. В газете "Уральский рабочий" появилось письмо профессора Высшей партийной школы В.Я. Кривоногова и Ф.П. Быстрых, обвинявших своих коллег в измене марксизму-ленинизму, в отступлении от ленинского учения об Октябрьской революции, в извращении истории Урала» [2. С. 581].

Свидетельство о реакции авторов на свое выступление содержится в воспоминаниях Г.А. Кулагиной. Она пишет: «Кривоногов в разговоре со мной уже после собрания (речь идет о партийном собрании исторического факультета УрГУ, на котором рассматривался вопрос о сборнике по проблемам многоукладности. – *В.К.*), как говорят на Урале, “беднился”, что он хотел не совсем так, что на него давили» [3. С. 98]. По ее словам, «Федор Павлович (Быстрых. – *В.К.*) представлял, надо полагать, дело совсем иначе. Ему импонировало то, что он выступает в роли главного борца за истину. Он никогда публично (не в пример своему соавтору-подписанту!) от этой статьи не отказывался, сколько я знаю, и даже ею гордился. И в этом он весь – это была его большевистская твердость, убежденность в правоте всего, что делает Партия» [Там же. С. 88].

Второй причиной критического выступления против воззрений В.В. Адамова можно считать научные разногласия. Ф.П. Быстрых и В.Я. Кривоногов, с одной стороны, и В.В. Адамов – с другой, в научном плане были антиподами в оценке степени зрелости капитали-

стических отношений на Урале. Взгляды В.Я. Кривоногова подвергались в советское время самой жесткой критике. Многие исследователи полагали, что историк сильно преувеличивал развитие капиталистических отношений в России и на Урале. В.В. Адамов раскритиковал мнение В.Я. Кривоногова, высказанное им на научной сессии, что «все уклады капиталистической России конца XIX – начала XX вв. представляли собой не что иное, как форму или оболочку господствующих в стране буржуазных отношений» [6. С. 7].

Косвенные указания на то, что еще одной причиной критического выступления Ф.П. Быстрых и В.Я. Кривоногова против воззрений В.В. Адамова могла быть личная неприязнь, содержатся в ряде воспоминаний.

На это указывает А.В. Черноухов. По его словам, «быть может, и не было статьи Ф.П. Быстрых и В.Я. Кривоногова в областной газете, хотя, как свидетельствуют документы, с Ф.П. Быстрых и возглавляемой им кафедрой (общеуниверситетская кафедра истории КПСС. – *В.К.*) на истфаке всегда были сложные отношения. Да и В.Я. Кривоногов с В.В. Адамовым не жили очень мирно, особенно это проявилось в событиях 1966 г., когда они оба претендовали на должность декана» [7. С. 65].

Изучение источников показывает, что взаимоотношения этих трех историков действительно были совсем непростыми и имели длительную историю.

В опубликованном Центром документации общественных организаций Свердловской области сборнике, посвященном Ф.П. Быстрых, помещен документ, относящийся к взаимоотношениям Ф.П. Быстрых и В.В. Адамова. 2 апреля 1944 г. секретарь партийного бюро Свердловского (Уральского) университета В.В. Адамов в характеристике Ф.П. Быстрых указал, что Ф.П. Быстрых летом 1943 г. «сорвал работу парторга в подсобном хозяйстве», а также «выступил с рядом необоснованных обвинений против руководства университета, что привело к беспринципной ссоре» [8. С. 30]. Эти обвинения в судьбе Ф.П. Быстрых могли оказаться роковыми. Дело в том, что Ф.П. Быстрых, член партии с 1925 г., в 1930-е гг. дважды исключался из партии по обвинениям в троцкизме и был восстановлен в ней лишь в мае 1942 г. [9. С. 256–260].

По воспоминаниям О.В. Кривоноговой, В.Я. Кривоногов был серьезным исследователем, о чем, по ее мнению, может свидетельствовать такой факт, что официальными оппонентами его доктор-

ской диссертации «Вольнонаемный труд в горнозаводской промышленности Урала (1800–1860 гг.)», защищенной в 1964 г. в ЛГУ, выступали ведущие специалисты страны по этой проблеме В.К. Яцунский и А.Л. Шапиро [10. С. 17]. Она рассказывала автору этих строк, что во время защиты на автореферат В.Я. Кривоногова поступил многостраничный отрицательный отзыв, написанный преподавателями истфака УрГУ В.В. Адамовым и М.А. Горловским.

При чтении статьи В.Я. Кривоногова и Ф.П. Быстрых бросается в глаза обида ее авторов на то, что представленные ими статьи не были включены в сборник, изданный по итогам сессии, хотя они были ее участниками. Они писали: «Когда знакомишься со сборником, то видишь, что он в известной мере страдает односторонним подбором статей. Материалы многих участников, не разделявших взгляды руководителей конференции по многоукладности, не нашли места в книге» [4].

Действительно, В.В. Адамов объяснил, что причиной отклонения публикации статей В.Я. Кривоногова и некоторых других историков было то, что выдвинутая ими идея «у других участников конференции не нашла поддержки» [6. С. 7].

По воспоминаниям Г.А. Кулагиной, на эту несправедливость обратила внимание академик М.В. Нечкина, которая заметила: «Книжки нужно было издавать две, чтобы дать право инакомыслящим высказать свои несогласия и доводы» [3. С. 137].

По нашему мнению, только приняв во внимание всю совокупность вышеперечисленных обстоятельств, можно составить представление о личных и профессиональных коммуникациях ученых в столь непростое время, каким были конец 1960-х – начало 1970-х гг.

Литература

1. *Вопросы* истории капиталистической России (проблема многоукладности). – Свердловск: [б.и.], 1972. – 376 с.

2. *Пихоя Р.Г.* Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны. – М.: Русь-Олимп: Астрель: АСТ, 2007. – 715 с.

3. *Кулагина Г.А.* Свидетель века. – Екатеринбург: УрГУ, 2005. – 171 с.

4. *Быстрых Ф., Кривоногов В.* За строгую научность и историческую правду // Уральский рабочий. – 1973. – 4 марта.

5. *Русина Ю.А.* Следы «нового направления» в советской исторической науке на страницах самиздата // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. – 2018. – Т. 20, № 3 (178). – С. 96–109. – С. 104–105.

6. *Адамов В.В.* Предисловие // Вопросы истории капиталистической России. – С. 4–13.

7. *Черноухов А.В.* Исторический факультет Уральского государственного университета. 1956–1970. – Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та, 2013. – 143 с.

8. *Быстрых Ф.П.* Сборник документов. – Екатеринбург: ЦДООСО, 2001. – № 11. – 61 с.

9. *Камынин В.Д.* Архивные документы как источники при изучении биографий ученых-историков Урала в 1930-е гг. (на примере Ф.П. Быстрых) // Документ в контексте универсальных практик: сб. статей по итогам пятой Всерос. науч.-практ. конф. (г. Тюмень, 24–26 мая 2017 г.) с международным участием / под ред. Т.Н. Кондратьевой. – Тюмень: Печатник, 2018. – С. 256–260.

10. *Кривоногова О.В.* Проблемы истории горнозаводской промышленности Урала в трудах В.Я. Кривоногова // Проблемы генезиса и развития капитализма на Урале: история, историография, источниковедение. – Свердловск: УрГУ, 1986. – 144 с. – С. 4–17.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/8
УДК: 930

В.В. Менщиков

Н.Ф. ЕМЕЛЬЯНОВ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ТОМСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Аннотация. *Старейший университет Сибири стал «кузницей кадров» для многих университетских центров, в том числе Омска и Кургана. Одним из таких выпускников Томского университета был профессор Н.Ф. Емельянов. Он сыграл выдающуюся роль в развитии исторического образования и науки в Омском и Курганском государственных университетах. В Кургане Н.Ф. Емельянов отметился, кроме всего прочего, активной публикаторской деятельностью и организацией краеведческого движения.*

Ключевые слова: *томская историческая школа, Н.Ф. Емельянов, историческое краеведение.*

Основанный в 1878 г. Томский университет на долгие годы стал не только единственным, но и ведущим высшим учебным заведением на востоке страны. Однако историческое образование в нем началось на краткий период лишь в 1917 г., а по-настоящему это произошло в 1940-е гг. С 1960-х гг. Томский университет стал одним из центров исторического образования и науки в рамках всего Советского Союза. Томские историки были известны в стране как исследователи разных аспектов истории Сибири, этнологии, археологии, медиевистики, историографии, теории и методологии истории. Среди них отметим выдающуюся роль в формировании томской исторической школы А.И. Данилова, И.Г. Коломиеца, И.М. Разгона, Б.Г. Могильницкого, З.Я. Бояршиновой и др. Многие выпускники университета внесли заметный вклад и в развитие исторического образования и науки в других городах страны. Среди таких выпускников исторического факультета Томского университета отметим доктора исторических наук, профессора Николая Филипповича Емельянова.

Научная и преподавательская деятельность Н.Ф. Емельянова оказалась тесно связана с тремя городами – Томском, Омском и Курганом. Родившись в Томской области, Николай Филиппович вполне естественно после службы на Тихоокеанском флоте, чувствуя склонность к истории, поступил в Томский университет. Историко-филологический факультет он оканчивает в 1965 г. Именно здесь состоялась встреча, предопределившая научную судьбу Николая Филипповича. Его научным руководителем стала крупнейший специалист советской эпохи по истории Сибири XVII в. Зоя Яковлевна Бояршинова. Ее вклад в изучение истории Сибири до сих пор высоко оценивается, а память о ней на кафедре отечественной истории в Томском государственном университете продолжают чтить (большой портрет З.Я. Бояршиновой висит на самом видном месте кафедры). В 1972 г. Н.Ф. Емельянов под ее руководством защищает кандидатскую диссертацию. Она же в 1968 г. приглашает его на работу ассистентом на кафедру истории СССР Томского государственного университета.

В 1974 г. Н.Ф. Емельянов кардинально меняет свою жизнь, переезжая в Омск. В 1973 г. было принято решение об открытии в Омске университета. Через год большое число преподавателей Томского университета едут во вновь образованный вуз. Н.Ф. Емельянов стал первым деканом гуманитарного факультета Омского университета, начинается период его организаторский деятельности в сфере высшего образования и науки. Однако в научном плане он остается верным ранее выбранной теме – истории томского края (так называемого Среднего Приобья), его населенных пунктов и самого города Томска. Примечательно, что в омский период своей деятельности Н.Ф. Емельянов преимущественно публиковался в именно в Томске по указанным проблемам [1, 2, 3]. Большая организаторская деятельность ученого в Омске продолжилась и на посту заведующего кафедрой истории СССР этого вуза с 1982 г.

Большая организаторская и административная деятельность в Омском государственном университете не позволила довести работу над докторской диссертацией до логического конца, т.е. защиты. Возможно, это послужило одной из причин переезда Н.Ф. Емельянова в Курган. Думаю, что это стало важным событием в развитии исторического образования и науки в нашем городе. Считаю, что нам просто повезло. Николай Филиппович придал мощный импульс исторической деятельности и вывел развитие исторической

науки в Кургане на принципиально иной уровень. В 1989 г. Н.Ф. Емельянов успешно защищает докторскую диссертацию в Уральском государственном университете на тему «Среднее Приобье в феодальную эпоху (социально-экономическая и политическая история)». В 1990 г. благодаря организационным усилиям Николая Филипповича состоялась конференция, учредившая Курганское областное общество краеведов, которое на многие годы объединило усилия большинства курганских краеведов по изучению истории Зауралья. А в 1994 г. по инициативе и при непосредственном участии Н.Ф. Емельянова в Курганском государственном педагогическом институте (с 1995 г. – Курганский государственный университет) начал работать диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций по отечественной истории. Значительная часть историков, определявших за последние двадцать лет и определяющих в настоящее время уровень исторического и юридического факультета Курганского государственного университета, защитились именно в этом совете.

По сравнению с томским и омским периодами жизни в Кургане ученый удачно сочетал научную и административно-организаторскую деятельность. Н.Ф. Емельянов был заведующим кафедрой истории России (с 1990 г.), председателем диссертационного совета, главой Курганского областного общества краеведов, руководителем аспирантуры по отечественной истории. Именно в Кургане Николай Филиппович обратился к новой для себя научной теме – истории Зауралья. Сам ученый начинает изучение истории Кургана и через несколько лет издает по существу первое научное исследование истории этого города [4]. Его ученики сначала выпускают серию работ по дореволюционной истории Южного Зауралья, а с 1995 г. начинается выпуск многотомной истории Курганской области под общей редакцией Н.Ф. Емельянова. Всего было выпущено семь томов. Все они были посвящены разным аспектам дореволюционной истории Южного Зауралья [5]. Кстати, сам термин «Южное Зауралье» был введен в это время в научный оборот с «легкой руки» Н.Ф. Емельянова, что, наверное, не случайно, имея в виду его прежнюю приверженность к подобного рода ойконимам, например «Среднее Приобье». С 1990 по 1997 г. при его непосредственном участии было выпущено двадцать выпусков краеведческого сборника «Земля Курганская: прошлое и настоящее» [6].

В настоящее время мы вполне определенно можем назвать основные научные и научно-организационные достижения Н.Ф. Емельянова как яркого представителя томской исторической школы. Выйдя из стен старейшего за Уралом университета, Н.Ф. Емельянов внес существенный вклад в развитие исторического образования и науки в Омске и Кургане. Именно он заложил основы научного изучения Томского края (Среднего Приобья), истории городов Томска и Кургана, даты основания нескольких сотен населенных пунктов Томской и Курганской областей. Уже есть первые исследования его творчества [7, 8] и документального наследия [9]. Как отмечают исследователи, Н.Ф. Емельянов внес «заметный вклад в изучение истории Западной Сибири Нового времени. Детальный анализ источников и понимание исторической ситуации позволили их автору показать место вольной и государственной колонизации этого региона русскими, взаимоотношения засельщиков и чиновников с местным населением, проследить пути пополнения русского населения в Западной Сибири» [8. С. 7]. Работы ученого характеризуются комплексным подходом, междисциплинарностью. Они написаны на стыке истории, исторической демографии и исторической этнологии, что в значительной степени было обусловлено тем, что в поле зрения ученого попадало не только русское население, но и аборигенное. Это позволило автору сделать далеко не тривиальный вывод о сохранении положительной динамики демографического развития некоторых сибирских аборигенов после вхождения в состав Российского государства [8. С. 3].

Имя Н.Ф. Емельянова не забыто, на базе исторического факультета Курганского государственного университета проходит Всероссийская научно-практическая конференция «Емельяновские чтения». С 2006 по 2018 г. прошло восемь конференций. Однако научно-организационное и сугубо научное наследие Н.Ф. Емельянова еще требует пристального внимания и дальнейшего изучения в контексте развития региональных особенностей отечественной историографии.

Литература

1. *Емельянов Н.Ф.* Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (Состав, занятия и повинности). Ч. 1. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. – 251 с.

2. *Емельянов Н.Ф.* Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. Ч. 2. – Томск Изд-во Том. ун-та, 1982. – 244 с.

3. *Емельянов Н.Ф.* Город Томск в феодальную эпоху. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. – 224 с.

4. *Емельянов Н.Ф.* Город Курган. 1782–1917: Социально-экономическая история. – Курган: Курганский гос. пед. ин-т, 1992. – 256 с.

5. *История* Курганской области. Т. 1–7. – Курган, 1995–2002.

6. *Земля* Курганская: прошлое и настоящее. Краеведческий сборник.– Курган, 1990–1997. – Вып. 1–20.

7. *Менщиков И.С.* Н.Ф. Емельянов – историк Зауралья // Емельяновские чтения: Материалы I межрегиональной науч.-практ. конф. – Курган: Изд-во Курган. ун-та, 2006. – С. 10–11.

8. *Менщиков И.С.* История заселения освоения Западной Сибири в XVII–XIX веках в работах Н.Ф. Емельянова // VIII Емельяновские чтения : материалы Всероссийской научной конференции (Курган, 20 апреля 2018 г.) / отв. ред. В.В. Менщиков. – Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2019. – С. 3–7. [Электронное издание]. URL: http://dspace.kgsu.ru/ xmlui (дата обращения: 17.08.2019).

9. *Козельчук Т.В.* Личный фонд Н.Ф. Емельянова в Государственном архиве Курганской области // Емельяновские чтения: Материалы I межрегиональной научно-практической конференции. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2006. – С. 11–13.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/9
УДК: 930.1

Е.В. Хахалкина

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ А. ТОЙНБИ НА МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Аннотация. *Дается характеристика «Обзоров международных отношений», выходивших под эгидой Королевского института по международным отношениям Великобритании (Чатам-хаус), как не утратившего своей актуальности исторического источника по изучению межвоенного периода, Второй мировой войны и послевоенного времени. Прослеживается трансформация взглядов британского историка А. Тойнби, готовившего «Обзоры», на состояние международных отношений от европоцентризма к глобальному видению мировой политики.*

Ключевые слова*: А. Тойнби, Обзоры по истории международных отношений, межвоенный период.*

Творческое наследие британского историка и философа А. Тойнби обширно. Интерес к его работам не только не ослабевает, но скорее, наоборот, усиливается, создавая любопытный историографический парадокс – внимание исследователей по-прежнему преимущественно приковано к многотомному труду А. Тойнби «Постижение истории», в то время как такой солидный пласт работ, как «Обзоры по истории международных отношений» (далее «Обзоры»), остается во многом в тени.

«Обзоры» представляют собой корпус источников, почти не известных российскому читателю[1] и недостаточно изученных в запад-

[1] Следует отметить, что российское научное сообщество отреагировало в начале 2000-х гг. на перевод мемуаров А. Тойнби. Появились статьи, обозначившие новые исследовательские поля и грани для нового прочтения наследия британского историка, однако в плане анализа именно «Обзоров» можно отметить только две найденные нами публикации: Воробьева О.В. А. Тойнби. Опыт постижения истории (Новая и новейшая история.

ной историографии. Этот факт объясняется тем, что Королевский институт по международным отношениям (Чатам–Хаус[1]) был задуман и функционировал как аналитический центр, готовивший экспертные материалы для британского правительства. Доступ к ним имел ограниченный круг лиц, хотя они и не содержали секретной информации, впрочем, как и ссылок на использованные в них источники. Исследователи справедливо отмечают в этой связи, что экспертная деятельность Тойнби гораздо менее известна и осмыслена, чем его исторические работы [1. P. 620].

Работу над «Обзорами» А.Тойнби начал после назначения его в 1925 г. директором по исследованиям в Чатам-Хаусе, параллельно он работал профессором-исследователем мировой истории в Лондонской школе экономики. Как заметил М. Уайт, друг и бывший студент А. Тойнби, «ниша, которую он (А. Тойнби. – *Е.Х.*) занял, была чем-то средним между университетом и гражданской службой» [2. P. 28].

«Обзоры» выходили ежегодно и публиковались издательством Оксфордского университета в период с 1925 по 1977 г. А. Тойнби с группой помощников написал предвоенную серию (охватывающую период 1920–1938 гг.) и серию «Военное время» (1938–1946 гг.), кроме того, он автор введения в первые два тома послевоенной серии (1947–1950 гг.).

Для оценки эволюции взглядов А. Тойнби на международные отношения нами были использованы два обзора – 1927 г. (628 стр.) и 1936 г. (1030 стр.). Выбор именно этих двух материалов объясняется их смысловой связанностью: именно с проблем разоружения начинается «Обзор» 1927 г. и именно эти сюжеты стали центральными в «Обзоре» 1936 г. В первом материале автор констатирует улучшение международной атмосферы, во втором – ее необратимое ухудшение в сторону эскалации военных конфликтов.

Гипотеза исследования состоит в следующем: взгляды А. Тойнби на международные отношения в межвоенный период претерпели эволюцию от европоцентристского к глобальному пониманию суще-

2006. № 5. С. 86–98); *Куликов А.Ю.* Арнольд Тойнби о причинах, событиях и последствиях Второй мировой войны (Вестник ТГУ. 2015. Вып. 5 (145). С. 140–147).

[1] В российском научном и политическом обиходе используют разные версии перевода аналитического института Chatham House – Чатам-Хаус, Четем-Хаус, Чатэм-Хаус и другие.

ствующего миропорядка и признания ведущей роли за прежде считавшимися маргинальными игроками мировой политики.

В качестве **методологического инструментария** в работе выступает сравнительно-исторический анализ, включая такие его разновидности, как сравнительно-сопоставительный, историко-типологический и историко-генетический методы.

Проведение **внешней экспертизы** указанных материалов предполагало выяснение даты и места их публикаций и других внешних атрибутов, имеющих отношение к заданной проблематике. Осуществление **внутренней экспертизы** использованных источников выполнялось по следующему алгоритму: 1. Анализ структуры двух «Обзоров» (выделение ключевых разделов, смысловых связок между ними, объяснение объема отдельных разделов от общего размера документов); 2. Выявление степени оригинальности освещаемых событий и анализ общих подходов и оценок к европейским и мировым делам; 3. Установление происхождения сведений, содержащихся в использованных источниках и их верификация.

Историческая наука так и не ответила на вопрос, насколько возможен объективный научный анализ, «свободный» от личных и профессиональных установок автора, наслоений его жизненного и научного опыта и политической конъюнктуры. Постановка основной проблемы данной статьи, отраженная в названии – эволюция взглядов А. Тойнби на международные отношения в межвоенный период, – задает именно эти вопросы. Вполне логично предположить, что автор «Обзоров» не мог не иметь своего личного, надпрофессионального отношения к событиям, современником и даже участником которых он являлся. На эту проблему наслаивается другая – работа А. Тойнби на правительственные круги в рамках Чатам-Хауса налагала на него определенные обязательства. Сам А. Тойнби так рассуждал впоследствии на эту тему: «Я верил и всей душой верю в ценность объективного научного подхода. Поэтому я всем сердцем приветствовал основный принцип Четем-Хауса – ограничить свою деятельность “научным изучением”, исключая формирование какой бы то ни было корпоративной политики. “Научное” изучение, однако, по самой своей природе не может быть самоцелью, хотя оно может стать необходимым инструментом для достижения той цели, ради которой оно проводится. Причина того, что “научное” изучение должно быть лишь средством, а не целью, заключается в том, что в конечном счёте назначение жизни – это не

изучение, а действие. “Научная” работа Четем-Хауса, ради которой он лишил себя права корпоративного действия, способна иметь практическую ценность только в той мере, в какой она будет помогать потребителям её продукции предпринимать индивидуальные благоразумные и более обоснованные действия, чем они могли бы оказаться, если бы предпринимались без той объективной информации, которую поставляет Четем-Хаус» [3. С. 81].

Как видно, установки Чатам-Хауса укладывались в понимание самого А. Тойнби того, каким образом должен осуществляться экспертный анализ международных отношений. Со временем А. Тойнби разработал такой алгоритм работы над «Обзорами», который позволял параллельно продолжать начатый в начале 1920-х гг. процесс написания «Постижения истории». «Первые три года нашей с Вероникой (речь о Веронике М. Бойлтер – помощнице А. Тойнби. – *Е.Х.*) работы над “Обзором” нам приходилось, следя за текущими событиями, одновременно возвращаться и в недалекое прошлое, к тем самым событиям, что накопились с последней даты, отмеченной с “Истории Парижской мирной конференции”. На этой стадии работать над “Обзором” приходилось буквально двенадцать месяцев в году. Однако к лету 1927 г. мы все подогнали и шли в ногу с текущими событиями, поэтому начиная с того лета мне удалось сочетать работу над “Обзором” с написанием “Постижения истории”. С годами у меня выработался определённый ритм. Каждый год в начале ноября я планировал содержание очередного тома “Обзора” за предыдущий календарный год. Начиная с ноября в течение зимы, весны и начала лета мы с Вероникой работали над «Обзором» в Четем-Хаусе. В июне я уезжал в деревню, заканчивал там работу над текущим томом “Обзора” и потом уже все долгие летние каникулы работал над «Постижением истории». В начале ноября я снова возвращался в Лондон, чтобы посвятить себя целиком работе над “Обзором” …» [3. С. 84].

По итогам сравнительного анализа двух «Обзоров» были **сделаны следующие выводы:**

Первое. В первом обзоре (1927 г.), почти в два раза меньшем по объему, основное внимание было приковано к проблемам разоружения, европейским делам и положению дел в США и Китае. Опасных конфликтных зон, в которых потенциально могли бы вспыхнуть военные действия в краткосрочной перспективе, автор не называет, но признает, что остроту некоторых довоенных и вспыхнувших еще в

годы Великой войны конфликтов в послевоенное время снять не удалось. Речь, прежде всего, шла о Китае и попытках Японии пересмотреть итоги Вашингтонской конференции и сложившейся в АТР системы международных отношений в свою пользу. В целом, материал этого «Обзора» выстроен в европоцентристском ключе, с выделением отдельных регионов, при этом, что примечательно, особое место в данном материале занимали отношения Европы и СССР. А. Тойнби значительное внимание в своих работах в целом уделял России/СССР, рассматривая российское государство как игрока, с которым неизбежно придется выстраивать нормальные международные отношения.

Во втором обзоре (1936 г.) общая тональность повествования приобретает тревожный характер, в фокус экспертного интереса автора включена как новая проблематика – Мировой экономический кризис, – так и периферийные регионы мира, в том числе Средиземноморье, Ближний и Дальний Восток. Еще большее, чем прежде, внимание, А. Тойнби уделил Советскому Союзу, его действиям и роли в набирающем силу ухудшении международного равновесия. Автор уклоняется от прямых однозначных оценок, но подбор фактов, обращение к внешнеполитическим традициям ключевых мировых игроков, их оценка говорят в пользу окончательного разрушения представлений автора о европоцентристской траектории мировой политики. Более того, за Тойнби впоследствии вполне справедливо закрепилось представление как о критике концепции европоцентризма.

Второе. Характерным для всех обзоров (не только указанных лет) было обращение А. Тойнби к временам греческой и римской истории [2. P. 26, 28]. Такое положение дел объясняется во многом не столько научными интересами самого Тойнби, сколько, по всей вероятности, преподаванием им античной истории в Бейлиол-колледже. А. Тойнби нередко проводил параллели и с периодом Средних веков и Нового времени, что придавало его экспертным материалам характер научных текстов. Такое погружение в историю в какой-то степени компенсировало слабое знание А. Тойнби, на первых порах, теории международных отношений [2. P. 27], зародившейся как наука именно после Первой мировой войны.

Сам А. Тойнби позднее в мемуарах так пояснял свое постоянное возвращение вглубь истории: «Любое событие, относящееся к про-

шлому, но возвращающееся к нам памятью о нем, может оказать влияние на текущие события. Поэтому, описывая события истекшего года, мы никогда не знали наперёд, насколько глубоко нам, возможно, придётся окунуться в историю, для того чтобы объяснить, почему в прошедшие двенадцать месяцев люди действовали так, а не иначе. Если не учитывать исторический фон настоящего, то это настоящее грозит стать неразрешимой загадкой, и в попытках справиться с этой неизвестной величиной человек действия, но не мыслящий исторически может просто-напросто заблудиться в трех соснах» [3. С. 85].

Третье. Оценка А. Тойнби политики ведущих европейских держав к середине 1930-х гг. приобретает критический характер. А. Тойнби не разделял взгляды уже пришедших к власти в Великобритании политиков, ориентированных на умиротворение реваншистски настроенных государств. Такая позиция ученого-эксперта любопытна, если учесть, что материалы Чатам-Хауса ложились на стол именно правительственным министрам. А. Тойнби не был политически ангажированным ученым и аналитиком, хотя в 1915 г. служил в разведывательном департаменте Форин офис Великобритании и впоследствии подозревался в продолжении шпионской деятельности. Отчасти такие догадки были верны. Как проясняют его мемуары, значительную часть информации он черпал, что называется, из первых рук. В 1936 г. у него, например, была личная встреча с А. Гитлером, о которой он упоминает в мемуарах, но никаких ссылок на которую не содержится в «Обзоре» 1936 г. Именно такого рода встречи и постоянное общение с научными, околонаучными и политическими кругами разных стран делали возможным сбор информации для «Обзоров».

В целом, «Обзоры по истории международных отношений» требуют дальнейшего изучения. Эти материалы сохраняют свою информационно-аналитическую, историческую и практическую ценность, позволяя проследить процесс трансформации от европоцентристского к глобальному пониманию существующего миропорядка в научно-экспертных кругах Великобритании. «Обзоры» остаются важным звеном и в процессе анализа эволюции научных и политических взглядов самого А. Тойнби и вносят значительный вклад в теоретические разработки науки о международных отношениях и ее концептуальных оснований первой половины XX в.

Литература

1. *Castellin L.G.* Arnold J. Toy bee's Quest for a New World Order: A Survey // The European Legacy. – 2015. – Vol. 20. Issue 6. – P. 619–635.

2. *Hall I.* 'Times of troubles': Arnold J. Toynbee's Twentieth Century // International Affairs. – No 1. – 2014. – P. 23–46.

3. *Тойнби А.Дж.* Пережитое. Мои встречи / пер. с англ. – М., 2003.

4. *Survey* of International Affairs 1927 by Arnold J. Toynbee. – L.: Oxford University Press. 1929. URL: https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.15361

5. *Survey* of International Affairs 1936 by Arnold J. Toynbee. – L.: Oxford University Press. 1937. URL: https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.17001

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/10
УДК: 930.2

В.И. Михайленко

РЕНЦО ДЕ ФЕЛИЧЕ: ИСТОРИК, ИЗМЕНИВШИЙ ИТАЛИЮ

Аннотация. *Ренцо Де Феличе исследовал феномен фашизма через призму личности Муссолини и через анализ поведения массового общества в Италии. Происхождение фашизма он рассматривает в контексте незавершенной буржуазно-демократической революции (Рисорджименто). Длительное противостояние коммунистов и христианских демократов, фашистов и антифашистов сформировало мифологические, политически ангажированные концепции исторического прошлого. Де Феличе обезоружил мифологические концепции и тем самым приблизил итальянское общество к преодолению политических предрассудков.*

Ключевые слова: *Ренцо Де Феличе, история фашизма, Муссолини, историография, национальная идентичность.*

Постановка проблемы. Ренцо Де Феличе (1929–1996) по праву считается историком, изменившим историографический и политический ландшафт современной Италии. Значительную часть отведенного ему судьбой времени Ренцо Де Феличе посвятил исследованию истории Италии через личность Муссолини. Мировая историография знает немало качественно написанных биографий Муссолини. В чем отличие исследований Р.Де Феличе? Какой вклад он внес в разработку методов исторического исследования? Каким образом разработанная им концепция истории фашистской Италии вызвала методологический переворот? Какие дискуссии спровоцировали концепции Де Феличе в научной и общественной жизни Италии и изменили ее политический ландшафт?

Становление историка. Р. Де Феличе принадлежит к тому поколению, чье детство и юность формировались под влиянием фашистских методов обработки массового сознания, а после Второй мировой войны публикация тюремных тетрадей А. Грамши как свежий

глоток воздуха захлестнула молодых исследователей. Под обаянием грамшианских идей он вступил в коммунистическую партию, из которой вышел в 1956 г. Имея за спиной значительный опыт работы в идеологически и политически ограниченном пространстве, Де Феличе решительно выступил против «продавцов мифов» [1. P. 25].

Историцизм Ренцо Де Феличе. При написании своей монографии об итальянской историографии фашизма я столкнулся с проблемой классификации исследований Де Феличе. Типичная для советской эпохи дифференциация исследований по партийной принадлежности авторов являлась недостаточной. И я ввел позаимствованное у Де Феличе в период стажировки в Италии понятие «интерпретации» [2]. Тем не менее научная школа Де Феличе не вмещалась ни в одно из определений. С партийно-политической точки зрения масс-медиа и научный мир причисляли его к либералам. Но среди учеников были замечены представители всего политического расклада Италии того времени от левых до правых взглядов. Сам Де Феличе никогда не заявлял о своих партийных пристрастиях и приверженности определенной методологии. Поверхностный взгляд на его многотомную (свыше шести тысяч страниц) историю Муссолини [3], переполненную цитированием документов, располагает к тому, чтобы определить его как историка-позитивиста. Действительно, Де Феличе не откажешь в том, что он является блестящим архивистом. Он абсолютизирует исторический факт, он виртуозно обрабатывает документ, для его исследований характерен последовательный хронологический стиль изложения материала. Мне посчастливилось побывать в его знаменитом «гараже», в котором собрано, кажется, все по периоду исследования. В его тексте многотомной биографии Муссолини практически нет философских отступлений. Тем не менее исследования Де Феличе являются глубоко концептуальными.

Параллельно с работой над биографией Муссолини Де Феличе обобщил практически весь известный мировой науке материал о фашизме, тоталитаризме, поведении и психологии масс. Эта подготовительная работа отражена в изданных им «Интерпретациях фашизма» [4], «Антологии о фашизме» (первый том «Историческое суждение» и второй том «Политическое суждение») [5], «Автобиографии фашизма. Антология фашистских текстов 1919–1945». Его научный инструментарий я бы определил как методологическая эк-

лектика. Сам Де Феличе писал по этому поводу: «По своей природе историк не может не быть ревизионистом» [1. P. 17].

Интерпретации Де Феличе. Де Феличе не уклонялся от публичных выступлений в масс-медиа. Основанный Де Феличе в 1969 г. журнал «Storia contemporanea» стал научной площадкой для публикации независимых исследователей по истории фашистского периода. После смерти Р. Де Феличе журнал был закрыт, и в 1997 г. вышел первый номер нового журнала «Nuova Storia Contemporanea», главным редактором которого является Ф. Перфетти, один из учеников Р. Де Феличе.

Интерпретации истории Италии первой половины XX в. Де Феличе выстраиваются на основании его многочисленных научных и публичных выступлений, среди которых наиболее значимыми с концептуальной точки зрения стали публикации «Интервью о фашизме» и «Красное и Черное» [7,1].

Первый тезис. Проблема происхождения фашизма. Несмотря на выделение Муссолини в качестве главного субъекта исследования, Де Феличе, прежде всего, интересовало поведение масс в конкретной исторической ситуации. В связи с этим он обращался к истории незавершенной революции (Рисорджименто).

Из интервью Де Феличе автору этих строк. Р. Де Феличе: «Являлся ли фашизм в Италии или вообще только следствием радикализации классовой борьбы, вызванной Первой мировой войной, реакцией на большевистскую революцию или, наряду с этими мотивами, были также какие-то иные? Другими словами, была ли связь между приходом фашистов к власти и процессом трансформации итальянского общества в массовое, как утверждают социологи? И, если это так, то являлось ли фашистское движение только движением националистического типа, использованным в антипролетарских интересах аграриями и крупной буржуазией? Или, наряду с этим, фашистское движение являлось попыткой мелкой итальянской буржуазии, которая сформировалась накануне войны, в ходе ее и после окончания, самоутвердиться как автономный класс, имеющий собственные гегемонистские устремления не только против пролетариата, но и против крупной буржуазии» [8].

Де Феличе использовал для исследования фашистского режима такие научные понятия, как «консенсус между обществом и массами», «предательство режимом идеалов движения», «левое происхождение фашизма» и др.

Второй тезис. «Красное и Черное». В 1943–1945 гг. Де Феличе не без оснований считал, что, обращаясь к периоду 1943–1945 гг., нельзя все сводить к проблеме отношений «фашизм – антифашизм» и к вооруженной борьбе между Итальянской социальной республикой (ИСР) и Движением Сопротивления. Важно вскрыть «теневые зоны» историографии Движения Сопротивления [1. P.13]. Невозможно правильно оценить ситуацию в обоих лагерях, не анализируя ситуацию внутри антифашистского лагеря, в ИСР, политику союзников и Королевства Юга Италии. Было бы необъективно сводить антифашизм только к Движению Сопротивления [1. P. 17, 25]. В целом, он рассматривал этот период как национальную катастрофу, которая надолго расколола итальянское общество.

Третий тезис. О национальном в истории итальянского государства. После падения фашизма «долгое поражение итальянской нации» поставило под сомнение единство итальянской нации, наличие чувств коллективной идентичности. Травматические последствия поражения во Второй мировой войне, которые не были компенсированы малочисленным Движением Сопротивления, привели к упадку идеи нации и национального государства. Как ответственный итальянский гражданин Де Феличе был озабочен тем, что подрывает консолидацию итальянской демократии и препятствует формированию итальянской нации. Слева и справа он видел политические силы, застывшие в оценке прошлого в мифологических схемах. Его постулат историка выглядел достаточно просто: «Необходимо твердо придерживаться исторической позиции, отметая в сторону все грязные иррациональности» [9. P. 123]. В 1984 г. Де Феличе выражал крайнюю озабоченность кризисом первой республики Италии, возлагая ответственность не только на коммунистов и христианских демократов, но и на либералов, которые не смогли выдвинуть «концепцию современной и классической (этической) демократии» [9. P. 131].

В «Интервью о фашизме» Р. Де Феличе утверждал принцип индивидуальной свободы и независимости исследователя: «…Я не верю, что есть люди, которых буквально можно рассматривать в качестве учителей своих учеников: и, напротив, если кто-то называет себя учеником в узком смысле этого слова, этот человек лишен интеллектуальной самостоятельности» [7. P. 1]. В соответствии с этим

правилом Р. Де Феличе после кончины в 1996 г. оставил учеников, но не историографическую «школу».

Вклад Де Феличе в изучение фашистского феномена, прежде всего, заключается в том, что он обнажил наиболее уязвимые места в «остекленевших» политически ангажированных интерпретациях фашизма и нанес по ним прицельный удар. Другими словами, он напомнил о главном принципе и долге объективного исследователя – «всегда сомневаться».

Для современных исследователей, на мой взгляд, большее значение имеют поставленные Де Феличе вопросы, чем его попытки найти на них ответы. Кстати, сам он неоднократно с каждым новым изданием корректировал «Интервью о фашизме». Исследователь, не ослепленный идеологическими или групповыми пристрастиями, будет искать свои ответы на поставленные Де Феличе вопросы о соотношении «правых» и «левых» предпосылок в итальянском фашизме, о «разрыве» между программами фашистского движения и политикой режима Муссолини, о причинах «массового консенсуса» и его разрушения, будет стремиться понять историческую правду не одной, а разных сторон в гражданской войне или послевоенных политических баталиях.

Вместо заключения. Привет из прошлого. Свою книгу «Красное и Черное» Де Феличе завершил пророческими словами. Исторический опыт 1943–1945 гг. «должен быть переосмыслен в более широком контексте коллективного кризиса, который обусловливает события того времени и влияет на события сегодняшнего дня» [1. P. 34]. Де Феличе настаивал на важной гражданской функции историка, его ответственности перед национальным сообществом. Как никто другой, Де Феличе внес важный вклад в примирение итальянского общества через демифологизацию самых сложных и спорных страниц национальной истории. Однако политический кризис в Италии 2019 г. свидетельствует о слабости итальянской демократии, дает знать о не выученных итальянским обществом уроках.

Литература

1. *De Felice R.* Rosso e Nero/ a cura di P. Chessa. – Milano, 1995. – P. 25.
2. *Михайленко В.И.* Итальянский фашизм: основные вопросы историографии. – Свердловск, 1987.

3. *De Felice R.*: Mussolini il rivoluzionario, 1883–1920; Mussolini il fascista. – Vol. 2. – P.1. La conquista del potere, 1921–1925; P. 2. L'organizzazione dello Stato fascista, 1925–1929; Mussolini il duce. Vol. 3. P. 1. Gli anni del consenso, 1929–1936; P. 2. Lo stato totalitario, 1936–1940; Mussolini l'alleato. Vol. 4. 1940–1945. P. 1. L'Italia in guerra, 1940–1943. Dalla guerra "breve" alla guerra lunga; P. 2. Crisi e agonia del regime; Mussolini l'alleato. La guerra civile, 1943–1945. – Torino: Einaudi, 1965–1997.

4. *De Felice R.*Il fascismo. Le interpretazioni dei contemporanei e degli storici. – Laterza, 1970.

5. *De Felice R.* Antologia sul fascismo. Il giudizio politico. Laterza. 1977; De Felice R. Antologia sul fascismo. Il giudizio storico. – Laterza, 1976.

6. *De Felice R.* Autobiografia del fascismo. Antologia di testi fascisti (1919–1945). – Torino: Einaudi, 2001.

7. *De Felice R.* Intervista sul fascismo. – Laterza, 1969.

8. *Михайленко В.И.* Интервью профессора Ренцо Де Феличе // http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/4688/2/uvmi2-2004-22.pdf

9. *Gentile E.* Renzo De Felice. Lo storico e il personaggio. Ed. – Laterza, 2003. – P. 123.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/11
УДК: 94

О.Ю. Смоленчук

ЙОРИС ВОРХУВЕ: ИСТОРИК, УЧЕНЫЙ, ДИПЛОМАТ И ЕГО ТРУД «МИР, ПРИБЫЛЬ И ПРИНЦИПЫ» ДЛЯ КОРОЛЕВСТВА НИДЕРЛАНДОВ В XX ВЕКЕ

Аннотация. *Рассматривается биография голландского ученого, политика и дипломата Йориса Клеменса Ворхуве и значение его исследовательской работы «Мир, прибыль и принципы» для Королевства Нидерландов в XX в. В качестве теоретической базы в работе используется теория влияния субъективного фактора на развитие истории. Опубликовав монографию в конце 1970-х гг., Й. Ворхуве дал новый толчок для изучения голландской внешней политики, голландского миротворчества не только учеными Нидерландов, но и исследователями из других стран.*

Ключевые слова: *Нидерланды, голландская внешняя политика, Йорис Ворхуве.*

После Второй мировой войны процессы, происходившие внутри страны, на Европейском континенте и, в целом, на международной арене, стали вызовом для Королевства Нидерландов. Прежде всего, это касается вопроса определения внешнеполитического вектора голландской политики. Вопрос неоднозначный и всегда обсуждаемый для каждого государства. В данной работе будет рассмотрена биография голландского ученого, политика и дипломата Йориса Клеменса Ворхуве и значение его исследовательской работы «Мир, прибыль и принципы» [1] для Королевства Нидерландов в XX в. В качестве базовой в работе используется теория влияния субъективного фактора на развитие истории. Автор также постарается ответить на вопрос, стало ли назначение на пост министра обороны в 1994 г. стечением обстоятельств или закономерным явлением для его профессиональной карьеры.

До 1994 г. Йорис Ворхуве не имел никакого министерского опыта. Его карьера развивалась по двум направлениям: с одной стороны, он был политическим лидером, с другой – ученым и исследователем. Он получил образование в Университете Вагенингена по специальности «инженер в сельском хозяйстве», но еще во время учебы начал специализироваться в области международных отношений. Он увлекся изучением голландской внешней политики, рассмотрением роли Королевства Нидерландов как «малого государства». Сама работа была написана в 1973 г., и впоследствии, благодаря гранту Нидерландской Организации по научному сотрудничеству, закончена в Университете им. Джона Хопкинса в США.

В 1978-м книга «Мир, прибыль и принципы» увидела свет. В настоящее время это один из монументальных трудов по голландской внешней политике после Второй мировой войны. Автор уделил особое внимание вопросам миротворческой деятельности Нидерландов, раскрывая их через традиции и принципы внешней голландской политики. Он отмечает, что сама внешняя политика покоилась на «трех китах»: морском меркантилизме, нейтралистском абстенционизме и интернационалистском идеализме [1. С. 42]. Опираясь на свою национальную безопасность и процветание, которые тесно взаимосвязаны «с продвижением стабильности, свободы и экономического развития в мире» [2], Нидерланды всегда стремились содействовать поддержанию международного правопорядка, участвуя в миротворческих операциях и придерживаясь принципа «коллективной безопасности» [1. С. 103], а Организация Объединенных наций казалась лучшей гарантией для этого. С ним соглашался голландский историк ван Кампен, отмечая «веру Нидерландов» в ООН как новую глобальную организацию, с одной стороны, называя ее «новой Лигой Наций с «зубами» [3. С. 26], с другой стороны, включение Нидерландов в ООН было необходимо для продвижения своих интересов в соответствии с принципами справедливости и соблюдения международного права.

В своей работе Йорис Ворхуве также говорил о феномене «малых стран», подчеркивая, что не всегда только размер страны является единственным критерием ее мощи и влияния на международной арене [1. С. 10]. В это же время он рассматривал роль общества и отдельных классов, общественное мнение в вопросах реализации внешней политики. Профессор истории международных отношений университета Утрехта Дюка Хеллема отмечал, что Ворхуве наравне

с голландскими историками Бугманом и Хелдрингом поддерживал идею «голландской традиции». Она заключалась в том, как голландские правящие круги и «ассоциированный класс» имеющих власть торговцев, выступающих за политику «мира, сдерживания и нейтральности», относятся к реализации внешней политики [4. С. 10]. С другой стороны, голландская политическая культура, представляемая буржуазией среднего класса, не терпит «церемониальности и излишеств» [4. С. 2]. В работе Ворхуве также описываются голландские источники влияния, т.е. как само Королевство Нидерландов проявляло себя на международной арене как государство, затрагиваются экономическая, демографическая и географическая составляющие. Данная монография, построенная на системном анализе, явилась «отправной точкой» для более детального осмысления роли и места Королевства Нидерландов в мире и поведения государства в мировой политике.

После своей публикации доктор Ворхуве, став доцентом по международным отношениям в Университете Вагенингена, параллельно работал в Фонде Народной партии за свободу и демократию «Телдерс», а позже в Научном совете по государственной политике. Его политические амбиции начали реализовываться в 1982 г., когда он был избран в члены парламента и внезапно стал лидером расколовшейся партии. Но по ряду причин Ворхуве ушел из политики и в 1990 г. возглавил Нидерландский институт международных отношений Клингендаэль. С 1999 г. он является членом Государственного Совета Королевства Нидерландов. До своего назначения на пост министра обороны он работал во Всемирном банке.

Нужно отметить, что взгляды профессора Ворхуве в области интернационализма и идеализма, к которым он обращается в своей работе «Мир, прибыль и принципы», привели к тому, что он встал в один «ряд» со сторонниками интервенции по гуманитарным причинам. Особенно ярко это проявилось во время его работы в качестве министра обороны Королевства Нидерландов. Его назначение пришлось на самый противоречивый период не только для Королевства Нидерландов, но Европы и мира, в разгар Боснийской войны (1992–1995 гг.). Ворхуве принимал самое непосредственное участие в разрешении кризиса на Балканах. Приступив к своим обязанностям, он с самого начала выражал не только свое беспокойство ситуацией, в которой оказался голландский батальон. Министра обороны заботило также положение гражданского населения в анклаве.

По совету генерала ван дер Бреемана Й. Ворхуве вместе с командующим армией генералом Коузи посетил территорию бывшей Республики Югославия в сентябре 1994 г., в том числе и Сребреницу. В Сребренице Ворхуве обсуждал интересующие его проблемы с командованием батальона в то время, когда сам командующий Датчбата Эвертс отсутствовал. Вопросы касались различных способов «эвакуации из анклава во враждебную среду» голландского батальона, военных наблюдателей ООН, представителей гражданской полиции ООН, УВКБ и международных неправительственных организаций. Рассматривая в целом роль Йориса Ворхуве в должности министра обороны в содействии разрешению Боснийского кризиса, отметим, что он выполнял роль важного переговорщика в диалоге с государствами, прямо и/или косвенно вовлеченными в конфликт, членами Контактной группы и так далее.

На протяжении всей карьеры как дипломата и ученого профессор Ворхуве выпустил ряд монографий по международным отношениям и гуманитарным вопросам, среди них нужно выделить «Помощь в чрезвычайных ситуациях в международной политике» [5], «Роль Нидерландов в мире» [6], «Нестабильный мир» [7], «От войны к верховенству права: миростроительство после насильственных конфликтов» [8].

Свои взгляды профессор отразил в новой работе «Мир в движении», которая вышла в 2018 г. В ней Йорис Ворхуве вместе с Саскией Рейдмейкер и Рейтце Кейзером рассматривают следующие вопросы: каковы новые движущие силы, как силовая политика основных держав влияет на другие страны и какие требования международного права и политической этики соответствуют проведению политики, имеющей позитивные намерения, как могут небольшие, но процветающие современные страны, такие как Нидерланды и Бельгия, выжить и помочь обеспечить безопасное будущее?

В настоящее время как ученый и Почетный профессор в области международных организаций Лейденского университета Йорис Ворхуве продолжает свою научно-исследовательскую и преподавательскую деятельность. Говоря о вкладе каждого человека, в том числе историка [10], в контексте исторического развития и актуальности современных международных процессов, сам профессор Ворхуве делает ударение на важности учителя истории. Он отмечает значение правдивых представлений о прошлом и настоящем, опасности «раздражения и желания вести себя несправедливо к другим», так

как такое поведение может привести к непониманию и созданию конфликтных ситуаций в будущем. Нельзя недооценить роль самого Й. Ворхуве как историка, ученого и дипломата в голландской истории XXI в. и сейчас. В своей работе «Мир, прибыль и принципы» он охарактеризовал основные черты и показал эволюцию внешнеполитического развития, проанализировал роль Королевства Нидерландов на международной арене, голландское видение миропорядка. Опубликовав монографию в конце 1970-х гг., профессор Йорис Ворхуве дал новый толчок для изучения голландской внешней политики, голландского миротворчества не только учеными Нидерландов, но и исследователями из других стран.

Литература

1. *Voorhoeve J.J.* C. Peace, profits and principles: a study of Dutch foreign policy / J.J. C Voorhoeve. –The Hague : Nijhoff, 1979. – 378 p.
2. *Hooman K.* Vredesmissies dienen Nederlands belang [Elektronische bronnen] = [Peacekeeping Missions Serve the Dutch Interests] // Clingendael Netherlands Institute of International Relations. Elektronische gegevens. – Den Haag, 2000. URL: http://www.clingendael.nl/publication/vredesmissies-dienen-nederlands-belang?lang=nl (laatst bekeken: 15.09.2014).
3. *Campen, S.I.P.* (1958). The quest for security: Some aspects of Netherlands foreign policy, 1945–1950. – The Hague: M. Nijhoff, 1958. – 308 p.
4. *Hellema D.* Dutch Foreign Politics. The role of the Netherlands in World Politics. – Dordrecht : Republic of Letters Publishing, 2009. – 452 p.
5. *Voorhoeve J.J.C.* Noodhulpverlening en internationale politiek [Emergency assistance in international politics]. – Wageningen : Landbouw Hogeschool, 1980. – 25 p.
6. *Voorhoeve J.J.C.* De rol van Nederland in de wereld [The Netherlands' Role in the World]. – ['s-Gravenhage] : B.M. Teldersstichting, 1982. – 22 p.
7. *Voorhoeve J.J.C.* Labiele vrede [Unstable World]. – Amsterdam : Balans., 1995. – 288 p.
8. *Voorhoeve J.J.C.* From war to the rule of law: peacebuilding after violent conflicts. Amsterdam, Amsterdam Univ. Press., 2007. – 203 p.
9. *Voorhoeve J.J.C., Rademaker S., & Keizer R.* Wereld In Beweging [World in the Motion]. – Den Haag : Boom bestuurskunde, 2018. – 498 p.
10. *Voorhoeve J.J.C.* The Hague Talks – Peaceful Thoughts ≠ Peace. The Third Hague Peace Conference: 03 July 2015 // Youtube. [The Hague, 19 July 2015]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=LoGY5xY6U1Y (access date: 25.08.2019)

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/12
УДК: 930.1

В.В. Клочков

АРТУР ДЖОН БРЕРЕТОН МАРВИК: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ПОИСК «МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО КОНСЕНСУСА» В ИСТОРИИ

Аннотация. *Рассматривается концепция методологического синтеза в историческом исследовании А. Дж. Б. Марвика. Прослеживается эволюция методологических пристрастий историка – от попытки примирения сторонников «старых» и «новых» путей в британской историографии последней трети прошлого века путем «терапевтической критики» неокантианской методологии истории через увлечение социальной историей к резко негативному отношению к постмодернистским экспериментам в современной историографии. Анализируется проблема размывания предметной области исторической науки в процессе применения междисциплинарных подходов к историческому исследованию и показывается роль и значение последних в методологической концепции А. Дж. Б. Марвика.*

Ключевые слова: *нучная биография, Артур Джон Бреретон Марвик, британская историография последней трети XX – начала XXI в., «старые» и «новые» пути в британской исторической науке, проблемы методологии исторического исследования, междисциплинарные исследования, постмодернистские методологические эксперименты.*

Написание научной биографии – дело гораздо более трудное, чем представляется на первый взгляд. Это вдвойне справедливо в случае, когда речь пойдет о достаточно известном британском специалисте в области методологии исторического знания Артуре Марвике. Мы привыкли считать, что методология – «кабинетная наука», а эпистемология гуманитарного знания, пусть и представляется нам достаточно важной составляющей профессии историка, но, кажется, играет подчиненную роль в его повседневных научных за-

нятиях. Последнее тем более справедливо, если учесть, что в наше время эта эпистемология, будучи подвержена влиянию постмодернизма, все более воспринимается как область «чистой» теории познания, сохраняя свое значение для философии, но не для истории. Поэтому немного найдется историков, которые, сделав областью своих профессиональных интересов методологию, смогли не только создать оригинальную методологическую концепцию, но и нашли в себе мужество отстаивать ее в условиях «постмодернистского эксперимента», когда была подвергнута размыванию сама предметная область исторической науки. С другой стороны, определенным вызовом для исторической науки оказалось и применение междисциплинарных подходов к историческому исследованию. Именно на этих проблемах сконцентрировал свое внимание Артур Марвик, создав весьма оригинальную методологическую концепцию и предложив особые стратегии исторического исследования.

Артур Джон Бреретон Марвик (29 февраля 1936 – 27 сентября 2006) родился в Эдинбурге, окончил университет в столице Шотландии и Бэлиол Колледж в Оксфорде. С 1959 г. преподавал в Открытом университете Эдинбурга, а с 1969 по 1998 г. был профессором в этом учебном заведении. Будучи специалистом по британской истории после 1945 г., А. Марвик уделял большое внимание методологическим проблемам исторического исследования. Он был приверженцем синтеза «старых» и «новых» путей в британской историографии последней трети прошлого века и сторонником исследования междисциплинарных связей исторической науки.

Главной работой А. Марвика в области методологии истории стала монография «*Природа истории*» (впервые издана в 1971 г., дополненное издание увидело свет тридцать лет спустя, в 2001 г.). Исследование особенностей методологии исторического исследования привело А. Марвика к убеждению, что, вопреки утверждениям сторонников неокантианской методологии истории, между «науками о природе» и «науками о духе» нет непреодолимой пропасти. «Между основными целями и методами историка и ученого-физика не существует никакого коренного различия» [1. P. 129]. Подчеркивая, что история является наукой с четко определенным предметом и системой методов, А Марвик часто цитировал известное высказывание своего старшего коллеги Э. Х. Карра (1892–1982) о том, что «понятие «наука» уже охватывает столько областей знания, что от-

ветственность лежит на тех, кто стремится исключить историю из разряда науки» [2. P. 60].

А. Марвик был убежден в принципиальной необходимости и полезности междисциплинарных подходов в историческом исследовании. Он считал, что историческое исследование невозможно без применения ряда социологических и социально-психологических категорий (класс, статус, власть), а также теорий стратификации, референтных групп, социальных порядков и конфликта элит. При этом он подчеркивал, что «историк не всегда ориентирован на уникальное и единичное, а социолог – на уникальное и повторяющееся» [3. P. 136]. В 70–80-е гг. прошлого века А. Марвик отдал должное социальной истории. «Историки сегодня все более движутся к тому, чтобы сделать свой предмет похожим на социальную науку» [4. P. 133].

В то же время А. Марвик четко осознавал ту предметную грань, которая отделяет историю от социологии. Именно поэтому он симпатизировал таким известным британским историкам, как Дж. Р. Элтон (1921–1994), Дж. К. Кларк (1900–1975), Х.Р. Тревор-Ропер (1914–2003) и Г. Лефф (1923–2001), поскольку они «не стали сторонниками догматического теоретизирования» и превращения истории в разновидность социологии» [5. P. 279]. Таким образом, уже в начале 80-х гг. А. Марвик обратил внимание на опасность размывания предметной области исторической науки в процессе междисциплинарного исследования. В рецензии на книгу известного приверженца неокантианской методологии Дж. Барраклоу (1908–1984) *«Главные тенденции в истории»* [6. P. 584] он указывал на «переоценку притязаний социальных наук и пренебрежение методами традиционной истории, зачастую выступающей лишь в качестве поправки к этим притязаниям» [7. P. 79].

С начала 90-х гг. А. Марвик выступал наиболее последовательным критиком постмодернизма. В мае 1994 г., выступая в Казани на конференции «Политическая история на пороге XXI в.», он говорил о постмодернистской методологии как крайне ненадежной. «Это просто ряд воображаемых скачков, заманивающих в ловушку специальным вычурным языком, но никогда не находящих подтверждения в действительности». Иронизируя по поводу претензий сторонников постмодернизма на серьезность исторического исследования, в котором главную роль играют «игры языка», А. Марвик говорил: «Когда я слышу слова «деконструкция» и «структурализм», я инстинк-

тивно оглядываюсь в поисках чего-нибудь тяжелого» [8. С. 11]. По просьбе организаторов конференции А. Марвик сформулировал семь базовых правил методологии исторического исследования:

- цель истории – обеспечивать надежное знание о прошлом;
- любая историческая работа – это всего лишь посильный вклад в это знание, она открыта для критики и совершенствования;
- историки могут обеспечивать знание о прошлом только путем систематического изучения источников, которые являются единственными реликтами и следами прошлого;
- история – это не само прошлое, и тем более не метафизическое размышление о природе последнего, она – знание, полученное историками;
- ясность и точность – это фундаментальные качества профессионального историка;
- общие понятия необходимы историку как для интерпретации источников, так и для изложения результатов своего исследования; они в конечном итоге должны соответствовать тому, что он обнаружил в источниках;
- история должна заботливо оберегать свою автономию как в отношении других дисциплин, так и по отношению к политическим обстоятельствам [9. С. 20–21].

В 1993 г. А. Марвик писал: «Главная задача историков состоит в том, чтобы предоставить знание о прошлом, которое бы отвечало социальным потребностям общества и гуманитарным запросам отдельного человека. Никакой историк никогда не предполагает, что любой документ прозрачен, что он – прямое изложение какой-то истины». Британский исследователь подчеркивал, что, «вопреки постмодернистским фантазиям, профессиональная история исходит из того, что выводы должны быть ясно сформулированы, доказательства тщательно подобраны, а конъюнктура недвусмысленно отделена от надежно установленного факта» [10. P. 108].

Двумя годами позже, вслед за Л. Стоуном (1919–1999) [11. P. 218], А. Марвик, развивая свою концепцию методологического синтеза, объединил постструктурализм (постмодернизм), «культурный материализм» и «новый историзм» в один общий подход – метафизический, противопоставляя последнему собственно теорию исторического исследования [12. P. 8]. Здесь А. Марвик, развивая более ранние идеи Л. Стоуна [13. P. 14], оценивал книгу К. Дженкинс (род. 1943) «*Переосмысливая историю*» (где последняя оцени-

валась как «некий непостоянный проблематичный дискурс, который создается группой оплачиваемых работников, чьи интересы непосредственно связаны с современной политической властью») [14], как «классический пример постмодернистского вздора и презрения к признанной научной практике» [15. P. 24]. В книгах П. Джойса (род. 1945) [16. P. 208], по его мнению, «жаргон зачастую перевешивал здравый смысл» [17]. Статью же американского постмодерниста Э. Истхоупа, содержащую достаточно грубые нападки на Л. Стоуна, А. Марвик называл «сильным порывом риторики, который легко принять за выражение почти идиотского самообожания» [18. P. 36].

Выступая со столь резкой критикой постмодернистских новаций в области методологии истории, А. Марвик был убежден, что «в отношении главных проблем понимания прошлого, с которым имеют дело историки, техника деконструкции или дискурсивного анализа не представляет большой ценности по сравнению с тонкими методами, разработанными историками». Настаивая на априорной ценности собственно исторических методов исследования, он подчеркивал, что «каждый историк должен верить, что истина и понимание являются теми ценностями и целями, которые существуют изначально и неотчуждаемы» [19. С. 48].

Как и предсказывал в свое время А. Марвик, в современной историографии интерес к постмодернизму угасает. Почти двадцать лет назад Р. Торстендаль, руководивший секцией историографии XX в. на XIX Международном конгрессе историков в Осло в 2000 г., говорил, что «в настоящее время немного свидетельств того, что постмодернизм оказал какое-либо влияние на традиционную историческую методологию» [20. P. 115]. Что же касается междисциплинарных подходов в историческом исследовании, то в последнее десятилетие они, напротив, получили значительное развитие. При этом, как это было показано в свое время А. Марвиком, предметная область собственно исторического исследования достаточно ревностно охраняется профессиональными историками. Именно в этом следует видеть его основную заслугу, определившую место британского исследователя в современной историографии.

Литература

1. *Marwick A.* The Nature of History. – New York, 1971.
2. *Carr E. H.* What is History? 2nd ed. – L., 1962.
3. *Marwick A.* The New Nature of History. 2nd ed. – L., 2001.

4. *Marwick A.* The Nature of History. – New York, 1971.
5. *Marwick A.* The New Nature of History. 2nd ed. – L., 2001.
6. *Barraclough G.* Scientific Method and the Work of the Historian // Logic, Methodology and Philosophy of Science. Proceedings of the 1960 International Congress. – Stanford, 1962.
7. *Marwick A.* J. Barraclough' «Main Tendencies in History»: A Review // History. – 1981. – Vol. 66, № 212.
8. *Marwick A.* Concepts and Sources: Seven Modest Rules for the 21st Century // Политическая история на пороге XXI века: традиции и новации. – М., 1995.
9. *Marwick A.* Concepts and Sources: Seven Modest Rules for the 21st Century // Политическая история на пороге XXI века: традиции и новации. – М., 1995.
10. *Marwick A.* «A Fetishism of Documents»? The Salience of Source-based History // The Development of Modern Historiography. – New York; L., 1993.
11. *Stone L.* History and Post-modernism // Past and Present. – 1991. – May. – № 131.
12. *Marwick A.* Two Approaches to Historical Studies: the Metaphysical (Including «Postmodernism») and the Historical // Journal of Contemporary History. – 1995. – January.
13. *Stone L.* The Revival of Narrative: Reflections on a New Old History // Past and Present. – 1979. – November. – № 85.
14. *Jenkins K.* Re-thinking History. – L., 1991 (1999, 2003).
15. *Marwick A.* Two Approaches to Historical Studies: the Metaphysical (Including «Postmodernism») and the Historical // Journal of Contemporary History. – 1995. – January.
16. *Joyce P.* History and Post-modernism // Past and Present. – 1991. – November. – № 133.
17. *Marwick A.* Two Approaches to Historical Studies: the Metaphysical (Including «Postmodernism») and the Historical // Journal of Contemporary History. 1995. January. P. 27-34.
18. *Marwick A.* Two Approaches to Historical Studies: the Metaphysical (Including «Postmodernism») and the Historical // Journal of Contemporary History. – 1995. – January.
19. *Марвик А.* Постмодернизм и историческая наука / пер. с англ. // Ранние буржуазные революции и современная историческая мысль: сб. статей / отв. ред. И.И. Шарифжанов. – Казань, 1990.
20. *Thorstendahl R.* Assessing Professional Developments. Historiography in Comparative Perspective // Proceedings. Acts. Reports, Abstracts and Round Table Introductions. XIX International Congress of Historical Sciences. – Oslo, 2000.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/13
УДК: 930

В.В. Миронов

ШКОЛА БЕЗ ЛИДЕРА? К ВОПРОСУ О РОЛИ ЛИДЕРСТВА В СОЗДАНИИ АНГЛИЙСКОЙ ШКОЛЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.

Аннотация. *Статья посвящена проблеме лидерства в становлении английской школы международных отношений. Цель – выявить основные аспекты историографического анализа данного признака в контексте современных схоларных исследований. В работе выделены источники развития современных схоларных подходов, которые демонстрируют основные аспекты проблемы научного лидерства и определяют методологию изучения вопроса. Выявлен круг возможных лидеров научного сообщества, проанализированы аргументы и проблемы лидерства в отношении данных ученых. Главный вывод статьи состоит в том, что в создании английской школы международных отношений лидерство хотя и было редуцировано, но отвечало потребностям становления новой междисциплинарной науки.*

Ключевые слова: *английская школа международных отношений, схоларные исследования, лидерство.*

Лидерство принадлежит к числу сложных социальных явлений. Лидерство в науке выступает лишь одним из проявлений более широкой темы социального лидерства. Поэтому данной проблемой занимаются не только историки. Тем не менее повестка изучения научного лидерства в целом и вопрос о роли лидера в создании научной школы в частности выступают в качестве центральных в современных схоларных исследованиях. По своему происхождению данные исследования формировались, на мой взгляд, из двух основных источников.

Во-первых, изучение школ стало развиваться во второй половине XX в. в так называемых науковедческих исследованиях. Их появление, в свою очередь, было обусловлено научно-технической и ин-

формационно-технологическими революциями. Как следствие, наличие научных школ стало рассматриваться критически важным фактором в технологическом развитии страны и общества. Изучению школ стали уделять внимание, пытаясь сосредоточиться на выявлении структурных компонентов их формирования и развития. В зарубежной науке это привело к появлению такого специфического подхода, как социология знания. Эти же процессы затронули и науку отечественную. Примером удачного применения «новых» науковедческих подходов в СССР может служить коллективная монография советских и восточногерманских исследователей, изданная в 1977 г. [1]. В целом, в науковедческих исследованиях формулировался тезис о том, что создание научных сообществ носит вероятностный характер и зависит от комплекса причин социально-исторического, предметно-логического и личностно-психологического характера. Тем самым ставилась проблема научного лидерства как фактора, объединяющего разные группы предпосылок. Кроме того, социология знания обращала внимание на ситуации, когда большие ученые не оставляли после себя научной школы, что в условиях НТР считалось контрпродуктивным. В этом смысле будет справедливо лишний раз вспомнить высказывание Э.Г. Мирского о том, что школы относятся к тем общественным явлениям, представление о важности которых значительно превышает уровень понимания их сущности [1. С. 161].

Во-вторых, эмпирическое изучение отдельных научных сообществ осуществлялось историками. В качестве современных примеров подобных исследований можно отметить работы Г.П. Мягкова [2], А.В. Свешникова [3], Н.В. Трубниковой [4]. В этом отношении, изучение наработок своих коллег выступает частью сложного процесса формирования собственной научной идентичности. Через знакомство с другими научными традициями историки осознают свое место в постоянном исследовательском процессе. Со временем такая практика привела к тому, что историографический анализ стал неотъемлемой частью при написании исторических исследований, а знание школ и направлений в исторической науке существенно облегчает данную историографическую задачу.

При этом, в отличие от науковедческих исследований, где лидерство признавалось одним из возможных условий формирования научной школы, в историографических исследованиях лидерство рассматривается едва ли не как критически важный фактор в созда-

нии подобных структур. Показательно в этом отношении само понятие школы, данное Е.В. Гутновой: «Термин “школа” мы применяем для обозначения еще более узкой группы историков, составляющих ответвление широкого “течения”, или даже “направления”». Критериями выделения школ для Е.В. Гутновой выступали общность методических приемов, личность крупного ученого, объединяющего учеников, университет как некая институциональная площадка передачи знаний [5. С. 10]. Таким образом, связка «учитель – ученики» (лидер – последователи) становилась едва ли не основным структурным фактором в выделении научной исторической школы.

Английская школа международных отношений примечательна в этом смысле тем, что лидерство как признак научного сообщества в ее создании было редуцировано. Под английской школой международных отношений в целях данной статьи будем понимать сообщество исследователей-международников, работающих преимущественно в Великобритании и разделяющих принципы подхода к изучению международных отношений с позиций концепции международного общества. На роль лидеров в создании научного сообщества могут претендовать сразу несколько человек: Ч. Мэннинг, Г. Баттерфильд, М. Уайт, Х. Булл. На поздних этапах существования школы к числу ее лидеров относили Р.Дж. Винсента и Р. Джексона. Рассмотрим роль и проблемы лидерства в генезисе данного сообщества.

Чарльз Мэннинг был первым профессором по международным отношениям в Великобритании. Долгое время (1930–1962) он возглавлял кафедру международных отношений в Лондонской школе экономики. Это был один из первых центров изучения международной политики в стране после Центра им. В. Вильсона (Уэльс, 1919) и кафедры в Оксфорде (1924). Именно Ч. Мэннингу принадлежит идея анализа международных отношений с позиций идеи международного общества [6. P. X]. Но, по-видимому, он не был автором этого термина, хотя и наполнил его эвристическим потенциалом.

С позиций современных схоларных подходов его роль как лидера в создании научного сообщества может быть оспорена и по другим основаниям. Мэннинг мало что публиковал из своих идей по вопросу о международном обществе. Его единственная книга была издана в начале 1960-х гг. и была следствием его отставки с должности заведующего кафедрой [6]. И хотя его идеи использовали участники школы, для большинства из них он оставался авторитетным

преподавателем, но не генератором научной концепции. Ему лично было сложно разделять научные и публицистические стили работы. Как организатор он выступал за открытие отдельной учебной специальности, но не считал международные отношения самостоятельной наукой [7]. Кроме того, он не принимал участие в Британском комитете по изучению международной политики – основной институциональной площадке формирования английской школы международных отношений в 1960–1970-х гг.

Создателем и первым председателем этого комитета как раз был известный британский историк Герберт Баттерфильд. Его авторитет как ученого был настолько высок, что, по мнению отечественных историков, соперничать с ним мог только А. Тойнби [8. С. 73–84]. Именно Баттерфильду удалось найти источники финансирования и организовать работу сообщества британских международников в 1958–1967 гг. Он был одним из редакторов первой коллективной монографии, где его перу принадлежало два важных эссе [9. P. 132–148, 181–192]. Данные обстоятельства говорят в пользу признания его лидером сообщества. Однако более скрупулёзный анализ его участия в проекте может поставить его лидерство под сомнение. Как минимум, именитому историку было трудно найти свое место в работе комитета.

Г. Баттерфильд стал интересоваться международными отношениями после Первой мировой войны. Именно она была рубежным событием в становлении его собственного мировоззрения. В своих исследованиях он объяснял крупнейшие трагедии в истории международной политики в Новое время разрывами между поколениями, отсутствием преемственности в управлении странами, секуляризацией общественного сознания [10. P. 3–32]. Таково было консервативное кредо Баттерфильда. Среди главных идей в международной сфере Г. Баттерфильд уделял особое внимание балансу сил, представления о котором у него формировались на примере его любимого XVIII в. Он познакомил участников Британского комитета со своим видением европейской международной системы. Оно было основано на анализе трудов немецких историков Геттингенской школы, в первую очередь Л. фон Геерена. Здесь лежат истоки понимания системности английской школой. Попытка воссоздания баланса сил ради снижения эгоистических интересов государств и была для ученого лейтмотивом недопущения новых трагедий в XX в. Но широкие исторические обобщения других участников проекта вступали

в противоречие со взглядами консервативного историка. Поэтому Баттерфильд предпочел уступить место председателя комитета после выхода первой монографии школы своему молодому ученику Мартину Уайту.

Но и с Уайтом как лидером в создании школы дело обстоит не совсем гладко. М. Уайт был коллегой Мэннинга по кафедре в Лондонской школе экономики. Отношения между ними ухудшились в 1950-е гг. из-за грантовой поддержки своих исследований, и вскоре Уайт сменил место работы на «новый» университет в Суссексе, где стал заниматься так называемыми европейскими исследованиями. М. Уайт считал международные отношения не самостоятельной наукой, а лишь набором некоторых курсов для магистратуры. Безусловно, ему были знакомы идеи «международного общества» Мэннинга, тезисы Баттерфильда о европейской системе международной политики, но он до конца жизни отстаивал свое видение международной системы, предпочитал термин «система государств» «международному обществу» [11]. Таким образом, если настаивать на концепции международного общества в качестве отличительного знака английской школы, то работы М. Уайта не дают оснований считать его главным протагонистом данной концепции. Хотя нет никаких сомнений в том, что именно Уайт определял работу семинара, а, как следствие, и школы в 1960-е – начале 1970-х гг. Но в это же время он вступил в полемику с Х. Буллом и до конца своих дней был последовательным критиком булловского видения международного общества.

Период председательства Х. Булла в Британском комитете (1978–1985) можно по праву считать расцветом первого этапа существования английской школы. Его работа стала «классикой» в теории международных отношений [12]. Школа получила известность за пределами Великобритании, а его спор с М. Капланом сделал его международником мирового масштаба. Но именно Х. Булл подчеркивал в своих работах разницу между системой государств и международным обществом, именно Булл своими поздними работами заложил основы внутреннего кризиса школы и раскола сообщества на плюралистов и солидаристов в конце XX в. [13]. И хотя расхождения между ними остаются в пределах одной концепции, современная траектория идейного развития сообщества не однозначна.

Таким образом, вывод, который напрашивается при рассмотрении вопроса, наверное, состоит в том, что лидерство в создании данной научной школы не представляло собой простую трансляцию

знания талантливого учителя через группу одаренных учеников. Лидерство внутри малого научного сообщества темпорально и вариативно. Функционально научное лидерство многопланово. В идейном смысле лидер школы, отстаивая свои взгляды, должен быть готов к тому, что его мысли будут не только развиваться, но критиковаться и даже отбрасываться теми, кому он их доверил. В этом отношении правомерен тезис М. Вебера, что наука представляет собой определенную машину по производству знания [14. С. 130–149]. В отличие от искусства, развитие научных идей выступает целью, а не ценностью научной деятельности. Без учеников у лидера не будет школы, его идеи не получат развития и не пройдут проверки, а с приобщением учеников к идеям лидера они могут и занять его место. Вместе с тем сама школа гибнет, если лидер не создает условий для дальнейшего развития сообщества, в том числе не проявляет готовность уступить свое место более талантливым ученикам или трансформировать свои взгляды. Такова амбивалентная природа научного лидерства. В английской школе международных отношений в период ее становления лидерство как признак сообщества оказалось адекватным процессу становления новой междисциплинарной науки, но вместе с тем редуцированным структурным компонентом изучения данного научного сообщества.

Литература

1. *Школы* в науке / отв. ред. С.Р. Микулинский и др. – М.: Наука, 1977. – 524 с.
2. *Мягков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. – 298 с.
3. *Свешников А.В.* Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX века. Судьба научного сообщества. – М.; СПб., 2016. – 415 с.
4. *Трубникова Н.В.* Французская историческая школа «Анналов». – М.: Квадрига. 2016. – 336 с.
5. *Гутнова Е.В.* Историография истории средних веков (середина XIX в. – 1917 г.) М.: Высшая школа. 1974. – 309 с.
6. *Manning C.A.W.* The Nature of International Society. – L.: London School of Economics and Political Science, 1975 – 280 p.
7. *Manning C.A.W.* The University teaching of Social Science: International Relations. A Report prepared on behalf of the International Studies Conference. – Paris: UNESCO, 1954. – 100 p.
8. *Шарифжанов И.И.* Английская историография в XX веке. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – 238 с.

9. *Diplomatic* Investigations. Essays in the Theory of International Politics. Ed. by H. Butterfield and M. Wight. – L.: Allen & Unwin, 1966. – 227 p.

10. *Coll A.R.* The Wisdom of Statecraft. Sir Herbert Butterfield and philosophy of International Politics. – Durham: Duke University Press, 1985. – 173 p.

11. *Wight M.* System of State. Ed. by H. Bull. – Leicester: Leicester University Press, 1977. – 232 p.

12. *Bull H.* The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. – New York: Colombia University Press, 1977. – 335 p.

13. *Bull H.* Justice in International Relations: The 1983 Hagey Lectures (1984) // Hedley Bull on International Society. Ed. by K. Alderson and A. Hurrell. – London; N.Y., 2000. – P. 206–245.

14. *Вебер М.* Наука как призвание и как профессия // Самосознание европейской культуры XX века. – М., 1991. – С. 130–149.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/14
УДК: 930.1

А.А. Линченко

ЭТИКА КАК УСЛОВИЕ РЕФЛЕКСИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ ЙОРНА РЮЗЕНА[1]

Аннотация. *Анализируется теоретическая концепция Йорна Рюзена, обосновавшего необходимость использования этических вопросов в качестве ориентира и условия развития исторической науки. Показано, что сама теоретическая позиция Йорна Рюзена эволюционировала от попытки выделения этического аспекта историописания и выявления роли и места моральной составляющей в исторической культуре к анализу и практическому воплощению этических вопросов как условию преодоления этноцентризма в исторической науке.*

Ключевые слова: *Йорн Рюзен, этическая рефлексия, теория истории, этика истории.*

Не будет преувеличением указать на практический поворот как один из важнейших факторов теоретической рефлексии и исследовательской практики в современных социально-гуманитарных науках. В данном случае речь идет не только о приоритете исследования практик и практической сферы человеческой жизни, но и росте влияния проблем так называемой практической философии на различные социально-гуманитарные науки. Традиционно практическая философия всегда интерпретировалась как область философского знания, изучающая человеческую деятельность на практике в контексте широкого круга вопросов этики, эстетики, политических и экономических исследований. Одним из проявлений описываемой

[1] Подготовлено при поддержке гранта РНФ 19-18-00421 «Проблема исторической ответственности: этико-нормативные основания, дискурсивные практики и медиарепрезентации».

ситуации стала попытка Юргена Хабермаса обосновать этику как метод философии, результатом чего стала формулировка этики дискурса как важнейшего условия коммуникативного действия. Не менее интересен в этой связи опыт рассмотрения этики как важного условия теоретической рефлексии и в исторической науке. В этой связи одной из наиболее аргументированных и получивших всеобщее признание является концепция немецкого теоретика истории Йорна Рюзена.

Исходным пунктом рассуждений Йорна Рюзена, во многом производных от близкой ему сферы дидактики истории, является стремление вписать историческую науку и ее теорию в проблематику исторического сознания, а позднее – в проблематику исторической культуры. Для Рюзена историческое сознание – это придание (смысла) значения опыту изменений во времени (Sinnbildung über Zeiterfahrung). Эта формула раскрывается Рюзеном в трех основных понятиях, характеризующих вообще способность человека мыслить исторически: а) способность иметь опыт темпоральной инаковости; б) способность интерпретировать; в) способность к ориентации и самомотивации. Принципиальная позиция Й. Рюзена, как и большинства современных немецких исследователей, заключается в утверждении невозможности четкого разделения прошлого, настоящего и будущего. Более того, все три модуса времени, по его мнению, открыты друг другу, что означает, что «прошлое может стать лучше». При этом «улучшение» прошлого, по мысли Й. Рюзена, не следует отождествлять только с очередной интерпретацией хорошо известных фактов. Это трансформация опыта жизни, получающего новый статус исходя из перспективы другого, нового прошлого [1]. Опыт прошлого, таким образом, сплетается с интерпретацией, формируя осмысленное восприятие исторического и делая его источником ориентации в настоящем и будущем. Рюзен настаивает на необходимости синтеза рационализма и постмодернизма. По сути, он пытается вписать разум и рациональность в жизненный мир и эстетику постмодернизма. Данная идея была высказана им еще в начале 80-х гг. в его книге, посвященной историческому опыту [2], где она была представлена в виде разработанной им так называемой «дисциплинарной матрицы исторической науки». Как известно, Й. Рюзен выделяет три основных измерения данной матрицы: политическую стратегию коллективной памяти, познавательную стратегию произ-

водства исторических знаний и эстетическую стратегию поэтики и риторики исторического изображения.

К осмыслению проблем исторического сознания немецкий исследователь идет через проблемы кризиса исторической науки, преодоление которого видится ему через расширение познавательных целей исторической науки и превращение ее в средство для эффективного практического использования в настоящем. Синтез рационализма и постмодернизма возможен только на путях некоей метаисторической точки зрения. Любопытно, что метаисторическая точка зрения, по мысли немецкого исследователя, есть синтез идеи объективности, ориентированной на анализ опыта времени на основе источников и идеи нарративности (субъективности), под которой он понимает соотнесенность исторического мышления с культурными практиками коллективной памяти и идентичности, показывает, как реализует себя историческое познание в практической жизни посредством своих нарративных форм. Говоря о необходимости метаисторической точки зрения, Й. Рюзен в качестве фундаментального ее основания полагает универсальность ценностей. В одной из своих статей, недавно опубликованной в России, он пишет: «Нам нужна ведущая система ценностей, универсальная система ценностей, которая утверждает различие культур. Я считаю, что существует фундаментальная ценность, которая должна быть внесена в стратегию исторической интерпретации, ценность, которая одновременно является как универсальной, так и обосновывающей разнонаправленность и различие. Я думаю о нормативном принципе взаимной признательности и признания различий в культуре» [3. С. 25]. Только отыскание такого принципа в качестве основы для исторического смысла позволит, по мнению Рюзена, транслировать гуманность как последовательность истории. Особо отметим, что именно нарратив замыкает у Рюзена на себе и проблематику времени, и проблематику исторического сознания. Исторический нарратив, считает Й. Рюзен, – это «система мыслительных операций, определяющих поле исторического сознания» [4. P. 10]. В историческом нарративе связываются два других ключевых понятия теории Рюзена – интерпретация и ориентация.

Наиболее известной стороной концепции Й. Рюзена является его учение о четырех типах исторической наррации: традиционном, поучительном (exemplary narrative), критическом и генетическом. Каждый из них, по мысли Йорна Рюзена, по-своему организовывая

текст, имеет еще и определенное моральное значение. Именно здесь в теоретической модели Йорна Рюзена впервые получает рассмотрение этическая сторона теоретической рефлексии о прошлом. Так как данные типы наррации уже находили достаточно подробное рассмотрение в отечественной литературе [5], укажем лишь их общий этический смысл. В традиционном типе нарратива возможность ценностей усматривается в их эффективной преданности, позволяющей решать моральные дилеммы. В поучительном нарративе этическая аргументация достигается путем обобщения, отсылающего к закономерностям и твердым принципам. Этический контекст критического нарратива формируется на основе разрушения силы моральных ценностей путем отрицания их действенности. Ценности критицизма здесь играют решающую роль. Наконец, генетический нарратив и его этический контекст отсылают к темпорализации моральности. Йорн Рюзен указывает на то, что именно темпоральные изменения становятся решающим аргументом для действенности моральных ценностей. Этическая рефлексия в таком случае оказывается продуктом самой истории как набора опытов.

Эволюция теоретических взглядов Йорна Рюзена в 90-е гг. была связана с концептуализацией понятия «историческая культура». Именно в данном контексте мы находим еще одно более широкое обоснование Йорном Рюзеном этической стороны теоретической рефлексии в исторической науке. По его мнению, историческая культура является историческим сознанием, схваченным в действии и представляющим собой все формы и способы восприятия прошлого в контексте настоящего и будущего. Сюда входят и бессознательное, и политизация истории, различные аспекты запоминания, места памяти и идентичности [63]. При этом, если в своих работах в 90-е гг. прошлого столетия немецкий теоретик истории указывал на три измерения исторической культуры (когнитивное, эстетическое, политическое), то в своей недавней книге он добавил к ним еще два (моральное, религиозное). Он отмечает: «В моральном измерении исторической культуры имеет место оценка прошлых событий в соответствии с нравственными и моральными нормами, которые в культуре настоящего рассматриваются как обязательные. Решающим здесь является критерий значения различия между добром и злом» [6. S. 238].

В последние годы темы этической стороны в теоретической рефлексии об истории получили в работах Йорна Рюзена новое из-

мерение и оказались связаны с его давней идеей прагматического использования истории в целях усиления позиций гуманизма. В трактовке Рюзена данный дискурс получил развитие в контексте изучения вопросов преодоления этноцентризма. Вернувшись к разговору об универсальной системе ценностей, он отмечает, что этноцентризм коренится в «больших нарративах», описывающих историю страны и формирующих неравномерное отношение к себе и другим. Простейший пример этноцентризма – это выделение цивилизации и варваров как ее антиподов. В основе этноцентризма лежит традиционная логика процесса формирования идентичности, помещающая этнос в центр мироздания. Подчеркивая, что этноцентризм постоянно трансформируется и принимает новые формы, немецкий ученый указывает на три наиболее явных элемента этноцентризма в историческом мышлении: а) асимметричное отношение между позитивными и негативными оценками себя и других; б) телеологическая непрерывность формирования идентичности общей сопричастности; в) моноцентризм организации окружающего социального пространства и времени [7].

Преодоление этноцентризма видится Й. Рюзену в утверждении универсальных общечеловеческих ценностей и понятия «человечество». Асимметрия оценки должна быть преодолена посредством нормативного равенства как равенства между этносами, принятия различий исторического опыта и необходимости включения негативного исторического опыта в большие нарративы социальных общностей. Телеологическая непрерывность предполагает введение в исторические нарративы понятий прерывности, разрывов исторического опыта, преодоления представления об исторической неизбежности, актуализацию альтернативности в понимании истории. Моноцентричность взгляда также может быть преодолена посредством мультиперспективности и полицентризма. При этом Й. Рюзен оговаривается, что мультикультурализм не следует понимать как постмодернистский релятивизм. Речь идет именно о диалоге традиций историописания. Заметим, что в последние годы данные теоретические рассуждения нашли практическое воплощение в большом проекте «Core Concepts of Historical Thinking», реализуемом в Университете им. Адама Мицкевича в Познани, стартовавшем в 2019 г. Задачей данного проекта является выделение базовых концептов, понятий и категорий профессионального историопи-

сания в разных культурах и их систематизация с целью выявления возможности сравнения, сопоставления и взаимовлияния.

Литература

1. *Рюзен Й.* Может ли вчера стать лучше? О метаморфозах прошлого в истории // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2003. – Вып. 10. – С. 48–66.

2. *Rüsen J.* Historische vernuft. – Gottingen: Vandelhoeck&Ruprect, 1983. – 157 S.

3. *Рюзен Й.* Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – 2001. – Вып. 7. – С. 8–27.

4. *Rüsen J.* History: narration-interpretation-orientation. – L.: Berghahn Books, 2005. – 222 p.

5. *Робустова Е.В.* Реминисценция идей И.Г. Дройзена в концепциях нарративистской историографии Германии // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. – 2010. – № 1. – С. 214–219.

6. *Rüsen J.* Historik. Theorie der Geschichtswissenschaft. – Köln, Weimar, Wien: Böhlau, 2013. – 322 S.

7. *Rüsen J.* How to overcome ethnocentrism: approaches to a culture of recognition by history in the twenty-first century // History and Theory. Theme Issue 43 (December 2004).– P. 118–129.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/15
УДК: 930

А.А. Мордзилович

«СВЯЩЕННЫЙ РЕЙХ» Р. ШТАЙГМАННА-ГАЛЛЯ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ ХРИСТИАНСТВА И НАЦИЗМА

Аннотация. *В статье анализируется монография современного американского историка Ричарда Штайгманна-Галля «Священный рейх: нацистские концепции христианства, 1919–1945» (Richard Steigmann-Gall «The Holy Reich: Nazi Conceptions of Christianity, 1919–1945»), изданная в 2003 г. В своем исследовании Р. Штайгманн-Галль обращается к изучению религиозного самовосприятия нацистов и приходит к неожиданным и спорным выводам о том, какое место занимало христианство в их идеологии.*

Ключевые слова. *Штайгманн-Галль, Третий рейх, национал-социализм, позитивное христианство, историография, Священный рейх.*

По замечанию известного историка Р. Эванса, дискуссия по вопросу взаимоотношений религии и нацизма в историографии зашла в тупик к концу 1990-х гг. [1. P. 6]. К этому времени стало очевидным, что прежние подходы к изучению данной проблемы, когда историки пытались дать однозначную оценку действиям церкви в Третьем рейхе, оказались несостоятельными. Новейшие исследования по социальной истории показали, что христианские церкви Германии давали разные ответы на тот вызов времени, с которым им пришлось столкнуться в лице Адольфа Гитлера и его движения. Сегодня у современных историков нет сомнений в том, что картина намного сложнее, чем это представлялось исторической науке в 1950–1960-х гг., когда было принято либо ставить церковь во главе Сопротивления, либо приписывать ее чуть ли не к пособникам нацистского режима.

Новый толчок к изучению взаимодействия нацизма и христианства дала диссертация Ричарда Штайгманна-Галля (Richard

Steigmann-Gall), доцента кафедры истории Кентского государственного университета (Kent State University) в штате Огайо, представленная им в 1999 г. В 2003 г. эта нашумевшая работа была оформлена в одноименную монографию «Священный рейх: нацистские концепции христианства, 1919–1945» («The Holy Reich: Nazi Conceptions of Christianity, 1919–1945»). В своем исследовании Р. Штайгманн-Галль пришел к неожиданному выводу, что многие нацисты мыслили себя христианами и считали свое движение «истинно христианским».

Основной тезис автора состоит в том, что упоминание о «позитивном христианстве» в программе партии не было просто политическим инструментом для обмана немецких христиан. Напротив, это было отражением взглядов самих нацистов и выражением их особого восприятия христианской религии. Небезызвестный пункт 24 программы НСДАП (1920 г.) гласил: «Мы требуем свободы всех вероисповеданий в государстве, поскольку они не угрожают его существованию и не нарушают морального чувства германской расы. Партия как таковая стоит на почве положительного христианства, не связывая себя с тем или иным определенным вероисповеданием. Она ведет борьбу против еврейско-материалистического духа внутри нас и вне нас и убеждена, что длительное оздоровление нашего народа может последовать только изнутри на основе: общее благо выше личной выгоды» [2. С. 18]. Р. Штайгманн-Галль утверждает, что, исходя из этого пункта, христианский базис своей партии нацисты определяли через три ключевые идеи. Это «духовная борьба против евреев, распространение социальной этики и новый синкретизм, который преодолеет конфессиональное разделение Германии» [3. P. 14]. Такая трактовка резко контрастирует с имеющимися интерпретациями нацистской политической программы, которые обычно представляют пункт 24 как уловку для привлечения большего электората на выборах.

Даже идеологи нацизма, продолжает историк, отрицали христианство лишь частично, продолжая апеллировать к христианским образам и использовать христианскую риторику в своих речах. Более того, по его мнению, нацизм во многом руководствовался христианскими принципами, такими как антисемитизм, антимарксизм, антилиберализм и т.д. До 1937 г., как полагает исследователь, нацисты ставили своей целью не уничтожить христианство, а преобразовать его, «ариизировать». Но с усилением влияния группы «язычников»

во главе с Мартином Борманом происходит окончательный разрыв между церковью и нацистским государством, а партия полностью встает на антихристианские позиции.

Таким образом, Р. Штайгманн-Галль противопоставляет свои выводы достаточно распространенной в современной историографии точке зрения о национал-социализме как о политической религии. Теория политической религии, у истоков которой стояли Э. Фогеляйн и Р. Арон, зародилась еще в 1930-х гг., но особенно сильный всплеск интереса к ней появился только в 1990-х гг. Под политической религией обычно понимается «идеология, которая обладает всеми признаками религии, но не предполагает веры в Бога» [4. С. 81]. На тему нацизма как светской религии написано огромное количество трудов. Среди англоязычных авторов одним из наиболее последовательных сторонников данной теории является Майкл Берли («Третий рейх: Новая история»). Он полагает, что нацисты смогли получить широкую общественную поддержку именно благодаря своей способности сакрализировать народ, придав светской идеологии «фелькише» религиозные формы [5. P. 379]. Среди других видных историков, развивающих идею политических религий, можно назвать Дж. Моссе, Э. Джентиле, Ф. Штерна и т.д. Большинство из них считают, что национал-социализм лишь цинично использовал христианские символы в политических целях, оставаясь при этом движением, антагонистичным по отношению к учению Христа.

Р. Штайгманн-Галль выделяет две главные ошибки в суждениях приверженцев теории политической религии. Во-первых, они воспринимают А. Розенберга, М. Бормана, Г. Гиммлера и других «язычников» как людей, отражающих религиозные взгляды всей партии. Во-вторых, выдвигается тезис, что нацизм оказался привлекательным для немецкого общества именно в силу эмоций и форм, в которые он был облечен. Иными словами, мало внимания уделяется содержательной стороне: «Какой бы ни была нацистская “платформа”, она считается неактуальной или, в лучшем случае, второстепенной» [6. P. 380]. Р. Штайгманн-Галль выступает противником подобной интерпретации нацизма во многом именно потому, что, по его мнению, национал-социализм был идентичен протестантизму не только формально, но и по содержанию.

Такой новаторский и даже провокационный взгляд на отношение нацистов к христианству не мог не вызвать оживленной дискуссии в научных кругах. В журнале «Journal of Contemporary History»

в 2007 г. развернулась полемика между автором и несколькими его рецензентами.

Так, например, немецкий историк М. Гайлус не признает особой сенсационности данной работы, считая, что она все же является частью направления, изучающего феномен политической религии на протяжении последних 15 лет. Тот факт, что нацисты зачастую обращались к христианскому опыту, по его мнению, может быть объяснен их социализацией: многие из нацистских идеологов родились и выросли еще в кайзеровской Германии, ориентированной на христианство [7. P. 38]. Кроме того, М. Гайлус указывает на игнорирование Р. Штайгманном-Галлем важных источников, которые вступают в противоречие с его концепцией. Например, автор рецензируемой монографии анализирует дневники только «раннего» Геббельса, который действительно тогда еще находился под влиянием католической веры, привитой ему в семье. К более поздним взглядам министра пропаганды на религию, которых он придерживался вплоть до своей смерти в 1945 г., Р. Штайгманн-Галль не обращается. Более того, религиозные представления Геббельса у него предстают статичными, не изменившимися даже после захвата нацистами власти.

В 2007 г. появилась рецензия Д. Берген на данную монографию, в которой она подвергает критике Р. Штайгманна-Галля, но за то, что он упустил из виду многие источники, которые бы сделали его тезисы более убедительными. Например, он не обратился к изучению церковных практик, которые соблюдались немцами даже при нацистском режиме. Подавляющее большинство из них продолжало платить церковные налоги и причащаться, т.е. они не видели никакого противоречия в сосуществовании нацизма и христианства [8. P. 29]. Кроме того, несмотря на заявленные хронологические рамки, Р. Штайгманн-Галль в основном анализирует период до 1937 г., но именно во время Второй мировой войны и католическая, и евангелическая церкви призывают к сплочению вокруг правительства ради победы в войне, а Гитлер осаживает некоторых своих антихристиански настроенных соратников по партии.

В своей ответной статье Р. Штайгманн-Галль отказался признавать свою монографию частью исторического направления, занимающегося политической религией, так как в своей работе он преследовал совсем иные цели. Главным для автора было не показать, как нацизм пытается стать новой религией, а пересмотреть традици-

онный взгляд на взаимоотношения между нацистами и христианством [9. P. 188].

Многие критические замечания рецензентов справедливы. Действительно, несмотря на то, что в своих текстах и приватных беседах нацистские лидеры могут казаться сторонниками христианства (пусть и в своем особом понимании его), их политика и конкретные действия по отношению к церкви доказывают обратное. О подлинном отношении высших нацистских кругов к концепции «позитивного христианства» можно судить по одному из высказываний Геббельса: «... легче всего бороться с церковью, когда противопоставляешь ей себя как позитивного христианина» [10. С 216]. То есть для партийных лидеров эта идея была, прежде всего, инструментом борьбы с христианскими церквями Германии, призванным показать нацистов «истинными» ревнителями христианства в противовес «попам».

Что касается высказываний партийных функционеров, апеллирующих к христианству и его образам, то принимать их на веру нужно с большой осторожностью. Зачастую нацисты вынуждены были скрывать свои истинные намерения за религиозной риторикой, чтобы не потерять влияние среди многочисленных немецких христиан.

«Священный рейх» – это вызов тем постулатам, которые традиционно отстаивает немецкая и англоязычная историография. Без сомнения, Р. Штайгманн-Галль в целом ряде моментов выступает как новатор. Так, его призыв к четкому разделению таких явлений, как антиклерикализм и неприятие самого христианства как такого, может способствовать уточнению взглядов нацистских лидеров на религиозный вопрос. Если традиционно историки представляют национал-социализм как форму неоязычества, противостоящую христианству, то Р. Штайгманн-Галль обращает внимание на то, что многие нацисты отвергали церковь, но не учение Христа [11. P. 59]. Иными словами, исследователь предлагает задуматься о том, может ли быть нацизм логичным продуктом цивилизации, а не ее провалом, как принято считать? Может ли христианство быть «источником той же тьмы, которую оно ненавидит» [3. P. 267].

Кроме того, та острая критика, которую в своей работе Р. Штайгманн-Галль направил против своих предшественников, способствовала уточнению позиций сторонников термина «политическая религия». В частности, стало ясно, что требуется более

глубокий анализ явления секуляризации; был поднят вопрос о том, стоит ли различать понятия «полной» и «частичной» секуляризации и т.п.

Наконец, несмотря на всю спорность некоторых предположений автора, необходимо отметить большое значение его работы для дальнейшего развития современной историографии Третьего рейха. «Священный рейх» предложил историкам обратиться к изучению нацизма не как монолитного (относительно церковного вопроса) движения, а как совокупности соперничающих группировок, где были свои «язычники» и свои «христиане». Исследования Р. Штайгманна-Галля также стимулировали развитие проблемы «позитивного христианства» в Третьем рейхе и в целом религиозных корней нацизма. Эта тема становится все более актуальной в современной западной историографии. Кроме того, сегодня рядом с литературой, посвященной борьбе церкви и нацистов, начинают появляться труды, которые показывают отдельные моменты приспособления обеих сторон друг к другу. Вышло несколько монографий, которые показывают, как христианское мировоззрение и нацистская идеология уживались в сознании рядовых немцев (К. Спайсер [12], Л. Фолкнер Росси [13]). Все это углубляет картину взаимоотношений нацистского государства и церкви, а значит, приближает ее к истине.

Литература

1. *Evans R.J.* Nazism, Christianity and Political Religion: A Debate // Journal of Contemporary History. – 2007. – Vol. 42, № 1. – P. 5–7.

2. *Гейден К.* История германского фашизма. – М.: СОЦЭКГИЗ, 1935. – 434 с.

3. *Steigmann-Gall R.* The Holy Reich: Nazi Conceptions of Christianity, 1919–1945. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 310 p.

4. *Семедов С.А.* Политические религии // Власть. – 2009. – № 8. – С. 81–83.

5. *Babík M.* Nazism as a Secular Religion // History and Theory. – 2006. – Vol. 45, №. 3. – P. 375–396.

6. *Steigmann-Gall R.* Nazism and the revival of political religion theory // Totalitarian Movements and Political Religions. – 2004. – № 5(3). – P. 376–396.

7. *Gailus M.* A Strange Obsession with Nazi Christianity: A Critical Comment on Richard Steigmann-Gall's «The Holy Reich» // Journal of Contemporary History. – 2007. – Vol. 42, № 1. – P. 35–46.

8. *Bergen D.* Nazism and Christianity: Partners and Rivals? A Response to Richard Steigmann-Gall, «The Holy Reich. Nazi Conceptions of Christianity, 1919–1945» // Journal of Contemporary History. – 2007. – Vol. 42, № 1. – P. 25–33.

9. *Steigmann-Gall R.* Christianity and the Nazi Movement: A Response // Journal of Contemporary History. – 2007. – Vol. 42, № 2. – P. 185–211.

10. *Ржевская Е.М.* Геббельс. Портрет на фоне дневника. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2004. – 400 с.

11. *Hexham I.* Inventing «Paganists»: A Close Reading of Richard Steigmann-Gall's «The Holy Reich» // Journal of Contemporary History. – 2007. – Vol. 42, № 1. – P. 59–78.

12. *Spicer K.P.* Hitler's Priests: Catholic Clergy and National Socialism. – DeKalb: Northern Illinois University Press, 2008. – 369 p.

13. *Faulkner Rossi L.* Wehrmacht Priests: Catholicism and the Nazi War of Annihilation. – Cambridge: Harvard University Press, 2015. – 352 p.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/16

УДК: 930.2(437.1/2)”19”

А.М. Бетмакаев

КОНЦЕПЦИЯ ПОСТСТАЛИНИЗМА ЧЕШСКОГО ИСТОРИКА ПАВЛА КОЛАРЖА

Аннотация. *Рассматриваются истоки, сущность и значение интерпретации П. Коларжа (Чехия) общественно-политических процессов, получивших развитие в странах Восточной Европы и СССР после XX съезда КПСС и до Пражской весны 1968 г. Дается оценка концепции постсталинизма в контексте современного развития зарубежной и российской историографии.*

Ключевые слова: *Восточная Европа, СССР, десталинизация, идеология, утопия, концептуальная история.*

В 2016 г. в немецком издательстве «Бёлау-Ферлаг» была опубликована монография чешского историка Павла Коларжа (*Pavel Kolář*) «Постсталинизм: идеология и утопия эпохи» [1]. Ее автор хорошо известен среди зарубежных исследователей истории стран Восточной Европы после Второй мировой войны. Коларж стажировался и проводил исследования в университетах и научных центрах Чехии, Германии, Польши, Италии и Великобритании, являясь руководителем ряда международных проектов. С октября 2018 г. он работает профессором Университета в Констанце (ФРГ)[1]. Коларж написал главы в «Оксфордском справочнике по истории коммунизма» [2] и в «Кембриджской истории коммунизма» [3].

В монографии, как и в многочисленных статьях, Коларж развивает концепцию постсталинизма, предлагая свою интерпретацию процессов в странах Восточной Европы и СССР в 1956–1968 гг. (от XX съезда КПСС до Пражской весны). Мы проанализируем истоки, основные положения, место и значение концепции Коларжа для изучения истории коммунистических режимов после смерти И.В. Сталина.

Одной из главных причин разработки новой исторической концепции можно назвать современное состояние исследований по истории восточноевропейских стран после крушения коммунистических режимов. По мнению чешского историка М. Копечека, традиционные исследования эпохи коммунизма отличало заметное превосходство политической истории с акцентом на ключевые события, на процесс принятия решений компартий и т.д., что делало общую картину довольно односторонней, поскольку изображало коммунистическую диктатуру как период постоянной борьбы, репрессий и неограниченной власти руководителей компартий, и не оставляло места для коллективных и индивидуальных воспоминаний, которые не совпадали с образами в духе Оруэлла [4. P. 77]. Партийные массы, отмечает Коларж, изображались как пассивный получатель команд «сверху» [5. P. 406–407].

С другой стороны, полагает британская исследовательница М. Добсон, годы после Сталина кажутся девственной – по сравнению с работами по истории сталинизма – территорией, и молодое поколение историков захотело освоить собственную территорию [6. P. 905]. Молодые исследователи не только обратились к малоизученному периоду, но и анализировали новые объекты на основе новых источников и подходов. А. Пинский из Европейского университета в Санкт-Петербурге замечает, что вопросы о континуитете и изменениях продолжают ставиться, только теперь они чаще концентрируются на менталитетах, идентичностях, субъективностях, эмоциях и других культурных темах [7. P. 396]. Исследования Коларжа развиваются в этом направлении.

Коларж критикует традиционный исторический нарратив**,** во-первых, за его биполярную структуру («режим» против «общества»), во-вторых, за манихейскую систему мира, в которой борются силы зла и добра без возможности примирения, в-третьих, за крайне телеологическую концепцию времени, в которой история представляется в качестве прямолинейной дороги освобождения «общества» от «режима». При этом парламентская демократия и либеральная рыночная экономика выступают предсказуемым концом истории, который определяет этот нарратив. В-четвертых, историк критикует то, что идиоматические выражения и имиджи интегрируются в воспроизводстве нарратива, часто не имея отражения в исторических образах [8. S. 135–136]. Коларж явно выступает против биполярной парадигмы, выдвинутой, в частности, французским историком Ф. Фюре, который считал десталинизацию началом конца комму-

низма в целом [9. С. 487–531]. Критикуя «идеологизацию» исторических исследований и выступая за их «историзацию», Коларж опирается на методологию и понятия одного из основателей концептуальной истории (*Begriffsgeschichte*) Р. Козеллека [10].

Ключевым понятием в концепции Коларжа является «утопия», которую он объясняет, акцентируя внимание на различие между программой, ориентированной на будущее, и процессом, ориентированном на современность, другим словами, между конечной целью и дорогой к цели. Он обращается к идеям Э. Блоха об «абстрактной» и «конкретной» утопиях (первая ограничивается фантазией, вторая формирует человеческое действие) и М.М. Бахтина о том, что утопия не должна быть обязательно статическим проектом будущего [1. S. 14–15]. Коларжу поэтому близки размышления американского историка Р. Стайтса об «утопии снизу», распространенной в экспериментах и практиках советской повседневности 1920-х гг. и вытесненной «административной утопией» сталинизма [11. P. 4–7].

Хотя сталинизм обрушился, замечает Коларж, но застой позднего социализма еще не наступил. По его мнению, постсталинизм сделали эпохой сильное чувство нового начала, пронизывающее все общество, и стремление свести счеты со «старым режимом». Эпохальный характер происходил из особого «духа времени», в котором смелые воображаемые картины будущего были связаны с отрезвлением и бременем предыдущего горького опыта. Радикальная вера в будущее трансформировалась в «процессуальную утопию», которая, в отличие от «программной», обращалась к конкретному историческому процессу как реальному развитию национальной идентичности, но не отказывалась от мечты о «лучшем будущем». Этот «утопический поворот» имел далеко идущие политические последствия. В течение 1960-х, 1970-х и, прежде всего, 1980-х гг. большинство коммунистов теряло надежду на достижение «бесклассового общества». Однако они почти всегда верили в законное право партии на руководство обществом [1. S. 328–330].

После 1956 г. компартии в странах Восточной Европы выступили в качестве новой утопии: десталинизация ослабила прежнюю идентичность коммунистов, которой был брошен вызов со стороны национальных, этнических, конфессиональных или региональных идентичностей, вызвав кризис идентичности [1. S. 177–178; 12. S. 241]. Новое появление этих идентичностей в событиях 1956 г. нарушило прежний утопический нарратив. Появилась суррогатная

утопия, способная к интеграции различных идентичностей, которая сосредоточилась, прежде всего, на партии как субъекте нации [5. P. 404–405].

В новом официальном нарративе, появившемся после разоблачения культа личности Сталина, «партийная утопия» отражалась в «партийной истории», включавшей три главных компонента: понятие «исторический факт», который открывал место для различных интерпретаций исторических событий, понятие «сложное историческое развитие», которое отражало эрозию идеи быстрого и прямого продвижения к счастливому будущему, и обращение к категории «нация», что определило значительно более сложный и более дифференцированный исторический образ партии [5. P. 422–424].

Доклад Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС и последующая риторика о «возвращении к ленинизму» возродили и расширили концепцию революции: вооруженная борьба классов больше не находилась на первом плане. Как показывают дискуссии в компартиях 1960-х гг., существовала большая неопределенность относительно периодизации пути к коммунизму (когда заканчивается революция и когда будет достигнута конечная цель). Революционная утопия была вновь поддержана на XXII съезде КПСС в 1961 г. «Программой построения коммунизма», но идея революции была увязана с реформами и с долгосрочным развитием [13. S. 73–74].

Подводя итоги, отметим, что любая новая научная идея, как правило, является уязвимой для критики. В случае с концепцией Коларжа, представляются, например, слишком жесткими хронологические рамки с учетом национальных особенностей развития каждой из стран Восточной Европы. Однако привлекательна сама идея выделения и анализа периода перехода от сталинизма к позднему социализму, изучением которого Коларж занят в настоящее время. Его концепция постсталинизма не является радикально новаторской и, возможно, проигрывает близкой по методологии книге А.В. Юрчака [14], чей труд высоко оценивается чешским историком [1. S. 9]. Эта концепция развивается в рамках условно «ревизионистского» направления, которое становится мейнстримом не только в зарубежной историографии [15, 16], но в новейших российских исследованиях по истории СССР [17, 18].

Литература

1. *Kolář P.* Der Poststalinismus: Ideologie und Utopie einer Epoche. – Köln: Böhlau Verlag, 2016. – 370 S.

2. *Kolář P.* Communism in Eastern Europe / P. Kolář // The Oxford Handbook of the History of Communism / ed. S. A. Smith. – Oxford. New York: Oxford University Press, 2014. – P. 203–219.

3. *Kolář P.* Post-Stalinist Reformism and the Prague Spring / P. Kolář // The Cambridge History of Communism. Vol. 2 / ed. N. M. Naimark, S. Pons, S. Quinn-Judge. – Cambridge: Cambridge University Press, 2017. – P. 170–195.

4. *Kopeček M.* In Search of "National Memory": the Politics of History, Nostalgia and the Historiography of Communism in the Czech Republic and East Central Europe / M. Kopeček // Past in the Making: Historical Revisionism in Central Europe After 1989 / ed. M. Kopeček. – Budapest: Central European University Press, 2008. – P. 75–95.

5. *Kolář P.* The Party as a New Utopia: Reshaping Communist Identity After Stalinism / P. Kolář // Social History. – 2012. – Vol. 37, №4. – P. 402–424.

6. *Dobson M.* The Post-Stalin Era: De-Stalinization, Daily Life, and Dissent // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – 2011. – Vol. 12, №4. – P. 905–924.

7. *Pinsky A.* Soviet Modernity Post-Stalin: the State, Emotions, and Subjectivities // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. – 2015. – Vol. 16, № 2. – P. 395–411.

8. *Kolář P.* Historisierung / P. Kolář // Zeitgeschichte: Konzepte und Methoden / hrsg. F. Bösch, J. Danyel, C. Bartlitz. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2012. – S. 131–143.

9. *Фюре Ф.* Прошлое одной иллюзии / пер. с фр. – М.: Ad Marginem, 1998. – 640 с.

10. *Козеллек Р.* «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» – две исторические категории / пер. с нем. // Социология власти. – 2016. – Т. 28, № 2. – С. 149–173.

11. *Stites R.* Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. – New York: Oxford University Press, 1989. – XII. – 308 p.

12. *Kolář P.* Kommunistische Identitäten im Streit: Politisierung und Herrschaftslegitimation in den kommunistischen Parteien in Ostmitteleuropa nach dem Stalinismus // Zeitschrift für Ostmitteleuropa-Forschung. – 2011. – Bd. 60, № 2. – S. 232–266.

13. *Kolář P.* Między traumą a marzeniem: destalinizacja i komunistyczne rozumienie czasu (próba interpretacji) // Pamięci i Sprawiedliwość. – 2016. – № 28. – S. 59–79.

14. *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / предисл. А. Беляева; пер. с англ. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 661 с.

15. *Stalinism* Revisited: the Establishment of Communist Regimes in East-Central Europe / ed. V. Tismăneanu. – Budapest: Central European University Press, 2009. – 454 p.

16. *Communist* Parties Revisited: Sociocultural Approaches to Party Rule in the Soviet Bloc, 1956–1991 / ed. R. Bergien, J. Gieseke. – New York: Berghahn Books, 2018. – XII. – 371 p.

17. *Эпоха* социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сб. науч. тр. / ред. Л.Н. Мазур. – Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та, 2017. – 754 с.

18. *После* Сталина: Позднесоветская субъективность (1953–1985): сб. статей / ред. А. Пинский. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. – 454 с.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/17
УДК: 930

Л.В. Дериглазова

АПОЛОГИЯ ИСТОРИИ СЕГОДНЯ: ВЫЗОВЫ И СОБЛАЗНЫ

Аннотация. *История как наука постоянно сталкивается с вызовами и соблазнами. Вызовы истории порождены определением предмета и методами сохранения памяти об уходящих событиях, соблазны – отношениями историков с властью и попытками использовать историю как оправдание действий в политике. Сегодня историки во многих странах сталкиваются с масштабной задачей переосмысления национальной и глобальной истории и с соблазнами, которые порождены существующим политическим заказом на новое прочтение прошлого.*

Ключевые слова: *апология истории, Марк Блок, Б.Г. Могильницкий, предмет и метод истории.*

История как наука постоянно сталкивается с вызовами и соблазнами на протяжении всего своего существования. Вызовы истории как науки связаны с определением предмета и способа сохранения памяти об уходящих событиях, соблазны – с отношениями историков с властью и попытками использовать историю как оправдание действий сегодня. На протяжении веков история как летопись наиболее важных событий соседствовала с историей правителей. История как жизнеописание героев была оспорена историей жизнеописания народов. В двадцатом веке микроистория и локальная история продолжают тенденцию дальнейшего отхода от истории героев и правителей к истории людей и повседневности. Новое прочтение истории также сопровождалось стремлением изучать не только войны и победы, но также историю поражений и мирной жизни. Историки стали использовать устные беседы и личные записи простых людей для воссоздания прошлого вне официальной истории, что способствовало появлению так называемой «устной истории».

Развитие исторической науки в Томском государственном университете отражало общие тенденции развития исторической науки.

Я пришла учиться в ТГУ в 1980 г., и первая важная профессиональная книга, которую я прочитала в начале первого курса, была «Апология истории» французского историка Марка Блока [1]. Борис Георгиевич Могильницкий читал нам спецкурс, в рамках которого мы знакомились с этой книгой. Эта книга подтвердила мой интерес к истории как науке, задачей которой является изучение «человека во времени», а не просто фиксация дат и событий, как многие, к сожалению, полагают. Мне повезло, что обе свои диссертации я защитила в диссертационном совете, когда Борис Георгиевич был его председателем. Под его руководством эти рутинные заседания становились научными дискуссиями высокого уровня и заставляли волноваться даже самых уверенных и именитых участников процедуры.

Наверное, история, как и другие науки, требует особого склада мышления. Я всегда любила точные науки и не любила запоминать, мне всегда было важно понять логику, установить взаимосвязь событий и явлений. Поэтому спецкурс Бориса Георгиевича был так важен для меня в подтверждение правильности выбора специальности. При этом на одной из первых лекций Борис Георгиевич, обращаясь к первокурсникам, сказал, что «мы будущие идеологи», что полностью противоречило моему понимаю того, что значит быть историком. Эта двойственность – признание партийности науки и необходимости быть «идеологом», с одной стороны, а с другой стороны, стремление к расширению методологического инструментария историка, отход от нарратива, следования хронологическому принципу и жесткой рамке углубленного изучения отечественной истории на основе господствующего идеологического подхода – определяла развитие отечественной исторической науки многие десятилетия и личный выбор каждого историка в отношении предмета исследования, метода и теоретического подхода.

Для профессионального историка дополнительным вызовом являются задачи, стоящие перед историей как научной и образовательной дисциплиной. Для истории как науки нет простых ответов и однозначных героев и злодеев, нет единого мнения и взгляда на прошедшие события и эпохи. Для истории как предмета в системе образовании задачей является формирование патриотического чувства гордости за свою страну и ее историю у граждан. Задача патриотического воспитания граждан неизбежно вызывает необходимость написания официальной истории с акцентом на положитель-

ных событиях, на победах и достижениях, а также отбора одних событий и персоналий и забвения других. В результате формируемая официальная история страны сопряжена с упрощениями, политическими оценками и определенным телеологическим видением прошлого, настоящего и будущего страны. При масштабных политических или социальных изменениях история как научная и образовательная дисциплина подвергается ревизии. Эти вызовы истории не являются уникальными для России, эта проблема характерна для профессиональных сообществ историков во всех странах. Данная проблема обрела особую актуальность в период серьезных политических перемен в странах бывшего СССР и странах Центральной и Восточной Европы в 1980–1990-е гг.

Коротко проиллюстрирую заявленные тезисы на двух примерах переосмысления определенных событий и подходов к их изучению.

Один из исторических сюжетов, который был существенно переосмыслен в современной России, – это история революций в России в начале XX в. В советский период история революций была одной из наиболее «проработанных» тем в отечественной исторической науке. Революции интерпретировались на основе господствовавшего идеологического подхода, который выделял причинно-следственные связи, давал политические оценки событиям, называл «героев революции» и ее врагов. Революции были системообразующими событиями в советской истории, что было закреплено в идеологии, системе национальных ценностей, официальной истории, национальных праздниках, наградах, пантеоне героев. Остатки революционного прошлого сохранились до сих пор, особенно в топонимике улиц. Достаточно назвать главные улицы г. Томска, чтобы вновь это осознать.

В зарубежной исторической науке российские революции также активно изучались, однако с совершенно других идеологических установок, нередко с полярными оценками событий, номинированием «героев и злодеев». Именно по этой причине работы зарубежных историков, посвященные российским революциям, в СССР были запрещены, так как могли нарушить единообразие официальной трактовки исторических событий. В 1990-е гг. отказ от советской идеологии привел к девальвации ценности революции как способа изменения политического режима и прихода к власти революционного народа. Те исторические сюжеты и персонажи, которые имели, казалось бы, однозначную положительную оценку, претерпели де-

вальвацию и заняли совершенно другое место в официальной истории. Характерно, что в 2017 г. столетие Октябрьской революции, которая в советский период считалась главным «великим» событием в истории нации, положившим начало новой эпохи страны и всего мира, публично не отмечалось. Октябрьская революция получила определение «трудного», проблемного события в истории страны. Освободительный акцент был смещен с Октябрьской на Февральскую революцию как событие, имевшее положительный характер, а Октябрьская революция оценивается как «захват власти» партией большевиков.

Отнесение Октябрьской революции к «трудным», проблемным вопросам отечественной истории не отменяет необходимости у профессионального историка выбора темы, подхода и метода изучения этого события и событий. Важно учитывать, что современная российская политическая элита настроена антиреволюционно и негативно оценивает революционные преобразования как переломные события в истории народов. Через систему грантов и поощрения историков политическая элита (государственные структуры) стимулирует определенные подходы в изучении отечественной истории, с акцентом на формирование положительного нарратива.

Другой пример, иллюстрирующий вызовы и соблазны для истории и историков в России, – это обращение к зарубежной истории, особенно истории западных стран. В советский период также существовал определенный идеологический заказ и подход к изучению зарубежной истории. В частности, он выражался в широко распространенном официальном штампе «критики буржуазных теорий» и классовом подходе к оценке политических, социальных и экономических процессов в странах Запада. Идеологический подход заключался в общей критической, отрицательной оценке происходящих событий, ожидания и предвидения краха западной системы под напором освободительных революций. Эти ожидания не оправдались, и хотя Россия формально не стала частью Запада, ее система экономических, политических и социальных принципов ближе сегодня к западному миру, чем к советскому. Такой идейный и методологический поворот должен был привести к освобождению отечественных историков, которые занимаются западными странами, от существовавших идеологических рамок. Однако инерция осудительного и критического мышления нередко сохраняется. Ухудшение отношений России со странами Запада после вой-

ны в Грузии, а особенно после присоединения Крыма к России, привело к быстрому возрождению, казалось бы, забытых штампов в научной и публицистической литературе и публичных дискуссиях, а также к усилению скорее оценочного подхода к изучению происходящих событий и изучению истории, чем действительно исследовательского.

Примером сюжета, который вызвал шквал публикаций сомнительного научного качества при явно выраженном оценочном подходе, является миграционный кризис в странах Европейского союза. Характер многих таких публикаций свидетельствует о распространённости расистских взглядов не только в российском обществе, но и в научном сообществе. На мой взгляд, многие ученые, молодые и не очень, задают скорее риторические, а не исследовательские вопросы: «А хотят ли мигранты интегрироваться в европейское общество» или «Что будет с европейской страной, если мигранты из Африки и Ближнего Востока будут продолжать приезжать?» Главный посыл многих работ, посвященных миграции в Великобританию, Францию или Германию, заключается в том, что главная проблема этих «европейских» – читай белых христианских – народов в том, что они скоро станут расовым и религиозным меньшинством под напором массовой миграции из стран Африки и Ближнего Востока. Достаточно послушать хотя бы одну секцию на среднестатистической конференции в российских университетах, посвященной «миграционному кризису» в Европе, с бесконечными повторами тезиса о «кризисе или крахе мультикультурализма» в современной Европе, о неспособности правительств решать эту проблему, об угрозах, исходящих от мигрантов, которые насилуют, грабят, поджигают и взрывают, чтобы действительно начать в это верить.

В 1990-е гг. наступило время более свободного выбора методологии, подходов, предмета и объекта исследования для российских историков, и это порождает «сдержанный оптимизм» по поводу дальнейшего развития исторической науки в России. Сдержанность оптимистических прогнозов вызвана усилением государственного заказа на патриотическое воспитание с начала 2000-х гг. Создание и действие в 2009–2012 гг. комиссии «по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России» при президенте Д.А. Медведеве и попытки принятия одноименного закона отражают эти опасения. История вновь становится идеологической наукой государственной важности, призванной формировать лояль-

ность граждан, особенно лояльность молодежи. В этих условиях государство выделяет дополнительные стимулы для поощрения «положительного» переосмысления российской истории. Также государство проявляет внимание к тому, как освещаются некоторые «проблемные события» в жизни страны.

Занятие историей в современной России, как и в советский период, требует принятия определенных личных решений – в отношении выбора предмета, метода и теоретической рамки, и того, кто вызывает интерес, – правители или массы, победы или поражения, история своей или «чужой» страны, а также сознательное отношение к тому, как та или иная проблема представлена в политических и научных дискуссиях и какую позицию занимает историк.

Литература

1. *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. – М. : Наука, 1973. – 232 с.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/18
УДК: 930.2-028.22

Л.В. Белгородская

СОВРЕМЕННЫЙ РОССИЙСКИЙ ИСТОРИК: ОТ ВИЗУАЛЬНОГО ПОВОРОТА К PUBLIC HISTORY

Аннотация. *Статья посвящена проблемам развития нового направления в подготовке историков, получившего название public history. Проанализирован опыт использования и истолкования визуальных источников для широкой аудитории. Изложена позиция автора о возможности диалога академического сообщества и широкой публики через подготовку историко-художественных выставок. Обоснована необходимость открытия программ магистерской подготовки по проблемам публичной истории в университетах Сибири.*

Ключевые слова: *public history, публичная история, визуальный поворот, магистратура по истории, язык историка, историко-художественные выставки.*

Историк – одна из самых интересных профессий в современном мире. И это не просто комплиментарное суждение представителя профессиональной корпорации. В кинематографе более всего из преподавательских профессий повезло именно учителю истории. Вспомним старые фильмы «Доживем до понедельника», «Большая перемена», недавний драматический фильм «Училка» и даже украинский фильм-пророчество «Слуга народа», где президент Украины был изначально учителем истории. Феномен успеха профессии заключается в том числе и в том, что историки вынуждены вступать в коммуникативные отношения с обществом и постоянно получают запрос на информацию.

Как вид деятельности публичная история возникла во второй половине 1970-х гг. в США и Великобритании. Это исследовательское поле начало формироваться в России лишь несколько лет назад. В отличие от западных стран, в России пока нет ни одного журнала по публичной истории, нет профессиональной ассоциации или общероссийского и региональных центров научных

центров. Активную работу ведут историки Высшей школы экономики (Москва). Как справедливо отмечает исследователь данной проблемы Е. Исаев, публичная история в России – это крайне сложное и проблемное поле, в котором на данный момент нет отлаженных механизмов выстраивания диалога между профессиональным сообществом ученых, «публикой», государством и медиа. Только начинают формироваться способы трансляции академического знания посредством разных форм для разных аудиторий без его искажения и упрощения. В то же время в силу индифферентности и пассивности общества публичная история в России пока продолжает производить преимущественно экспертное знание. Несмотря на определенные подвижки, в развитии публичной истории в России есть ряд сложностей. Прежде всего, существует значительная проблема в осуществлении дискуссии об истории и прошлом в российском публичном пространстве: СМИ, телевидении, радио. Это связано, в первую очередь, с нежеланием многих ученых выходить за рамки академического пространства и их отношением к публичной истории как маргинальной и ненужной [1. С. 8, 10].

В российских научных центрах в настоящее время реализуются шесть программ магистерской подготовки по публичной истории: среди центров подготовки – Московская высшая школа социальных и экономических наук, Европейский университет (Санкт-Петербург), Балтийский университет (Калининград) и др. Ярославль предстает самым восточным центром подготовки. В Сибири же магистерские программы по истории направлены на воспроизведение представителей профессионального сообщества. Между тем современный историк должен решать не только исследовательские и преподавательские задачи, он должен быть «вовлечен в неакадемическую работу с прошлым».

Термин «публичная история» сейчас толкуется как совокупность практик, направленных на перевод исторического знания с академического языка на язык публичных репрезентаций, в том числе медийных, и на представление его в формах, предназначенных для широкой публики (музеи, искусство, мемориализация в разных формах). Ученые стремятся сделать знание о прошлом доступным и понятным широкой аудитории. Отдельные авторы полагают, что публичная история предполагает производство знания об объективном прошлом вместе с обществом. Публичная история – явление во многом двойственное [2. С. 23]. Нам близка позиция историка

И. Савельевой, которая определяет public history в качестве «совокупности подходов и практик, направленных на идентификацию, сохранение, интерпретацию и презентацию исторических артефактов, текстов, структур и ландшафтов во взаимодействии историков-профессионалов с широкой публикой» [3. С. 143].

Авторами научно-популярных книг и статей по истории для широкой публики чаще всего являются журналисты, политики и писатели. Печатная продукция non-fiction пользуется огромной популярностью, занимая большую долю книжного рынка. Из популярных российских и советских авторов, чьи работы можно отнести к популярной истории, следует назвать Б. Акунина, Э. Радзинского. В настоящее время можно говорить о сформировавшемся «казусе Н. Старикова». Не имеющий исторического образования, не владеющий методикой работы с источниками и методами историографического анализа автор написал 17 книг, он представляется многочисленным слушателям и читателям как ведущий эксперт по истории России. Уверенный тон публикаций, частые выступления, репутация «знатока» сделали его в наши дни «народным историком № 1».

С другой стороны, есть и примеры реальной блестящей работы профессионалов на поле public history. Знаковыми для развития этой области стали труды петербургского историка Е.В. Анисимова. Даже названия работ привлекают интерес широкой читательской аудитории: «Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII в.» (М., 1999), «Афродита у власти. Царствование Елизаветы Петровны» (М.: АСТ, 2010), «Держава и топор: царская власть, политический сыск и русское общество в XVIII веке»). (М.: Новое литературное обозрение, 2019). Последнее из перечисленных изданий вышло в новой серии «Что такое Россия» издательства «Новое литературное обозрение». НЛО пригласило к сотрудничеству ведущих российских историков, вооруженных самым современным профессиональным знанием. Написанные ими книги обогащают представления массового читателя о прошлом страны, а значит, и углубляют понимание проблем и вызовов современности. Задача серии – заложить новую отечественную традицию популярной истории, показать широкой читающей публике многообразие российского исторического опыта, не сводимого к смене правителей и режимов. Книги серии рассказывают о различных сторонах модернизации российского общества в широком контексте социальных трансформаций,

происходивших в Европе в те же временные периоды. В свет вышло около десятка книг. И хотя с точки зрения профессионала они не содержат таких важных атрибутов научного текста, как историографический обзор, анализ источников, ссылки на источник, язык изданий часто фрагментирован, но они хорошо иллюстрированы, невелики по объему, легко читаются.

Историки и издатели Ростова-на-Дону одними из первых в новой России вступили на путь создания литературы по истории для широкой читательской публики. Издательство «Феникс» специально ориентируется на выпуск научно-популярной литературы. Наряду с удачными проектами выпускаются и сомнительные по качеству издания. К неприятным издательским проектам по «истории для многих» можно отнести сборник «Русские цари. 1547–1917». Художник своеобразно оформил вполне состоятельные в научном отношении очерки зарубежных русистов. Вместо портрета Екатерины Великой схематично скопировал картину Е. Лансере «Елизавета Петровна в Царском Селе», очерк о Николае I украсил картиной восстания декабристов у Александровской колонны на Дворцовой площади (!), а Павел I изображен около крайне неудачной по дизайну «вымышленной» решетки одной из набережных Петербурга [4. С. 317, 359, 395].

Визуальный поворот в исторической науке удачно реализован в работах Е.В. Анисимова, выпустившего две книги о визуализации истории России в произведениях живописи и памятниках. Он проанализировал 100 произведений искусства (картины и памятники). В предисловии к первой работе автор так формулирует свою задачу: «И вот я, историк, решил разобраться с этими картинами, посмотреть простым безыскусным взглядом на их содержание, проверить, так ли это было (или могло быть) на самом деле. Я далек от искусствоведения, хотя кое-что об этих картинах и почитал, порой впадая в бешенство» [5. С. 5]. Автор обращается к читателям со словами, что история невозможна без визуального образа и он во много раз сильнее вербального. Образы исторических деятелей прошлого в массовом сознании созданы в определенную историческую эпоху, они почти всегда несут на себе идеологическую нагрузку этой эпохи и невольно переносятся на позднейшие времена. Заметим, что ярким видимым маркером визуального поворота в развитии исторической науки стало решение редакции журнала «Российская история» начиная с 2018 г.

оформлять обложку издания репродукциями картин. Первой стала работа К.С. Малевича «На сенокосе» (1929 г.). Журнал «Родина» в течение ряда лет «расшифровывает» на своих страницах исторические полотна.

В рамках public history исследуются механизмы формирования памяти через материальные объекты, конкретные места и эмоции. Пристальное внимание ученые уделили разным агентам, вовлеченным в производство и распространение массовых знаний о прошлом. Среди них – организаторы выставок, посетители музеев. На рубеже XX–XXI вв. в развитии музейного дела и во взаимодействии музейных центров и профессионального исторического сообщества произошли существенные изменения. Научные сотрудники стали искать новые способы репрезентации произведений исторической живописи; музеи открыли запасники музеев, дав вторую жизнь отлученным по художественным, а чаще по политическим, причинам произведениям искусства. В свет вышли новые каталоги; неизвестные страницы истории формирования коллекций и утрат произведений искусства стали предметом анализа ученых.

С 2014 г. в России реализуется проект «Роль музеев–библиотек–архивов в информационном обеспечении исторической науки». К новым направлениям научных исследований можно отнести изучение роли музеев как базового элемента информационной инфраструктуры исторической науки [6]. Ученые рассматривают музейные коллекции как исследовательский и научно-образовательный потенциал, создают и апробируют технологии извлечения информации из музейных предметов. Признавая возрастающую роль коммуникации в современном мире, важно познать, как музей – важнейший институт социальной памяти – репрезентует в новых формах свой информационный потенциал [7]. Внимание привлекает тема налаживания коммуникации субъектов информационного процесса – историков, хранителей, музееведов, рядовых посетителей. Ряд выставок последних лет удачно решили эту задачу. Можно выделить знаковую выставку «Избранники Клио. Перед судом истории» (2011 г.), прошедшую в Москве и Петербурге.

Главный вывод публикации состоит в предложении открыть магистерские программы по public history в Сибири, а также включить курсы по популяризации истории в программы подготовки бакалав-

ров, создать программы повышения квалификации по вопросам публичной истории.

Литература

1. *Исаев Е.М.* Публичная история в России: научный и учебный контекст формирования нового междисциплинарного поля // Вестник Пермского университета. Серия: история. – 2016. – № 2 (33). – С. 7–13.
2. *Завадский А.И., Исаев Е.М., Кравченко А.В. и др.* Публичная история: между академическим исследованием и практикой // Неприкосновенный запас. 2017. – С. 22–34.
3. *Савельева И.* Профессиональные историки в «публичной истории» // Новая и новейшая история. – 2014. – № 3. – С. 141–155.
4. *Русские* цари. 1547–1917. Ростов н/Д : Феникс, 1997. – 576 с.
5. *Анисимов Е.В.* Письмо турецкому султану. Образы России глазами историка. – СПб., 2013. – 360 с.
6. *Трансформации* музеев-библиотек-архивов в информационное обеспечение исторической науки в информационном обществе. – М.: ИНИОН РАН, 2017. – 320 с.
7. *Избранники* Клио. Герои и злодеи русской истории [Электронный ресурс]: виртуальная экскурсия по выставке. – СПб. : Русский музей, 2011.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/19

УДК: 947.157

М.К. Чуркин, Е.Е. Умнов

ВОСПОМИНАНИЯ КАК ЭГО-ТЕКСТ: ДЕТСКАЯ ТЫЛОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ СИБИРСКОЙ ПРОВИНЦИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. *В статье на основе анализа эго-текстов обоснованы возможности воспоминаний в реконструкции детской тыловой повседневности сибирской провинции в годы Великой Отечественной войны. Продемонстрирована вероятность, через эмоционально-экспрессивные восприятие и трансляцию респондентами жизненных эпизодов тыловой повседневности раскрыть воздействие формальной, частично неформальной и неформальной среды на организацию повседневного поведения детей, стратегии и практики поведения в условиях военного лихолетья*

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, сибирская провинция, детская повседневность, эго-текст.*

В отечественной исторической науке тема частных судеб, жизни «незамечательных людей» долгое время оставалась на периферии исследовательских штудий, приоритетное место в которых занимала политическая история. История Великой Отечественной войны, ставшей в России второй половины XX в. опорной точкой коллективной памяти нации, долгое время рефлексировалась в таких масштабных категориях, как «народ», «армия», «герой» и т.д., что способствовало не только консервации идеологических «штампов» в оценке содержательных аспектов событий 1941–1945 гг., но и формированию одномерных представлений о травматическом эффекте войны, в поле действия которого попадали чаще всего сюжеты фронтовой, но не тыловой повседневности.

В последние два десятилетия, когда отечественная историография оказалась в сфере влияния традиций «новой исторической науки», произошли кардинальные изменения в подходах к осмыслению ключевых событий российской истории и, что не менее существен-

но, в исследовательских практиках и методах интерпретации исторических источников. Приращение российской историографией таких направлений, как история повседневности, военно-историческая антропология, гендерная история, устная история, стало своеобразным плацдармом для смещения локуса исследований от изучения событий к изучению состояний, что ориентировало историков к широкому массиву эго-текстов, позиционируемых в отличие от источника личного происхождения не столько в качестве поставщика информации, сколько как хранителя и транслятора личных переживаний, внутренних ощущений и авторской идентичности.

В данной связи нам представляется важным обращение к корпусу воспоминаний современников событий – детей войны, – что даст возможность не только раскрыть многообразие индивидуальных реакций жителей провинции на череду политических, культурных, социальных явлений, инициированных событиями военных лет, но и реконструировать повседневный мир тылового детства, помещённый в контекст катастрофических событий эпохи.

Отметим, что тема «детской повседневности» периода Великой Отечественной войны в последние годы активно осваивается в историографии. В поле зрения учёных, опирающихся в своих выводах на «детские тексты» и тексты «детей войны», оказываются вопросы, объясняющие стратегии адаптации детей к условиям военного лихолетья в тылу, поведенческие практики выживания в критических условиях тыловой действительности. Внимание исследователей сконцентрировано на сложных процессах формирования детской памяти о войне, значимое место в которой занимают семья и школа в военные годы [1–3].

Цель настоящей работы – выявить возможности воспоминаний в реконструкции детской тыловой повседневности сибирской провинции в годы Великой Отечественной войны.

В ходе исследования были привлечены воспоминания респондентов 1925–1939 г.р., проживавших в годы войны в сельской местности, собранные и свёрстанные сотрудниками Тарской централизованной районной библиотеки [4] и филиала ОмГПУ в г. Таре в 2014–2015 гг. [5]. Нами учтено, что в основе воспоминаний располагается память субъекта-мемуариста, со всеми её «родовыми признаками»: лакунами, неточностями в названиях, событийном контексте. Также принимались во внимание обстоятельства временной дистанции между описываемыми событиями и собственно составлением

воспоминаний. В результате из 50 текстов нами было отобрано 33. Подобный выбор был сделан с опорой на современные психологические подходы, в частности выводы К. Нельсон, утверждавшей, что факт появления автобиографической памяти у ребёнка фиксируется только в определённый период жизни – после выхода из детской амнезии, которая ограничена возрастом четырёх лет [6. P. 172–177]. Также учитывалось, что детские воспоминания, как правило, «отягощены» поздней авторской рефлексией. По констатации Л. Киршенбаум, «к тому времени, когда дети оказываются в состоянии давать себе отчёт в своих словах, они уже не являются детьми, и их мемуары отражают отныне как детские, так и взрослые толкования и эмоции» [7. P. 165]. Так, например, типичным в воспоминаниях «детей войны» можно назвать регулярно встречающиеся в текстах свидетельства о политической окраске событий – налоговых практиках, репрессивных действиях властей и т.д. [4. С. 25–26; 32; 42].

В результате обработки эго-текстов воспоминаний «детей войны» удалось прийти к следующим выводам. Внимательное прочтение воспоминаний, раскрытие их эмоционально-смысловой доминанты позволяют утверждать, что в сельской среде сибирской провинции, как и в предвоенный период, основными структурами детской повседневности продолжали оставаться семья, школа, улица. Через эмоционально-экспрессивные восприятие и трансляцию респондентами жизненных эпизодов тыловой повседневности становится возможным раскрыть воздействие формальной (школа), частично неформальной (семья) и неформальной (улица) среды на организацию повседневного поведения детей.

Школа в сибирской провинции в военные годы частично утратила статус сугубо образовательного учреждения, выполняя широкий спектр экономических и идеологических функций. В летнее время школьников централизованно привлекали для работы в колхозах, учащиеся были задействованы в уборочных работах осенью. Воспоминания А.С. Алфёровой (1939 г. р.), жительницы с. Кутырлы Тюкалинского района Омской области, очень точно передают эмоциональное состояние ребёнка военной поры, в котором причудливым образом сочетались признание важности и продуктивности подобной работы со страхом наказания: «Школа всегда была помощницей в трудный момент. Нас снимали с занятий и везли на работы. Работы были разные, тяжёлые, мужские, а их-то и не было… Летом пололи осот на посевах, были на покосе. Осенью собирали колоски

на полях, копали картофель, рвали турнепс. Голодно, холодно, но домой унести никто ничего не мог. За горсть гороха или пшеницы с тока сажали безжалостно в тюрьму» [4. С. 7]. По констатации исследователя О.А. Дорошевой, «достижением общеобразовательной школы в тот период явилось и укрепление связи воспитания и обучения с реальной жизнью, с трудовыми усилиями народа, с его героической борьбой против захватчиков. Большое значение имело возвращение в школу трудового обучения. В специфических условиях военного времени полностью подтвердилась правильность принципа сочетания теоретического обучения с производительным трудом» [2].

Определённые изменения произошли и в семейной сельской повседневности, что проявилось в консервации жизненного уклада и наиболее рельефно реализовывалось в стратегиях поведения сельского населения в условиях риска. В частности, Екатерина Ефимова, проживающая в те годы в Тарском районе Омской области, вспоминала впоследствии: «Питание было скудное: натёртая картошка с кожурой варилась в воде – получался суп… Нашей семье повезло, что была жива бабушка, и она старалась что-нибудь приготовить. Помню, что бабушка из сваренного толчёного картофеля, добавив «выскорки» (так называли выжарки от сала), накатывала “катульки” (колобочки), замораживала и давала мне, когда я уезжала в лес на целый месяц. Картошки сажали много… держали коровку, поэтому на одной траве семья не сидела. А многие ели мёрзлую картошку, крапиву, лебеду… В ход шла черемша и нераспустившиеся шишечки хвоща полевого – “гигили”» [4. С. 78]. В.С. Логинов (1935 г. р.), проживающий в те годы в Тарском районе Омской области, вспоминает: «Питались очень плохо, в основном картошкой, всё мясо шло на сдачу государству для фронта… Однажды мать собралась зарезать овцу, пошла к соседу, а он отказался, сказал – вас, женщин, много и всем помочь я не смогу, на всех меня не хватит. И вот тогда она пришла домой, а детей-то кормить надо, и сама зарезала овцу, а потом стала наниматься в Горчаково и в Ложниково резать скотину к одиноким женщинам, за что ей платили убоем… Хлеба настоящего не ели. В хлебе было всё, кроме настоящей муки: горох, овёс, ячмень, картофельная мука, отходы из-под веялки» [4. С. 50]. Показательно, что логика повествования авторов мемуарных текстов в полной мере совпадает с теорией «эластичности жизненного стандарта» сельского населения, озвученной ещё в дореволюционной России.

Так, А. Трайнин, изучавший в начале XX в. проблему различия в строении городской и сельской обеспеченности, полагал, что «недоедание» в деревне носит хронический, наследственный характер. От отца к детям переходит долготерпение и способность удовлетворяться самым малым. Ухудшение крестьянского хозяйства происходит постепенно, последовательно [8. С. 38]. В воспоминаниях «детей войны», подвижность жизненного стандарта предполагала не только уникальную способность «затягивать пояса», но и стремление выработать такие стратегии и практики, которые были бы направлены и на улучшение качества жизни, во всяком случае в границах концепции «выжить, во что бы то ни стало».

Наиболее стабильным с точки зрения организации и функционирования оставалось в сибирской провинции военного времени пространство неформальной уличной жизни, что подтверждается и многочисленными фрагментами воспоминаний «детей войны». Несомненно, менялись виды детских игр, их риторическое обеспечение, но главные их свойства – беззаботность и вневременной характер – оставались неизменными. Совершенно справедливо утверждение, что в «детской» автобиографической памяти событие погружено не в ситуативный (событийный), а в смысловой контекст истории жизни. Форма осознания события имеет социально-смысловую, обладающую динамикой во времени, произвольно реконструируемую организацию. Кроме того, «первое воспоминание», а для всех авторов мемуарных текстов оно таковым и являлось, всегда актуализируется по типу «яркого» [9. С. 12] и имеет рельефно окрашенный эмоциональный оттенок. В данном плане воспоминания о катастрофическом военном лихолетье преломлялись через детское сознание, в котором бытовые трудности вытеснялись позитивным восприятием жизни: «Наконец услышали: “Война!” Женщины навзрыд заплакали, мальчишки закричали: “Ура!”, пошли палками сечь крапиву…» (4. С. 38); «Женщины соберут нас, малышню, чтоб мы не болтались где попало… и дадут нам задание, чтобы мы вот лошадей гоняли, вроде как забава…» [5. С. 178–179]; «Но дети всё равно находили время побегать на улице, играли в войну» [5. С. 180]; «Чуть свободное время – бежим играть, да младших сестрёнок за собой тащу, надо и за ними приглядывать. Играли в “чухи” да “шарики”» [5. С. 21].

Таким образом, смещение фокуса внимания исследователя с вопросов информативности источника к эмоциональным переживани-

ям и ощущениям автора эго-текста открывает дополнительные возможности реконструкции структур повседневности и стратегий поведения человека и локальных сообществ в обстоятельствах риска. Обращение к воспоминаниям «детей войны» является существенным подспорьем в восстановлении полномерной картины повседневной жизни сельского населения провинции в годы Великой Отечественной войны.

Литература

1. *Сальникова А.А.* Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. – Казань: Казанский гос. ун-т, 2007. – 255 с.
2. *Дорошева О.А.* Школьное образование на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны : 1941–1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. – Оренбург, 2003. – 26 с.
3. *Чуркин М.К.* Воспоминания «детей войны» в коммеморативных практиках российского общества: «место памяти» или «место забвения»? // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – Омск, 2016. – № 2 (11). – С. 86–91.
4. *Жизнь*, опалённая войной (воспоминания тружеников тыла и детей войны) / сост. Т.И. Царегородцева, Г.К. Нечаева. – Омск: Амфора, 2015. – 120 с.
5. *Березина Т.Ю., Лугина Я.А.* Мы были…: воспоминания о войне. – Омск, 2015. – 206 с.
6. *Nelson K.* Emergrnce of Autobiographical Memory at Age 4, Human Development. 1992. – 338 p.
7. *Kirschenbaum L.* Small Comrades. Revolutionizing Childhood in Soviet Russia, 1917–1932. – N.Y.; L., 2001. – 362 p.
8. *Трайнин А.А.* Преступность города и деревни в России // Русская мысль. – 1909. – № 7. – 29–42.
9. *Нуркова В.В.* Методы исследований автобиографической памяти в психологии // Вестник Университета Российской академии образования. – 1999. – № 2. – С. 11–17.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/20

УДК: 930.1

Г.М. Ипполитов

ИСТОРИК-ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И ФАКТОР ВРЕМЕНИ

Аннотация. *В данной статье представлены авторские рассуждения о ситуации, когда историк-исследователь является пленником времени, так как, будучи здесь и сейчас, он вынужден писать о том, что было там и тогда. Утверждается, что фактор времени всегда будет выступать в научном творчестве историка-исследователя в качестве отрицательного.*

Ключевые слова*: историк-исследователь, фактор времени, Ю.А. Поляков, А.Н. Уайтхед, источниковая база, история КПСС, А.И. Деникин.*

> В правильно понятом и правильно эксплицированном феномене времени коренится центральная проблематика всей онтологии.
>
> *М. Хайдеггер*

Все мы, живущие в земной жизни, – пленники времени, этого одномерного чудища, которое, будучи скалярной величиной, успешно помогает нам превратиться, в конечном итоге, в вектор ни во что. Если, естественно, исходить из классической концепции физики Ньютона. Но человек всегда мечтал вырваться на свободу из темницы времени. И это удавалось всем живущим на Земле, но только в мечтах, мифах, легендах сказках. Удачливее всех оказывались в попытках к бегству из темницы времени писатели, поэты, историки. Они – близнецы-братья. По образному выражению академика РАН Ю.А. Полякова (1921–2012), «и у тех и у других орудие труда – слово» [2. С. 3].

В то же время историки, в отличие от писателей и поэтов, находясь *здесь и сейчас*, не могут придумать сами все, когда пишут о том, что происходило *там и тогда*». И здесь возникают сложные и разнообразные перипетии, которые интересуют современных ис-

следователей, специализирующихся на проблематике теории и методологии исторической науки [3. С. 255–266; 4. С. 135–146].

В конечном итоге, перед фактором времени историки блекнут. Они вынуждены постоянно пытаться сбрасывать оковы пленников времени, так как исследуют прошлое. А его картину никогда невозможно репродуцировать в полном объеме по ряду причин. Не будем раскрывать их, так как это – предмет отдельного исследования. Заметим лишь в контексте своей темы, что одна из существенных причин заключается в том, что историк является субъектом объективной реальности, протекающей в своей системе пространственно-временных координат [5. С. 3–33; 6. С. 92–98; 7. С. 676–678]. И он подчиняется велениям времени как на уровне сознания, так и на уровне подсознания, фрейдового бессознательного и юнговских архетипов. Это хорошо подметил Ю.А. Поляков: «Историк – сын своего времени. Он, как и его сограждане, испытывает бытовые тяготы, терзается сомнениями, верит и теряет веру, его просквaживают ветры эпохи» [2. С. 35].

Однако далее маститый ученый высказал суждение, которое иначе, как дискуссионным, и не назовешь: «Но историку положено лучше, чем согражданам, осознавать связь времен, ощущать поступь истории, понимать положительное или отрицательное значение происходящего, видеть за деревьями настоящий лес» [2. С. 35].

В принципе, с подобной позицией трудно спорить, если считать, что под термином «историк» Ю.А. Поляков понимает профессионального ученого высшего класса, коим, безусловно, сам являлся, а не подмастерья из цеха служителей музы Клио. Того подмастерья, который пишет обо всем и вся, заботясь не о научной достоверности, а о тиражах своих опусов.

И все-таки суждение Ю.А. Полякова выглядит излишне категоричным.

По мысли автора данных тезисов, Ю.А. Поляков в цитате, приведенной выше, не учел в полном объеме именно того, что историк всегда является пленником времени, закованным в мощные оковы. Дело в том, что он не может проникнуть в глубину реального времени, в котором протекал период, им исследуемый. Это реальное время историк, как правило, может представить в виде концептуальной модели.

Причем на ее содержание надо вводить коэффициент корреляции, обусловленный рядом важных факторов: изменениями в источ-

никовой базе исследования; глубиной освоения историографических наработок предшественников; политической конъюнктурой и др. Репродуцированная историком картина прошлого близка к минувшей реальности (вопрос, в какой степени близка, вынесем за скобки наших тезисов).

Близка, но не более того, так как на нее накладывает неизгладимый отпечаток интерпретационное время, то есть то время, которое мы проживаем. Подобное время является временем, которое мы воспринимаем как субъективную форму чувственности. А историки – люди со своими симпатиями и антипатиями, страстями и страстишками, конформизмом и пассионарностью… Кроме того, для каждого из них время течет с разной скоростью: или сжимается либо расширяется (разумеется, не с физической точки зрения, а с точки зрения личностного восприятия бега времени).

И здесь уместно привести мысль британского математика, логика, философа А.Н. Уайтхеда (1861–1947), известного как крупный методолог науки: «Совокупность суждений об идеях и действиях людей зависит от неявно принимаемых предпосылок. Нельзя оценивать нечто как мудрость или глупость, как прогресс или упадок, не сравнивая это нечто с определенными образцами или подразумеваемыми целями. Эти образцы и цели, распространяясь вширь, становятся движущей силой идей в истории человечества. Они же определяют концепцию исторического повествования» [8. С. 394].

Вот эта концепция исторического повествования и разрабатывается историком в качестве пленника времени. Причем он не может одинаково творить даже в небольшие временные интервалы, что хорошо подметил, например, такой авторитет зарубежной исторической науки, как Э. Карр (1892–1982). Он считал, что историк отражает общество, в котором работает. По его мнению, не только события постоянно меняются, но и сам ученый подвержен изменениям. Э. Карр считал, что имеет значение время написания и публикации работы. Если философ прав, что мы никогда не сможем дважды войти в одну и ту же реку, то, «видимо, верно, и то, что две книги не могут быть написаны абсолютно одним и тем же историком» [9. С. 11][1].

[1] Правота Э. Карра подтверждается на примере пятитомного сочинения генерала А.И. Деникина «Очерки Русской Смуты» (Берлин – Париж, 1921–1926). Анализ показывает: в первом и втором томах у А.И. Деникина больше субъективизма, так как он не располагал соответствующими документами, больше надеялся на свою память (особенно во

Влияние времени ощущается историком тогда, когда он попадает в ситуацию, хорошо прочувствованную А.Н. Уайтхедом. Философ писал, что человечество могло бы быть описано во всей многообразной палитре». Он признает, что все это построено на фактах. Но описание подобных фактов, по Уайтхеду, «сплошь и рядом наполняется теоретической интерпретацией». И далее: «Факты выступают одновременно как некое истолкование, основанное на данных, отличных от личных ощущений» [8. С. 392].

Но можно ли все время анализировать данные без накладывания на них личных ощущений? Можно ли, например, представить, чтобы в многочисленных переизданиях истории КПСС в советское время писалось бы, что и белые, и красные являлись патриотами Отечества? Конечно, нет. Время было такое…

Автору данных тезисов могут возразить, что пример неудачный: в данном случае больше ощущается влияние идеологизации и политизации. А что, идеологизация и политизазаия – *не дети своего времени* (?!).

Так может ли историк вырваться в своих творениях из темницы времени? Нет! Фактор времени всегда будет для историка-исследователя отрицательным.

Но попытку к бегству он станет предпринимать всегда. И чем больше факторов, объективно благоприятствующих его творчеству, чем субъективно выше его профессионализм, тем тяжелее времени будет удерживать историка-исследователя в своей темнице. Но все одно, удержит…

Что ж, в данной связи можно полностью согласиться с поэтом Александром Кушнером:

Времена не выбирают,
В них живут и умирают.
Большей пошлости на свете
Нет, чем клянчить и пенять.
Будто можно те на эти,
Как на рынке, поменять [10].

втором томе). В 3, 4, 5-м томах он базировался в заключениях на соответствующие документы, что привело к большей объективности. Причем, начиная с 3-го тома, генерал значительно расширяет проблематику внутри своего исследования. И это произошло на фоне течения времени эмигрантского бытия бывшего вождя Белого движения. Времени, которое для него, как субъекта, текло «с разной скоростью». Оно как бы спрессовалось в экстремальной ситуации выживания генерала на чужбине. А.И. Деникин спешил показать недавнее прошлое в том временном измерении с позиций смысловой наполненности этого временного интервала своего бытия. – *Г.И.* [11. С. 183–188].

Литература

1. *Heidegger M.* Sein ind Zeit. – Tüb., 1960. – S. 18.
2. *Поляков Ю.* Историзмы (мысли и суждения историка). – М.: РИО ИРИ РАН, 2001. – 103 с.
3. *Калимонов И.К., Байтеева М.В.* Понятие «историческое время» и творчество историка // Ученые записки Казанского университета. – 2011. – Т. 153, кн. 3. – С. 255–266.
4. *Хакимов Г.А.* «Время большой длительности» Ф. Броделя как методологический принцип социально-гуманитарного познания // Вопросы философии. – 2009. – № 8. – С. 135–146.
5. *Могильницкий Б.Г.* О пользе истории // Историческая наука и историческое сознание. – Томск, 2000. – С. 3–33.
6. *Соколов Б.Г.* История и время // Фигуры истории, или Общие места историографии. Вторые санкт-петербургские чтения по теории, методологии и философии истории / отв. ред. А.В. Малинов. СПб.: Северная зведа, 2005. – С. 92–98.
7. *Ипполитов Г.М.* Объективность исторических исследований. Достижима ли она? Дискуссионные заметки // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2006. – Т. 8, № 3 (июль – сентябрь). – С. 676–688.
8. *Уайтхед А.Н.* Избранные работы по философии. – М.: Прогресс, 1990. – 720 с.
9. *Карр Э.* История Советской России. Кн.1. Т. 1, 2. Большевистская революция. 1917–1923 / пер. с англ.; предисл. А.П. Ненарокова. – М.: Прогресс, 1990. – 771 с.
10. *Кушнер А.* Все стихи [Электронный ресурс] Параллель [сайт]. URL: https://45parallel.net/aleksandr_kushner/vremena_ne_vybirayut.html (дата обращения: 10.08. 2019).
11. *Ипполитов Г.М.* Антон Иванович Деникин: полководец и политик. Историография проблемы и характеристика источников ее исследования: в 2 т. Т. 2: Современная отечественная и зарубежная историография проблемы. Характеристика источников. – Самара : ПГУТИ, 2012. – 291 с.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/21

УДК:930

В.Ф. Мезенцев

ОСОБЕННОСТИ ЭВОЛЮЦИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ УРБАНИСТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Аннотация. *Рассматриваются аспекты эволюции исторической урбанистики, формирование современных направлений изучения города как исторического феномена, применение междициплинарных методов анализа исторического материала.*

Ключевые слова*: город, историография, историческая урбанистика, междисциплинарные методы.*

Историческая урбанистика, интенсивно развивающаяся в последнее время, отражает общие особенности современного исторического знания, которое развивается в направлении все более тесного взаимодействия различных гуманитарных и социальных дисциплин. Это связано и с актуализацией самого объекта изучения мирового процесса урбанизации [1].

Интерес к социальной истории, развитие методов работы с массовыми источниками на основе математико-статистических методов и широкого использования вычислительной техники способствовали развитию междисциплинарных подходов в исторических исследованиях. Как отмечал Б.Г. Могильницкий, «в условиях продолжающейся историографической революции можно ожидать наступление нового витка методологической трансформации нашей науки, связанной с бурным подъемом междициплинарных исследований, в который раз преобразующих ее облик» [2. С. 524]. Современная историческая урбанистика развивается на пересечении интересов различных направлений исторических исследований и реализует потенциал самых разнообразных социальных, гуманитарных и естественнонаучных дисциплин.

Еще в начале 1960-х гг. в западной историографии прошли дискуссии о масштабах и методологии исторической урбанистки, о ее терминологии, о необходимости общих моделей урбанистического развития.

Важную роль сыграла конференция, посвященная истории города, состоявшаяся в Лестере в 1966 г., основными задачами которой были: «(1) определить общие рамки и методы городской истории и (2) изучить некоторые специфические возможности для сравнительного исследования». Позднее материалы этой конференции были опубликованы в сборнике «Изучение истории города» [3].

Именно в этот период обозначились противоречия в подходах к изучению истории города между теми, кто занимался исследованием городов индустриальной эпохи, и теми, кто изучал средневековые города. Отсутствие достаточно широкой и достоверной источниковой базы, позволявшей бы выявлять статистические закономерности для средневековых городов, требовало иных методов и подходов, чем те, которые сложились в урбанистике начиная с 1930-х гг. Даже установление основных показателей численности городского населения в средневековых городах было сложной задачей.

Система ценностей, характерная для Средневековья и раннего Нового времени, также не соответствовала той, которую анализировали историки современного города. На первых местах у медиевистов находились вопросы правового статуса, системы власти и организующей роли религии. Социологические категории, выработанные для анализа городов Нового времени, слабо соответствовали реалиям средневекового города.

В результате этого возникло своеобразное разделение на социологов, которые доминировали в изучении городов индустриальной эпохи, начавшейся с промышленного переворота в Британии, и традиционных историков, занимающихся городом периода Средневековья и раннего Нового времени.

Выражением этого интеллектуального разрыва в Великобритании стало появление отдельной исследовательской группы «Предсовременные города» (Pre-Modern Towns) в 1978 г.

Изменение историографической ситуации, развитие социокультурных исследований смягчили этот разрыв. Прежние подходы к исторической урбанистике, основанные главным образом на количественных методах, подвергались критике за то, что они превратили города в обезличенные, абстрактные объекты.

«Лингвистический поворот» и школа культурной истории, которая выросла из него, направили историков к анализу языка и того, как он формировал восприятие идентичности и опыта, особенно с точки зрения социального статуса, класса и пола. Это был подход, который более всего соответствовал источникам, с которыми имели дело историки Средневековья. Такие категории анализа, как «опыт» и «идентичность», открыли новые возможности для исторической урбанистики, сделав возможными исследования, которые ранее игнорировались или рассматривались как маргинальные: например, опыт города – его зрение, запах, осязание и звук – стал предметом недавних книг и статей [4; 5. P. 165–186].

В рамках такого нового видения исторического феномена города следует обратить внимание на исследования, в которых город предстает как объект и фактор чувственной адаптации человеком городской среды. В рамках такого подхода особое значение придается ощущениям (в первую очередь визуальным и обонятельным), которые, будучи обусловленными как природными, так и социокультурными основаниями, формируют конкретно-исторический образ города [6. P. 388–397].

Основополагающие идеи в этой области исследований были заложены в начале XX в. известным германским философом Георгом Зиммелем (1858–1918) в его эссе «Большие города и духовная жизнь». Зиммель отмечал, что «психологическая основа, на которой выступает индивидуальность большого города, – это повышенная нервность жизни, происходящая от быстрой и непрерывной смены внешних и внутренних впечатлений» [7. С. 23–34].

Стимулирующее воздействие на данное направление исследований оказали также предпринятые Вальтером Беньямином проекции на городской облик Парижа представлений, рожденных капиталистической модернизацией XIX в. [8].

Хорошее представление о проблематике и некоторых направлениях современной историографии развития западноевропейского города Нового времени дает сборник статей под общим названием «Город чувств: городская культура после 1500 г.» [4]. Несмотря на достаточно разные подходы к теме, авторы собранных здесь эссе объединены общим стремлением выделить и оценить исторически и культурно обусловленные формы городской среды и связанные с ними различные каналы восприятия человеком окружающей действительности и соответствующие им практики.

Сюжеты, рассмотренные исследователями, касаются самых разных аспектов жизни нескольких европейских городских центров Нового времени – Венеции, Лондона и Парижа. На основе разнообразных источников, включающих научные трактаты, делопроизводственную документацию, эпистолярные и мемуарные произведения и многие другие, авторы эссе предпринимают попытку охарактеризовать роль чувств и ощущений в процессах функционирования и модернизации европейской городской среды в переходный к современному обществу период.

Можно выделить несколько характерных исторических сюжетов, рассмотренных авторами сборника, которые дают общее представление о направленности и методах изучения, применяемых в этой исследовательской области.

Обращаясь к такому характерному фактору городской среды Венеции XVI в., как зловоние, Джо Уиллер показывает, как поразному представлены были и источники этого неприятного явления, и средства борьбы с ним в различных синхронных источниках – от медицинских трактатов до постановлений Республики [4. P. 25–38].

В другом эссе, также обращенном к истории Венеции, А. Коуэн, анализируя критерии принадлежности к замкнутой корпорации патрициев, обращает внимание на то, что главным показателем в спорных случаях был род занятий родителей тех, кто вызывал сомнение в отношении их родовитости. При этом классификация занятий основывалась на достаточно определенном и одновременно не столь же четко выделяемом качестве. Традиция требовала, чтобы деятельность тех, кто претендовал на благородный статус, не должна была сочетаться с прикосновением к земле или какому-либо сырью. Торговля считалась благородным занятием, но только в том случае, если сам купец не касался непосредственно своего товара. Это вызывало изощренные расследования относительно того, присутствовало ли прикасание к сырью в ходе деятельности того или иного претендента на высокий статус [4. P. 39–59].

Лаура Райт в своем очерке, рассматривающем бытование двух форм английского языка в Лондоне XVI в., подчеркивает значение теории социальных сетей для понимания того, как возникли эти две языковые системы: лондонский английский и стандартный английский. При этом подчеркивается, что сам процесс формирования этих двух языковых форм отражает функционирование

большой городской социальной структуры, в рамках которой и возникают условия, объясняющие сосуществование этих двух пластов языка [4. P. 60–74].

Визуальному ощущению в его новых формах, соответствующих наступающей эпохе Модерна, посвящено исследование Улофа Стромайера, в центре которого находится сооружение Нового моста (Пон-Нёф) в Париже в правление короля Генриха IV. Автор обращает внимание на отличия этого моста от прежних подобных конструкций, главное из которых заключается в приоритете именно визуальных сторон этого сооружения – отсутствие на нем лавок и других построек, пространственная перспектива для наблюдения, т.е. именно все те черты, которые формировали совершенно новый, характерный уже для следующей эпохи облик города [4 . P. 75–92].

Дэвид Инглис в статье, посвященной внедрению канализации в быт жителей Лондона викторианской эпохи, связывает между собой это материальное благоустройство с социокультурными установками в отношении запахов и вида человеческих экскрементов, в свою очередь, отражающее новое формирующееся восприятие человеческого тела и индивидуальности [4. P. 105–130].

Рассмотренные казусы, касающиеся довольно узких исторических сюжетов, тем не менее дают представление о сложной многофакторной структуре городской среды, где социальные, экономические и политические аспекты не могут быть отделены и адекватно поняты без учета такого важного элемента, как чувства и ощущения тех людей, которые составляли и наполняли собой городское пространство. Творческая активность на полях междисциплинарного взаимодействия, включающих лингвистику и семиотику, психологию и различные социологические модели, позволяет по-новому использовать материал традиционных исторических источников, извлекая из них новые пласты информации о прошлом.

Литература

1. *Ewen Sh.* What is Urban History? – N. Y.: John Wiley & Sons, 2016.

2. *Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. III: Историографическая революция. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008.

3. *The Study* of urban history: the proceedings of an international round-table conference of the Urban History Group at Gilbert Murray Hall, University of Leicester on 23-26 September 1966. – Leicester: Edward Arnold, 1968.

4. *The City* of the Senses: Urban Culture Since 1500 / Ed. by Alexander Cowan and Jill Steward. – Aldershot: Ashgate Publishing Limited, 2007.

5. *Smith M.M.* Making sense of social history – new topics and historians // Journal of Social History. 37 (2003). – P. 165–86.

6. *Urry J.* City life and the senses [Текст] // A Companion to the City / G. Bridge and S. Watson, eds. – Oxford, 2000. – P. 388–397.

7. *Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // Логос. – 2002. – № 3–4 (34). – С. 23–34.

8. *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / под ред. Ю.А. Здорового. – М.: Медиум, 1996.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/22

УДК: 93/94

Н.Ю. Кузнецова

РЕЛИГИОВЕД А.С. ПРУГАВИН: ЛИЧНОСТЬ, БИОГРАФИЯ, ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ КОНЦЕПЦИИ[1]

Аннотация. *Рассматривается опыт исследования старообрядчества известным религиоведом и публицистом А.С. Пругавиным. Автор подчёркивает, что в своих работах Пругавин, используя комплексный подход, рассматривал старообрядчество как особое явление в русском народе. Религиовед делал попытку не просто понять старообрядцев, но и оценить эту группу верующих с точки зрения пользы их для государства.*

Ключевые слова*: религиоведение, А. С. Пругавин, старообрядчество, религия, религиозная жизнь.*

В 2020 г. исполняется 100 лет со дня смерти известного исследователя религиозной жизни русского народа Александра Степановича Пругавина. Личность этого автора заслуживает подробного изучения, ведь он сочетал в себе публициста и историка, религиоведа и этнографа, знаменитого на всю Россию расколоведа. При этом в общественно-политическом дискурсе последней трети XIX – начала XX в. Пругавин в целом придерживался пронароднической позиции, хотя в его взглядах с течением времени и прослеживалась определённая эволюция [1]. Путь автора от революционного народничества к народничеству легальному включил не только участие в студенческих народнических кружках (в частности, близкое знакомство с идеологиями «нечаевцев» и «чайковцев»), общение с идеологами данного течения (например, с М.А. Натансоном), но и личное, близкое знакомство будущего исследователя с народом и его жизнью в ссылке на Европейском Севере России, где он провёл около девяти лет. В итоге, Пругавин начиная с начала 1880-х гг. и вплоть до конца

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-39-00058 мол_а.

жизни разделял, пусть и с небольшими личными отступлениями, идеи и взгляды народников-легалистов.

Период ссылки (1871–1879 гг.) для А.С. Пругавина становится поворотным в его биографии и будущей исследовательской карьере ещё по одной причине. Именно на окраине Архангельской губернии он получил возможность познакомиться с той силой, которую народники начиная с 60-х гг. XIX в. рассматривали как одну из возможных опор в борьбе с российским самодержавием – со старообрядчеством [2. С. 90–106]. Личный контакт с представителями этой особой религиозной группы и осознание многих неточностей и заблуждений, бытовавших в тот период в русском обществе относительно старообрядцев, во многом определили его исследовательские изыскания и публицистическую деятельность.

Именно личное общение с группами старообрядцев и сектантов, во множестве существовавшими на севере России, заставило А.С. Пругавина задуматься над проблемой религиозности в империи и провести через всё своё творчество вопрос: «а знаем ли мы раскол?». Он на протяжении всей жизни собирал все опубликованные и прогосударственными исследователями-историками, и чиновниками, и представителями Русской православной церкви (РПЦ) материалы по данной теме, изучал их на предмет открытости и достоверности данных. Признавая за своими предшественниками в вопросах изучения религиозной жизни народа зерно истины, народник подчёркивал, что полного доверия к имевшимся на тот момент материалам быть не могло по ряду причин. В первую очередь это и неудовлетворительная статистика, а также «упущения славянофилов», сосредоточившихся лишь на одной из сфер старообрядческой общности. Именно поэтому сам Пругавин, не отходя от народнического лозунга о необходимости всестороннего изучения народа, подчёркивал, что старообрядчество следует изучать, не ограничиваясь лишь духовно-нравственной сферой жизни общности, но затрагивая умственную, физическую, социальную и экономическую стороны жизни группы [3. Л. 2].

Особенно Пругавина волновал вопрос о точности статистики, для чего он разработал собственную «Программу для собирания сведений по исследованию и изучению русского сектантства и раскола» [4. С. 23–42.] и даже предложил её Императорскому Русскому географическому обществу (ИРГО) [5], а затем опубликовал в «Русской мысли». Несмотря на тот факт, что Программа была отчасти раскри-

тикована научным сообществом, весь последующий сбор сведений сам исследователь производил с опорой именно на неё.

А.С. Пругавин как исследователь старообрядчества интересовался не только вопросами возникновения и распространения данной группы верующих на просторах России и за её пределами, но и выступил одним из авторов классификации старообрядческих религиозных групп в общей среде религиозных нон-конформистов. Часть материалов по данной теме была опубликована в ряде его работ [6–8], а часть – хранится в Российском государственном архиве литературы и искусств в личном фонде Пругавина [9. Л. 113об. – 114, 117об. – 118]. За много лет собственной исследовательской практики Пругавин пришёл к выводу, что определение и отнесение той или иной группы верующих к конкретному направлению старообрядчества или сектантства часто могли оказываться некорректным из-за тесных переплетений и взаимосвязей внутри групп и повсеместного бытования даже внутри старообрядчества переходов «из веры в веру».

Таким образом, А.С. Пругавин в дореволюционной России был одним из признанных авторитетов в вопросах изучения религиозной жизни народа, заинтересованным в подробном исследования всех проявлений и особенностей религиозности в народе. Одной из ключевых тем, которой народник заинтересовался еще в юношеские годы, стала тема старообрядчества. А.С. Пругавин опубликовал значительное количество работ, посвящённых религиозной проблематике и поднимавших острый для русского общества вопрос о старообрядческом движении. Из этих работ следуют следующие концептуальные выводы по изучению религиозных течений в русском обществе [4, 6, 8]:

- публицист пропагандировал непредвзятость по отношению к представителям религиозных течений и толков, так как понимал, что определённый негативный образ, полученный теми же старообрядцами от государства и церкви ещё на заре их возникновения, постепенно укоренился в общественном мнении;
- исследователь определял «раскол» как особое явление в русской жизни, трактуя его как «совокупность всех вообще религиозно-этических и религиозно-бытовых протестов и разномыслий русского народа»;
- в понятие «раскол» автор включал как старообрядчество, так и все существовавшие на тот момент в обществе секты;

- народник, признавая множественность и разнообразие духовной мысли в русском народе, полагал, что все религиозные старообрядческие группы, имея главной идеей поиск правды, составляют «до известной степени одно целое»;
- религиовед делает новаторскую попытку проследить этапы формирования исторической памяти старообрядчества, рассматривает вопрос появления и сохранения «места памяти» для этой группы верующих как способа почитания собственной истории;
- изучив огромный массив данных и материалов, касавшихся старообрядцев, Пругавин заключил для себя и доносил в своих работах до читателей идею (перекликавшуюся с его изначальной народнической позицией) о том, что старообрядчество в России представляет собой наиболее думающую группу в народе, а русская интеллигенция может перенять идеи и жизненные идеалы.

Литература

1. *Мокшин Г.Н.* Основные концепции истории легального народничества в современной отечественной историографии // История и историография правого народничества : сборник статей. – Воронеж : Истоки, 2014. – С. 9–26.
2. *Сажин Б.Б.* Проблема «раскола» в публицистике А.С. Пругавина (начало 80-х гг. XIX в.) // Софист: социолог, философ, историк. – М.: МПГУ, 2005. – Вып. 1. – С. 90–106.
3. *Тетрадь* с записями Пругавина А. к программе сбора статистических сведений о расколе, положении ссыльных и другим вопросам // РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 1. Д. 68. Л. 2.
4. *Пругавин А.С.* Программа для собирания сведений о том, что читает народ и как он относится к школе и книге. – 2-е изд. – М. : Типо-литография В.Ф. Рихтер, 1891. – 35 с.
5. *Газетные* вырезки // РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 1. Д. 206.]
6. *Пругавин А.С.* Религиозные отщепенцы. Очерки современного сектантства. – М.: Типо-литография Т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1906. – Вып. 1. – 266 с.
7. *Пругавин А.С.* Раскол и сектантство в русской народной жизни. – М.: Типография И.Д. Сытина, 1905. – 89 с.
8. *Пругавин А.С.* Раскол вверху. Очерки религиозных исканий в привилегированной среде. – СПб.: Типография т-ва «Общественная польза», 1909. – 267 с.
9. *Статьи*, заметки, схемы о расколе // РГАЛИ. Ф. 2167. Оп. 1. Д. 67. Л. 113 об. – 114, 117 об. –118.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/23

УДК: 9(И)470

П.В. Акульшин, А.С. Соколов

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ. В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ: ЖИЗНЬ И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ С.Д. ЯХОНТОВА (1853–1942)[1]

Аннотация. *Статья посвящена развитию исторической науки на рубеже XIX–XX вв. в российской провинции. Она рассматривается на примере жизни и деятельности историка-педагога, исследователя и организатора архивно-музейного дела С.Д. Яхонтова (1853–1942). Почти 60 лет этот ученик В.О. Ключевского по Московской духовной академии посвятил развитию исторической науки в Рязанской губернии, уроженцем которой он являлся. Жизнь и научное наследие С.Д. Яхонтова представляют значительный интерес для изучения развития исторического знания в российском обществе с середины девятнадцатого века и вплоть до кануна Великой Отечественной войны.*

Ключевые слова: *историческая наука, историография, В.О. Ключевский, российская провинция XIX–XX вв., Рязанская губерния, Рязанская ученая архивная комиссия, С.Д. Яхонтов, воспоминания.*

Эпоха «великих реформ» середины XIX в. положила начало изменению историографических и социальных парадигм отечественной исторической науки. Представителей российского дворянства сменили интеллигенты-«разночинцы», наиболее яркой фигурой которых был В.О. Ключевский. Его коллегам и современникам, которым судьба дала возможность жить в новом столетии, пришлось стать свидетелями, а некоторым и непосредственными участниками трех революций, полностью изменивших облик российского общества.

Но кроме корифеев отечественной исторической науки в эту эпоху жили их коллеги, чей вклад в историографический процесс

[1] Исследование подготовлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 16-116506.

был не так заметен, как у их великих современников, но без которых невозможно представить пространство отечественной исторической науки. Эти профессионалы, условно говоря «второго и третьего плана», не создали новых концептуальных подходов в осмыслении исторических процессов и не оставили потомкам крупных исторических исследований. Им не довелось стоять за кафедрами немногочисленных в ту эпоху высших учебных заведений. Но без этих рядовых тружеников науки и образования отечественная историография, да и вообще российская гуманитарная традиция, не могла бы существовать.

Одним из таких провинциальных историков являлся Степан Дмитриевич Яхонтов, яркий и в то же время типичный представитель отечественной разночинной интеллигенции второй половины XIX – начала XX в. Судьба уготовила ему долгую жизнь. Он появился на свет в год начала Крымской войны, а покинул этот мир в разгар Великой Отечественной войны – в 1942 г. С.Д. Яхонтов родился 19 (31) декабря 1853 г. в селе Ухори Пронского уезда Рязанской губернии в семье церковного дьячка. Его семейство принадлежало к нижнему слою сельского духовенства, которое отличалось от соседей-односельчан только грамотностью. В 1863 г. он поступил в духовное училище в уездном городе Скопине. Через шесть лет, в 1870 г., Степан Дмитриевич продолжил свое образование за казенный счет в Рязанской духовной семинарии.

В этом же году он выдержал экзамен для поступления на историческое отделение Московской духовной академии. Эти годы, с 1876 г. по 1881 г., оказали определяющее влияние на становление его личности. С.Д. Яхонтов прошел тот путь социальной мобильности, который на протяжении последующих ста лет прошли несколько поколений русских людей в ходе урбанизации общества. Сельский паренёк покидает родную деревню, получает образование и профессию, превращается в городского жителя в первом поколении, усваивающего новые идеи и привычки.

На формирование С.Д. Яхонтова и как человека, и как педагога, и как исследователя огромное влияние оказал В.О. Ключевский, преподававший в этом учебном заведении гражданскую историю. На втором курсе С.Д. Яхонтов писал под научным руководством В.О. Ключевского семестровое сочинение по теме «Крестьяне на Руси в XIV и XV вв.». Общение с наставником происходило не

только в учебной аудитории, Яхонтов нередко разговаривал с ним в неформальной обстановке [1].

С.Д. Яхонтов многое перенял у великого ученого. «Все приемы поведения на лекциях, которыми он иногда сказывал более, чем словами, – писал Степан Дмитриевич, – так на меня подействовали, что я подражал ему несознательно, невольно. Тот же путь от двери к кафедре, то же ощупывание за галстуком, то же задерживание речи. Это были мои невольные жесты... Все мое 45-летнее преподавание он был путеводителем моим во взглядах и суждениях, от которых я не мог отказаться даже в трудные минуты преподавания истории, когда стала подниматься «накипь» [2. Д. 9. Л. 17].

Яхонтов вышел из стен Московской духовной академии 28 июня 1880 г. с присвоенной степенью кандидата богословия и правом при соискании степени магистра не держать устных испытаний. Но магистром он так и не стал. Разночинец-провинциал, не имея ни протекции, ни значительных материальных средств, должен был вести борьбу за выживание, надеясь только на свои силы. Полученное профессиональное образование историка и педагогическая деятельность стали для Степана Дмитриевича социальным лифтом, который обеспечил ему достойное место в провинциальном обществе, где сохранившиеся сословные пережитки дополнялись все более растущей властью денег.

Его педагогическая деятельность началась в августе 1880 г. с должности преподавателя латинского языка в Екатеринославской духовной семинарии. Большой южный город не стал для С.Д. Яхонтова родным. В октябре 1883 г. он, после длительных усилий и борьбы с другими конкурентами, смог получить место учителя истории в духовной семинарии в Рязани, с которой будут связаны все последующие 59 лет его жизни. На протяжении 33 лет дореволюционного периода С.Д. Яхонтов преподавал историю в средних учебных заведениях Рязани (духовной семинарии, епархиальном училище, частных мужских и женских гимназиях, женской гимназии ведомства императрицы Марии Федоровны). Для С.Д. Яхонтова преподавание истории не было просто источником существования, но смыслом его жизни, в котором он видел свой священный долг перед обществом. Добросовестный труд постепенно стал приносить свои плоды. Вершиной карьеры для него стала должность директора Мариинской женской гимназии, которую он занял в 1915 г. Его усилия на педагогическом поприще по достоинству были оценены

властями, удостоившими его пятью орденами Российской империи. Но лучшей своей наградой Степан Дмитриевич считал благодарную память учеников, по его подсчетам, около 90 из которых стали профессорами и преподавателями высших учебных заведений [3. С. 11].

К началу 1890-х гг. С.Д. Яхонтов занял видное место в общественной жизни Рязани, участвуя в работе многих местных общественных организаций. Но большую часть усилий он посвятил работе в Рязанской ученой архивной комиссии, членом которой он являлся с момента ее основания, а с 1905 г. – председателем губернской архивной комиссии, оставаясь на этой должности вплоть до прекращения деятельности этого учреждения в 1918 г. Основные научные интересы провинциального исследователя были связаны с церковным прошлым Рязанского края.

Обширные знания в области истории церковной культуры и специальных исторических дисциплин, огромный опыт практической работы с рукописями и старопечатными книгами, архивными документами Яхонтов использовал при изучении надписей на предметах древнерусского искусства и ремесла, которые он знал и любил не меньше, чем письменные источники.

Помимо Рязанской ученой архивной комиссии Яхонтов являлся членом Императорской Московской археологической комиссии (1899 г.) и Императорского Московского археологического общества (1900 г.), пожизненным членом Императорского Православного Палестинского общества (1899 г.) и действительным членом Военно-исторического общества (1908 г.), членом-сотрудником Петербургского Археологического института (1901 г.) и действительным членом Симбирской, Таврической и Витебской учёных архивных комиссий (1899 г.). Участвовал во Всероссийских (XI в Киеве в 1906 г. и XV в Новгороде в 1911 г.) и областных археологических съездах (III во Владимире в 1906 г.).

Революционные события 1917 г. стали для готовящегося к выходу на пенсию 64-летнего педагога огромным потрясением, перечеркнувшим все его надежды на спокойную и обеспеченную старость. Создание «единой трудовой школы» в РСФСР и ликвидация сословного учебного заведения в лице Мариинской женской гимназии, существовавшей с 1858 г., стали и завершением начатой в 1883 г. 35-летней педагогической карьеры С.Д. Яхонтова. Прекращение карьеры учителя-историка, потеря жалованья и права на пенсию, дополнились разгромом его хутора крестьянами-соседями в январе

1918 г. в ходе «черного передела» земли. Перед С.Д. Яхонтовым и его семьей, как и другими «бывшими людьми», в эпоху «военного коммунизма» возникала проблема не только социального, но и элементарного физического выживания.

Неожиданный шанс для этого дал декрет СНК РСФСР от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела», для реализации которого были необходимы люди, имеющие опыт архивной работы. В период Гражданской войны и нэпа С.Д. Яхонтов с 10 января 1919 г. являлся главным организатором архивного дела в регионе, сначала в качестве главноуполномоченного по Рязанской губернии по устройству и организации архивного дела в 1919–1920 гг., а затем – заведующего Рязанским губернским архивным бюро (1920–1928 гг.). Под его руководством была создана сеть архивных учреждений в уездах и губернском городе, спасено от гибели 10 млн дел. Можно только удивляться тому, как человек в возрасте 66 лет в условиях крайней скудности материальных и финансовых ресурсов смог проделать такой титанический труд.

Огромный вклад С.Д. Яхонтов внес и в развитие музейного дела в губернии, считая, что «музей способен сообщить знания и зародить немало мыслей и стремлений в душу каждого, кто в него приходит провести свой досуг. В музее люди приближаются к вещам, рассматривают их, и эти непосредственные впечатления становятся основой их духовного развития. Русскому народу недостает образования: ему нужен свой музей, и он может стать новой школой, открытой для каждого» [2. Д. 91. Л. 39]. В 1918–1923 гг. он был хранителем фондов, в 1923–1928 гг. – директором, с 1928 г. – хранителем отдела древнерусского искусства Рязанского губернского историко-художественного музея (в 1929 г. переименованного в базовый Средне-Окский), ставшего основой коллекций современного Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника.

Архивная и музейная деятельность С.Д. Яхонтова завершилась 9 декабря 1929 г. арестом в возрасте 76 лет по обвинению по статье 116 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. о «растрате должностным лицом имущества». Судьба и советское правосудие были благосклонны к мемуаристу. Его миновали болезни, наказание в административном порядке и отправка по этапу в ссылку. После четырех месяцев тюремного заключения и двух месяцев нахождения под домашним наблюдением 2 июня 1930 г. он предстал перед Рязанским окружным судом и был освобожден, хотя ему было запрещено в те-

чение трех последующих лет работать в органах Центрархива [2. Д. 7. Л. 24].

В момент завершения судебного процесса С.Д. Яхонтову шел 78 год, впереди у него оставалось еще 12 лет жизни. Заключение стало для историка нелегким испытанием, но оно дало Степану Дмитриевичу материал для раздумий и понимания того, что произошло с людьми и страной. Их итогом стали мемуары Яхонтова, которые он начал писать в 1932 г., опираясь на свои сохранившиеся дневники и письма. Они представляли собой 14 рукописных книг, общим объемом более 2700 листов [3, 4]. Вдумчивый и внимательный наблюдатель сохранил в своих записках многие характерные черты русской жизни, начиная от эпохи отмены крепостного права и вплоть до конца 1930-х гг. Но помимо «истории повседневности» в мемуарах профессионального носителя исторических знаний были сделаны интересные попытки обобщения тенденций развития страны.

Пережив Первую мировую и последовавшую за ней Гражданскую войны, С.Д. Яхонтов оказался современником и Второй мировой войны, сделав последнюю датированную запись в дневнике 10 декабря 1941 г. [4. С. 775]. С.Д. Яхонтов окончил свой жизненный путь 6 января 1942 г., когда шел 199-й день Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Литература

1. *Акульшин П.В., Соколов А.С.* Формирование традиции исторических исследований в русской провинции второй половины XIX – начала XX в.: рязанский педагог и краевед С.Д. Яхонтов как ученик В.О. Ключевского // Творческое наследие В.О. Ключевского в истории, культуре и литературе. Материалы VI Международной научной конференции, посвященной 175-летию со дня рождения выдающегося историка В.О. Ключевского. – Пенза: Пензенский государственный университет, 2016. – С. 4–7.

2. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. Р-2798, С.Д. Яхонтова. Оп. 1. Д. 91.

3. *Яхонтов С.Д.* Воспоминания. Т. 1: 1853–1917 / под ред. П.В. Акульшина. – М.;Рязань: АИРО-XXI, 2017. – 928 с.

4. *Яхонтов С.Д.* Воспоминания. Т.2: 1917–1942 / под ред. П.В. Акульшина. – М.; Рязань: АИРО-XXI, 2017. – 800 с.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/24

УДК: 929

Е.А. Долгова

«ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТНИХ ЮБИЛЕЕВ НЕ БЫВАЕТ»?»: ПЯТЬ ПАМЯТНЫХ ДАТ ЖИЗНИ Н.И. КАРЕЕВА, 1917–1931 гг.[1]

Аннотация. *В статье на примере «памятных дат» советского пятнадцатилетия жизни ученого «старой школы» Н.И. Кареева исследуется особая форма академической коммеморации – юбилей, делается вывод о несовпадении персональной и официальной памяти.*

Ключевые слова: *Н.И. Кареев, юбилей, коммеморация, научная школа, научное сообщество.*

Юбилей – особая форма коммеморации, связанная с празднованием годовщины деятельности какого-нибудь события, учреждения или лица. Личный юбилей – это особая точка столкновения персональной и официальной памяти. В научном сообществе празднование юбилея того или иного ученого позволяет установить не только точку отсчета (год первой публикации, начало педагогического служения, дата рождения), но и круг общения, влияния и патронажа, а также – позиции и статус ученого в научном сообществе и официальном (идеологическом) пространстве. Особый интерес здесь представляет традиция празднования юбилеев т.н. «старых профессоров» в первое постреволюционное десятилетие. Одним из таких профессоров был широко известный до 1917 г. историк, социолог, методолог науки, автор классических школьных учебников, профессор Петербургского / Петроградского университета Николай Иванович Кареев (1850–1931). На закатное «пятнадцатилетие» его жизни пришлось пять памятных дат, которые с того или иного ракурса трактовались как «юбилейные».

[1] Статья выполнена в рамках гранта РФФИ, № 19-09-00109/19.

В 1920 г. было отпраздновано 70-летие Н.И. Кареева. В силу трудностей постреволюционных лет юбилей прошел практически незамеченным. В личном фонде Н.И. Кареева было выявлено лишь письмо И.М. Гревса, датированное 24 ноября 1920 г. [1. Л. 5–6об]. В нем автор, сожалея о невозможности лично поздравить Н.И. Кареева, с удовольствием вспоминал об их 35-летней дружбе и подчеркивал, что всегда «ощущал себя… как начинающий без опыта перед много знающим и авторитетным учителем». Впрочем, от этого же периода сохранилась выписка из протокола Заседания Библиотечного комитета Петроградского университета с резолюцией участвовать «в чествовании профессора Кареева по случаю его 70-летия» и «одобрить оглашенный директором библиотеки текст приветственного письма» [2. Л. 1].

В середине июня 1923 г. был отпразднован 50-летний юбилей со дня окончания Н.И. Кареевым университетского курса. Н.И. Кареев писал Н.П. Корелиной: «Был вечер, устроенный моими учениками, было через день заседание в Университете, а затем на другой день ужин у нас по подписке. По случаю юбилея был предпринят сборник, мне посвященный, который на днях выходит в свет. А через неделю после юбилея я узнал, что меня “отводят от преподавания в Университете” без объяснения причин и последствий» [3. Л. 113–113об., 4. С. 159]. Этот юбилей был самым масштабным в постреволюционный период жизни ученого. К сожалению, он обидно совпал и с его отстранением от преподавания в университете и вынужденным переходом в Географический институт. В память о дате сохранился юбилейный сборник, комплекс писем-поздравлений от самых разных адресатов, проект речи юбиляра [5; 4. С. 416–419].

Юбилейный сборник «Из далекого и близкого прошлого», опубликованный в издательстве «Мысль» в 1923 г., объединил коллег и учеников Н.И. Кареева [6]. Среди авторов были О.А. Добиаш-Рождественская, Д.Н. Егоров, Д.М. Петрушевский, И.М. Гревс, В.В. Бирюкович, Е.В. Тарле, А.Н. Савин, В.П. Бузескул и др. В числе опубликованных работ оказались и две студенческие работы, из которых одна (П.П. Щеголева) вышла из семинария Н.И. Кареева по истории идей XVIII в., другая (Н.С. Коротневой) – из семинария по средневековой истории Д.Н. Егорова. К сборнику был приложен список работ Н.И. Кареева под названием «За полвека». Издание украсили рисунки зятя ученого – художника-графика Г.С. Верейского.

Комплекс поздравительной переписки за 1923 г. значителен. В теплом и развернутом поздравлении старого друга В.П. Бузескула особо отмечалось педагогическое мастерство Н.И. Кареева и его отзывчивое, доброе отношение к «начинающим молодым работникам на научном поприще» [7]. Чуть позже дошли до адресата поздравления Н.И. Радцига и П.А. Сорокина. Кроме поздравления, в первом письме содержалось сожаление: «Для Вашего сборника я мог прислать очень слабую статью. Писал я ее во время квартирных неприятностей, о которых в прежнее время никто из нас и не знал. Выслать что-нибудь другое не мог, так как был стеснен малыми размерами отведенного мне места» [8. Л. 1]. Письмо же П.А. Сорокина, датированное 21 октября 1923 г., было написано совсем в других обстоятельствах – по пути в США, на корабле: обращаясь к Н.И. Карееву в коротенькой записке, автор любовался Гибралтаром [9, 4. С. 157–158].

В комплексе поздравительной документации сохранились и стихотворения, написанные в честь юбилея Н.И. Кареева – в том числе армянского поэта Л.М. Шах-Паронианца [10]. Автор одного из стихотворений – В. Строев – сравнивал юбиляра с «бойцом седым» и «науки примерным паладином» [11]. Неустановленный автор другого стихотворения посвящал Н.И. Карееву еще более возвышенные строки:

<…>
И вот, по воле муз, он послан был в ученье
В престольный град Москву, где всем ученым – рай.
Там Вольдемар Герье, суровый от рожденья,
Ему Оливии творенье Тэна дал,
И повелел писать доклад без замедленья
На основании Нибура и Аннал.
Затем в теории научного познанья
Он юный ум его немедля погрузил
И немца Лампрехта в пылу негодованья
Жестоко опроверг и в лжи изобличил.
Тогда в Париж его безропотно послали,
Чтоб диссертацию скорее он писал,
Там Кант и Конт над ним и день и ночь стояли,
Но он не слушал их и на своем стоял.
С тех пор изъездил он все уголки Европы,
Историю всех стран разведал и постиг,
Усердьем превзошел усердье Пенелопы,
И пишет каждый день, и пишет каждый миг.
Низрину навсегда историй местных грани,

Он создал мир един взамен отдельных стран
И в типах заключив разрозненность названий,
Он все ученья слил в единый океан.
Да здравствует вовек наш Николай Кареев!
Да здравствуют вовек наука и прогресс!
Отсель в истории нет больше Пиренеев
Есть лишь всемирно-исторический процесс [12].

Кроме личных теплых писем, сохранились и официальные поздравительные адреса: от издательств «Брокгауз и Ефрон» и «Наука и школа», Совета института истории при Факультете общественных наук 1-го Московского государственного университета (за подписью Д.М. Петрушевского), факультета профессионального образования Харьковского института народного образования, словесно-исторического отделения педагогического факультета Саратовского университета, наконец, Воронежского государственного университета (последнее, по всей видимости, было составлено ученым-зоологом К.К. Сент-Илером, учившимся у Н.И. Кареева на физико-математическом отделении Петербургского университета) [13]. О юбилее 1923 г. была опубликована краткая заметка в журнале «Педагогическая мысль» [14].

Гораздо менее заметными были все последующие юбилеи историка. В 1925 г. было отпраздновано его 75-летие. Сохранилось поздравление М.М. Богословского (к сожалению, в письме автор перепутал даты и поздравил Н.И. Кареева с семидесятилетием [15]), Н.И. Радцига [16], а также – «магистранта философии, бывшего студента С[анкт]-Петербургского университета», а на момент составления письма – сотрудника Института Маркса и Энгельса А.М. Водена [17; 4. С. 174–175]. Примечательно, что последний услышал о юбилее Н.И. Кареева «от своих многоуважаемых товарищей по Инст[итуту] М[аркса] и Э[нгельса]». Впрочем, в этом учреждении имя Н.И. Кареева, действительно, было авторитетным: учитывая суждение Ф. Энгельса о работе Н.И. Кареева по крестьянскому вопросу во Франции до революции как об «исследовании, составившем эпоху» [17]. Отметили юбилей 1925 г. и журнал «Педагогическая мысль» [18], и Библиотека Академии наук. В последнем поздравлении особо подчеркивалось: «Библиотекарю, любящему свое дело, должно быть приятно, когда книги не стоят на месте, а обращаются среди читателей и тем выполняют свое назначение. Ваши книги всегда доставляют Библиотеке это удовольствие: на многочисленныя требования «Истории Западной Европы», «Философии

истории», «Писем к учащейся молодежи» Кареева чаще всего приходится отвечать: «выдано» [19].

Попытка актуализировать еще одну памятную дату, обратив ее в юбилей, возникла у друзей Н.И. Кареева в связи с выборами в Академию наук 1929 г. Для Н.И. Кареева они были огорчительны: несмотря на научные заслуги, его кандидатура на действительное членство так и не была предложена [3. Л. 71об-72]. В письмах С.Ф. Платонову В.П. Бузескул пытался настоять на ней, подчеркивая долголетнее служение ученого русской науке и подходящий к случаю юбилей (60 лет со дня появления первой печатной работы) [20. Л. 13об.]. После того как кандидатура Н.И. Кареева была решительно отклонена Отделением гуманитарных наук, В.П. Бузескул смог добиться для ученого вместо «действительного» только «почетного» членства. Очевидно, наступал «закатный» период биографии историка.

Наконец, самым драматическим стал последний юбилей Н.И. Кареева – его восьмидесятилетие, совпавшее с резкой критикой его идей в периодической печати. В декабре 1930 г. на заседании методологической секции Общества историков-марксистов председатель общества Н.М. Лукин обвинил Н.И. Кареева в стремлении «реставрировать свергнутые классы» и в «выкриках против марксизма», раздающихся в иностранной печати [21]. В развернутом виде доклад, сопровождаемый критической статьей Н.П. Фрейберг, был опубликован в издании «Историк-марксист» [22]. Тот факт, что доклад Н.М. Лукина был озвучен именно в дни празднования 80-летнего юбилея ученого (к слову, АН СССР никак не отметила это событие), усугубил психологически тяжелую ситуацию: «Восьмидесятилетних юбилеев не бывает, – писал Н.И. Кареев, – впрочем, один академик мне все-таки преподнес вместо поздравления инсинуацию» [3. Л. 117]. Впрочем, поздравления пришли из-за рубежа – от серба Мирко Иовановича, слушавшего курс в семинарии Н.И. Кареева в 1917–1918 гг. [23]. Автор письма подчеркивал, что узнал о юбилее оказией, из местных научных журналов. Воодушевленный воспоминаниями, бывший выпускник Петроградской духовной академии просил фотокарточку для написания большой юбилейной статьи. Судя по записным книжкам, Н.И. Кареев не успел отправить запрошенные материалы. Да и писать автору пришлось бы уже некролог: 18 февраля 1931 г. Н.И. Кареев скончался.

Приведенный обзор документации, связанной с юбилейными датами «закатных» лет жизни Н.И. Карева, позволяет назвать некото-

рые тенденции. Во-первых, юбилейные празднования носили частный, дружеский характер, были очень похожи на дореволюционные и почти не отражались в официальной периодической печати. Во-вторых, они не совпадали с положительной динамикой академической карьеры: наиболее ярко это продемонстрировали юбилей 1923 г. (Н.И. Кареев оказался отставлен от преподавания) и 1930 г. (совпал с критикой в периодической печати), даты не использовались и как удобный повод для получения Н.И. Кареевым каких-либо преференций (например, юбилей 1929 г.). Можно с осторожностью говорить о тенденции некоторого «официального» забывания ученого, имя которого казалось не актуально в новой методологической ситуации 1920-х гг., однако сохранялось в благодарной памяти его многочисленных учеников и коллег.

Литература

1. НИОР РГБ. Ф. 119. К. 6. Д. 95.
2. НИОР РГБ. Ф. 119. К. 20. Д. 59.
3. ЦИАМ. Ф. 2202. Оп. 3. Д. 3. Т. 1.
4. *Ученый* в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. – М. : Политическая энциклопедия, 2015. – 512 с.
5. НИОР РГБ. Ф. 119. К. 20. Д. 35. На 6 лл.
6. *Из далекого* и близкого прошлого : Сборник этюдов из всеобщей истории в честь пятидесятилетия научной жизни Н.И. Кареева. – Пг.; М. : Мысль, 1923. – 312 с.
7. НИОР РГБ. Ф. 119. К. 6. Д. 11. Л. 1-2.
8. НИОР РГБ. Ф. 119. К. 10. Д. 126-127. Л. 1.
9. НИОР РГБ. Ф. 119. К. 11. Д. 41. На 1 л.
10. НИОР РГБ. Ф. 119. К. 18. Д. 35. Л. 1-2.
11. НИОР РГБ. Ф. 119. К. 18. Д. 37. Л. 1-1об.
12. НИОР РГБ. Ф.119. К. 18. Д. 36. Л. 1-1об.
13. НИОР РГБ. Ф. 119. К. 8. Д. 1-8. Л. 1-12.
14. НИОР РГБ. Ф. 119. К. 21. Д. 21. На 1 лл.
15. НИОР РГБ. Ф. 119. К. 9. Д. 33. На 2 лл.
16. НИОР РГБ. Ф. 119. К. 4. Д. 29. На 1 л.
17. НИОР РГБ. Ф. 119. К. 20. Д. 27. На 2 лл.
18. НИОР РГБ. Ф. 119. К. 6. Д. 188. Л. 1 л.
19. НИОР РГБ. Ф. 119. К. 20. Д. 61. На 1 л.
20. ОР РНБ. Ф. 585. Д. 2403.
21. *Буржуазные* историки в СССР: Доклад академика Н.М. Лукина в обществе историков-марксистов // Красная газета. Вечерний выпуск. – 1930. – № 305 (2663). – С. 2.
22. *Буржуазные* историки Запада в СССР (Тарле, Петрушевский, Кареев, Бузескул и др.): открытое заседание Методологической секции от 18 декабря 1930 г. // Историк-марксист. – 1931. – № 21. – С. 44–86.
23. НИОР РГБ. Ф. 119. К. 4. Д. 26. На 1 л.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/25

УДК 93:930.25

М.Ю. Киселев

М.Н. ПОКРОВСКИЙ И ЕГО ШКОЛА: ОЦЕНКА ИСТОРИКА А.В. ШЕСТАКОВА

Аннотация. *В статье представлена информация о хранящейся в Архиве Российской академии наук лекции «Ошибки Покровского и его “школы”» историка, профессора А.В. Шестакова, в дальнейшем члена-корреспондента Академии наук СССР, датируемой 27 декабря 1938 г. Приведены сведения о новом восприятии происходивших в советской исторической науке процессов формирования и обновленного видения историографического наследия М.Н. Покровского.*

Ключевые слова: *М.Н. Покровский, А.В. Шестаков, критика, история, архив, Российская академия наук.*

Михаил Николаевич Покровский (1868–1932) оставил значительный след в истории российской исторической науки: его деятельность продолжает быть объектом дискуссий с участием ученых, работников высшей школы и политических деятелей. Особый интерес представляют публичные выступления советских историков в конце 1930-х гг., в которых содержалась оценка деятельности М.Н. Покровского. В Архиве Российской академии наук сохранилась лекция «Ошибки Покровского и его “школы” историка, профессора А.В. Шестакова (1877–1941), в дальнейшем члена-корреспондента Академии наук СССР, датируемая 27 декабря 1938 г. [1. С. 1–44]. Примечателен тот факт, что в 1939 г. в АН СССР был подготовлен сборник статей, полностью посвященной критике концепции М.Н. Покровского [2]. В 1937 г. будущий академик И.И. Минц также выступал с докладом «"Историческая школа Покровского" и вредительство на историческом фронте» на открытом партийном собрании Главной редакции многотомного издания «Истории гражданской войны в СССР» [3. С. 138–147].

Обратимся к выступлению А.В. Шестакова, связанному с Постановлением ЦК ВКП (б) от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП(б)”» [4]. В постановлении указывалось: «В исторической науке до последнего времени антимарксистские извращения и вульгаризаторство были связаны с так называемой “школой” Покровского, которая толковала исторические факты извращенно, вопреки историческому материализму, освещала их с точки зрения сегодняшнего дня, а не с точки зрения тех условий, в обстановке которых протекали исторические события, и, тем самым, искажала действительную историю». В своей лекции А.В. Шестаков предлагал: «Чтобы понять всю ошибочность антиисторических взглядов Покровского и его школы, необходимо, прежде всего, остановиться на самом Покровском и на его примере показать роль личности, если не в истории, то в исторической науке».

Роль М.Н. Покровского в исторической науке А.В. Шестаков рассматривал как последовательное немарксистское понимание исторических процессов в России. Оценивая позицию М.Н. Покровского до 1904 г., он утверждал, что историк придерживался идеалистических историко-философских взглядов и антимарксистской теории экономического материализма. Активно работая в рядах большевиков во время революции 1905–1907 гг., М.Н. Покровский подготовил работу «Экономический материализм», в которой, по мнению А.В. Шестакова, «он пытался пересмотреть свои идеалистические и вульгарно-материалистические взгляды, к каким должна быть отнесена теория экономического материализма. Но преодолеть эти свои ошибочные теории и взгляды Покровский не смог». В 1908–1911 гг. М.Н. Покровский находился под влиянием одного из идеологов социализма А.А. Богданова (1873–1928), группу которого А.В. Шестаков характеризовал как «антиленинскую, антибольшевистскую».

А.В. Шестаков констатировал, что в тот период М.Н. Покровский в большевистскую партию не вернулся, а, оставаясь за границей, приступил к написанию книги «История России с древнейших времен» – «той самой книги, которая сейчас является еше единственным пособием по истории СССР, с которой приходится считаться, которую приходится изучать хотя бы в первую очередь для того, чтобы преодолеть антимарксистские, антинаучные, антипартийные взгляды Покровского, на которых построена эта книга».

В дальнейшем А.В. Шестаков рассматривал взгляды М.Н. Покровского после революции 1917 г. и констатировал, что «с 1918 г. Покровский был руководителем исторической науки в СССР». Он перечислял ошибки М.Н. Покровского как историка: во-первых, отрицание объективности науки вообще и истории в частности, что выражалось в крылатом выражении «История – это политика, обращенная в прошлое»; во-вторых, применение к объяснениям исторических явлений «вульгарного экономического материализма»; в-третьих, отрицание марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях. Критикуя периодизацию истории, предложенную М.Н. Покровским, А.В. Шестаков утверждал, что она «оказалась настолько ненаучной, что ее автор постепенно от нее отказывался, и особенно от главенствующей роли в историческом процессе торгового капитала». В то же время отрицание М.Н. Покровским творческой личности в истории было им пересмотрено: в конце жизни он признавал, что «личность играет в истории большую роль, чем вначале ему казалось».

А.В. Шестаков сообщал, что М.Н. Покровский боролся с троцкизмом, но «не мог скрыть капитулянтско-реставраторского, а затем фашистского лица троцкизма». Профессор утверждал, что антинаучные взгляды М.Н. Покровского даже после его смерти долгое время «продолжали владеть умами многих историков и мешали созданию действительно исторической науки в СССР, были использованы врагами советского народа в их контрреволюционных вредительских целях. Прикрываясь этими взглядами, троцкистско-зиновьевские и бухаринские мерзавцы орудовали на фронте исторической науки». По его мнению, антиленинские взгляды М.Н. Покровского особенно извращались и подтасовывались учениками его школы, а политика ученого на посту заместителя народного комиссара просвещения РСФСР сводилась к изгнанию истории из преподавания.

С начала 1930-х гг. в СССР началась реализация государственной политики в области «восстановления» профессиональной и общеобразовательной подготовки историков. Взгляды М.Н. Покровского рассматривались как препятствие распространению научных знаний о прошлом. В результате разоблачительной кампании в обществе складывалось впечатление, что творчество М.Н. Покровского относится к обособленной сфере развития советской исторической науки. В связи с этим оно должно быть противопоставлено официально признанному и поддерживаемому направлению истори-

ческих исследований, которое впоследствии назвали «сталинско-академическим», и противостоящему условно называемому «покровскому» направлению.

Находясь под прессингом критиков, М.Н. Покровский во второй половине 1920-х гг., и особенно в последние два года жизни, корректировал в смягчающем направлении свою историческую концепцию, продолжая тем не менее использовать в своих работах термин «торговый капитал» и доказывать первостепенное значение именно торгово-экономических интересов в развитии внутренней и внешней политики Российского государства в период правления династии Романовых. Примечательно, что, борясь со своей концепцией и уточняя ее, прежде всего под влиянием внешних обстоятельств, М.Н. Покровский по существу не мог донести до своей читательской и ученической аудитории никакого конечного, устоявшегося видения российского исторического процесса, за исключением констатации того, что он не отклоняется от марксистской теории и основных теоретических взглядов В.И. Ленина. Вероятно, по этой причине он не называл практически ни одного современного ему ученого своим последователем.

Применительно к оценке исторического наследия М.Н. Покровского критика сложившихся во второй половине 1930-х гг. до середины 1950-х гг. тенденций формирования исторических знаний выразилась в подготовке четырехтомного издания его избранных произведений [5]. В рамках сложившегося на рубеже 1980–1990-х гг. нового восприятия происходивших в советской исторической науке процессов сформировалось и обновленное видение историографического наследия М.Н. Покровского. Прежде всего, он стал оцениваться и рассматриваться как разрушитель подлинно научной историографической традиции, представленной С.Ф. Платоновым и другими историками. При этом его собственные взгляды признавались малосущественными с научно-профессиональной точки зрения. Устойчивая сторона «советской» части историографического наследия М.Н. Покровского основывалась на сочетании его личных убеждений и соблюдения рамок, предписывавшихся идеологической конъюнктурой.

Вызывает вопрос факт становления «исторической школы» М.Н. Покровского, чему способствует изучение тенденции отношения формально принадлежавших ей учеников к его теоретическим представлениям. Обсуждение творчества М.Н. Покровского как его

формальными учениками, так и многими другими исследователями, так же как и анализ развития его собственных взглядов, показывает, что в связи с особенностями историографического наследия ученого его «школа» только начала складываться, но не приобрела законченных и сохранившихся форм. По существу, до середины 1960-х гг. практически все бывшие воспитанники М.Н. Покровского отказались от признания его своим учителем.

В заключение отметим, что, по нашему мнению, лекция А.В. Шестакова содержит, наряду с критикой, большое число идеологических положений, без которых не проходило ни одно публичное выступление во второй половине 1930-х гг. Представленная информация позволит расширить источниковедческую базу по истории исторической науки и творчеству М.Н. Покровского, может быть использована в исследовательских и образовательных целях.

Литература

1. *Лекция* А.В. Шестакова «Ошибки Покровского и его “школы”» // Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 638. Оп. 1. Д. 384.

2. *Против* антимарксистской концепции М.Н. Покровского: сборник статей. Академия наук СССР. – М.; Л., 1939. – Т. 1, ч. 1. 518 с.

3. *Киселев М.Ю., Крамаренко И.Б.* Критика «исторической школы» М.Н. Покровского: позиция И.И. Минца // Философские и исторические исследования: сборник статей. Шадринск, 2019. – Вып. 4.

4. *Постановление* ЦК ВКП (б) от 14 ноября 1938 г. «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском “Краткого курса истории ВКП (б)”». – Ростов-н/Д, 1938. – 47 с.

5. *Покровский М.Н.* Избранные произведения. – М., 1965–1967. – Т. 1–4.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/26

УДК: 93/94(47)”192/193”

Д.П. Мочалов

ТВОРЧЕСТВО ИСТОРИКА, СОЦИОЛОГА ФИЛАРЕТА ТЕЛЕЖНИКОВА В УСЛОВИЯХ СМЕНЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЪЮНКТУРЫ 20–30-х гг. XX в.

Аннотация. *Статья посвящена жизни и деятельности Филарета Евгеньевича Тележникова в контексте развития его эпохи. В работе уделено внимание его отношению к основным философским дискуссиям раннесоветского времени и их роли в формировании интересов исследователя. Также была прослежена эволюции взглядов Ф.Е. Тележникова на западную социологию и способы сохранения достигнутых результатов исследования в условиях усиливающегося идеологического контроля.*

Ключевые слова*: социология, марксизм, репрессии, философия, методология.*

В советской исторической науке период 1920-х гг. прошел под знаком господства социологических схем. Не только в школьном курсе, но и в академической среде изучение истории тесно связывалось с судьбой марксистской социологии. Причиной тому было желание как можно скорее перевести историческую науку на новые методологические рельсы в рамках классового подхода.

Однако довольно скоро этот процесс претерпел существенные трансформации. Во-первых, в связи с тем, что задача была по большей части выполнена и советская историческая наука получила единообразный и законченный метод. Во-вторых, сказалась смена политической конъюнктуры. С наступлением эпохи сталинизма и сворачиванием даже внутрипартийных дискуссий о социологии пришлось забыть. Потому не удивительно, что удавшееся для исторической науки не удалось для самой дисциплины, в рамках которой проходило реформирование. Свое второе рождение после эпохи сталинизма социология была вынуждена начать с осторожной рецепции

западных наработок, что стало одной из причин недоверия к ней со стороны советских обществоведов.

В связи с этим незавершенный этап реформирования социологии в духе новой философии представляет особый интерес для исследователя. Особенно те его стороны, которые связаны с процессом трансформации взглядов ученых в результате научных дискуссий и адаптацией полученных результатов к новой политической конъюнктуре. Анализу одной из таких попыток поставить социологию на рельсы марксистско-ленинской методологии и посвящена данная статья. Материалом для нее послужили наработки одного из первых «красных социологов» – Филарета Евгеньевича Тележникова.

В задачи нашей работы входит не столько анализ конкретного содержания его работ, сколько рассмотрение самого хода исследований в контексте эпохи. Выявление того, что было предметом исследования в связи с запросом в обществе, как это вписывалось в контекст общефилософских дискуссий того времени и с какими препятствиями приходилось сталкиваться исследователю в 1930-х гг.

О самом Ф.Е. Тележникове известно не так много. Из опубликованных биографических источников особо можно выделить только биографическую справку в одном из новейших изданий его лекций и статью Н.С. Корсакова, посвященную репрессиям в Институте философии. Никаких специализированных работ о нем нет.

Согласно первому источнику, Филарет Евгеньевич Тележников родился 14 декабря 1897 г. в городе Троицке Оренбургской губернии (ныне Челябинская область). Происходил из семьи нотариуса и народной учительницы. В 1914 г. окончил реальное училище и незадолго до призыва в армию успел поступить в Московский университет. В 1920 г. Филарет Тележников вступает в РКП(б), а в 1925 г. оканчивает Институт красной профессуры. Далее, до 1936 г. работает в Коммунистическом университете трудящихся Востока, где был утвержден в ученом звании профессора по кафедре исторического материализма. Параллельно, в 1935–1936 гг., читал курс лекций по истории Монголии в Институте востоковедения им. Нариманова при ЦИК СССР. С 1936 по 1938 г. работал в Московском государственном историко-архивном институте в должности профессора философии. Арестован 7 ноября 1938 г. и приговорен к 8 годам заключения в ИТЛ. Отбывал наказание в «Вятлаге», где и умер от болезни 10 марта 1943 г. [1. С. 6–7].

Из статьи Н.С. Корсакова можно почерпнуть, что в течение неустановленного периода Ф.Е. Тележников был также и старшим научным сотрудником Института философии [2. С. 147].

Увы, ограниченный круг источников, касающихся Тележникова, приводит к тому, что данные, которые дают исследователи, весьма противоречивы. Например, В.Н. Сойфер, автор книги «Сталин и мошенники в науке», указывает, что Ф.Е. Тележников умер в ссылке, в 1943 г. Верно здесь только последнее, потому что ссылка и нахождение в ИТЛ – совершенно разные виды уголовного наказания [3. С. 96]. В одной из своих статей для газеты «Троицкий вариант» Валерий Сойфер исправляется: Тележников все же умер в лагере, на Крайнем севере. Но теперь уже в 1932 г.! [4]

Однако, помимо биографических деталей, зачастую пропадает и контекст той научной жизни, в которую был включен профессор. А именно тот факт, что в главной философской дискуссии 1920-х гг. между «диалектиками» (А. Деборин, И. Луполл, Н. Карев и другие) и «механистами» (И. Скворцов-Степанов, Л. Аксельрод, В. Сарабьянов и др.) Филарет Тележников принадлежал к первым. Это предельно ясно обозначено в его статьях, посвященных категории причинности в диамате[5], а также в рецензии на одну из работ А. Вариаша против «богдановщины» [6]. Опыт философских дискуссий давал Тележникову навык более тонкого наблюдения за развитием методологии западной науки в социологической сфере. [7. С. 169]. Правда, конец его карьеры мало зависел от выбранной им философской ориентации. Ведь, в конечном счете, репрессированы были и те, и другие.

Разрешение вопроса об отношении философии и частных наук, а именно об этом спорили сторонники А. Деборина с механистами, коренным образом влияло на восприятие исследователем отдельных методологических вопросов. Для механистов дело обстояло куда проще – определяющей является роль частных наук, а философии предстоит скорая гибель. Для последователей Деборина диалектика была всеобщей методологией, а потому расхождения с частными науками наиболее сильно ударяли именно по их позициям.

Потому практически во всех работах Ф. Тележникова заметно повышенное внимание именно к философско-познавательным, общеметодологическим вопросам тех или иных концепций. Уже в первой своей статье, посвященной школе Э. Дюркгейма, основной объем повествования занимают именно теоретико-познавательные ос-

новы его концепции [8. С. 118–128]. Интерес к данной социологической школе останется у Ф. Тележникова на всю жизнь, и именно ее он считал наиболее близкой к марксизму по ряду частных вопросов, хотя и стоящей на иной точке зрения в целом [7. С. 174–175].

Помимо сложных методологических работ, Ф.Е. Тележников готовил и более краткие и простые по своему наполнению обзоры западных социологических журналов [9, 10]. Филарет Тележников был не только хорошо знаком с новейшими западными наработками в области социологии, но и стремился поделиться ими с массовым советским читателем. К слову, профессор вообще никогда не был сторонником тотального отрицания достижений буржуазной науки [8. С. 112–113]. Эта тема в работах Тележникова поднимается не единожды, и, судя по всему, автор в этом шел наперекор общим настроениям [10. С. 226; 11. С. 38].

При написании критики Вормса автор также не просто ограничивается выставлением nihil над его трудами из-за отрицания марксистского метода, но и сам стремится ответить на наболевшие вопросы, например о соотношении статики и динамики в марксистской социологии [11. С. 54].

По признанию самого ученого, его труды должны были увенчаться написанием «Очерков критики истории буржуазной социологии». Даже в своих лагерных письмах он не оставлял надежду вернуться к этой работе [1. С. 6–7].

В начале 1930-х гг. школа А. Деборина одержала победу над механистами в научной дискуссии, но триумф этот был недолгим. Уже вскоре «неправыми» были объявлены и те, и другие. В этих условиях Ф.Е. Тележников отрекается от своих прошлых «заблуждений» и формально становится на позицию непогрешимости «Краткого курса». Но лишь формально. Некогда ссылавшийся на А. Деборина в своих работах как на авторитет, ученый теперь практически в каждой лекции упоминает «меньшевиствующий идеализм» и аккуратно пересказывает абзацы из критических постановлений [12]. Но не более, чем это необходимо в теме.

Если обратиться к лекции по Дюркгейму, читанной в 1937 г., то без труда можно заметить, что ее ядро целиком и полностью составляет уже упомянутая выше статья от 1928 г. В рамках самоцензуры Филарет Тележников изъял из оригинальной статьи лишь тезисы в пользу создания марксистской социологии [7. С. 185–186]. В 1937 г. от этой заочной полемики ничего не оста-

лось [1. С. 389]. Но, что неожиданно, в лекции о Вормсе сохранился фрагмент о том, что отрыва советской науки от западных достижений допускать нельзя [1. С. 398].

Также, по сравнению с 1928 г., добавлено обязательное упоминание Сталина, а именно, его выступление на конференции аграрников-марксистов [1. С. 348]. Довольно дежурное, но его просто не могло не быть. В целом же лекция о Дюркгейме даже расширена за счет вступительного слова и описания конкретных социологических построений. Еще детальнее стал разбор социально-экономических предпосылок возникновения идейного течения.

Подводя итоги, можно констатировать следующее. Во-первых, общефилософские дискуссии 1920-х гг. не оказали на исследования Ф.Е. Тележникова какого-то прямого отрицательного эффекта. Более того, можно проследить, что именно они стимулировали его интерес к методологическим вопросам, столь редким и в наше время. Во-вторых, приемы научной мимикрии в период сталинизма в данном случае можно рассматривать как более чем скромные. Фактически, они никак не затрагивали суть исследования. Это позволяет говорить о неравномерности идеологического влияния и различных стратегиях социальной адаптации в условиях жесткого идеологического контроля. В том числе и таких, которые позволяли в течение длительного времени вообще не менять направления своей работы, ограничиваясь лишь формальным выражением лояльности.

Литература

1. *Тележников Ф.Е.* Лекции по социологии и философии: 1936–1938. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 448 с.
2. *Корсаков С.Н.* Политические репрессии в Институте философии (1930–1940-е годы) // Философский журнал. – 2012. – №1 (8). – С. 120–170.
3. *Сойфер В.Н.* Сталин и мошенники в науке – 2-е изд., доп. – М.: Добросвет, Городец, 2013. – 480 с.
4. *Сойфер В.Н.* Сталин и казни философов [Электронный ресурс] // Троицкий Вариант – Наука. – 2018. // Режим доступа : https://trv-science.ru/2018/05/18/stalin-i-kazni-filosofov/, свободный. – Загл. с экрана.
5. *Тележников Ф.* Проблема причинности с точки зрения диалектического материализма // Вестник Коммунистической Академии. – 1927. – № 24. – С. 20–74.
6. *Тележников Ф.И.* Вайнштейн «Организационная теория и диалектический материализм» // Вестник Коммунистической Академии. – 1927. – № 24. – С. 288–294.

7. *Тележников Ф.* Дюркгейм о предмете и методе социологии // Вестник Коммунистической Академии. – 1928. – № 30. – С. 159–188.

8. *Тележников Ф.* Об одном буржуазном социологическом направлении во Франции (О Дюркгейме) // Под знаменем марксизма. – 1926 – № 5–6. – С. 112–129.

9. *Тележников Ф.* «Социологический ежегодник» // Под знаменем марксизма. – 1928. – № 2. – С. 181–184.

10. *Тележников Ф.* По иностранным социологическим журналам // Вестник Коммунистической Академии. – 1928. – № 30. – С. 219–226.

11. *Тележников Ф.* Социология Вормса (Теория общества Р. Вормса в свете современной социологии) // Вестник Коммунистической Академии. – 1929. – № 35–36. – С. 38–74.

12. *Тележников Ф.Е.* Лекции по основам марксизма. – М.: ЛЕНАНД, 2014. – 320 с.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/27
УДК: (015:902:908)(47)Крым; Башкиров

А.А. Непомнящий

АЛЕКСЕЙ БАШКИРОВ: ПОСТУПЬ УЧЕНОГО В РАЗВАЮЩЕМСЯ КРЫМОВЕДЕНИИ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX СТОЛЕТИЯ

Аннотация. *На основе обширного корпуса архивных документов центральных и местных фондов, в частности эпистолярия, восстановлена роль крупного археолога, историка Алексея Степановича Башкирова в становлении научного исторического крымоведения, межличностные и научные контакты в активно развивавшемся крымоведении 20-х годов XX столетия. Проанализирована роль А. С. Башкирова в организации и проведении наиболее масштабного экспедиционного археолого-этнографического изучения полуострова, которое проходило с перерывами в 1924–1929 гг.*

Ключевые слова: *А.С. Башкиров, экспедиции, крымоведение, межличностные коммуникации.*

Основной корпус источников, связанных с биографией А.С. Башкирова, его научными исследованиями, до последнего времени оставался неизвестным историкам науки. Личный архивный фонд ученого, хранящийся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея (ф. 598), лишь недавно стал доступен крымоведам и поэтому пока еще малоизвестен.

Алексей Степанович Башкиров родился 19 июля 1885 г. в селе Кукмор Мамадышского уезда Казанской губернии в семье учителя. В 1913 г. он окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета (1908–1913) и одновременно Археологический институт (1910–1913). Студенческие годы А.С. Башкирова не были лишь площадкой для накопления теоретических познаний. Он практиковался на раскопках в Ольвии у Б.В. Фармаковского (1911–1912) и Херсонесе – у Р.Х. Лёпера. В Крыму студент одновременно участвовал в исследованиях средневековых «пещерных городов» Мангупа и Тепе-Кермена (1910, 1913–1914) также под ру-

ководством Р.Х. Лёпера [1]. Работая на полуострове, А.С. Башкиров начал сотрудничать с местными краеведами из Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы, стал членом этой организации. В 1912 г. А.С. Башкиров вошел в специально созданный комитет Общества по подготовке путеводителя по Крыму. Ему поручили работу над «Историко-археологическим очерком Крыма». На основе ежегодных отчетов Археологической комиссии, которые были в его распоряжении, сделана попытка создать один из первых очерков по истории археологического изучения полуострова [2].

После окончания университета, недолго проработавший в Польской гимназии в Санкт-Петербурге, А.С. Башкиров по рекомендации М.И. Ростовцева и Б.В. Фармаковского был определен в Русский археологический институт в Константинополе. Сказалась тут и дружба с Р.Х. Лёпером, который также состоял сотрудником этого научного учреждения. Институт сразу направил молодого специалиста на трехлетнюю стажировку (1914–1916) в Грецию, Италию, Францию, Англию и скандинавские страны с целью изучения античного и средневекового искусства. Несмотря на то, что в 1914 г., в связи с началом Первой мировой войны, Русский археологический институт в Константинополе свернул работу, А.С. Башкиров имел возможность выполнить всю программу своей научной командировки.

В Петроград А.С. Башкиров вернулся в начале 1917 г. С 1 января он состоял магистрантом Петроградского университета. Однако в 1918 г. молодой ученый уехал из неспокойного и голодного Петрограда в Поволжье (Саратов). Там он начал преподавать на историко-филологическом факультете Саратовского университета по кафедре теории и истории искусств. В это неспокойное время ученый предпринял переезд из Саратова в Крым. Сохранился интересный документ – пустой бланк члена Императорской Археологической комиссии, заведующего раскопками в Херсонесе, подписанный «за заведующего раскопками в Херсонесе А. Башкиров. Херсонес. 21. VIII. 19». Место оставлено, видимо, для внесения какого-то ходатайства [3].

Не имея возможности остаться в Крыму из-за сложной политической ситуации, историк вернулся в Саратов. Однако скоро перебрался в Самару, где получил возможность преподавать в университете, а с 1922 г. даже стал деканом педагогического факультета. Молодой и энергичный специалист получил должность директора Самарского краеведческого музея (заведующий Самарским отделом Главнауки с 2 февраля 1921 г.), стал одним из учредителей и предсе-

дателем Общества археологии, истории, этнографии и естествоиспытателей при Самарском университете. Под руководством А.С. Башкирова на историко-филологическом факультете Самарского университета оформилось научное и учебно-вспомогательное подразделение – Семинарий археологии и искусствоведения с библиотекой и учебно-показательным музеем [4].

Осенью 1920 г. в Самару с инспекцией приехал руководитель археологического подотдела Музейного отдела Наркомата просвещения РСФСР, крупный организатор науки, археолог В.А. Городцов (1860–1945). Встреча А.С. Башкирова и В.А. Городцова кардинально отразилась на судьбе молодого историка. 15 октября 1922 г. он покинул Самару и переехал в Москву. В.А. Городцов сразу ввел его в круг столичной научной элиты. А.С. Башкирова избрали на должность профессора педагогического факультета 2 МГУ по кафедре теории и истории искусств и археологии. По протекции В.А. Городцова, который работал также профессором кафедры первобытной археологии 1 МГУ, Алексей Степанович стал преподавать и там: вел три курса – по истории археологических открытий, археологии средневековья и археологии болгарской культуры. С 5 апреля 1923 г. он был зачислен «эпизодическим сотрудником» Музейного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР. В это время Башкиров известен в Москве как специалист по крымской истории. В 1923 г. в Научно-исследовательском институте археологии и естествознания он выступил с докладом «Готы в Крыму». А.С. Башкиров – член наиболее авторитетного научного коллектива по изучению восточной культуры в СССР: с декабря 1922 г. он член президиума Комиссии по изучению тюркской культуры при Наркомате просвещения РСФСР, а с 1927 г. – ученый секретарь этой Комиссии. 24 февраля 1924 г. оформилась Московская секция Российской академии истории материальной культуры. А.С. Башкиров стал сотрудничать в ее Археологической комиссии [5]. В эти годы ученый активно сотрудничал в научных обществах (Московское археологическое общество, Российской общество по изучению Крыма, Центральное бюро краеведения при РАН, Таврическое общество истории, археологии и этнографии). Начались его научные работы во Всесоюзной научной ассоциации востоковедения. Особенно активной была деятельность ученого в Российском обществе по изучению Крыма. В 1924 г. А.С. Башкиров был избран членом правления этой организации. На

страницах периодического издания общества, журнала «Крым», он разместил несколько очерков.

Тесное сотрудничество у А.С. Башкирова установилось и с Всесоюзной научной ассоциацией востоковедения. В Ассоциации образовался Отдел по изучению культур Юга России, Крыма и Кавказа. При организационной и финансовой поддержке этого научного объединения А.С. Башкиров с 1924 г. проводил раскопки и археологические разведки в окрестностях Севастополя. Сохранился составленный им «План исследований на Гераклейском полуострове на лето 1924 г.». Кроме Юго-Западного Крыма в 1924-м коллективом историков, археологов и реставраторов по инициативе правительства Крымской АССР были исследованы мечети в окрестностях Азис и Кырк-Азислер г. Бахчисарая (Асма-Кую, Бурма-Чешме, Ак-Каю), а также надгробные памятники Эски-Юрта [6], составлялись схемы археологических памятников, была предложена типология погребальных памятников. Часть раскопанных артефактов с прекрасно сохранившейся резьбой была перевезена в Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае (в исследованиях принимал участие директор этого учреждения У.А. Боданинский). Сохранились дневники А.С. Башкирова, где отражены раскопки могильника Кырк-Азислер, содержащие интересную информацию о данном объекте [7].

1925–1926 годы – время проведения масштабной Солхатской (Старо-крымской) экспедиции, в которой принимали участие Всесоюзная научная ассоциация востоковедения и Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае. За музеем стоял КрымОХРИС, представители которого курировали работы. Финансировали мероприятие ЦИК и СНК Крымской АССР. Предполагаемые вначале две отдельные экспедиции: археологическая (руководители И.Н. Бороздин, А.С. Башкиров) и этнографическая (руководитель Б.А. Куфтин) были объединены в одну. Целью этого мероприятия стало изучение средневековых археологических и архитектурных памятников по всему полуострову, а также этнографические разработки (изучение крымскотатарского фольклора, жилища). В первый год исследований за 42 дня специалисты обследовали 64 населенных пункта. Руководил экспедицией авторитетный крымовед, профессор Илья Николаевич Бороздин. Фактически руководителей было двое. Второй – Алексей Степанович Башкиров. Среди участников – весь цвет крымоведческого сообщества 20-х гг. как

столичных, так и местных: руководитель КрымОХРИСа А.И. Полканов, архитектор, историк искусства и архитектуры П.И. Голландский, архитектор Центральных государственных реставрационных мастерских Б.Н. Засыпкин, преподаватель Крымского педагогического института М.В. Фрунзе О.А. Акчокраклы, директор Государственного дворца-музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае У.А. Боданинский, заведующий археологическим отделом Центрального музея Тавриды Н.Л. Эрнст, профессор 1 МГУ и Антропологического института Б.А. Куфтин.

Старателями археологии и этнографии было собрано более 150 этнографических и бытовых предметов, 50 эпиграфических раритетов (рукописей), записано около тысячи образцов фольклора на Южном берегу Крыма и в Восточном Крыму. Сделано 200 фотоснимков и 300 зарисовок объектов культурного наследия. Для Старого Крыма (Солхата) был систематизирован свод археологических памятников и составлен генеральный план всех сохранившихся древних сооружений, произведены зондажные раскопки медресе у мечети Узбека, которые выявили остатки дюрбе. В окрестностях Бахчисарая обследованы мечети Аккаш, Асма-Кую, Бурма-Чешме, Сырлы-Чешме, Умерша-Эфенди, Хан-Джами. Многочисленные открытия дали раскопки кладбища района Азис – изучались сохранившиеся мавзолеи. Ученые пришли к общему выводу о значительном влиянии на развитие архитектуры тюркского населения Крыма в XIV–XVI вв. сельджукского компонента из Малой Азии [8]. В результате работ сделаны уникальные фото памятников Старого Крыма. Фотоматериалы экспедиции 1925–1926 гг. свидетельствуют, что обследовались также памятники Феодосии и Судака, армянский монастырь Сурб-Хач, Коктебель, Ай-Тодор, Харакс и раскопки Нимфея в Керчи, Карасубазар. Производились раскопки в Отузах, Карасубазаре, Карагозе [9].

В это время А.С. Башкиров активно сотрудничал в редакции «Большой советской энциклопедии», поместив там ряд статей по истории и археологии Юга СССР. Он также был членом Комиссии по изучению и охране памятников Крыма. Не случайно 3–4 февраля 1927 г. И.Н. Бороздин и А.С. Башкиров – главные организаторы созванного в столице совещания по изучению культуры и искусства тюркских народов. Научное собрание затеяли в преддверии намечавшейся на 5–10 мая этого года масштабной конференции по проблемам изучения истории и культуры тюркских народов в Бахчиса-

рае. Первый (основной) доклад делал А.С. Башкиров, который остановился на очередных задачах изучения археологии тюркских народов. Докладчик выделил несколько важнейших вопросов для дальнейших исследований: тюркской прародины и тюркской культуры древнейшей поры; изучение домусульманской культуры; изучение хазарской культуры. Бахчисарайская конференция по данной проблеме несколько раз переносилась, но так и не состоялась. Московское совещание поэтому стало определяющим для дальнейших исследований.

В 1934 г. начался очередной этап идеологической чистки научных работников. Путем репрессирования краеведов, археологов, музейных работников, преподавателей вузов ликвидировалась система высшего гуманитарного образования. А.С. Башкиров был арестован 8 января 1935 г. Как оказалось, в Академии архитектуры, где он служил в последнее время, за ним внимательно присматривали коллеги, а его высказывания аккуратно передавались в НКВД. После ссылки А.С. Башкиров вернулся в Москву в 1938 г. В столице он не смог найти работу. Его вообще многие коллеги перестали воспринимать после оговора им его коллеги И.Н. Бороздина. Удалось устроиться в Калининский педагогический институт, где ученый трудился с 1938 по 1948 г. профессором, заведующим кафедрой всеобщей истории (с 1942 г.).

А.С. Башкиров скончался 1 января 1963 г. в Москве. Яркая фигура исторического крымоведения 20-х гг. XX столетия, стоящая в одном ряду с такими знаковыми личностями той же новой постреволюционной волны крымоведов, как У.А. Боданинский, И.Н. Бороздин, А.И. Полканов, Н.Л. Эрнст, Алексей Степанович Башкиров, как и все они, попал под маховик охвативших страну репрессий. Этот факт, безусловно, стал причиной начала разрушения его так бурно развивавшейся научной карьеры. Несмотря на то, что по сравнению с названными современниками А.С. Башкирова он отделался только высылкой, его явно недюжинное дарование уже не могло в дальнейшем раскрыться в полную силу.

Литература

1. Гос. исторический музей, отдел письменных источников (далее – ГИМ ОПИ). Ф. 598. Оп. 1. Д. 20. Л. 3–8.

2. *Башкиров А.С.* Историко-археологический очерк Крыма // Крым: путеводитель / под ред. К.Ю. Бумбера, Л.С. Вагина, Н.Н. Клепинина, В.В. Соколова. – Симферополь, 1914. – С. 156–283.

3. ГИМ ОПИ. Ф. 598. Оп. 1. Д. 234. Л. 100.

4. *Белозёрова И.В., Кузьминых С.В.* Башкиров Алексей Степанович // Мирас–Наследие: Татарстан–Крым. Город Болгар и изучение татарской культуры в Татарстане и Крыму в 1923–1929 годах / сост., отв. ред. С.Г. Бочаров, А.Г. Ситдиков: в 3 т. – Казань, 2016. – Т. 1. – С. 4.

5. СПб. филиал Архива РАН. Ф. 155. Оп. 2. Д. 48. Л. 9–10.

6. *Институт* истории материальной культуры РА, научный архив, рукописный отдел. Ф. 2 (1924 г.). Д. 112. Л. 1.

7. ГИМ ОПИ. Ф. 598. Оп. 1. Д. 25. Л. 83–115.

8. *Непомнящий А.А.* Алексей Башкиров в крымоведческих коммуникациях первой трети XX столетия // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Исторические науки. – 2018. – Т. 4(70), № 4. – С. 40–83.

9. ГИМ ОПИ. Ф. 598. Оп. 1. Д. 41. Л. 1–83; Д. 42. Л. 1–66; Д. 45. Л. 1–76.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/28
УДК 929

Е.Р.Курапова

МИЛИЦА НЕЧКИНА. АВТОПОРТРЕТ НА ФОНЕ ЭПОХИ

(ПО МАТЕРИАЛАМ ЭПИСТОЛЯРИЯ ИСТОРИКА)

Аннотация. *В статье обозначены вехи личностного и научного роста известного советского историка, историографа и историка науки М.В. Нечкиной (1899–1985) на основе изучения и анализа ее дневникового наследия и частной переписки. Исследование выполнено в практике исторической антропологии в соотнесении с политической, государственной и социальной историей страны.*

Ключевые слова: *М.В. Нечкина, история науки, дневники М.В. Нечкиной, историческая антропология*

Известный советский историк М.В. Нечкина (1899–1985) оставила богатое эпистолярное наследие. В этом комплексе ярко выделяются ее дневники, которые историк вела на протяжении семи десятилетий – 1913–1984 гг. [1] Изучение этого документального информационного массива позволяет утвердительно полагать, что перед нами – своего рода «автопортрет на фоне эпохи» незаурядной, талантливой, масштабной личности. Академик АН СССР (1958), профессор исторического факультета МГУ, заведующая кафедрой Академии общественных наук при ЦК ВКП(б), лауреат Сталинской премии – таковы вехи ее официальной биографии. Самоистория ее научного роста – на дневниковых страницах. Но не только. В соответствии с жанром источника на его страницах – история ее частной жизни, суждения, раздумья, желания, размышления о себе, людях, ситуациях. За этим – история развития ее личности.

Обозначим некоторые вехи творческой биографии М.В. Нечкиной с позиций истории науки (в ее когнитивной и социальной составляющих). Первым значимым исследовательским трудом стало выпускное университетское сочинение на тему «Русская история в освещении экономического материализма. (Историографический

очерк)» (Казань, 1922). История его написания в 1919–1921 гг., во время учебы М.В. Нечкиной в Казанском университете, доступна на страницах дневников. Сквозь Гражданскую войну, голод, бытовые неурядицы и социальные катаклизмы начинающий историк упорно шла к цели – окончить университет и начать заниматься наукой. Это ей удалось. Более того, разнесенные во времени восемью десятилетиями российской истории рецензенты (Н.Н. Фирсов, 1923 и И.Л. Беленький, 2005) сходятся в оценке научной новизны труда молодого историка [1. С. 9].

Став, после окончания Казанского университета, профессорским стипендиатом со специализацией по русской истории, М.В. Нечкина магистральной темой своей научной работы выбрала изучение творчества В.О. Ключевского. Опубликовав в 1923 г. две статьи по теме работы, на следующий год она переезжает на постоянное место жительства в Москву. В 1925 г. исторический фронт советской республики был взорван 100-летним юбилеем восстания декабристов. М.В. Нечкина переключается на политически востребованную тематику и вплотную начинает заниматься новой для себя темой: публикует обзоры юбилейной литературы и многочисленные рецензии на труды коллег на страницах ведущих столичных журналов – «Печать и революция» и «Историк-марксист», выступает в РАНИОН с докладом «Юбилей декабристов за рубежом. (По эмигрантской прессе)». В 1927 г. выходит ее монография «Общество соединенных славян», получившая одобрительный отклик на страницах «Правды». Тема движения декабристов становится с этого времени ключевой в ее творчестве, к изучению жизни и творчества В.О. Ключевского историк вернется только в годы Великой Отечественной войны, будучи в эвакуации в Ташкенте с историческим факультетом МГУ. Перед нами – классический пример влияния советской политической доминанты на развитие профессиональной траектории историка в 20-е гг. 20-го столетия.

Закрепление советизации М.В. Нечкиной, уже как члена социума, наглядно видно в ее частных письмах мужу Д.А. Эпштейну в 1928 г. из Теберды, где она отдыхала в новом санатории по путевке ЦЕКУБУ при СНК РСФСР, вместе с известными музыкантами и научными работниками. Письма содержательны и живописны, в них – соединение туристических, этнографических, психологических, социальных и политических наблюдений автора. Выпуклыми видятся две составляющие – политическая и психологическая. Ав-

тор, очевидно нарочито, расставляет «просоветские» акценты (событийные и оценочные), возможно, даже подразумевая ситуацию перлюстрации писем. Но при этом автор – женщина – весьма откровенно пишет мужу о своем довольно сложном психологическом состоянии [2]. Данный лейтмотив присутствует и в ее письмах мужу осенью 1930 г. из Москвы в Берлин, куда он был командирован «на азотные заводы Германии» [3]. Саморефлексия, фиксация и попытка осмысления своего психологического состояния – как женщины, как члена социума – отличительная черта «частного» эпистолярия М.В. Нечкиной конца 1920-х – начала 1930-х гг. Эта тема, в синтезе практик гендерной истории, истории повседневности и исторической антропологии, как представляется, имеет исследовательскую перспективу. Тем более учитывая то обстоятельство, что, поступая в университет, молодая М.В. Нечкина колебалась, чему отдать предпочтение – истории или психологии, и уже в юношеские годы ею было сформулировано понятие «3-й мир» («великий мир любви, понимания и труда») [1. С. 8]. Фразы «была в 3-м мире» характерны для ее дневников в сложные эмоциональные периоды автора.

Восприятие М.В. Нечкиной событий начала Великой Отечественной войны на страницах дневников не имеет себе сопоставимых по степени откровенности в оценке ситуации. Ее гражданская позиция резка и критична [1. С. 346–349]. Для образа М.В. Нечкиной как члена социума интерес представляют и ее размышления о выборах в Верховный Совет СССР 1947 г. («…явление, называемое у нас выборами, не является “выборами”, оно представляет собою нечто другое…») [1. С. 365– 370]. И это строки «без пяти минут» Сталинского лауреата – в 1948 г. историк за книгу «А.С. Грибоедов и декабристы» будет удостоена Сталинской премии (второй степени, по разделу «Литературоведение»). Интересно в этой связи упомянуть, что две другие монографии историка, действительно вошедшие в золотой фонд советской историографии, двухтомник «Движение декабристов» (1955) и «В.О.Ключевский» (1974), выдвигавшиеся соответственно на Ленинскую (1957) и Государственную (1977) премии, к сожалению, таковых не получили [4].

Известный отечественный исследователь Б.С. Илизаров в своем экспериментальном исследовании о И.В. Сталине характеризует М.В. Нечкину как «одного из официальных историографов сталинской эпохи» [5]. Речь при этом ведется о вузовском учебнике «История СССР. Россия в XIX веке», «неоднократно переиздававшемся в

30–50-е годы» под ее редакцией. Заметим, что впервые этот вузовский учебник под редакцией именно М.В. Нечкиной вышел в 1940 г. [6]. Что касается сути характеристики, то в рамках темы настоящего сообщения не обойтись без упоминания ситуации с исследовательским докладом М.В. Нечкиной февраля 1941 г. «Почему Россия позже других стран вступила на путь капиталистического развития?». Название доклада повторяло первую строку первой главы «Истории ВКП(б). Краткий курс» (М., 1938): «Царская Россия позже других стран вступила на путь капиталистического развития» с добавлением вопросительного наречия «почему». Доклад вызвал большой интерес, в его обсуждении в Институте истории АН СССР приняли участие многие ученые, стенограмма обсуждения была передана в ЦК ВКП(б). В апреле 1941 г. туда же была направлена докладная записка Е.М. Ярославского и Д.А. Поликарпова, в которой утверждалось, что в докладе историка произошла подмена – первоначальный вопрос «Нечкина подменила другим вопросом – о причинах отсталости России, причем отсталость эту Нечкина изобразила как абсолютную, исконную, на протяжении истории России от скифов до XX века». Была принята резолюция бюро Отделения истории и философии АН СССР и руководства института «о теоретическом отставании и неумении некоторых научных работников применять метод исторического материализма к разработке серьезных исторических вопросов». М.В. Нечкина обратилась к А.А. Жданову. Ее письмо рационально, автор смело оспаривает резолюцию бюро [1. С. 22–23]. Такую позицию можно охарактеризовать, с одной стороны, как поиск защиты у вышестоящей влиятельной инстанции, с другой – как стремление отстоять профессиональный поиск истины, в рамках принятой концептуальной доктрины.

В 1974 г. вышла в свет монография М.В. Нечкиной «В.О. Ключевский. История жизни и творчества». Это был итог 50-летнего изучения темы историком. Книга получила положительные отзывы в ведущих исторических журналах – «История СССР» (Л.В. Черепнин), «Вопросы истории» (В.Т. Пашуто), «Новая и новейшая история» (В.М. Далин). Своим мнением, в письме к автору, поделился и будущий нобелевский лауреат физик П.Л. Капица, получивший экземпляр монографии в подарок. Завязавшаяся в переписке между физиком и историком полемика «об эпистемологии социальных на-

ук» представляет методологический интерес, хотя и оставила каждого из участников при своем мнении [1. С. 44–45].

Первая половина 1980-х гг., последнее пятилетие жизненного пути М.В. Нечкиной, ознаменовалась выходом четырех итоговых сборников работ историка [1. С. 49–51]. Необычным для библиографии трудов профессионального историка в этом ряду стал сборник «Функция художественного образа в историческом процессе» (М., 1982). Автор раскрывает в этой теме «право историка на изучение художественного образа и на необходимость этого изучения для исторической науки» [7]. В сборнике собраны, по определению историка Ю.А. Полякова, «такие шедевры, как этюды о писателях – "Рождение "Горя от ума", "Ледяной дом" И.И. Лажечникова, "Вольтер и русское общество"» и др. Тему сборника Ю.А. Поляков сочленяет с темой «Литературное мастерство историка» [8. С. 242]. В год 75-летнего юбилея М.В. Нечкиной об этом писал и А.З. Манфред: «Своеобразие, особенность стиля М.В. Нечкиной как историка в том, что ее книги – это историческая художественная проза» [9]. В развитие сюжета Ю.А. Поляков относит М.В. Нечкину к ряду российских историков, чьи труды восходят к «лучшим образцам историко-научной прозы как разновидности прозы художественной» [8. С. 251]. Безусловно, такой «штрих» (тематический и оценочный, прижизненный и постфактум) к личности исследователя обогащает образ М.В. Нечкиной как историка.

Таковы, вкратце, некоторые вехи становления и развития М.В. Нечкиной как профессионального историка и члена социума. Рожденная в Российской империи на излете XIX столетия, названная «сербским» именем Милица, выросшая в буржуазной семье директора промышленного училища, с чувством изумления смотревшая на новую власть в начале жизненного и творческого пути, она станет ведущим советским историком революционного движения России позапрошлого века. Как это произошло, М.В. Нечкина опишет на страницах своих дневников. Ее дневниковый комплекс, охватывающий семь десятилетий российской истории, можно определить как еще один, уникальный в своем роде, историографический труд историка. Изучение такого масштабного исторического источника в ситуации новых реалий современной гуманитарной науки – интересная исследовательская задача [1. С. 57].

Литература

1. «*…И мучилась*, и работала невероятно». Дневники М.В. Нечкиной. – М., 2013. – 824 с.

2. «*Что такое* Теберда...». Из писем М.В. Нечкиной мужу Д.А. Эпштейну. 1928 г. // Отечественные архивы. – 2008. – № 4. – С. 112–126.

3. «*Я совершенно* не могу без тебя жить…». Из писем М.В.Нечкиной Д.А.Эпштейну. 1930 г. // Исторический архив. – 2012. – № 5. – С. 73–90.

4. *Курапова Е.Р.* Документы РГАЭ о выдвижении трудов М.В. Нечкиной на Ленинскую и Государственную премии СССР. 1956–1977 гг. // Отечественные архивы. – 2015. – № 3. – С. 27–36.

5. *Илизаров Б.С.* Тайная жизнь Сталина. По материалам библиотеки и архива. (К историософии сталинизма). – М., 2003. – С. 204.

6. *История* СССР. Т. 2: Россия в XIX веке: учеб. для ист. фак. ун-тов и пед. ин-тов / под ред. М.В. Нечкиной. – М., 1940. – 762 с.

7. *Нечкина М.В.* Функция художественного образа в историческом процессе: сборник работ. – М., 1982. – С. 3.

8. *Поляков Ю.А.* Серебряное стило М.В. Нечкиной. (О литературном мастерстве историка) // Поляков Ю.А. Историческая наука: люди и проблемы. – М., 1999.

9. *Манфред А.З.* Милица Васильевна Нечкина – мастер исторического повествования // Проблемы истории общественной мысли и историографии. К 75-летию акад. М.В. Нечкиной. – М., 1976. – С. 24.

II. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ И ПАРАДОКСЫ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/29

УДК: 930.1

М.С. Бобкова

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. *На основе разработанного Борисом Георгиевичем Могильницким в 3-й части курса лекций «История исторической мысли XX века» алгоритма моделируются особенности западноевропейской историографической революции раннего Нового времени. Проведенная работа показывает, что предложенный Б.Г. Могильницким алгоритм является работающим инструментом при систематизации процессов, происходивших в истории исторической мысли и историописании в Западной Европе XVI–XVII вв.*

Ключевые слова: *теория истории, историографическая революция, Западная Европа, раннее Новое время.*

В 2008 г. вышла третья, завершающая часть курса лекций Б.Г. Могильницкого «История исторической мысли XX века» [1], посвященная историографической революции. Первая лекция «Историографическая революция: общая характеристика» предлагает уточнение понятия «историографическая революция» и ее общую модель. Под понятием *«историографическая революция»* в данной работе подразумевается формирование и трансформация представлений о содержании и структуре предмета истории, характер обновления теоретико-познавательного инструментария, изменение стилистики сознания и языка историка, т.е. явления системного характера. Опираясь на разработки Бориса Георгиевича, я постараюсь показать, что трансформация историописания в Западной Европе XVI–XVIII вв. носила парадигмальный характер, представляла собой глобальное как в содержательном, так и во временном планах явление, которое с полным основанием можно назвать историографической революцией раннего Нового времени [2]. При этом, учитывая, что при обращении к понятию «историографическая револю-

ция» речь нужно вести об «”историографическом континууме”, в котором происходит нарастание критической массы и совершается череда медленных изменений и внезапных взрывов» [1. С. 5].

Одной из важнейших особенностей исторической культуры раннего Нового времени является формирование свойств ее коммуникативности. Благодаря этому свойству человек, действительно, становится самим собой, обнаруживая себя в ином. Коммуникация в сфере исторических знаний может носить разные формы, но, во всяком случае, она подразумевает диалог с уже существующими текстами.

Историческая коммуникация осуществляется в едином информационном пространстве, носителем и производителем которого является конкретное общество, существующее в определенных координатах времени и пространства. Для XVI–XVII вв. характерна высокая динамика культурных связей, предопределявшаяся политической ситуацией и экономической конъюнктурой на континенте.

Огромную роль в формировании информационного поля переходной эпохи играло книгопечатание. В XVI в. возможности печати стали широко использоваться: отныне поиски текстов, их собирание, комментирование завершалось изданием книг. С момента изобретения книгопечатания до 1700 г. было издано 1 245 000 наименований, а тиражи выросли с 300–350 экземпляров в XV в. до 1000–1200 в XVII в. Издательская деятельность типографов XVI в. определялась основными тенденциями спроса, который существовал тогда у образованной публики. В формировании издательских «портфелей» важную, если не определяющую, роль играли университеты. Это подтверждает тот факт, что серьезные издательские предприятия создавались, как правило, в крупных университетских городах. Широкое издание сочинений римских, а затем и греческих авторов внесло существенные коррективы в образовательный дискурс: благодаря широкому распространению книжной продукции изменился носитель информации – свои знания студенты теперь получают более простым и доступным способом – из книги.

Но университеты не только определяли спрос на литературу, но и в известном смысле активно участвовали в его удовлетворении. Именно университетские преподаватели, хорошо знающие языки, античную традицию и ее рецепцию, как правило, выступали в роли переводчиков, редакторов и комментаторов текстов. Свою деятельность по подготовке издания они осуществляли в тесном сотрудничестве с типографом, от технических и финансовых возможностей

которого зависел выход книги в свет. В конечном итоге, так или иначе, типография XVI в., действительно, являлась центром формирования нового информационного пространства, и более того, – центром интенсивной интеллектуальной деятельности общества.

Раннее Новое время – это эпоха становления современного гуманитарного знания, в том числе исторического. На наш взгляд, полидисциплинарность в определении предмета, сопровождаемая междисциплинарностью в методологии и методах исследования, является своеобразным «родимым пятном» исторической дисциплины.

Мы отдаем себе отчет в том, что разговор о междисциплинарности имеет смысл лишь в том случае, если наука уже стала мощным социальным фактором, который объясняет многообразные причинно-следственные связи человека, общества и мира природы. Поскольку исследуемая нами эпоха – это время генезиса современного научного знания, в том числе и социогуманитарного, наделять историческое знание XVI–XVIII вв. чертами междисциплинарности в ее нынешнем понимании было бы неправильно. Следует также учитывать, что в этот период история только определяла себя как дисциплина, причем данный процесс носил крайне противоречивый характер.

В XVI в. подчеркивалось исключительно самостоятельное место «новорожденной науки» истории среди других отраслей знания. Ей «соподчиняли» географию, астрономию, математику, правоведение и другие научные дисциплины, оговаривая их вспомогательный характер при изучении опыта прошлых веков.

Осмысление истории, на наш взгляд, определялось тремя генерирующими и очень мощными интеллектуальными потоками – христианской парадигмой мировидения, гуманистической культурой (прежде всего философской, филологической и правовой ее составляющими) и открытиями в области естественнонаучного знания. Причем первый из этих потоков сыграл ведущую роль в формировании предмета истории, а остальные два оказали огромное влияние на выработку методов, способов и путей познания прошлого.

Социальные предпосылки развития западноевропейского общества обусловили неизбежность появления исторической науки и, бесспорно, предопределили осознание ее предмета и методов его изучения. Под воздействием социальных и политических факторов, коренным образом повлиявших на самосознание европейского общества, бесповоротно изменилось отношение человека и общества к своему прошлому. Произошло смещение акцентов с хронологиче-

ского фиксирования событий, с познавательной значимости исторических сочинений на исследование причинно-следственных связей, детерминант, механизмов исторического движения. К прошлому стали обращаться в поиске ответов на универсальные вопросы об установлении первооснов и первопричин всего сущего в целом и социального в частности, которые вставали и в натурфилософии, и в «новой философии», и в теологии.

Методы исторического исследования были непосредственно заимствованы из правоведения и филологии. Иначе и быть не могло, так как, во-первых, изначальный прагматический интерес к истории в начале XVI в. был обусловлен идеей создания универсального права, во-вторых, авторами трактатов, содержавших теоретическое осмысление истории, были выпускники факультетов права ведущих европейских университетов, имевшие ученую степень доктора права. Юриспруденция в тот период уже накопила значительный арсенал методов работы с юридическими документами, начиная с понятия источника права и заканчивая многоуровневым анализом текстов. Само понятие источника в истории непосредственно происходило от трактовки источника права. Принцип объективности и субъективности в изложении материала изначально также утвердился в области правоведения, в ходе работы с правовыми источниками.

Теоретические подходы к организации материала были заимствованы из выведенных П. Рамусом законов формальной логики. Согласно этим законам при изложении какого-либо сюжета следовало в первую очередь дать общую формулировку проблемы. Затем выводились определения основных понятий. Проблема расчленялась на составные части, каждая из которых получала свое определение. Далее шли разъяснения на наглядных примерах. В изучении формальной логики Рамус, используя дедуктивный метод, двигался от общего к частному. Аналогичная схема применялась в исторических трактатах XVI–XVII вв.: от изучения общей картины мира к изучению истории отдельных народов в соответствии с хронологией и далее – через историю государств к частной (персональной) истории.

Еще один аргумент, подтверждающий полидисциплинарность истории, может быть получен в результате анализа принципов организации периодизаций прошлого, применявшихся в трактатах по истории XV–XVI вв. (гуманистическая периодизация, по шести дням творения, по четырем мировым империям, на основе климатического фактора и др.). Таким образом, даже краткое рассмотрение

интеллектуальных условий зарождения и становления истории как самостоятельной области научного знания в начале «эпохи катастроф» дает нам возможность оценивать ее как комплексную и синтезирующую дисциплину.

Мыслители этого периода обращались к теории истории, поскольку решали вопрос о природе ее предмета – источника и основы индивидуальных и коллективных представлений о мире. К середине XVI в. «практическая история», имевшая дело с конкретными событиями и судьбами, накопила солидный опыт в описании прошлого. Теперь его нужно было осмыслить и систематизировать. Поэтому вполне понятно обращение Леруа, Бодена, Патрици, Бэкона к внутренней критике процесса получения исторического знания. Более того, нам представляется, что это свидетельствует также и о том, что историописание того периода приблизилось к границам рефлексии, формирующей науку и дающей ей возможность самообоснования, возможность «посмотреть на себя со стороны».

Литература

1. *Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века. Выпуск III. Историографическая революция. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. – 554 с.

2. *Бобкова М.С.* «Historia pragmata». Формирование исторического сознания новоевропейского общества. – М.: ИВИ РАН, 2010. – 329 с.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/30

УДК: 930.2

Е.С. Кирсанова, С.П. Рамазанов

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ШКОЛА В ТОМСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (К 90-летию Б.Г. Могильницкого)

Аннотация. *Рассматриваются зарождение и эволюция томской историографической школы. Выделяются её лидеры. Акцентируется преемственность и обновление проблематики в развитии школы. Подчеркиваются роль ежегодника «Методологические и историографические вопросы исторической науки» (1963–2007гг.) и методологических семинаров как важных факторов развития научной школы, ее особенности, вклад в развитие советской историографической науки. Наибольшее внимание уделяется творчеству Б.Г. Могильницкого.*

Ключевые слова: *научная школа, университет, лидер, историография, методология истории, методологический семинар, научный руководитель, эволюция.*

Томская историографическая или историко-методологическая школа, просуществовавшая более пятидесяти лет, стала своеобразным и важнейшим явлением в истории советской, а затем и российской исторической науки [См: 1–3]. Вместе с тем, история самой этой школы демонстрирует неразрывную связь ее существования и функционирования с Томским университетом и олицетворяющими ее лидерами. Основоположником историографической школы стал крупный историк и выдающийся организатор Александр Иванович Данилов [4]. Будучи ректором Томского университета и заведующим кафедрой истории Древнего мира и Средних веков, в начале шестидесятых годов он основал первый в СССР по своей направленности ежегодник под названием «Методологические и историографические вопросы исторической науки», который явился важным фактором развития историографической школы.

В Томском университете ученый стал читать специальные курсы по методологии истории, историографии всеобщей истории, которые

не были предусмотрены утвержденной Министерством программой подготовки специалистов-историков. А.И. Данилов организовал методологический семинар историко-филологического факультета Томского университета, на котором обсуждались доклады, будущие статьи и монографии ведущих преподавателей. Определенность и твердость марксистских позиций сочетались у него с убежденностью в необходимости разработки методологии истории, что способствовало преодолению догматов марксистко-ленинского учения [5].

После назначения в 1967 г. А.И. Данилова министром просвещения РСФСР и переезда его в Москву фактическим лидером школы стал занявший после отъезда Данилова место заведующего кафедрой истории Древнего мира и Средних веков Томского университета Борис Георгиевич Могильницкий. Подготовленные Даниловым ученики – доктора исторических наук В.В. Иванов, Н.И. Смоленский, И.И. Шарифжанов – оказались в Москве, Горьком, Казани. Ученики Данилова создали ряд интересных монографий, подготовили ряд своих учеников, но вряд ли можно говорить, что они стали продолжателями историографической школы. Б.Г. Могильницкий продолжил начинания своего учителя в Томском университете. Выходили ежегодники «Методологические и историографические вопросы исторической науки», систематически и активно проходили методологические семинары. Вместе с тем, с 1968 г. регулярно начали проводиться конференции по методологии истории, историографии и источниковедению, объединившие преподавателей и аспирантов всех исторических кафедр.

В 1969 г. Б. Г. Могильницкий издал монографию «Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х гг. XIX – начала 900-х гг.», основой которой стала его докторская диссертация, защищенная в 1967 г. Именно эта работа с очевидностью ответила на вопрос, кто из плеяды одареннейших учеников А.И. Данилова может считаться первым среди равных. Она засвидетельствовала приход в отечественную историографию ученого, который способен не только воплощать методологические принципы, выдвинутые и реализованные в эталонном исследовании научной историографической школы А.И. Данилова, его монографии «Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX – начала XX вв.», но и двигаться вперед, создавая в рамках этой школы новые парадигмальные образцы историографической работы. Ее достоинства отмечались многими из-

вестными историками, включая Е.В. Гутнову [6]. Отметим главное, что и сегодня позволяет считать ее образцом концептуального историографического исследования.

Впечатляет круг исследуемых историков и их произведений Помимо Д.М. Петрушевского, А.Н. Савина и И.Д. Лучицкого, чье творчество освещалось в работах Б.Г. Могильницкого в 50 – начале 60-х гг., в монографии анализируются взгляды М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева, П.Г. Виноградова, Р.Ю. Виппера и В.К. Пискорского, которые объединены в единое «социально-экономическое направление».

Монография разительно отличалась от большинства историографических работ того времени глубоким знанием ее автором философских и методологических концепций, лежавших в основе исторических взглядов рассматриваемых историков. Это позволило Б.Г. Могильницкому вести «на равных» разговор с «героями» своего исследования, не прибегая к трафаретным ярлыкам в оценке их методологической позиции, которые во многих историографических работах были следствием смутных представлений исследователей о немарксистской философской мысли, да и о философии самого марксизма.

Монография Б.Г. Могильницкого была, пожалуй, первой в отечественной науке сознательной попыткой соединения трех основных подходов в объяснении развития исторической мысли: структурного, генетического и функционального. Рассматривая историческое мировоззрение историков, Б.Г. Могильницкий показывает взаимосвязь и взаимообусловленность философских, политических, методологических и конкретно-исторических элементов в его структуре, отмечая при этом относительную независимость каждого из них. Генетический подход реализуется путем демонстрации преемственности каждого этапа эволюции социально-экономического направления идеям предшествующего. Функциональный метод позволил ему выявить влияние исторических выводов историков на духовную и политическую атмосферу России, и в первую очередь на леволиберальную идеологию. Последний момент особенно достоин быть отмеченным, поскольку укоренившийся в историографии того времени подход делал акцент на влиянии идеологии на историков, а не историков на идеологию.

Монография Б.Г. Могильницкого чрезвычайно богата историографическими выводами концептуального характера: об этапах развития русской либеральной медиевистики; о несовпадении хроноло-

гических рамок методологического кризиса в западной и русской историографии; о характере влияния позитивизма и марксизма на методологию русских историков; о влиянии спора о русской общине на научную проблематику работ русских историков; о научной ценности трудов русских историков, посвященных исследованию европейского феодализма; об их влиянии на западно-европейскую медиевистику и др. [7]. Впоследствии с этими выводами одни исследователи будут соглашаться или не соглашаться, но после выхода монографии эти выводы стали историографическим фактом, свидетельствовавшим о формировании нового, более глубокого понимания процесса развития исторической науки в XIX в. в отечественной историографии 70–80-х гг.

С начала 70-х годов специалисты заговорили о Томской историографической школе. Пожалуй, впервые это понятие, по утверждению Б.Г.Могильницкого, сформулировал и обосновал в своей аналитической статье «Работы томских историков в области методологии истории и историографии» видный польский методолог А.Ф. Грабский в 1972 г. [8. S. 117].

Борис Георгиевич расширил проблематику историографической школы через диссертации своих учеников и разнообразие собственных исследований. Определенными вехами стали выход монографии о западной психоистории [9], интерес к зарубежным новациям в исторической мысли. На спецсеминарах, студенческих научных конференциях ученый поощрял творческие поиски студентов [10]. При этом он всегда подчеркивал, что школа является школой Данилова, в крайнем случае соглашаясь на обозначение историографической школы как «школы Данилова-Могильницкого».

После кончины А.И. Данилова Б.Г. Могильницкий начал искать своего преемника. Он перебрал кандидатуры нескольких своих учеников. Но некоторые из них ушли из науки и занялись бизнесом, другие уехали из Томска, третьи не подходили по деловым качествам. Наконец, на рубеже девяностых и нулевых годов он окончательно остановил свой выбор на Ирине Юрьевне Николаевой. После своего восьмидесятилетия Борис Георгиевич ушел с должности заведующего кафедрой истории Древнего мира, Средних веков и методологии истории.

Ирина Юрьевна Николаева показала себя блестящим организатором научных исследований. Возобновились прерванные на рубеже 80–90-х годов конференции по методологии истории и историо-

графии. При ее непосредственном руководстве выигрывались многочисленные научные гранты. Она организовала свой семинар с аспирантами и студентами. Несомненно, ее отличала оригинальность собственных научных исследований [11]. Но Ирину Юрьевну Николаеву в качестве лидера не поддержала большая часть кафедры и в целом исторического факультета. Ирину Юрьевну дважды не избрали заведующей кафедрой и ей пришлось уйти в Томский педагогический университет. В одной из своих последних статей Б.Г. Могильницкий даже говорил о перемещении томской историографической школы в Томский педагогический университет [12]. Однако такая школа там не прижилась. С уходом из жизни Б.Г. Могильницкого в 2014 году и И.Ю. Николаевой в 2015 году вопрос о судьбе томской историографической школы остаётся открытым и ждёт своего исследователя. Но несмотря ни на что, традиции и принципы научного исследования, заложенные основателями, продолжаются в исследовательской практике благодарных учеников.

Литература

1. *Гросул В.Я.* Проблемы методологии истории в современной российской литературе // Гросул В.Я. Труды по теории истории. – М., 2014. – 548 с.

2. *Шарифжанов И.И., Ягудин Б.М.* Историографическая революция последней трети XX века // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. – М.: ИВИ РАН, 2010. – № 33. – С. 361–373 (рец. на кн.: Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века).

3. *Мягков Г.П., Чиглинцев Е.А.* Б.Г. Могильницкий: «…отыскать возможность духовно-нравственного возрождения науки и всего общества». Памяти выдающегося учёного // Ученые записки Казанского университета. – 2014. – Т. 156, кн. 3. Гуманитарные науки. – с. 283–288.

4. *Могильницкий Б.Г.* Творческий путь А.И. Данилова и проблема преемственности в развитии отечественной историко-теоретической мысли XX века // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. – М., 2006. – Вып. 17. – С. 200–223.

5. *Данилов А.И.* О некоторых вопросах дальнейшего изучения теоретико-методологических проблем исторической науки // Вопросы истории. – 1961. – № 3. – С. 216–217.

6. *Гутнова Е.В.* [Рецензия] // Вопр. истории. – 1972. – № 2. Рец. на кн.: Могильницкий Б.Г. Политические и методологические идеи русской либеральной медиевистики середины 70-х годов XIX в. – начала 900-х годов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1969. – 408 с

7. *Кирсанова Е.С.* Борису Георгиевичу Могильницкому – 75 лет // Борису Георгиевичу Могильницкому – 75 лет / сост. и авт. вступ. ст. Е.С. Кирсанова. – Томск, 2003. – С. 3–18.

8. *Grabski A.F.* Prace historykow tomskich z zakresu metodologii historii i historii historiografii // Historyka. 1972. T. III. S. 117. Цит. по: *Могильницкий Б.Г.* Творческий путь А.И. Данилова и проблема преемственности в развитии отечественной историко-теоретической мысли XX века // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. – М., 2006. – Вып. 17. – С. 200–223. С. 221.

9. *Могильницкий Б.Г., Николаева И.Ю., Гулыбин Г.К.* Американская буржуазная «психоистория»: (Критический очерк). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985. – 273 с.

10. *Рамазанов С.П.* О педагогической деятельности Б.Г. Могильницкого // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. – М.: ИВИ, 2014. – № 47. – С. 15–20.

11. *Николаева И.Ю.* Проблема методологического синтеза и верификации в истории в свете современных концепций бессознательного // Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – 302 с.

12. *Могильницкий Б.Г.* Томский университет и его традиции // Университетская корпорация: память, идентичность, практики консолидации: Материалы всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 210-й годовщине основания Казанского университета. – Казань: ЯЗ, 2014. – С. 52–53.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/31

УДК: 930:94(470.41)

А.Р. Мустафин

ДОИНДУСТРИАЛЬНЫЕ ЦИКЛЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ[1]

Аннотация. *На основании сравнительного анализа исследований зарубежной и отечественной историографии представлены основные проблемы изучения доиндустриальных длинных волн. Автор показывает, что после осуждения Н.Д. Кондратьева к исследованию длинных циклов в экономической истории впервые в советской науке обратились историки, интерес которых к проблеме сформировался под влиянием школы «Анналов».*

Ключевые слова: *длинные волны, циклы Кондратьева, доиндустриальные циклы, советская историография, школа «Анналов».*

Существование длинных волн в доиндустриальной экономике – необъяснимый факт с точки зрения инновационной теории, которая получила наибольшее распространение в современной литературе. Однако в последние десятилетия накапливается все больше подтверждений этого факта. Рано или поздно накопление этих аномалий позволит разрешить противоречие теории и практики.

В этой связи остаются актуальными исследования, посвященные ревизии истории применения модели «длинных волн» в экономической истории [1–3]. Однако к общей картине, основанной на изучении работ западных исследователей прошлого столетия, следует добавить некоторые нюансы. Так, с одной стороны, остается невыясненным, какую роль сыграли советские исследователи в изучении проблемы. Причина этого невнимания связана с устоявшимся представлением о том, что после ареста в 1930 г. Н.Д. Кондратьева, основателя теории длинных волн (больших циклов), советские ученые до середины 1980-х гг. не проводили каких-либо исследований в этой

[1] Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 г.

области [4. С. 28]. В нашем распоряжении имеется ряд историографических источников, которые свидетельствуют о том, что наблюдался интерес к проблеме доиндустриальных циклов. С другой стороны, стоит отметить, что только на рубеже столетий были переведены на иностранные языки основные работы Н.Д. Кондратьева, которые вызвали новую волну интереса западных исследователей к его идеям, что также требует историографического анализа.

Сперва заметим, что проходившие в XX веке на Западе дискуссии вокруг теории Н.Д. Кондратьева основывались на достаточно фрагментарных представлениях о его идеях. Этот факт объясняет, почему кондратьевские циклы достаточно редко ассоциируются с доиндустриальной экономикой. Так, участники дискуссий, как правило, апеллировали только к сокращенному переводу ранней статьи Кондратьева о больших циклах. Автор перевода фактически задал точку отсчета циклов, решив обозначить их как «first long wave», «second long wave», «third long wave» [5].

Обратим внимание и на то, что в этой работе Н.Д. Кондратьев не сформулировал свою точку зрения на причины выявленных им циклов, о которой западному читателю стало известно достаточно поздно [6]. И это привело к вольным интерпретациям его наследия. К примеру, экономист М. Блауг настаивал на том, что Н.Д. Кондратьев якобы объяснял циклы войнами и открытием золотых рудников [7. С. 114], а историк П. Шоню – солнечной активностью [8. С. 57].

И хотя Н.Д. Кондратьев не обратился в своих работах к проблематике доиндустриальных циклов, однако следует заметить, во-первых, что предложенное им объяснение цикличности механизмом «накопления, аккумуляции и рассеяния капитала» [9. С. 226] не противоречит фактам существования длинных волн в раннее Новое время. Во-вторых, отметим, что его решение не «пойти слишком далеко, дальше конца XVIII в.» [Там же. С. 176], обусловлено не столько состоянием данных, сколько опасением критики. Дело в том, что, выдвинув в начале 1920-х гг. гипотезу о существовании больших циклов, он был обвинен в стремлении разыскать «кризисы еще и при царе Горохе ... а из сего сделать вывод: “так было, так будет”» [10. С. 12]. И заметим, что ученый все же проявлял интерес к доиндустриальному времени: в его в черновиках удалось найти записи рядов цен XVII–XVIII вв. [11].

Обратимся к современникам Н.Д. Кондратьева. Среди сотрудников возглавляемого им Конъюнктурного института только Т.И. Райнов (также ученик А.С. Лаппо-Данилевского) в своих исследованиях затронул проблематику длинных волн доиндустриального времени. Исследуя данные об открытиях в физике в Германии, Франции и Англии в XVII–XIX вв., он обнаружил в их динамике длинные волны. В его исследовании, опубликованном также на английском языке, считается, были заложены основы современной наукометрии [12]. Как удалось выяснить, он также составлял картотеку об открытиях в металлургии с 1740 г., содержащую более 3600 карточек [13]. Но, как и многие исследователи, он после ареста в 1930 г. Н.Д. Кондратьева прекратил публиковать исследования длинных волн.

Единственным, кто после 1930 г. продолжил исследования долговременных колебаний, был самый известный критик идей Н.Д. Кондратьева – Д.И. Опарин. Но, к сожалению, остается забытой его работа, посвященная моделированию «схематических кривых» внешней торговли России на основе анализа построенных им рядов экспорта и импорта за 1742–1917 гг. [14].

Начиная с 1930-х гг. интерес к проблематике доиндустриальных циклов стали проявлять французские историки. Однако заметим, что работы Франсуа Симиана, Эрнеста Лабрусса и ряда их последователей написаны без влияния идей Н.Д. Кондратьева: заметны расхождения в моделях как длинных волн, так и в целом экономической динамики [1]. Первым, кто исследовал проблему в свете теории Кондратьева, был Гастон Эмбер [15], в свою очередь, повлиявший на творчество Фернана Броделя. Собственно, Бродель, как отмечал Б.Г. Могильницкий, ассоциировал кондратьевские циклы со «средним временем» [16. С. 83]. Позднее в 1980-е гг. эту линию анализа продолжили немецкие и американские историки [2]. Общим итогом этих эмпирических исследований можно назвать выявленную ими синхронность долговременных колебаний уровня цен в европейских странах. Однако дискуссионным остался вопрос о единстве механизма длинных циклов в доиндустриальную и промышленную эпоху.

Как известно, в советской исторической науке на протяжении 1970–1980-х гг. внимательно изучалось наследие представителей школы «Анналов». Именно под влиянием французской историографии советские историки раньше экономистов обратились к проблематике длинных волн. Так, в сборнике научных статей зарубежных исследователей, который вышел в 1977 г., были опубликованы рабо-

ты Ф. Броделя и Ф. Фюре, посвященные проблематике длинных циклов [17].

Публикации переводов исследований зарубежных коллег по проблеме длинных волн, появление соответствующих историографических исследований [18, 19], а также работа исследователей с литературой в спецхранах привели к появлению первых эмпирических исследований, посвященных доиндустриальным циклам. Так, в 1983 г. Ю. Кахк и М. Реммель опубликовали статью, в которой они представили статистический анализ данных по истории Эстляндской губернии, Франции, Испании, Италии [1]. А в 1985 г. вышла работа Б.Н. Миронова, в которой впервые за полвека в советской литературе были представлены результаты использования методики Н.Д. Кондратьева: автору монографии удалось выявить большие циклы в движении хлебных цен с середины XVII в. [20. С. 119–123].

Однако после реабилитации в 1987 г. Н.Д. Кондратьева, несмотря на заметное внимание в 1990-е гг. российских экономистов к его идеям, историки практически не проявили интереса к проблематике доиндустриальных циклов. Объяснить это, пожалуй, можно не столько отсутствием релевантных данных (которые все же доступны, в частности по отечественной истории [21]), сколько снижением интереса к количественным исследованиям. Поэтому в современной отечественной историографии можно выделить только фундированное исследование И.М. Савельевой и А.В. Полетаева. Авторы, рассматривая динамику сельского хозяйства европейских стран доиндустриального времени, выявили связь между длинными волнами и демографическими процессами, а также изменением урожайности [2].

В современной зарубежной историографии наблюдается интерес к доиндустриальным волнам неевропейских стран [22–24]. Дальнейшие исследования в этом направлении, как представляется, позволят разрешить дискуссионные вопросы изучения длинных волн.

Литература

1. *Кахк Ю.* Опыт изучения циклов аграрного развития методами распознавания образов / Ю. Кахк, М. Реммель // Количественные методы в советской и американской историографии: материалы советско-американских симпозиу-

мов в г. Балтиморе (1979 г.) и г. Таллине (1981 г.) / ред. И.Д. Ковальченко, В.А. Тишков. – М. : Наука, 1983. – С. 162–176.

2. *Полетаев А.В.* «Циклы Кондратьева» в исторической ретроспективе / А.В. Полетаев, И.М. Савельева. – М. : Юстицинформ, 2009. – 271 с.

3. *Zschocke A.* Kondratieff cycles in the pre-industrial period: A statistical investigation / A. Zschocke // Historical Social Research. – 1984. – № 31. – P. 63–84.

4. *Меньшиков С.М.* Длинные волны в экономике. Когда общество меняет кожу / С.М. Меньшиков, Л.А. Клименко. – М. : Междунар. отношения, 1989. – 269 с.

5. *Kondratieff N.D.* The Long Waves in Economic Life / N.D. Kondratieff // The Review of Economics and Statistics. – 1935. –Vol. 17, №. 6. – P. 105–115.

6. *Kondratiev N.D.* The long wave cycle / N. D. Kondratiev. – New York: Richardson & Snyder, 1984.

7. *Blaug M.* Great economists before Keynes: An introduction to the lives and works of 100 economists of the past / M. Blaug. – Brighton: Wheatsheaf books, 1986. – 286 p.

8. *Chaunu P. L'*economie: Depassement et prospective // Faire de l'histoire. Vol. 2/ Nouvelles approaches. – Paris, 1974. – P. 51–73.

9. *Кондратьев Н.Д.* Проблемы экономической динамики. – М. : Экономика, 1989. – 525 с.

10. *Осинский Н.* Мировое хозяйство в оценке наших экономистов. – М. : Красная новь, 1923. – 60 с.

11. РГАЭ. – Ф. 769 (Н.Д. Кондратьев). – Оп. 1. – Д. 8; 10.

12. *Rainoff T.I.* Wave-like fluctuations of creative productivity in the development of West-European physics in the eighteenth and nineteenth centuries. – Isis. – 1929. – № 12. – P. 287–319.

13. ОР РГБ. Ф. 441 (Т.И. Райнов). Картон 18. Д. 1–3; Картон 19. Д. 1–3.

14. *Опарин Д.И.* Схематический анализ развития внешней торговли России за 175 лет (1742–1917 гг.) // Методологические вопросы в статистических исследованиях. – М. : Наука, 1968. – С. 96–128.

15. *Imbert G.* Des mouvements de longue durée Kondratieff. – Aix-en-Provence: Pensée universitaire, 1959. – 535 p.

16. *Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. II: Становление “новой исторической науки”. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – 178 с.

17. *Философия* и методология истории: Сб. статей / под. ред. И.С. Кона. – М. : Прогресс, 1977. – 334 с.

18. *Соколова М.Н.* Историческая теория Фернана Броделя // Французский ежегодник. – М. : Наука, 1974. – С. 313–333.

19. *Афанасьев Ю.Н.* Историзм против эклектики: Французская историческая школа «Анналов» в современной буржуазной историографии. – М. : Мысль, 1980. – 277 с.

20. *Миронов Б Н.* Хлебные цены в России за два столетия (XVIII–XIX вв.). – Л. : Наука : Ленингр. отд-ние, 1985. – 301 с.

21. *Kahan A.* The Plow, the Hammer, and the Knout: An Economic History of Eighteenth-Century Russia. – Chicago; London : Univ. of Chicago press, 1985. – 407 p.

22. *Metzler M.* Capitalist Boom, Feudal Bust: Long Waves in Economics and Politics in Pre-Industrial Japan // Review (Fernand Braudel Center). – 1994. – Vol. 17, № 1. – P. 57–119.

23. *Boswell T.* Cycles and Trends in the Early Capitalist World-Economy: An Analysis of Leading Sector Commodity Trades, 1500-1600/50-1750 / T. Boswell, J. Misra // Review (Fernand Braudel Center). – 1995. – Vol. 18, No. 3. – P. 459–485.

24. *Kwon R.* Hegemonies in the World-System: An Empirical Assessment of Hegemonic Sequences from the 16th to 20th Century // Sociological Perspectives. – 2011. – Vol. 54, No. 4. – P. 593–617.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/32

УДК: 94.(47) + 930.2

А.Ю. Клементьев

ИСТОРИЯ МЕНТАЛЬНОСТЕЙ, ЕЁ НАПРАВЛЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ. ВРЕМЯ БОЛЬШОЙ ПРОТЯЖЁННОСТИ (Ф. БРОДЕЛЬ)

Аннотация. *Рассматривается концепция ухода истории от позитивизма к личности, которая является частью исторического процесса. Смещение акцентов исторической науки от масштабных к микроисторическим процессам, где важная роль уделена человеку.*

Ключевые слова: *ментальность, менталитет, историография, история ментальностей, социальная история, историческая психология.*

Истоки происхождения термина «история менталитетов» лежат в трудах историков школы «Анналов», таких как Жорж Дюби и Роже Шартье. Стремясь создать труды по общей истории, учёные «Анналов» имели намерение не просто полагаться на политическую или событийную историю прошлых поколений. Израильский учёный Михаэль Харсегор указывает на то, что «задача историков школы «Анналов» состояла не в том, чтобы создать детерминистическую историю, которая, казалось бы, в значительной степени опиралась на телеологические выводы, такие как марксистские формы истории, написанные в то время» [1. С. 8]. Харсегор отмечает, что историки «Анналов» поставили перед собой задачу создания социальных структур, что означает «покрытие скелета экономического базиса плотью демографических, культурных, ментальных и событийных психоаналитических данных». Также стоит подчеркнуть, что историки школы «Анналов» в своих попытках создать общую историю рассматривали историю ментальностей как один из аспектов в создании этой истории. Говоря иначе, они пытались реконструировать в деталях мир того периода времени, который исследовали. В своих

работах, таких как «Три ордена: отображение феодального общества» и биографическое эссе по Уильяму Маршалу, Дюби сосредоточился на развитии идеологий внутри структур, которые пронизывали различные аспекты жизни индивида [2;3].

История изучения ментальностей берёт свое начало с 70-х годов прошлого века. Наблюдается повышение интереса к изучению самой культуры. В нашей стране этим вопросом занимались такие видные учёные, как В.А. Щученко, А.Я. Гуревич и его ученики Ю.Л. Бессмертный, А.Л. Ястребицкая, В.П. Дракевич, Ю.Л. Юрганов, Л. Касьянова. Как верно замечено было В.А. Щученко, «культура исторична в самом точном значении этого слова и наследие – важнейшая предпосылка самого исторического существования культуры» [4. С. 1]. В советское время, с его цензурным влиянием на различные мировые научные течения и непринятие немарксистской историографии, истории ментальностей была отведено небольшое значение. Также доминирующее положение марксисткой историографии привело к нежеланию восприятия положительного опыта западной науки. Но, с другой стороны, из этого совсем не следует, что отечественные историки некомпетентны и в самой тематике истории ментальностей и в целом в новых тенденциях мировой науки. Напротив, именно после рассмотрения круга работ современных отечественных авторов, так или иначе связанных с изучением ментальности, анализа методических вопросов, поднимаемых в них, самой тематики обнаруживается поразительная устойчивость, при всей прерывистости ее проявления, тенденции формирования нового качества исследовательского мышления и тем самым органическая включенность отечественной гуманитарной науки (во всяком случае части ее представителей) в общие процессы становления современного научного знания и выработки адекватного ему исследовательского инструментария. В становлении этой области отечественной науки ключевую роль сыграл А.Я. Гуревич, который в советский период был одним из виднейших исследователей истории ментальностей.

Продолжатель и популяризатор наследия школы «Анналов» Ф. Бродель придавал большое значение не только истории повседневности, но и истории ментальностей. В центре внимания его трудов по истории ментальностей находится изучение постоянных социально-психологических черт, типичного в поведении, того, что заложено в сознании как всего общества, так и его отдельных групп культурой, языком, религией, образованием, воспитанием, тради-

циями; его интересуют подспудные изменения, растянутые во времени большой протяженности. В своих трудах он отмечает постоянное расширение поля истории ментальностей и «территории историка», материального восприятия и оценки общества, его социально-сословных и иных составляющих, понимание соотношения целого и отдельного, индивидуального и общественного, степени самостоятельности личности в социуме или включенности, зависимости от него, отношение к труду, собственности, бедности и богатству, власти, господству и подчинению, понимание свободы и несвободы [5. С. 20].

Развитие методологии истории ментальностей оказалось решающим фактором для других историков, которые смогли бы использовать историю ментальностей, чтобы попытаться реконструировать мировоззрение людей и экстраполировать результаты на население в целом в форме микроистории. Как правило, чтобы сформировать историю ментальностей, исследователи занимались социальной и культурной историей, сужая область исторического исследования. Книга Карло Гинзбурга «Сыр и черви» является одной из наиболее ярких работ по микроистории, которые возникли в связи с развитием истории ментальностей. Гинзбург попытался реконструировать крестьянский менталитет в Италии XVI века, изучив судебные записи одного фриульского мельника, Доменико Сканделлы, называемого Меноккио, и пытаясь найти истоки или сходства в других фрагментарных и неясных доказательствах [6].

На всех этапах развития история ментальностей подвергалась критике. В частности, марксистские историки часто критиковали историков школы «Анналов» за «попытки включить изучение ментальностей в общий синтез, который может привести только лишь к публикации статей, отражающих базовую опору на веру, сопровождаемую последующим пренебрежением к разуму». Сам Карло Гинзбург критиковал методы истории ментальностей за ее «решительно бесклассовый характер».

Истоки направления обнаруживаются в трудах Я. Буркхардга, К. Лампрехта, В. Дильтея, А.Б. Варбурга, А. Берра, Э. Дюркгейма, Ф. Симиана, где начинает складываться особый тип постановки проблем и предлагается новый набор методов их разрешения. Самостоятельной дисциплиной история ментальностей становится в связи с антропологическим поворотом в истории. Понятие было введено основателями школы «Анналов» М. Блоком и Л. Февром, которые

заимствовали его у этнолога Л. Леви-Брюля (1910, 1922). Расцвет истории ментальностей приходится на 1960–1970-е гг., когда второе и третье поколения «анналистов» (Ф. Арьес, М. Вовель, Ж. Ле Гофф, Ж. Дюби, Э. Ле Руа Ла-Дюри, Р. Мандру, Ж.-К. Шмитт) сделали ее одним из ведущих направлений во французской исторической науке. Затем история ментальностей получила развитие и в других странах: П. Берк и др. (Англия), П. Хаттон и др. (США), Р. Шпрандель, Х. Мейер, У. Раульф, П. Динцельбахер и др. (Германия).

Ныне имеет место установление определенной дистанции по отношению к «классической» истории ментальностей за счет включения методов качественного анализа, междисциплинарных подходов, расширения круга источников, что позволяет развернуть внимание к особенностям, пространственным и временным вариациям (Р. Шартье, Д. Калифа, А. Корбен, П. Лабори, А. Буро и др.). Цельной теории истории ментальностей пока не создано, в том числе относительно способов функционирования и смены разных типов ментальностей.

Историю ментальностей в России стали изучать в последнее десятилетие советской историографии. Главным центром по изучению истории ментальностей стал Институт всеобщей истории РАН в лице А.Я. Гуревича и его последователей (С.И. Лучицкая и др.), нашедших постоянные формы взаимодействия и привлекших внимание исследователей в нестоличных научных центрах, в том числе специалистов по разным периодам русской истории. Современным историкам уже становится ясно, что распространенная ошибка традиционной историографии заключалась в том, что историки воображали, будто бы люди прошлого вели себя, руководствуясь тем же смыслом, каким нынче руководствуемся мы [7. С. 42]. А.Я. Гуревич в 1984 г. впервые познакомил отечественную научную общественность с новым направлением в западной, прежде всего французской медиевистике, сложившимся под влиянием этнологии и получившим название «историческая антропология» [8. С. 36]. Сегодня взгляды многих ученых, занимающихся этой проблемой, очень популярны и востребованы в научных кругах, к примеру, концепция ментальности «низших слоёв» населения, маргинальных групп и люмпенов А.Л. Ястребицкой.

Литература

1. *Total History*: The Annales School. Michael Harsgor. Journal of Contemporary History. Vol. 13, No. 1 (Jan., 1978), pp. 8.

2. *Georges Duby*. Pembroke, William Marshal, Earl of, 1144–1219, Knights and knighthood, Regents, Chivalry. New York. Pantheon Books, 1985.

3. *Georges Duby*. The Three Orders: Feudal Society Imagined. University of Chicago Press; Reprint edition (December 15, 1982).

4. *Щученко В.А.* Менталитет русской культуры: актуальные проблемы его историко-генетического анализа // Русская культура: теоретические проблемы исторического генезиса: сб. статей / науч. ред. В.А. Щученко. – СПб.: СПб ГУКИ, 2004.

5. *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Часть I. Роль среды / пер. с фр. М.А. Юсима. – М.: Языки славянской культуры, 2002.

6. *Гинзбург К.* Сыр и черви. Картина одного мельника, жившего в XVI веке. – М.: РОССПЭН, 2000.

7. *Ментальности*: двусмысленная история // История ментальностей и историческая антропология: Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. – М.: Институт всеобщей истории РАН; Рос. гос. университет, 1996.

8. *Гуревич А.Я.* Этнология и история в современной французской медиевистике. – Советская этнография. – 1984. – № 5. – С. 36–48.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/33

УДК: 94(316.7+908)

Е.Н. Беневаленская

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ИЗУЧЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПАМЯТИ О ПРОШЛОМ[1]

Аннотация. *Проведен анализ работ отечественных и зарубежных ученых, посвященных изучению роли исторической памяти в самоидентификации населения российских провинций. Исследования идентичности за пределами столицы позволяют не только рассмотреть процессы трансляции политическими элитами символов советско-российской государственности, но и показать особенности адаптации коммеморативных практик в локальных социумах, выявить влияние местных традиций и коллективной памяти на формирование образа прошлого региона.*

Ключевые слова*: региональная идентичность, коллективная память, методология, российская и зарубежная историография.*

Новейшие стратегии отечественной и зарубежной историографии ориентируют исследователей вместо традиционного разделения на «главное» и «периферийное» сосредоточить внимание на культурном многообразии регионов, составляющих цивилизационный облик страны. В связи с вызванными глобализацией социально-культурными трансформациями в мире все большую актуальность приобретают проблемы сохранения идентичности. В современной исследовательской литературе подчеркивается, что региональная идентичность в России является одной из составляющих гражданского общества и интерпретируется как совокупность представлений о местной истории и ее роли в судьбе Отечества, современном состоянии и перспективах развития локального социума, а также о

[1] Статья выполнена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований, научный проект № 18-39-00047.

месте и характере взаимоотношений с общероссийским сообществом [1. С. 7].

Сегодня разработка проблем самоидентификации населения России ведется представителями различных социальных и гуманитарных дисциплин ряда стран. Актуальность подобных исследований связана с общими тенденциями развития современного научного знания, концентрацией внимания на анализе процессов формирования исторического сознания и памяти местных сообществ. Цель статьи – рассмотреть новые теоретико-методологические подходы к исследованию региональной идентичности в России в современных историографических практиках.

Развернутая теоретическая модель анализа процессов и механизмов формирования российской идентичности разработана в трудах представителей культурно-интеллектуальной истории Л.П. Репиной [2], О.Б. Леонтьевой [3], М.Ф. Румянцевой [4] и др. В рамках осуществляемого авторами проекта «Историческая память как фактор национальной идентичности» поставлены задачи выявить способы коммеморации, технологии и приемы политики памяти и выяснить роль научных и культурно-просветительных учреждений, образовательных и общественных организаций и других социальных институтов в сохранении представлений о прошлом в различных регионах России.

Ученые характеризуют широкий круг источников исследования особенностей трансляции образов и символов прошлого, результатов реализации конкретных моделей и конкурирующих форм коллективной идентичности – национально-государственной, социально-классовой, региональной, этнической, конфессиональной. Это исторические документы об официальных юбилейных торжествах и праздниках, объектах историко-культурного наследия, периодическая печать и устные источники, сочинения историков и учебные материалы. В работах представителей культурно-интеллектуальной истории используются методы «новой социокультурной истории», опирающейся на теоретико-методологические подходы истории ментальностей и исторической антропологии, исторической когнитивистики, социальной и устной истории [5. С. 12–13].

Теоретико-методологические наработки представителей новой локальной истории С.И. Маловичко [6] и М.Ф. Румянцевой [7] ориентируют на изучение практик изобретения, конструирования и продвижения образов, символов и мифов региональных сообществ. Ав-

торы по-новому интерпретируют практику местной истории, понимая под историческим краеведением область социальной деятельности, направленную преимущественно на сохранение исторической памяти местного социума и формирование локальной идентичности.

Одним из методологических подходов концептуального направления является основанный на принципах социального конструктивизма дискурс-анализ символических представлений о прошлом, идейных установок и смыслов транслируемого имиджа региона. Такой подход дает еще одно измерение идентификации региональных сообществ, позволяя рассматривать их как места, связанные с определенными историческими ассоциациями в российской культуре, подчеркиваемыми, переосмысленными или игнорируемыми в контексте их соответствия официальному взгляду на национальное прошлое [7. С. 190–191].

Зарубежные ученые Л. Киршенбаум [8] и К. Келли [9; 10] провели специальное монографическое изучение сохранения локальной памяти и местной идентичности в Санкт-Петербурге. В своих трудах ученые применяли междисциплинарные подходы, объединив архивные исследования официальных коммеморативных практик (деятельности властей по переименованию названий улиц, опыта сохранения памятников и создания символических мест) с методами социальной антропологии и устной истории, позволившими восстановить фиксировавшиеся в пространстве памяти горожан исторические представления [11. P. 55].

В ходе длительной работы в 2007–2011 гг. британским русистом К. Келли проанализировано влияние на коллективную память петербуржцев культурно-просветительной деятельности сотрудников музеев и градостроительных отделов, памятнико-охранительных и реставрационных практик государственных и общественных организаций в советский период и трансформации знаний о прошлом в общественном сознании горожан в постсоветское время. Проведенное на основе теоретических подходов истории искусств, культурной географии и социально-культурной антропологии исследование взаимосвязи внутренней среды Санкт-Петербурга и организации его архитектурного пространства с представлениями горожан о прошлом открывает дополнительный ракурс изучения процессов самоидентификации местных сообществ. Важным итогом крупномасштабной работы Катрионы Келли по сбору и записи устных интервью и воспоминаний среди населения цен-

тральных регионов России стало создание Оксфордского архива истории русской жизни [Ibid. P. 53].

Британский ученый В. Донован на материалах трех крупных городов Северо-Запада России – Новгорода, Пскова и Вологды – рассматривает официальную политику укрепления социальной солидарности и формирование патриотической идентичности местного населения в контексте краеведческих практик в период с 1940-х гг. до настоящего времени [12; 13].

Для анализа проектируемых на Северо-Западе России официальных дискурсов культурной идентичности и условий, в которых они были освоены и дополнены проживающими в регионе сообществами, В. Донован использует массивный корпус разнородных источников. Труды исследователя основаны на изучении документальных и визуальных материалов региональных архивов, личной переписки из частных собраний, опубликованных мемуаров и записанных интервью, данных краеведческих изданий, центральной и местной периодической печати.

Автор не только стремится охарактеризовать мотивы и деятельность советских политических элит в сфере сохранения историко-культурного наследия, но также устанавливает способы укрепления чувств местной и национальной самобытности с помощью музейных экспозиций, туристических экскурсий и популяризации архитектурных памятников в советский и постсоветский периоды. Исследователь рассматривает создание туристической инфраструктуры в регионе как средство экспонирования наследия Северо-Запада советским гражданам, обращаяя внимание на описательную трактовку исторической архитектуры региона в туристических и краеведческих материалах, по ее мнению, эти тексты способствовали трансляции в первую очередь политических приоритетов [12. P. 23, 26–27, 31–32].

В. Донован широко применяет методы социальной антропологии, это позволяет автору выявить отношение респондентов к местному наследию. Ученый отмечает, что ценность устных свидетельств и наблюдений за участниками интервью заключается в возможности обратиться к живому опыту реализации государственной культурной политики, отраженному в коллективной памяти населения провинций страны. Особое внимание в трудах исследователя уделяется устным дискурсам, используемым россиянами в рассказах о местном наследии. Среди них автор различает шаблоны официальной терминологии краеведческих лекций и туристических экскурсий, усвоенные респондентами, и их

личные воспоминания о детстве, семейных праздниках и традициях в советскую и постсоветскую эпохи [14. P. 75–87].

Таким образом, тенденцией современной отечественной и зарубежной историографии является заметный интерес к изучению вопросов самоидентификации региональных сообществ в России. Посвященные этой теме работы открывают новый ракурс измерения российской идентичности за пределами столицы, который позволяет по-другому осмыслить место и роль провинции в социокультурной жизни страны. Ценность такого подхода состоит в возможности рассмотреть не только процессы трансляции политическими элитами символов советско-российской государственности, но и показать особенности адаптации коммеморативных практик в локальных социумах, выявить влияние местных традиций и коллективной памяти на формирование образа прошлого региона.

Литература

1. *Корнилова М.И.* Роль глобализационных процессов в формировании российской идентичности // Проблемы гражданской и региональной идентичности в современной России: сб. науч. тр. – Ульяновск: УлГТУ, 2015. – С. 7–10.

2. *Репина Л.П.* События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое. – 2016. – № 1. – С. 82–99.

3. *Леонтьева О.Б., Репина Л.П.* Образы прошлого, мемориальная парадигма и «историография памяти» в современной России // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2015. – Т. 6., вып. 9 (42). – URL: http://history.jes.su/s207987840001259-3-1 (дата обращения: 05.07.2019).

4. *Румянцева М.Ф.* Проблема коммеморации. Метанарратив – места памяти – реннаративизация // Диалог со временем: альманах ителлектуальной истории. – 2016. – Вып. 54. – С. 16–31.

5. *Репина Л.П.* Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования // Диалог со временем: альманах ителлектуальной истории. – 2016. – Вып. 54. – С. 9–15.

6. *Маловичко С.И.* Национально-государственный нарратив как вид социально ориентированного описания // Вестник Санкт-Петербургского университета. – Сер. 2. История. – 2015. – Вып. 4. – С. 125–135.

7. *Маловичко С.И., Румянцева М.Ф.* История как строгая наука vs социально ориентированное историописание: монография. – Орехово-Зуево: Изд-во МГОГИ, 2013. – 252 с.

8. *Kirschenbaum L.A.* The Legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1995: Myth, Memories, and Monuments. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 309 p.

9. *Kelly C.* St Petersburg: Shadows of the Past. – New Haven: Yale University Press, 2014. – 464 p.

10. *Kelly C.* Churches: Radical Secularization and the Preservation of the Past in Petrograd and Leningrad, 1918–1988. – De Kalb: Northern Illinois University Press, 2016. – 413 p.

11. *Kelly C.* Making a home on the Neva: domestic space, memory and local identity in Leningrad and St. Petersburg, 1957 – Present // Laboratorium: Russian Review of Social Research. – 2011. – Vol. 3, No. 3. – P. 53–96.

12. *Donovan V.S.* The «Old New Russian Town»: Modernization and Architectural Preservation in Russia's Historic North West, 1961–1982 // Slavonica. 2013. – Vol. 19, No. 1. – P. 18–35.

13. *Donovan V.S.* «How Well Do You Know Your Krai?» The Kraevedenie Revival and Patriotic Politics in Late Khrushchev-Era Russia // Slavic Review. – 2015. – Vol. 74, No. 3. – P. 464–483.

14. *Donovan V.S.* Militarized memory: patriotic re-branding in post-Soviet Pskov, in Russia's Regional Identities. The Power of the Provinces. Ed. by Edith W. Clowes. – London: Routledge, 2018. – P. 73–95.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/34

УДК: 130.3/316.4

О.В. Головашина

ИСТОРИОГРАФИЯ И ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ[1]

Аннотация. *Цель исследования – проанализировать взаимовлияние историографии и исторического события друг на друга. Для реализации поставленной цели автор использует дефиницию события, предложенную Г. Зиммелем, осмысление которой заставляет обратиться к идеям Д. Карра, а также А. Бадью. На основании проделанной работы автор делает вывод о том, что события детерминируются с историографией, но, в свою очередь, сами могут оказывать влияние на направления исторического нарратива.*

Ключевые слова*: историческое событие, историография, социальное время, Зиммель, Карр.*

Часы, минуты, года помогают ориентироваться в физическом времени, однако они мало способны сказать о социальном. Начало года уже не связано с хозяйственными циклами и все меньше зависит от политических решений. События окрашивают цифры на календаре – иногда в прямом смысле, когда обычный прежде день вдруг становится красным (или наоборот), вызывая ассоциации, определяя траектории развития коллективов. Октябрь 1917-го или 9/11 – это не просто цифры или дни, они выступают как синоним события. Если русский крестьянин запоминал, что он родился после «Михайлова дня», то современный американец начинает новую страницу истории после 11 сентября. Поэтому важно, не сколько дней (месяцев, лет) прошло, а произошло ли что-либо за это время. Если открыть учебник истории, то он будет представлять собой историю событий. Они связываются между собой историческим нар-

[1] Исследование подготовлено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-011-00658.

ративом, который интерпретирует последовательность событий в соответствии с целями авторов или заказчиков нарратива. Причем того, что называется событием, будет тем больше, чем ближе к современности мы подходим.

Дефиниция события в среде исследователей довольно неоднозначна. Условно можно выделить две линии в трактовке социального события. В соответствии с первой из них событием может быть любой момент, эпизод, что угодно, во время чего произошли какие-либо изменения. Эта интерпретация предполагает, что событие можно трактовать в качестве онтологической категории, позволяющей рассмотреть специфику социального действия в условиях пассивности действующего субъекта. Истоки этого способа теоретизирования связываются с трудами Дж. Г. Мида и А. Уайтхеда, а его развитие прослеживается в работах Д. Дэвидсона, Р. Эмерсона, А.Ф. Филиппова и др [1–5]. Трактовка события у представителей другой линии ближе к обыденному пониманию («это было грандиозное событие, разделившее жизнь на до- и после-», что отличает события от эпизодов, случаев и т.п.). В качестве кейсов авторы могут рассматривать не только действия (свершения), но произведения живописи, романы [6], а основным объектом внимания становятся масштабные – по времени, последствиям и т.д. – явления, которые не могут быть равны социальному действию [7–12]. Эти линии неправильно рассматривать как исключающие друг друга, их выделение вызвано разной исследовательской оптикой, а не несовместимыми парадигмами исследователей.

Цель предлагаемого исследования – проанализировать взаимовлияния исторического события и историографии. Достижение поставленной цели предполагает обращение к идеям Г. Зиммеля. В эссе «Проблемы исторического времени» Зиммель называл событием единство понимаемого содержания и определенного места во времени. Оба выделенные Зиммелем критерия нуждаются в дополнительном пояснении.

На первом шаге рассмотрим, что подразумевается под «местом во времени». Описывая отдельные исторические эпизоды, Зиммель пишет, что момент приобретает или меняет свой смысл в зависимости от того, между какими другими эпизодами он находился. Есть ли критерии оправданного отнесения какого-либо события к определённому месту в системе времени? Для Зиммеля

этим критерием является только достаточная «сцепленность». Отдельный эпизод приобретает или меняет свой смысл в зависимости от того, между какими другими эпизодами он находился. «Место во времени», о котором пишет Зиммель, – это совершенно не обязательно пространственное место (на что ссылается Филиппов [3. С. 10–11]), но оно предполагает соотнесение идеального, доступного пониманию содержания события и его фиксации в ряду других известных событий [13. С. 520]. Зиммель предлагает рассматривать поле исторического как пазл – понимаемое содержание должно однозначно фиксироваться в одном временном пункте [13. С. 521], и именно с установлением «пункта во времени – между всем предшествовавшим и всем последующим» – рассматриваемое событие становится историческим. Однако что это за время, в котором событие должно найти свое уникальное место? В тексте работы Зиммель подчеркивает, что событие должно помещаться в какое-либо место во времени [13. С. 517], а чуть ниже в том же тексте замечает, что «время есть лишь взаимоотношение содержаний истории» [13. С. 520]. Мы предполагаем, что в приведенных двух цитатах Зиммель говорит о разных временах. При помощи событий, эпизодов, того, что он называет «атомами», формируется историческое время – своеобразная хронология. Ниже мы вернемся к этому суждению.

Теперь обратимся к тому, что Зиммель имел в виду под «понимаемым содержанием» Категория «понимание» у него отличается от той трактовки, которая сложилась в современной эпистемологии. В отличие от исторической действительности «как таковой», понимание находится в сфере идеального, причем нет принципиальной разницы между пониманием реально произошедших исторических событий (действительности, в терминах Зиммеля) и воображаемых событий: «действительность претерпевается, но никогда не понимается», подчеркивает Зиммель. Критерием адекватного понимания события может являться только возможность сцепленности с другими событиями и нахождения определенного места по времени. Выше мы связали это «место во времени» с уже существующей хронологией. Однако сцепленность может быть не только в той области, которую Зиммель называет «действительностью». В системе академика А.Т. Фоменко, например, знакомые по учебникам истории цивилизации Античности или Средних веков маркируются как ошибочные (или тен-

денциозные) интерпретации поздних исследователей. То есть если предположить достаточно логичную взаимосвязанную хронологию, которая может отличаться от того, что сейчас предлагается в учебниках истории, то сложно будет показать, чем она не соответствует критериям Зиммеля.

Поэтому мы предполагаем, что речь может идти не столько о хронологии, сколько об историографии. Здесь нам на помощь приходят интуиции Д. Карра. Карр предполагает, что события осмысляются с учетом того нарратива, часть которого еще не реализовалась. То есть, настаивая на том, что нарративную природу имеет не столько текст, сколько сама действительность, он доказывает, что нарратив тождествен темпоральности [14], представляет собой линию, в соответствии с которой выстраиваются события в определенную нарративом структуру. Само повествование оказывается с этой точки зрения опытом переживания времени, а нарратив выступает не повествованием из событий, а априорной конструкцией, которая только отражается в тексте, а не конструируется им [14. P. 174]. За счет априорного нарратива Карр разрешает вопросы определения места событий и их последующей интерпретации. Событие вписывается в существующий сюжет, теряя, таким образом, свою безличность [15. P. 142]; как заметил Рикер, при этом Карр, объявляя нарратив априорным, может не задаваться вопросом, а откуда он берётся, – это не является проблемой для того субъекта, для которого нарратив оказывается априорным. Однако происходящие события, помещаемые в нарратив, безусловно, должны оказывать на него влияние, но тогда появится уже новый нарратив с учетом новых событий, который будет априорным для последующих субъектов. Определенным недостатком решения Карра оказывается именно такая зависимость от субъектов, то есть мы можем с помощью его решения говорить не о времени вообще, а о субъективной темпоральности, однако в этом можно найти определенные параллели с идеями представителей первой линии исследования социальных событий, которые, связывая событие с действием, говорят о роли наблюдателя (Д. Дэвидсон) или сообщества наблюдателей (А.Ф. Филиппов), различающих события. Наблюдателем в нашем случае оказываются историки (или сообщество историков), определяющих тот нарратив, место в котором должно найти историческое событие.

Трактовка Карром темпоральности как нарратива не должна мешать тому, что нарратив нельзя мыслить без использования слов. Еще Зиммель отмечал конституирующие свойства понятий, которые способны разделить события или даже сконструировать их: «Стоит нам установить и обозначить единичные, отходящие друг от друга во времени составные части такого единства, и намеченные понятиями частицы сами делаются единствами» [13. С. 526]. Эта трактовка события потом получит продолжение у Жиля Делеза и – в сильно переработанном виде – у Алана Бадью.

Таким образом, историческое событие – это единство понимаемого содержания и определенного места во времени. Анализируемое историками событие помещается в уникальное место в уже существующем историческом нарративе. Однако это событие может поменять структуру нарратива, и тогда историки будут иметь дело уже с другим нарративом, в котором исторические события найдут себе другие места. Можно провести определенные параллели этого нарратива и историографии. Большое влияние оказывают концепты, которыми называются исторические события. Название события может поменять его место во времени и историографию вообще, однако само это называние будет определяться предыдущей историографической традицией.

Литература

1. *Davidson D.* Essays on Action and Events. Oxford, 1980; **Davidson D.** Inquiries into Truth and Interpretation. 2nd Edition. Oxford, 2001.
2. *Emerson R.M.* Observational field work // Annual Review of Sociology. 1981. Vol. 7. P. 351–378.
3. *Филиппов А.Ф.* К теории социальных событий // Логос. – 2004. – № 5 (44). – С. 3–28.
4. *Филиппов А.Ф.* Конструирование прошлого в процессе коммуникации: теоретическая логика социологического подхода // Гуманитарные исследования ИГИТИ. Вып. 5 (12). – М., 2004.
5. *Филиппов А.Ф.* Базовый словарь теории социальных событий // Пути России: Проблемы социального познания / под общ. ред. Д.М. Рогозина. – М., 2006. – С. 195–208.
6. *Wagner-Pacifici P.* What Is an Event? Chicago-London, 2017.
7. *Abbott A.* Against Narrative: A Preface to Lyrical Sociology // Sociological Theory. – 2007. – Vol. 25, № 1. – P. 67–99.
8. *Abbott A.* Time Matters: On Theory and Method. – Chicago, 2001.

9. *Griffin L.J.* Narrative, Event- Structure Analysis, and Causal Interpretation in Historical Sociology // American Journal of Sociology. – Vol. 98, № 5. – P. 1094–1133.

10. *Nathanson C.A.* Problems, Crises, Events and Social Change: Theory and Illustrations // Sociological Research Online. – 2009. Vol. 14, № 5 http://www.socresonline.org.uk/14/5/11.html.

11. *Sahlins M.* The Return of the Event, Again: With Reflections on the Beginnings of the Great Fijian War of 1843 to 1855 between the Kingdoms of Bau and Rewa // Clio in Oceania: Toward a Historical Anthropology, edited by Aletta Biersack. Washington, 1991. P. 37–99.

12. *Tilly Ch.* From Mobilization to Revolution. Mass., 1978.

13. *Зиммель Г.* Проблема исторического времени // Зиммель Г. Избранное. Т. 1. – М.: Юристъ, 1996. – С. 517–530.

14. *Carr D.* Time, Narrative and History. Indianapolis: Indiana University Press, 1986.

15. *Ricoeur P.* Oneself as Another, Chicago: University of Chicago, 1992.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/35

УДК: 930.2

Е.С. Кейб

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭМОЦИОЛОГИИ В ТРУДАХ Б. РОЗЕНВЕЙН

Аннотация. *Рассматриваются проблемы исторической эмоциологии в трудах Б. Розенвейн. Были проанализированы основные тенденции исследований Б. Розенвейн по истории эмоций. Также продемонстрирована основная методология, которую предлагает Б. Розенвейн для таких исследований. На основе проведенного анализа нижеперечисленных трудов был сделан вывод о ее вкладе в развитие исторической науки.*

Ключевые слова: *история эмоций, Б. Розенвейн, эмоциональное сообщество, эмоции, «эмоциональный поворот».*

Что мы знаем об эмоциях? Эмоции – это то, что мы чувствуем в данный момент. С помощью эмоций мы можем оценить ситуацию. Но есть ли у них история? Многие исследователи пытаются это понять с помощью междисциплинарных подходов и методов. Так, в условиях «эмоционального поворота» появилась история эмоций – одно из новых направлений в исторической науке. Актуальность изучения эмоций в прошлом заключается в том, что с помощью исследований в этом поле мы можем познать исторические процессы более углубленно. Не игнорируя тот факт, что эмоции являются социально сконструированными, как и другие аспекты, характерные для тех или иных периода и культуры, мы можем понять, что скрывается за этим «кодом».

Огромный вклад в развитие данного направления внесла Барбара Розенвейн – профессор Чикагского университета, всемирно известный историк-медиевист, а также одна из самых влиятельных фигур в современной историографии по истории эмоций. С 2009 года Б. Розенвейн является научным сотрудником Центра истории эмоций в Лондоне. Она разработала собственную методологию по изучению эмоций в текстуальных источниках и ввела такое понятие, как *«эмоциональное сообще-*

ство» – группа, в которой люди придерживаются одних и тех же норм эмоционального выражения [1. P. 2].

Научная карьера Б. Розенвейн началась в конце 80-х годов прошлого столетия. В то время она рассматривала вопросы о монашеских пожертвованиях, освещая человеческие мотивы, нужды и практики, связанные с дарами земель и церквей французскому монастырю Клюни [2]. Позже, уже в 90-х гг., Розенвейн в своих трудах поднимала вопросы о неприкосновенности королей в раннем Средневековье, их освобождении от налоговых и судебных посягательств [3].

В этот период историк Шерон Фармер пригласила Розенвейн на симпозиум Американской исторической ассоциации «Социальное конструирование гнева в Средние века». Для нее это была возможность открыть практически новый, мало изученный предмет исследования. Изначально за основу таких исследований была взята концепция Н. Элиаса, описанная в его труде *«О процессе цивилизации»*, который был издан в 1939 году. Эта концепция, представляющая понятие средневековых эмоций как жестоких и неконтролируемых, была основана на «гидравлической» концепции эмоций. Во время конференции *Американской исторической ассоциации* она была отвергнута практически всеми психологами.

В конце 90-х гг. XX века Розенвейн посвящает себя исследованиям, связанным именно с историей эмоций, поэтому этот этап заслуживает особого внимания. В 1998 году Б. Розенвейн опубликовала несколько статей в сборнике *«Прошлое гнева: социальные использования эмоций в Средние века»* [4]. В этом сборнике рассматривается сама природа гнева, его описание в источниках, отличие между выражением гнева в зависимости от культуры, социального положения того, кому этот гнев приписан. Также в этом сборнике отражена критика произведения Й. Хейзинги «Осень Средневековья», где он говорит о «детской» природе эмоций человека того времени [5. С. 109]. Б. Розенвейн считает, что эмоции, которые проявляли люди в Средневековье, являются так же социально сконструированными, как и позднее. Некоторые из них порицались, некоторые, наоборот, одобрялись обществом. В этом сборнике отражены как средневековые концепции гнева, так и современные. В основном в статьях рассматривается роль гнева в жизни монахов, святых, королей и крестьян.

Важной работой по историографии истории эмоций стала статья «*Беспокойство об эмоциях в истории*», где Б. Розенвейн анализирует исследования известных ученых, которые работали в данной области, и критикует идеи, согласно которым история Запада – это история нарастающего ограничения эмоционального выражения [6. P. 827]. В этой статье Розенвейн ставит цель рассмотреть историографию эмоций в западной истории и предложить несколько новых способов осмысления данной темы [6. P. 821]. Здесь она предлагает концепцию *«Эмоциональных сообществ»* как новый путь изучения эмоций в прошлом, демонстрируя тем самым аффективные связи внутри групп. Люди могут существовать в нескольких эмоциональных сообществах одновременно, а также переходить из одного в другое, регулируя свои проявления эмоции в соответствии с тем или иным эмоциональным сообществом [6. P. 842].

Последующая работа Б. Розенвейн *«Эмоциональные сообщества в раннее Средневековье»* является одной из самых популярных ее монографий. В ней Б. Розенвейн пытается анализировать трансформацию понятия *эмоция* в зависимости от культуры и периода времени. Используя в качестве логического обоснования когнитивные и социальные теории эмоций, Розенвейн демонстрирует то, что эмоциональные сообщества могли сосуществовать, некоторые из них иногда доминировали, а религиозные взгляды влияли на способы выражения эмоций. Б. Розенвейн анализирует эмоциональные сообщества, исследуя надгробные надписи на территории Галлии, труды Папы Григория Великого; эмоциональный мир Григория Турского и Венанция Фортуната; двор Хлотаря II и его наследников. Также Б. Розенвейн говорит о том, что распространение христианства сыграло свою роль в трансформации эмоций, но изменялись не сами слова, а их значения [7. P. 41].

О своей собственной методологии в изучении эмоций в прошлом Б. Розенвейн подробно писала в статье *«Проблемы и методы в истории эмоций»*. В данной работе освещаются различные подходы в исследовании эмоций, а также споры между **презентистами** (предполагают, что сегодняшние эмоции существовали в прошлом и останутся в будущем) и **социальными конструктивистами** (считают, что эмоции в том виде, как они выражаются и интерпретируются, – сформированы обществом, в котором они выражаются) [8. P. 5–10]. Сама Розенвейн считает, что эмоции социально сконструированы, но при этом не лишены биологического субстрата и связаны

с телом и мозгом. Она обращается к исследованиям П. Экмана, который выделил 6 базовых эмоций – гнев, страх, печаль, счастье, удивление и отвращение – они являются общими для разных культур [8. P. 2]. Б. Розенвейн говорит, что исследования в области истории эмоций должны проводиться по такой методике: историку нужно собрать источники разных типов, относящиеся к какому-то одному предполагаемому эмоциональному обществу. Далее необходимо проблематизировать терминологию, понимая значение слов, обозначающих эмоции и их контексты. При этом нужно использовать по возможности теоретиков эмоций из соответствующего периода времени, чтобы понимать значение терминологии в общем. Также нужно обращать внимание на метафоры, иронию и читать «между строк» и отслеживать трансформацию самих эмоций, которые отражаются в тексте [8. P. 12–24].

Более широко представлена трансформация эмоций в Европе в течение 600–1700 гг. в следующем труде Б. Розенвейн «*Поколения чувства*». Здесь рассматриваются источники по истории западноевропейских стран, а также различные теории эмоций, которые существовали в период, когда были созданы исследуемые источники. Розенвейн обращается к работам Фомы Аквинского. Она говорит о том, что Аквинский писал об эмоциях, классифицируя страсти (passiones animae) [9. P. 279–286]. Он утверждал, что любовь является базой для всех эмоций. Б. Розенвейн продолжает проводить исследования, оперируя понятием э*моциональное сообщество*, говоря о том, что даже наши собственные эмоции интерпретируются в соответствии с нормами, сложившимися в социуме, поэтому возникает сложность в определении реальных эмоций и тех, которые **должны** испытываться [9. P. 31].

Относительно недавно вышла монография под названием *«Что такое история эмоций?»*, авторами которой являются Б. Розенвейн и Р. Кристиани. В своей работе они пытаются осветить вопросы о связи эмоций, жестов и тела. Рассказывая о новых и старых тенденциях в подходах к изучению истории эмоций, Розенвейн и Кристиани объясняют это с помощью наук, которые изучают эмоции. Также они рассматривают то, как эмоции включают в современную литературу и видеоигры. Таким образом, данная монография освещает не только проблемы прошлого, но и настоящего и даже будущего. Авторы данной работы поднимают вопрос о создании диалога внутри академической историографии – между исследователями, которые изучают разные

периоды времени [10]. Эмоции, по мнению Розенвейн и Кристиани, – это часть тела, которое является одной из составляющих социально-культурного устройства общества [11. P. 82].

В настоящее время новая работа Б. Розенвейн *«Гнев: биография»* находится уже в печати. Можно бесконечно говорить об огромном вкладе Б. Розенвейн в развитие исторической науки, в частности истории эмоций. Как медиевист, она работает с источниками Средневековья, но ее методологию можно использовать и на источниках других эпох. Будучи известным ученым, Б. Розенвейн посещает разные университеты мира и делится своими опытом и знаниями.

Литература

1. *Rosenwein B.* Emotional Communities in the Early Middle Ages / Barbara H. Rosenwein. – Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2006. – 248 p.
2. *Rosenwein B.* To Be the Neighbor of Saint Peter: The Social Meaning of Cluny's Property, 909-1049 / Barbara H. Rosenwein. – Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1989. – 258 p.
3. *Rosenwein B.* Negotiating Space: Power, Restraint, and Privileges of Immunity in Early Medieval Europe / Barbara H. Rosenwein. – Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1999. – 304 p.
4. *Rosenwein B.* Anger's Past: The Social Uses of an Emotion in the Middle Ages / Barbara H. Rosenwein. – Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1998. – 272 p.
5. *Плампер Я.* История эмоций / пер. с англ. К. Левинсона. – М.: Новое литературное обозрение, 2018 (нем. 2012). –568 с.
6. *Rosenwein B.* Worrying about Emotions in History / Barbara H. Rosenwein // The American Historical Review. – 2002. – Vol. 107, № 3. – P. 821–845.
7. *Rosenwein B.* Emotional communities in the Early Middle Ages / Barbara H. Rosenwein. – Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2006. – 228 p.
8. *Rosenwein B.H.* Problems and Methods in the History of Emotions / Passions in Context: International Journal for the History and Theory of Emotions [online journal]. 2010. – Vol. 1 <http://www.passionsincontext.de> Дата обращения: 10.07. 2019.
9. *Rosenwein B.* Generations of feeling. / Barbara H. Rosenwein. – Chicago: Cambridge University Press, 2015. – 692 P.
10. *Николаи Ф.* История эмоций: три версии // М.: Новое литературное обозрение. – 2019. – № 156 [Режим доступа]: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/156_nlo_2_2019/ Дата обращения: 9.07.2019.
11. *Rosenwein B., Cristiani R.* What is the history of emotions? – Cambridge: Polity Press, 2017. – 180 p.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/36

УДК: 930.2

Д.С. Коньков

ПОНЯТИЕ, ТЕКСТ, ДИСКУРС: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ ДЛЯ АНАЛИЗА РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСТОЧНИКОВ

Аннотация. *История понятий является одним из наиболее активно развивающихся направлений в методологии исторической науки. До настоящего времени она применялась только на материале Нового и Новейшего времени. Применение истории понятий в отношении античных и раннесредневековых источников перспективно с точки зрения прослеживания изменений в семантике исторических текстов, что открывает возможность более адекватной исследовательской интерпретации. Однако есть ограничения, связанные с количеством сохранившихся текстов.*

Ключевые слова: *история понятий, история дискурсов, раннесредневековые исторические источники, методология истории, дискурсивные формации.*

Основной проблемой, на которой фокусируется данный текст, является применимость подхода истории понятий для анализа раннесредневековых источников. История понятий в настоящее время представляется одним из наиболее перспективных и продуктивных направлений в исторической науке. Однако универсальность истории понятий как инструмента познания прошлого остается достаточно дискуссионным вопросом. Антиковеды и медиевисты практически не обращаются к этой методологии в своих исследованиях. Действительно, специфика объекта исследования накладывает ограничения на использование методологии, разработанной на ином материале. Но это не означает, что от нее следует по умолчанию отказаться.

Прежде чем рассматривать ограничения и возможности, связанные с историей понятий, необходимо обозначить, что именно понимается здесь под историей понятий. Поскольку в настоящее время

существует несколько научных направлений, связанных с изучением понятий в исторической динамике, следует определить, о каком из них будет идти речь. Собственно русскоязычный термин «история понятий» закрепился в отечественной историографии за Begriffsgeschichte Р. Козеллека. Сущность своей исследовательской программы Р. Козеллек описывает таким образом: «история интерпретируется через ее понятия, а понятия понимаются исторически: история понятий имеет своим предметом соединение понятия и истории» [1. С. 38] (пер. К. Левинсона). Это означает соединение историко-филологической критики семантики понятия и ономастики объекта в рамках текста с историзацией этой критики – прослеживанием динамики изменения смыслов, вкладываемых в понятие на протяжении определенного периода времени. Конечная цель этой исследовательской программы (реализованной в «Geschichtliche Grundbegriffe» – Словаре основных исторических понятий) заключается в семантологическом понимании возникновения современного мира и, следовательно, в контроле над смыслами современного словоупотребления [1. С. 32–33]. Отсюда понятно, что Р. Козеллека интересовал в первую очередь период модерна. Хотя в «Geschichtliche Grundbegriffe» история некоторых понятий рассматривается со времен Античности, но, как правило, это происходит бегло и чрезвычайно обобщенно, и автором является не сам Р. Козеллек. Тем не менее, он затрагивал тему понимания истории в древнеримские времена в своем тексте «Historia Magistra Vitae. Über die Auflösung des Topos im Horizont neuzeitlich bewegter Geschichte», впервые опубликованном в 1979 г. [2]. В нем ученый раскрывал понимание известного выражения об истории как учительнице жизни в период Античности и противопоставлял это понимание тому, которое родилось в эпоху Просвещения в результате актуализирующего переосмысления и сильного семантического сдвига.

Также, как отмечает Р Козеллек, трансформация понятийного аппарата тесно связана с социальной историей и, соответственно, жизненным опытом авторов исторических текстов. Так, например, ключевым историческим событием, повлиявшим на трансформацию концепции историописания в римскую эпоху, считается распространение христианства в империи. Р. Козеллек полагает, что Евсевий, Августин и Орозий игнорировали предшествующий инструментарий и опыт в той степени, в которой они не соответствовали христианскому мировоззрению [3. P. 156]. Представляется, однако, что взаи-

мосвязь текста и контекста в данном случае более сложная и неоднозначная, чем единомоментное революционное преобразование с отбрасыванием существовавшей традиции. Посмотреть на трансформацию понятий с этой точки зрения позволяет дополнение исследовательской программы Р. Козеллека элементами других подходов.

Историю понятий Р. Козеллека достаточно часто сопоставляют с исследованиями М. Фуко – как практически одновременные научные проекты в области исторических дискурсов, близкие по своим задачам (даже в большей степени, чем Кембриджская школа политической мысли Дж. Покока и К. Скиннера, с которой чаще сравнивают идеи Р. Козеллека) [4. P. XXIV; 5. P. X]. В частности, Д. Эдвардс указывает на то, что, несмотря на утверждения Р. Козеллека о связи между политическим опытом и концептами, через которые он осуществляется, на практике Begriffsgeschichte остается в основном формальным лингвистическим анализом. И в этом случае генеалогия концептов М. Фуко (или историческая онтология, как Д. Эдвардс ее называет вслед за Я. Хакингом) способна помочь выявить воздействие концептов на политические практики в конкретных исторических обстоятельствах [6]. Т. Панкакоски развивает критику подхода Р. Козеллека, указывая на то, что программа истории понятий как исследование становления нового политического языка в условиях Просвещения структурно построена на топосе конфликта и борьбы дискурсов. Это ограничивает ее эвристические возможности и в целом сужает исследовательскую перспективу [7].

Если история понятий связана с бытованием и преобразованием концептов, то для М. Фуко предметом анализа являются высказывания как дискурсивные события. Каждое такое событие предлагается рассматривать в его уникальности, задаваясь вопросом, каким образом сформировалось именно это высказывание, а не какое-либо другое. На этот вопрос дает ответ предлагаемая М. Фуко концепция дискурсивной формации – пространства фиксированных правил, в рамках которого высказывание может возникнуть только единственным образом [8. С. 73–74]. Примером в отношении поздней Античности и раннего Средневековья являются дискурсивные формации «упадка Рима», «вечного Рима», «renovatio imperii» и др. Каждая из этих формаций определяет рамки для используемых концептов (например, власти, империи, риторики, договоров, варварства и т.д.). Соответственно, к примеру, концепт историописания в каждом отдельном случае его использования в высказывании может быть рас-

смотрен как часть определенной дискурсивной формации, что задает специфику его понимания в контексте дискурса. Генеалогическая модель рассмотрения концепта показывает динамику изменения его роли, дефинирования и смыслов при переходах из одной дискурсивной формации в другую, а также причины этого перехода. Так, дискурсивные формации, относящиеся к риторике (Цицерон), праву (Дигесты), религии (Августин), могут использовать концепт истории, однако он не является в каждом отдельном случае семантически эквивалентным всем другим.

Рассматривая субъект (адресант) и объект высказывания, М. Фуко выносит за скобки своего анализа его направленность, интенцию и адресат. Таким образом, дискурс и дискурсивная практика показаны как монолог. Однако представляется, что его подход (как и программа Bergriffsgeschichte) могут быть продуктивно дополнены идеями т.н. Кембриджской школы политической мысли (в первую очередь К. Скиннера и Дж. Покока), основанными на взглядах Дж. Остина о высказывании как направленном действии (перлокутивный речевой акт), предполагающем получение определенного результата [9]. Хотя методологию К. Скиннера часто критикуют за сравнительную ограниченность рассматриваемых источников, намеренное сужение пространства анализа до исключительно политических трактатов (и, соответственно, ограниченность выводов) [10. P. 33–34], ее эвристическая ценность и комплиментарность в отношении других вариантов истории понятий несомненны. М. Рихтер, активный сторонник популяризации Begriffsgeschichte в англоязычной науке, подчеркивает возможность и даже необходимость взаимодействия Кембриджской школы и истории понятий Р. Козеллека, хотя и в целом признавая, что исследовательская программа последнего значительно шире по объему и масштабнее по выводам, чем прививка лингвистической философии к анализу политических идеологий, которую осуществляет К. Скиннер [11; 12]. Последний показал в своей статье пример рассмотрения истории понятия «state», достаточно близкий, по мнению М. Рихтера, тем образцам, которые создавались в рамках «Словаря основных исторических понятий» [13]. Однако там, где Begriffsgeschichte предполагает формирование обобщенной картины политического языка эпохи, подход К. Скиннера позволяет углубиться в анализ частных интеллектуальных казусов. На материале поздней Античности и раннего Средневековья этому в наибольшей степени, как представляется, соответст-

вует насыщенная идеологическая полемика церковных авторов на Востоке и отчасти на Западе; кроме того, несмотря на то, что жанра собственно политических трактатов в этот период не существовало, значительная часть источников так или иначе касается власти в различных ее аспектах.

Для изучения дискурсов и концептов поздней Античности и раннего Ссредневековья с позиции истории понятий существуют два явных ограничения. Во-первых, это эмпирическая проблема ограниченности источниковой базы, сохранившейся избирательно и не дающей возможность представить всю полноту контекстов использования концепта (что является методологическим требованием Р. Козеллека и М. Фуко). Во-вторых, онтологическая проблема привязанности методологий к современным политическим дискурсам и к вопросу становления современного политического языка задает ретроспективную позицию исследователя. Представляется, что более продуктивно в исследовательском плане было бы использование проспективной позиции, при которой в фокусе внимания находится развертывание концепта от некоторого обозначенного исходного спектра пониманий без заранее заданного итога. Это позволит избежать приписывания авторам и текстам каких-либо идей и значений, появившихся позже, против чего горячо выступал К. Скиннер в своем основополагающем манифесте [14]. Что касается проблемы относительной немногочисленности сохранившихся источников, то она не мешает выделять дискурсивные формации и прослеживать интертекстуальность и заимствование и переназначение смыслов и значений концептов внутри них.

Литература

1. *Козеллек Р.* Введение // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи: в 2 т. – 2-е изд. – М.: Новое литературное обозрение, 2016.
2. *Koselleck R.* Historia Magistra Vitae. Über die Auflösung des Topos im Horizont neuzeitlich bewegter Geschichte // Koselleck R. Vergangene Zukunft: zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1995. S. 38–66.
3. *Koselleck R.* Linguistic Change and the History of Events // Koselleck R. Sediments of Time: On Possible Histories. Stanford University Press, 2018.
4. *Hoffmann S.-L., Franzel S.* Introduction: Translating Koselleck // Koselleck R. Sediments of Time: On Possible Histories. Stanford University Press, 2018.
5. *Tribe K.* Introduction // Koselleck R. Futures Past: On the Semantics of Historical Time. Columbia University Press, 2004.

6. *Edwards J.* The Ideological Interpellation of Individuals as Combatants: An Encounter Between Reinhart Koselleck and Michel Foucault // Journal of Political Ideologies 12 (2007). P. 49–66.

7. *Pankakoski T.* Conflict, Context, Concreteness: Koselleck and Schmitt on Concepts // Political Theory. – 2010. – № 38(6). – P. 749–79.

8. *Фуко М.* Археология знания. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004.

9. *Скиннер К.* Мотивы, намерения и интерпретация текстов // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. – М.: НЛО, 2018. С. 123–141.

10. *Andersen N.A.* Discursive Analytical Strategies. Understanding Foucault, Koselleck, Laclau, Luhmann. The Policy Press, 2004.

11. *Рихтер М.* Покок, Скиннер и Begriffsgeschichte // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. – М.: НЛО, 2018. – С. 347–380.

12. *Richter M.* The History of Political and Social Concepts: A Critical Introduction. Oxford University Press, 1995.

13. *Скиннер К.* The State // Понятие государства в четырех языках. – СПб., 2002. – С. 12–74.

14. *Скиннер К.* Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. – М.: НЛО, 2018. – С. 53–122.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/37

УДК: 930.1

О.И. Ивонина, Ю.П. Ивонин

ПАРАДОКСЫ РУССКОГО ЕВРОПЕИЗМА В ИСТОРИОСОФИИ П.Я. ЧААДАЕВА

Аннотация. *Чаадаева можно считать пионером так называемого междисциплинарного синтеза в отечественной гуманитарии: в его работах вечные вопросы о судьбах России и Европы облекались в форму художественных образов и метафор; философия истории вырастала из эпистолярного наследия. Впервые предложенная Чаадаевым парадигма целостного знания о человеке, соединившая в себе элементы философии, религии, науки и художественного творчества, впоследствии сознательно противопоставлялась всеми христианскими мыслителями – от А. Хомякова до Н. Бердяева – формальным стандартам сциентизма и строгой дисциплинарной ограниченности.*

Ключевые слова: *историческая концепция П.Я. Чаадаева, междисциплинарный синтез, христианский историзм, «русский европеец».*

Место Петра Яковлевича Чаадаева в истории русской общественной мысли было и остается предметом дискуссий, участниками которых являются представители самых разных сфер отечественной и зарубежной гуманитарии.

Образ бунтаря-одиночки, пророка, непонятого друзьями и соотечественниками, надолго обеспечил «басманному философу» почетное первенство в пантеоне героев русского освободительного движения [1; 2].

Для большинства исследователей П.Я. Чаадаев – первый русский философ, благодаря которому стал возможен не только политический, но и интеллектуальный диалог России с Европой, избавивший русскую мысль от пережитков провинциализма и культурного изоляционизма [3. С. 32–42; 4; 5. С. 43].

В историю русской общественной мысли П.Я. Чаадаев вошел как один из авторов так называемой русской идеи – комплекса размышлений об исторической судьбе России, ее месте в пространстве

и времени всемирной истории. Т. Масарик считал его «первым русским, попытавшимся вслед за немецкими мыслителями более четко понять и сформулировать сущность философии истории и истории вообще» [6. С. 424–425; 7].

Таким образом, творчество П.Я. Чаадаева одновременно выступает истоком и русской философии истории, и того стиля мышления, который созвучен современному сознанию способом постановки и разрешения теоретико-методологических проблем исторической науки, понимания ее социальных функций.

С легкой руки А. Герцена, непримиримый критик настоящего и прошлого державной России, Чаадаев был причислен к либеральному течению «западников», где, по мнению ряда авторов, он остается до сих пор [8. С. 97–105].

Однако внимательный анализ творчества П.Я. Чаадаева свидетельствует о существенных изменениях исторической концепции русского мыслителя: тезисы «Философических писем» 1829 г., выдержанные в духе острого критицизма относительно русского исторического процесса, существенно отличаются от идей «Апологии сумасшедшего» 1836 г., отстаивающей всемирное мессианское призвание России. Иными словами, западнические настроения автора со временем эволюционировали в сторону славянофильских интуиций, отражая изменения как в стиле историософского дискурса мыслителя, так и в направленности идейно-политического контекста его времени [9. P.168].

Впервые ярко проявившийся в творчестве Чаадаева, в последующем подобный симбиоз рациональных западнических конструкций и славянофильских интуиций был присущ большинству отечественных мыслителей, включая представителей русской религиозной философии истории XX века [10].

Синкретический характер рассуждений Чаадаева о месте России в пространстве и времени всемирной истории объяснялся принадлежностью автора к особому социально-психологическому типу – русского интеллигента, решительно защищающего пространство личной свободы от любых посягательств на нее со стороны официальной идеологии и власти, как светской, так и религиозной. Это противостояние интеллигенции существующей власти принимало разные формы – от добровольного затворничества и эмиграции до вызывающе юродствующей критики. Именно этой оппозицией объясняли причину добровольного отказа Чаадаева от блестящей карье-

ры на государевой службе и его выбор роли «изолированного одиночки в поколении Пушкина» [11. С. 497; 12. С. 614–626].

Сформированному усилиями Петра Чаадаева образу «русского европейца» вполне соответствовали основоположники традиционализма (А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, И.С. Аксаков), представители школы «всеединства» (Вл.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк) и «евразийцы» (Л.П. Карсавин, С.Н. Трубецкой, П.Н. Савицкий) [13; 14].

П.Я. Чаадаев одним из первых отечественных религиозных мыслителей XIX века поставил вопрос о необходимости «философской истории» как соединения религиозной метафизики и исторического нарратива. Находясь в эпицентре идейных споров своего времени, П.Я. Чаадаев демонстрировал близость одновременно различным направлениям современной ему общественной мысли. В его произведениях соединились традиции германского идеализма и романтизма, критика рационализма и европейского национализма с верой в общественный прогресс и торжество социальной справедливости, сходной с воззрениями социалистов-утопистов.

Проистекающая из такого мировоззренческого синтеза концепция всемирной истории Чаадаева первоначально была последовательно европоцентристской и прогрессистской. Понимание Чаадаевым христианства как религии единства и свободы позволило, по его мнению, в эпоху Средневековья и лишь одному историческому региону – Европе – продемонстрировать идеальную направленность своей истории: способность к преодолению корыстных интересов и национального эгоизма ради следования высоким, общечеловеческим, религиозным ценностям. Христианская вера обеспечила церковное и политическое единство Запада на основе католицизма, содействуя реализации ценностей справедливости, права и порядка [15. С. 100–101].

Первоначально Чаадаев оценивал место России в потоке всемирной истории в категориях атопии и ахронии [15. С. 19]. Впоследствии, отталкиваясь от понимания потенциальности и альтернативности исторической судьбы страны, Чаадаев попытался осуществить деанонимизацию России как носительницы нового, «духовного» христианства, которое пробудит творческие силы мировой истории [15. С. 377, 380]. Эта тема стала связующим элементом всемирно-исторической концепции автора и его размышлений над русской историей. История России, таящая в себе возможную разгадку религиозных судеб Европы и всего мира, постепенно стала основным лейтмотивом исторической концепции русского мыслителя.

Литература

1. *Тарасов Б.Н.* Непрочитанный Чаадаев, неуслышанный Достоевский. – М.: Academia, 1999. – 288 с.

2. *Rey Marie-Pierre.* Le Dilemme Russe: La Russie et l`Europe occidentale d`Ivan Terrible a Boris Eltsine. Paris: Flammarion, 2002.

3. *Ермичев А.А.* «Всё» русской философии: Петр Яковлевич Чаадаев // Проблемы русской философии и культуры. – Калининград, 1999. – С. 32–42.

4. *Гурвич-Лищинер С.Д.* П.Я. Чаадаев в русской культуре двух веков. – СПб.: Нестор-История, 2006. – 251 с.

5. *Маслин М.А.* Русская философия как диалог мировоззрений // Вопросы философии. – 2013. – № 1. – С. 43.

6. *Страда Витторио.* Россия как судьба: сб. статей /пер. с итал. – М.: Три квадрата, 2013. – С. 424–425.

7. *Ермичев А.А., Златопольская А.А.* П.Я. Чаадаев в русской мысли. Опыт историографии // П.Я. Чаадаев: pro et contra / сост., вступ. ст., примеч., указ. А.А. Златопольской. – СПб. : РХГИ, 1998. – 880 с.

8. *Дегтярева М.И.* «Особый русский путь» глазами «западников»: де Местр и Чаадаев // Вопросы философии. – 2003. – № 8. – С. 97–105.

9. *Ivonin Y., Ivonina O.* Peter Chaadaev on the Religious Basis of the Russian History Vector // Peter Chaadaev. Between the Love of Fatherland and the Love of Truth. – Eugene (Oregon): Pickwick Publications, 2018. – P. 166–179.

10. *Щукин В.Г.* Русское западничество: генезис, сущность, историческая роль. – Lodz, 2001. 367 с.

11. *Лотман Ю.М.* Отставка Чаадаева // П.Я. Чаадаев: pro et contra / сост., вступ. ст., примеч., указ. А.А. Златопольской – СПб.: РХГИ, 1998. – 880 с.

12. *Иванов Вяч.* Интеллигенция как проводник в ноосферу // Иванов Вяч. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 4: Знаковые системы культуры, искусства и науки. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 792 с.

13. *Кантор В.К.* «Крушение кумиров», или Одоление соблазнов (становление философского пространства в России). – М.: РОССПЭН, 2011. – 608 с.

14. *Кантор В.К.* Русский европеец как явление культуры. – М.: Директ-Медиа, 2008. – 1463 с.

15. *Чаадаев П.Я.* Сочинения. – М.: Правда, 1989. – 656 с.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/38

УДК: 930.1

Л.А. Гаман

«ИСТОРИЮ Я ВИЖУ В ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ…»: Н.А. БЕРДЯЕВ О СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ПОЗДНИЙ ПЕРИОД ТВОРЧЕСТВА (1939–1948 гг.)

Аннотация. *Рассматриваются представления русского религиозного мыслителя Н.А. Бердяева (1874–1948) о Советской России в поздний период творчества. Подчеркивается сложность предпринятого им анализа советской системы. Отмечается, что в качестве христианского мыслителя он положительно оценивал революцию 1917 г. и советское строительство, несмотря на многие негативные явления советской истории. Анализируются его представления о технической цивилизации и ее неоднозначном влиянии на современное общество, в том числе Россию.*

Ключевые слова: *Советская Россия, революция, техническая цивилизация, массовая культура.*

Советский период является одним из наиболее сложных этапов российской истории. Среди объяснительных версий революции 1917 г. и советского строительства в России важное место занимают концепции русских религиозных мыслителей первой волны эмиграции, лишь в постсоветский период получившие признание на родине. Особо подчеркнем вклад выдающегося ученого и педагога, профессора Б.Г. Могильницкого, лидера Томской историографической школы, в изучение богатейшего идейно-теоретического наследия русских религиозных авторов-эмигрантов.

В данной работе освещаются представления о Советской России Н.А. Бердяева (1874–1948) в поздний период его творчества, сохраняющие свою актуальность и научную значимость. Представления Н.А. Бердяева о Советской России затрагиваются в работах многих его современников, таких как А.Ф. Степун [1], Г.П. Федотов [2; 3], М. Карпович [4], Н. Полторацкий [5] и др. Среди современных ис-

следователей вызывают интерес работы Б.Г. Могильницкого [6], А.А. Ермичева [7], О.В. Волкогоновой [8] и др. Ряд работ принадлежит автору данной статьи [9; 10]. В качестве основных источников данной работы выступают произведения Бердяева, написанные им в 1930–40-е гг., в том числе не публиковавшиеся в России.

В своем исследовании Советской России Бердяев опирался на междисциплинарную исследовательскую стратегию, сочетающую в себе достижения различных наук на основе принципа «дополнительности» [9. С. 24–41]. Будучи христианским мыслителем, являясь сторонником метода религиозного символизма [1. С. 132–147], он обращался в своей исследовательской практике к положениям христианской религии, что позволяло ему открывать дополнительные грани и смысловые уровни исторических событий.

Русскую революцию 1917 г. Бердяев рассматривал как рубежное событие, открывавшее «новую историческую эру» [11; 12], отличительной чертой которой являлось формирование социального строя, противоположного капиталистической системе с ее базовыми принципами индивидуализма, частной собственности, конкуренции. Он был убежден в оправданности «смелого эксперимента» русского народа, рассматривая его в перспективе построения «нового общества», религиозного в своей основе, исключающего эксплуатацию человека человеком, настаивая на лидирующей роли России в его формировании [13. Л. 8]. Не сомневаясь в принадлежности христианскому периоду истории «опыта русского коммунизма», который «ставит перед христианством новые задачи…» [14. С. 194], Бердяев акцентировал внимание на положительных сторонах пореволюционного строительства, значимых в режиме «долгого времени», несмотря на «срывы» советской модернизации, обусловленные репрессированием свободы в СССР [10].

На рубеже 1930–1940-х гг. Бердяев усмотрел признаки завершения революции в России и начала «контрреволюции». При сохранении марксистской символики и риторики, подчеркивал он, в Советской России происходили радикальные изменения, что выразилось в сокращении гонений на религию, в возврате к консервативным по своей природе ценностям, таким как патриотизм, семья, личная собственность, в появлении новых форм социального неравенства [13. Л. 3]. Незадолго до начала Второй мировой войны он обратил внимание на симптомы советского неогуманизма, находил положительные стороны советской трудовой этики, связанной с принципом со-

циального служения [13. Л. 8–9], а по ее окончании указывал на провозглашение в Советской России «права на труд, права на отдых, права на образование» [15].

Авторитет СССР после Второй Мировой войны в немалой степени был обусловлен привлекательностью этих и других достижений, особенно для стран второго и третьего эшелонов развития [16]. Констатируя расширение влияния СССР в послевоенном мире, Бердяев скептически относился к обвинениям в империалистических притязаниях СССР. Касаясь этой проблемы, сложно связанной с национальными интересами России, он писал: «Несправедливо обвинение Советской России в склонности к националистическому империализму. Но ей свойствен некоторый социальный империализм... Конечно, руководители Советской России хотели бы, чтобы и во всем мире произошли изменения социального строя, они видят в этом торжество социальной правды…» [15].

Бердяев полагал, что в комплексе причин, вызвавших обозначенные выше трансформации в России, ведущее место принадлежит воздействию «процессов жизни», прежде всего, социальных ожиданий народных масс. «Средний человек масс требует, – писал он, – чтобы революция кончилась… Правительство Сталина принуждено уступать процессам жизни...» [13. Л. 5]. Подчеркнем значение, которое придавалось Бердяевым понятию «процесс жизни». Не давая ему развернутого определения, он, тем не менее, постоянно оперировал им, анализируя те или иные стороны советской реальности, подчеркивая их роль в преодолении многочисленных изъянов советской системы или объясняя ее положительные стороны, в частности динамизм советского народа. В более широком смысле внимание к «процессам жизни», согласно Бердяеву, являлось условием объективного научного исследования. По сути, речь шла о методологическом подходе, согласно которому в исследовательской практике необходимым являлся всесторонний анализ культурно-исторического контекста как условия снижения вероятности поверхностных или предвзятых интерпретаций «на основе отвлеченных принципов» [12]. Уместно в данном случае подчеркнуть актуальность для современной историографии подобного подхода к проблеме контекста [17].

Признание положительных сторон советского строительства Бердяев сложно комбинировал с критикой советского политического режима, действия которого способствовали формированию особого пространства коммуникации с «тяжелой моральной атмосферой»,

препятствовавшей раскрытию положительного потенциала советской системы. В этой связи следует особо подчеркнуть внимание мыслителя к специфике советской морали, ядро которой составлял моральный релятивизм, связанный с коммунистической идеологией, способствовавший грубым нарушениям прав и свобод человека и гражданина в Советской России [18. Л. 16–17]. Одновременно с тем, отмечал Бердяев, советская мораль парадоксальным образом задавала высокие стандарты социального поведения советских граждан [19].

В комплексе размышлений Бердяева о Советской России, ее мировом призвании и лидирующей роли в становлении нового типа общества, вызывает интерес его стремление учитывать при анализе советской системы различные аспекты становления технической цивилизации, ключевые элементы которой (наука, техника, массовое общество, СМИ) изменили не только среду обитания человека, но и всю систему взаимоотношений в мире. Впервые коснувшись данной проблемы на рубеже 1920–1930-х гг., он вновь и вновь обращался к ней в поздний период творчества.

Положительно оценивая научно-технические достижения XX в., Бердяев одновременно указывал на неоднозначные последствия их широкого применения в разных сферах общества. Характер революций, войн и тоталитарных режимов XX в., многие экономические проблемы, прежде всего безработицу, мыслитель связывал с результатами и последствиями научно-технического прогресса [20. Л. 7]. В контексте становления технической цивилизации он рассматривал советскую индустриализацию, имевшую свои отличительные черты, обусловленные спецификой советской политической системы и особенностями российского менталитета [20. Л. 11]. Ценным в условиях формирования технической цивилизации Бердяеву представлялось сохранение положительных свойств этого последнего, особенно качества «коммюнотарности», не тождественного коллективизму, характерному для индустриальной эпохи с ее массовым производством [20. Л. 13].

В числе первых Бердяев обратил внимание на внутреннюю взаимообусловленность возрастания этатизма в современном мире и развития науки и техники, особенно направлений, связанных с военными целями и задачами. Подчеркивая общемировой характер тенденции укрепления государства, он писал: «Этатизм совсем не есть особенность только советского строя, это явление мировое. И огромную роль тут играет возрастающая сила техники» [20. Л. 10].

Усиление власти государства в ущерб интересам личности, широкое распространение практики государственного регулирования в экономике, «блоковое мышление» [16], – все это с разной степенью выраженности присутствовало, по объективному наблюдению Бердяева, в любом современном государстве, несмотря на особенности традиционных моделей власти.

Таким образом, Бердяев осуществлял исследование советской реальности в глобальной перспективе, с учетом общемировых тенденций, учитывая при этом своеобразие России. Избранный им ракурс исследования позволил ему поставить ряд важных проблем, сохраняющих свою актуальность вплоть до настоящего времени.

Литература

1. *Степун Ф.А.* Мистическое мировидение. Пять образов русского символизма / пер. с нем. Г. Снежинской, Е. Крепак и Л. Маркевич. – СПб.: Владимир Даль, 2012. – 479 с. – С. 112–220.
2. *Федотов Г.П.* Ответ Н.А. Бердяеву // Федотов Г.П. Собр. соч.: в 12 т. / прим. С.С. Бычкова. – М.: Мартис, 2004. – Т. 9: Статьи американского периода. – 383 с. – С. 194–210.
3. *Федотов Г.П.* Н.А. Бердяев – мыслитель // Там же. С. 278–291.
4. *Карпович М.* Комментарии. В поисках «третьего исхода» (о статье Н.А. Бердяева) // Новый журнал. – 1953. – № 32. – С. 281–287.
5. *Полторацкий Н.* Бердяев и Россия (Философия истории России Н.А. Бердяева). – Нью-Йорк: Общество Друзей Русской культуры, 1967. – 270 с.
6. *Могильницкий Б.Г.* Бердяев о Русской революции // Новая и новейшая история. – 1995. – № 6. – С. 54–67.
7. *Ермичев А.А.* Три свободы Николая Бердяева // Ермичев А.А. Имена и сюжеты русской философии. – СПб., 2014. – 710 с. – С. 241–266.
8. *Волкогонова О.Д.* Бердяев. – М.: Молодая гвардия, 2010. – 390 с.
9. *Гаман Л.А.* Революция 1917 г. и советская история в освещении русской религиозной эмигрантской мысли. – Томск. Изд-во Том. ун-та, 2008. – 332 с. – С. 23–129.
10. *Гаман Л.А.* Русская революция 1917 г. и модернизация: Н.А. Бердяев о некоторых аспектах революции в России // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 429. – С. 111–116.
11. *Бердяев Н.* Судьба русской церкви // РГАЛИ. Ф. 1496. Бердяев. Оп.1. Ед. хр. 223. Статьи 1945–1946 гг.
12. *Бердяев Н.А.* Нужно пережить судьбу русского народа // РГАЛИ. Ф. 1496. Бердяев. Оп. 1. Ед. хр. 223. Статьи 1945–1946.
13. *Бердяев Н.А.* Перерождение коммунизма в Советской России (1939–1940) // РГАЛИ. Ф. 1496. Бердяев. Оп. 1. Ед. хр. 219. Л. 3–10.

14. *Бердяев Н.А.* Пути гуманизма // Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи: сб. статей // Бердяев Н.А. Истина и Откровение. Пролегомены к критике Откровения. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. – 384 с. – С. 180–194.

15. *Бердяев Н.А.* Почему Запад не понимает Советской России // РГАЛИ. Ф. 1496. Бердяев. Оп. 1. Ед. хр. 223. Статьи 1945–1946 гг.

16. *Бердяев Н.А.* Третий исход // Новый журнал. – 1953. – № 32. – С. 271–280.

17. *Юрганов А.Л.* Культурная история России. Век двадцатый. Статьи и публикации разных лет. – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 384 с.

18. *Бердяев Н.А.* Советская Россия и мировая война (1939–1940) // РГАЛИ. Ф. 1496. Бердяев. Оп. 1. Ед. хр. 219. Л. 14–23; Л. 16-17.

19. *Бердяев Н.А.* Две морали // Бердяев Н.А. На пороге новой эпохи: сб. статей // Бердяев Н.А. Истина и Откровение. Пролегомены к критике Откровения. – СПб.: Изд-во РХГИ, 1997. – 384 с. – С. 195–209.

20. *Бердяев Н.А.* Человек в технической цивилизации // РГАЛИ. Ф. 1496. Бердяев. Оп. 1. Ед. хр. 103. 27 л.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/39

УДК: 930.1(471)

О.И. Ивонина

КОНЦЕПЦИЯ «НОВОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ» Н.А. БЕРДЯЕВА

Аннотация. *Рассматривается место Первой мировой войны в исторической концепции Н.А. Бердяева. Сделан вывод об экзистенциальном характере историко-политического дискурса русского мыслителя, считавшего это событие подтверждением его прогноза о драматическом транзите всемирной истории от эпохи Нового времени (Модерна) к «Новому Средневековью». В исследовании даны оценки таких знаковых концепций Н.А. Бердяева, как «закат Европы», «Пробуждение Азии», «конец Нового времени», «Новое Средневековье», «эра неопределенности», «новая творческая эпоха».*

Ключевые слова: *философия истории Н.А. Бердяева, Первая мировая война, конец Нового времени, Новое Средневековье, тоталитаризм.*

В философии истории Н.А. Бердяева воплотилось все своеобразие его личности и исторического опыта. Знакомство с опытом его автобиографии («самопознание») и знаковыми статьями («Судьба России», «Смысл истории», «О назначении человека», «Истоки и смысл русского коммунизма») убеждает в том, что размышления о судьбах человека и человечества в пространстве и времени всемирной истории не были только конструктами его идей. Драма истории XX века переживалась как факт собственной жизни и результат собственного действия, как часть внутреннего мира мыслителя. Исторический опыт Бердяева вместил в себя две мировые войны, две революции в России, вынужденное изгнание из России на знаменитом «философском пароходе», нацистский переворот в Германии, оккупацию Франции, начало «холодной войны». Сам Бердяев полагал, что его личный опыт именно благодаря наполненности такого рода драматическими событиями носил экзистенциальный характер, раскрывая нечто, универсально значимое для судеб мира и человечества. Не случайно Бердяев считал моральным credo историка *аб-*

солютную ответственность человека-микрокосма за все исторические события, даже находящиеся вне его контроля и времени жизни.

Бердяев всегда искал альтернативу сформулированной идеологами Просвещения концепции всемирной истории, безнадежно устаревшей в XX веке. Эти поиски активизировались в процессе осмысления им итогов Первой мировой войны, свидетельствовавших не только о теоретической несостоятельности, но и о моральном крахе идеи прогресса. Критика идеи прогресса превратилась у Бердяева в годы Первой мировой войны в критику интеллектуального наследия эпохи модерна и приобрела новую тональность. Позитивистский историзм казался русскому автору исключительным достоянием благополучного XIX века, отразившим его философию времени и интеллектуальную атмосферу. Первая мировая война опровергла то, что казалось незыблемым приобретением человечества, – прочность культурных устоев комфортной и респектабельной истории Запада. Чудовищный факт мировой бойни, развязанной передовыми европейскими нациями, показал ошибочность фундаментальных тезисов либеральной рационалистической историографии: в истории нет поступательного развития, необратимости достижений культуры и цивилизации. Мировая война сдернула тонкую пленку цивилизации XIX – начала XX вв., обнажила глубинные пласты человеческой жизни, расковала *хаос иррационального* в человеческой природе [8. С. 322].

Ситуацию кризиса прежних объяснительных схем, сконцентрированных на идее прогресса и ценностей гуманизма, философ назвал *методологическим «безвременьем»*. Он утверждал: «Я исхожу из глубокого убеждения в том, что нет возврата ни к тому образу мысли, ни к тому строю жизни, которые господствовали до мировой войны, до революций и потрясений, охвативших не только Россию, но Европу и весь мир. Все привычные категории мысли и формы жизни самых «передовых», «прогрессивных», даже «революционных» людей XIX и XX веков безнадежно устарели и потеряли всякое значение для настоящего и особенно для будущего» [1. С. 411].

Первая мировая война стала для Н.А. Бердяева подтверждением его прогноза о завершении прежнего, прогрессистского по своей направленности, проекта всемирной истории, на смену которому приходит эра неопределенности. Он отмечал: «Нынешнее историческое время подобно эпохе великого переселения народов. Чувствуется, что человечество вступает в новый исторический и даже кос-

мический период, в какую-то великую неизвестность, совершенно непредвиденную никакими научными прогнозами, ниспровергающую все доктрины и учения» [6. С. 114].

Эта историческая катастрофа была воспринята русским мыслителем как символ «заката Европы» и окончания эпохи Нового времени, в которой Западу принадлежала роль лидера и эталона мирового развития. Н.А. Бердяев, подобно множеству других представителей русской революционной демократии (Г.В. Плеханову, А.А. Богданову, В.И. Ленину, Ф.А. Степуну и Г.П. Федотову), указывал на фактическую, культурно-антропологическую и социально-психологическую обусловленность Первой мировой войны вступлением человечества в новый этап развития – эпоху империализма.

Феномен империализма (как политики и мировоззрения) демонстрировал, по мнению Н.А. Бердяева, разрыв Запада с базовыми, религиозно обоснованными ценностями, доселе предлагаемыми миру в качестве универсальных образцов «цивилизованности» и прогресса: гуманизма, гражданских прав и свобод человека, самоопределения народов и национально-государственного суверенитета, неукоснительного соблюдения норм международного права.

Глобальный конфликт, инициатором которого стали «цивилизованные» народы Европы, опрокинул мир в эпоху «Нового варварства». Ее символами стали для Бердяева культ техники (апогеем которого стало создание и использование оружия массового уничтожения, формирование технократических элит), маргинализация общества, милитаризация сознания и поведенческих стандартов населения, тотальная манипуляция массовым сознанием, внеэкономические методы принуждения, мобилизационный тип экономики, кризис либеральной демократии в процессе транзита европейских государств к тоталитаризму.

Мировая война обострила внимание Н.А. Бердяева к идее «конца Европы». В годы войны, а затем и под впечатлением от книги О. Шпенглера он обратился к герценовской идее Запада как «нового Китая», подразумевая под этим окаменевшее, статичное состояние европейского социума, не способного ответить на вызов грядущей социальной катастрофы – революции, несущей смерть буржуазной цивилизации [6. С.167–168].

Самосознание человека Нового времени как эпохи освобождения человека из плена сословно-корпоративных и этноконфессио-

нальных ограничений, внеэкономического принуждения и подчинения властным авторитетам оказалось иллюзорным. В эпоху господства техники, демократии, общественного мнения, прессы, биржи и парламентаризма появляются, по мнению философа, лишь новые формы зависимости человека от общества, новые, более действенные, чем прежде, формы контроля, которые способствуют утрате индивидуальности и всеобщей стандартизации [9. Т. 1. С. 416].

Впечатления от Первой мировой войны оказались у Н.А. Бердяева настолько сильными, что он всю оставшуюся жизнь считал ее системообразующим фактором всей Новейшей истории (Современности, или Постмодернити). Мировые события после 1914 г. представлялись ему лишь продолжением этой катастрофы. Послевоенное развитие мира, в котором усиливались авторитарные, коммунистические и национал-социалистические движения, Н.А. Бердяев оценивал с позиций своего исторического пессимизма. В книге, написанной во второй половине 40-х гг., мыслитель писал: «Мы живем в мире, созданном двумя мировыми войнами и готовимся к третьей мировой войне. Мы живем в мире, в котором революция является лишь трансформацией войны. Это определяет все ценности» [10. С. 323].

Переживание событий мировой войны и послевоенного времени усилило интуицию *альтернативности всемирной истории*, ранее проявлявшуюся у Бердяева лишь в оценках исторических судеб России. Послевоенная история казалась Бердяеву конкуренцией трех альтернативных тенденций мирового развития, трех вариантов выхода из кризиса, переживаемого современной цивилизацией:

1. Исход фатальный или «хаос конца»: продолжающийся распад мировой капиталистической системы, гонка вооружений, чреватая гибелью мира в ядерном Апокалипсисе, война всех против всех.

2. Создание нового, насильственного и механистического порядка – «организованности, не оставляющей места свободе», ведущей к тотальной деспотизации мира.

3. Преодоление социального и культурного хаоса, синтез общечеловеческих ценностей с идеалом социальной справедливости.

Первая альтернатива современного развития проявляется, по мнению философа, в *цивилизационной унификации мирового развития*. Война подтвердила справедливость прогноза как самого Бердяева, так и его оппонентов в лице Ленина и Гильфердинга о расширении капиталистической цивилизации на Восток средствами империалистической экспансии. Для Бердяева эта тенденция

свидетельствовала о попятном движении всемирной истории, от окончания зрелого Модерна (капиталистической цивилизации) к началу эпохи нового Средневековья [9. Т. 1. С. 422].

В «Пробуждении Востока», в национально-освободительных движениях афро-азиатских народов Н.А. Бердяев увидел все то же торжество внутренне исчерпанного «Запада», передающего многомилионным народам Индии и Китая самые дурные стороны европейской цивилизации: материализм, национализм, социальную атомизацию массового общества, упоение техническим прогрессом. Заимствованные у европейцев современные технологии Восток, по мнению философа, станет использовать инструментально – в качестве средства противостояния с Западом в экономической и военно-политической сфере, приближая тем самым собственное возвышение и «падение Европы» в силу утраты ею роли эталона мирового развития [3. С. 199].

В годы Первой мировой войны для Бердяева со всей очевидностью проявилась исчерпанность духовного потенциала народов Востока и Запада. Н. Бердяев отмечал: «После войны Серединная Европа внутренне разбита. Силы ее не только материально, но и духовно подорваны. Цивилизация через империализм и через социализм должна разлиться по поверхности всей земли, должна двигаться и на Восток. К цивилизации будут приобщены новые массы человеческие, новые слои. И новое Средневековье будет цивилизованным варварством, варварством среди машин, а не среди лесов и полей» [9. Т. 1. С. 389–390].

Наряду с мировой цивилизационной унификацией действует и вторая тенденция, отмеченная Н.А. Бердяевым, – *тоталитарная революция*, создание принудительно организованных сообществ. Мыслитель считал, что первая и вторая тенденции мирового развития связаны между собой, так как, разрушая культуру, цивилизация взращивает «внутреннее варварство» на своей собственной почве [4. С. 172].

«Новые варвары», люди массового общества, становятся преобладающей политической силой. Тоталитарная революция, подготовленная буржуазным обществом, оставляет человечество в пределах *цивилизации*, но меняет *социальную форму* последней. Буржуазная цивилизация сменяется индустриальной, превращая жизнь миллионов в «огромный и организованный производственный процесс,

в промышленную мастерскую, которую должно украшать искусство и обслуживать знание» [5. С. 52].

Н.А. Бердяев был в числе тех, кто считал противостояние с либерализмом и индивидуализмом общим свойством большевизма, фашизма, национал-социализма и прочих версий тоталитаризма XX века. По его мнению, все тоталитарные режимы стремятся к контролю над массовым и индивидуальным сознанием, устраняя свободу даже из мира душевных переживаний личности. Автор утверждал: «все мышление делается принудительным, подчиняется социальному вероисповедному центру, т.е. происходит возврат к Средневековью, но уже не на религиозной, а на материалистической почве» [2. С. 40].

Глубинным сходством тоталитарных режимов мыслитель объяснял их враждебность культуре, демократическим свободам и уважению человеческого достоинства, наглядно проявившиеся в политике послевоенных России, Германии, Италии. Страна философов и поэтов оказалась в тридцатые годы местом гонения духа: «Германия, в которой раньше был настоящий культ ученых, философов, профессоров, университетов, часто преувеличенный и смешной, теперь совершенно перестала уважать ученых, философов, профессоров, университеты и готова их разгромить» [8. С. 341].

Победу тоталитарных тенденций в развитии послевоенного мира Н.А. Бердяев считал разрывом Запада с наследием эпохи гуманизма и Просвещения, аналогично торжеству феодальной реакции в Европе после Наполеоновских войн – «внутренней реакции против всей новой истории, реакции против всего ренессансного освободительного периода и против французской революции» [9. Т. 1. С. 393–394].

Тоталитаризм как форма «нового варварства» обращается к архетипам сознания и переустраивает общество на началах традиционализма и архаического коллективизма. Однако это «вторая редакция» традиционализма, который принимает цивилизованные формы, используя все орудия и блага цивилизации. Тоталитарное общество доводит до предела инфернальную эсхатологию цивилизации, демонстрируя возможность «повторного варварства» – реакционного восстания маргиналов против достижений мировой и национальной культуры. По мнению Бердяева, это восстание свидетельствует о необратимом регрессе культуры, преобладании попятных и даже тупиковых траекторий всемирной истории [7. С. 225].

Таким образом, тоталитаризм как реакция на ценности Модерна открывает новую эпоху в истории человечества, названную автором «Новым Средневековьем» по аналогии со временем крушения античного мира.

Своеобразие мирового развития после Первой мировой войны Н.А. Бердяев усматривал в том, что пришедшая в упадок эпоха «Новой истории» и идущая ей на смену эпоха «Нового Средневековья» сосуществуют в одном физическом времени, однако территориально размежевавшись. Символом первой эпохи является США, а второй – СССР. Конфликт Модерна/«Новой истории» и Постмодерна / «Нового Средневековья» принял вид противостояния ценностей свободы и социальной справедливости. На самом деле, полагал автор, современное буржуазное общество мало благоприятствовало свободе, а советское – справедливости[10. С. 322].

Параллельно с ужасающими картинами агонии Новой истории и погружения в ночь тоталитарного «нового Средневековья» Н.А. Бердяев рассуждал о третьей тенденции послевоенного развития – новом духовном возрождении человечества, «новой творческой эпохе». Вместе с тем Н.А. Бердяев не считал тенденцию к духовному возрождению человечества господствующей – в силу своей приверженности историческому пессимизму и трагическому пониманию истории человечества. Представляется, что этот вектор всемирной истории был в большей степени предметом упований и надежд религиозного мыслителя, чем результатом углубленного научного анализа альтернатив послевоенного развития.

Литература

1. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990.
2. *Бердяев Н.А.* Конец Ренессанса // София: Проблемы духовной культуры и религиозной философии. – Берлин: Обелиск, 1923.
3. *Бердяев Н.А.* О назначении человека. – М.: Республика, 1993.
4. *Бердяев Н.А.* Смысл истории. – М.: Мысль, 1990.
5. *Бердяев Н.А.* Социальный кризис культуры // Новый град. – 1932. – № 3.
6. *Бердяев Н.А.* Судьба России. – М.: Прометей, 1990.
7. *Бердяев Н.А.* Философия неравенства // Русское зарубежье. – Л.: Лениздат, 1991.
8. *Бердяев Н.А.* Философия свободного духа. – М.: Республика, 1994.
9. *Бердяев Н.А.* Философия творчества, культуры и искусства. – М.: Искусство, 1994. Т. 1–2.
10. *Бердяев Н.А.* Царство Духа и Царство Кесаря. – М.: Республика, 1995.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/40

УДК: 271.2

И.В. Куприянова

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ВЕРСИИ ПРИЧИН ЦЕРКОВНОГО РАСКОЛА В ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ РАСКОЛОВЕДОВ

Аннотация. *Рассматривается разработка представителями школы расколоведения проблем происхождения церковного раскола XVII века, необходимая для защиты господствующей церкви от старообрядческой пропаганды. В данном богословском комплексе можно выявить несколько интерпретаций, различных по степени объективности и научности подходов: реакционные, обличающие старообрядцев в безосновательном разрыве с церковью; умеренные, трактующие раскол как следствие объективных причин, и альтернативные, возлагающие ответственность за раскол на церковную власть.*

Ключевые слова*: церковный раскол, расколоведение, обличение раскола, старообрядцы, миссионерство, противостарообрядческие доктрины.*

Вопрос о причинах, приведших в XVII веке к расколу Русской православной церкви и возникновению старообрядчества, является центральным в дискуссиях между двумя ветвями православия. В нем заключен целый комплекс богословских, церковно-исторических и морально-нравственных проблем, от решения которых во многом зависит понимание не только прошлого, но и настоящего и будущего русского православия. Что привело к этому «глубокому и тяжелому раздвоению во всем течении русской народной жизни» [1], кто в этом виноват, на чьей стороне правда – вот основные темы миссионерских бесед.

Полемика с «раскольниками» была открыта богословами РПЦ в начале XVIII в. по велению Петра I и продолжалась до начала XX в.; в какой-то степени это противостояние не закончено до сих пор. Миссионерский корпус, защищавший в ходе дискуссий официальную версию причин раскола, опирался на рекомендации представителей школы расколоведения, начало которой было положено в 1850-х гг. в стенах духовных академий – Московской, Петербург-

ской и Казанской – в связи с открытием миссионерских отделений [2. С. 195]. Из рядов духовно-академической профессуры вышли виднейшие расколоведы: Н.И. Субботин, Е.Е. Голубинский, Н.И. Ивановский, Н.П. Гиляров-Платонов, П.С. Смирнов, И.Ф. Нильский, И.М. Громогласов и др. К этой категории авторов примыкали церковные историки А.Н. Муравьев, митрополиты Григорий (Постников), Филарет (Дроздов), Макарий (Булгаков); кадровые миссионеры: архимандрит Павел Прусский (Леднев), протоиерей М.П. Чельцов и миссионеры-любители – от купца А.И. Озерского до сенатора Т.И. Филиппова.

Исходя из официального определения расколоведения как учебной и научной дисциплины – «история и обличение русского раскола» [1], основным, наиболее ортодоксальным его направлением можно считать обличительство. Его последователям присуще стремление доказать отсутствие у старообрядцев каких-либо оснований для отпадения от РПЦ, совершенного по причине непонимания – «недоразумения благонамеренных мер» духовной власти [3. С. 371].

Базовым тезисом здесь являлось утверждение, что старообрядцы по своему невежеству не видят разницы между догматом, который неизменен, и обрядом, который может быть изменен. Вследствие этого они не понимают значения никоновских реформ, установивших «единообразие в обычаях церковных, которые первоначально были не единообразны» [4. С. 5]. В этой незамысловатой конструкции ответственность за церковный раскол полностью возлагается на старообрядцев как последователей «расколовождей», восставших против церковного единства – протопопа Аввакума и его соратников, к которым Церковь, со своей стороны, проявила всевозможную «кротость» и снисходительность [5. С. 2].

Другое направление расколоведения составляют труды, в которых, при всей их тенденциозности, авторы пытаются объяснить события XVII века, понять их логику, движущие силы, мотивы действующих лиц. При внимательном изучении документов по ранней истории раскола: протоколов допросов, челобитных, полемических сочинений «церковных мятежников» – открываются такие его причины, как случайное стечение обстоятельств, ошибочность действий власти и, наконец, объективные исторические условия. В этих трактовках раскол выступает «естественным продуктом нашей истории, логически истекшим из ея данных» [2. С. 194].

Ряд авторов усматривает причины событий XVII в. в изменении русского религиозного самосознания. Так, например, И.М. Громогласов с отсылкой к трудам В.С. Соловьева интерпретирует раскол как прямое следствие «национализации веры и церкви на Руси», отчасти унаследованной от Византии и особенно усилившейся после ее крушения. «Потемнение вселенской церковной идеи» и замена ее представлениями о собственной религиозно-националистической исключительности привели русских людей к загрязнению чистого кафолического православия «мутным ручьем народной жизни» [6. С. 7].

В методике преподавания учения о расколе П. С. Смирнов выдвинул в качестве основополагающего тезис о том, что раскол является результатом «не случайных только обстоятельств, но и вековых исторических условий»: для его зарождения и развития в России имелась и соответствующая атмосфера, и «особого рода почва»; поэтому в нем «никто не виноват», и нет ничьей злой воли [7. С. 685, 702].

Ряд расколоведческих работ посвящен теме соборных клятв. Собор 1667 г., на котором состоялось окончательное утверждение нового церковного устава, осуждены и прокляты его противники, считается отправной точкой раскола. Материалы этого собора постоянно изучались старообрядческим начетчиками, поскольку клятвы, положенные на нем, как многократно повторялось расколоведами, не на старые обряды, а на их защитников, которые из-за пристрастия к ним хулили новоисправленный устав и оказали «противление Церкви», – являлись темой, весьма болезненной для старообрядцев.

Вопрос этот был не менее важен и расколоведам, главным образом, для оправдания существования единоверия. В своем «Изъяснении» митрополит Московский Филарет, отвечая на вопрос: «На кого же падает проклятие Собора 1667 г.?», утверждает, что ему подвержены только мятежники, восстающие против Церкви. Те же, кто содержат старые обряды, но не порывают с Церковью, собором не прокляты: «Кто уразумился и перестает быть противником Святыя Церкви, тот должен быть разрешен и свободен от проклятия» [5. С. 4].

Очевидная несправедливость клятв и весь причиняемый ими вред вызвали в русском обществе ожидания того, что церковная власть примет меры к устранению этого пагубного анахронизма, как полагали, препятствующего церковному воссоединению. Однако синодальные деятели продолжали стоять на том, что клятвы собора 1667 г. были положены правильно и должны быть сохранены. В свя-

зи с этим можно отметить появление так называемых комментариев сенатора Т. И. Филиппова к «Деяниям собора 1667 г.».

Комментарии представляют собой тексты речей, произнесенных им на диспуте с И.Ф. Нильским, прошедшем в 1873–1874 гг. в Санкт-Петербургском отделении Общества любителей духовного просвещения, затем опубликованных в книге «Современные церковные вопросы», где они составили раздел «Чтения о нуждах единоверия» [7. С. 235–437]. Среди старообрядцев они распространялись в виде отдельных оттисков под названием «Протоколы Общества»; в них подробно рассматривается проблема клятв.

В самобытной трактовке автора, в целом приверженного позиции, традиционной для РПЦ, категорически отвергается тезис старообрядцев о проклятии собором старых обрядов, в том числе двуперстия; но тезис о возможности сохранения старых обрядов при соблюдении церковного единства также им решительно отклоняется. Анализируя текст соборных постановлений, автор приходит к выводу, что у сторонников старых обрядов не было никакой возможности их открытого содержания. В противном случае с тех, кто «вразумятся и возвратятся в правду покаянием», клятвы должны были «слагаться сами собою», хотя бы они и продолжали хранить старый устав; однако пример единоверия – «вразумившегося и возвратившегося», но так и не освобожденного от клятв, эту возможность полностью отрицает [8. С. 294].

Общая направленность текста Т. И. Филиппова – призыв «разрешить эти узы», пересмотрев определения собора 1667 г. и сняв клятвы с тех, кто хранит старый обряд, не враждуя против Церкви, то есть, с единоверцев. Таким образом, автор фактически возлагает ответственность за раскол на церковную власть, которую упрекает в казуистике, затягивании этого болезненного вопроса и нежелании приложить усилия к его решению.

Позиция Т.И. Филиппова, явно выходившая за рамки официоза, вызвала негодование ортодоксальных богословов. В резко-критической рецензии на его книгу Н.И. Субботин, виднейший представитель расколоведения, писал, что вопрос «о нуждах единоверия» в трактовке автора звучит как требование к Русской церкви о соборном суде над самой собой за постановления собора 1667 г., о «торжественном признании» ею «своей вины перед расколом за эти постановления и, в конце концов, о доставлении расколу столь желаемого им торжества над православием, как якобы правой стороны

над якобы виноватой» [9. С. 657]. В письме к К.П. Победоносцеву Субботин сожалел, что Филиппов не сжег своей книги еще до того как она была напечатана, с горечью констатируя: «…никто не причинял и не причиняет столько вреда Церкви в ее борьбе с расколом, яко же сей человек!» [10. С. 346].

Итак, внутри корпоративного круга расколоведов в осмыслении ими причин церковного раскола и, соответственно, феномена старообрядчества, при общем консенсусе в его восприятии как несомненного зла, разрушающего единство православия, все же прослеживается целый спектр трактовок, от прямолинейно-одиозных до изощренно-либеральных. Выполняя одну и ту же охранительную функцию, эти толкования рознились лишь степенью объективности и глубины аргументации. При этом все они в равной мере должны были встраиваться в уже оформленную иерархию отношений РПЦ и старообрядцев, в которой последним изначально отводилась роль религиозных маргиналов. При такой предопределенности результатов любое отклонение от общепринятых канонов уже можно считать неким вызовом и альтернативой непререкаемому противостарообрядческому доктринерству.

Все же необходимо признать, что в этом непримиримом клерикальном сообществе нашлись авторы, стремившиеся не столько найти доказательства заблуждений «раскольников», их необоснованного отделения от Церкви, и тем укрепить взаимный антагонизм обеих сторон, сколько понять реальные причины церковного раскола, полагая, что это поможет так или иначе сгладить его последствия. В решении этой задачи они попытались выйти за рамки элементарного обличительства и подняться до высот подлинного церковно-исторического исследования.

Литература

1. *Глубоковский Н.Н.* Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии [Электронный ресурс]. М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 2002. 192 с. Режим доступа: http://mexalib.com/view/209595

2. *Гиляров-Платонов Н.П.* Логика раскола. Письма И.С. Аксакову // Гиляров-Платонов Н.П. Сб. соч.: в 2 т. – М.: Синодальная Типография, 1899. Т. 2. С. 193–235.

3. *Муравьев А.Н.* Раскол, обличаемый своею историей. – СПб.: Тип. III отд. соб. Е.И.В. канцелярии, 1854. – 429 с.

4. *Голубинский Е.Е.* К нашей полемике с старообрядцами. – М.: Университетская типография, 1896. – 50 с.

5. *Филарет (митроп.) Дроздов*. Изъяснение о проклятии, наложенном от собора 1667 г. – М.: Типография В. Готье, 1855. – 7 с.

6. *Громогласов И.М.* Русский раскол и вселенское православие: публичная лекция. – Сергиев Посад: 2-я Тип. А.И. Снегиревой, 1898. – 44 с.

7. *Смирнов П.С.* Учение о русском расколе в духовных семинариях // Христианское чтение. – 1911. – № 5–6. – С. 685–702.

8. *Филиппов Т.И.* Современные церковные вопросы. – СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1882. – 463 с.

9. *Субботин Н.И.* О книге: [Рец. на кн.: Т. Филиппов. Современные церковные вопросы. СПб., 1882] // Прибавления к Творениям св. Отцов. 1882. – Ч. 30, кн. 2. – С. 639–675.

10. *Субботин Н.И.* Письмо К.П. Победоносцеву. 24 октября 1888 г. // Марков С.С. К истории раскола-старообрядчества второй половины XIX столетия. Переписка проф. Н.И. Субботина, преимущественно неизданная, как материал для истории раскола и отношений к нему правительства (1865–1904 гг.). – М.: Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1914. – 943 с.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/41

УДК: 94(47)“18”+930.2

Н.В. Виниченко

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА ПЕРИОДА ПРАВЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРА ПЕТРА I: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. *Характеризуется степень изученности проблемы политической элиты периода правления императора Петра I. Выявлены историографические ресурсы, позволяющие определять концептуальные основания политического дискурса власти в контексте формирования императором Петром I политической элиты нового типа.*

Ключевые слова*: политическая элита, политический дискурс, император Пётр I.*

Изучением характеристик и функций политических элит в государстве занимается направление элитология. Элитология актуализирует проблемы, связанные с процессами генезиса элит, их политического дискурса и формирования символов статуса. Изучение политической элиты в истории России является актуальным вопросом и в контексте понимания индивидуальной деятельности правителей и их окружения, живущих и действующих в историческом времени.

Внимание к преобразованиям в России, осуществленным Петром I и его окружением, со временем не ослабевает. Это связано как с личными качествами первого императора России, так и с его методами отбора кадров для управленческой структуры государства и способами презентации сценария власти. Изучение преобразований Петра I в аспекте формирования императором политической элиты нового типа обогащает контексты интерпретации служилого государства и его эволюции по пути к «законной» монархии. Исследование ориентировано на использование методологии интеллектуальной истории. В рамках данной методологи изучаются истории идей и интеллектуальных дискурсов, в том числе и политических дискурсов. Под политическим дискурсом понимается совокупность всех

речевых актов, используемых в политических целях, а также правила публичной политики, принятые в государстве.

Целью данного исследования является характеристика степени изученности проблемы политической элиты периода правления императора Петра I. Выявляются историографические ресурсы, позволяющие определять концептуальные основания политического дискурса власти в контексте формирования императором Петром I политической элиты нового типа.

Исследования по элитологии в России вошли в научный оборот в 80-х годах XX века и распространились в российских общественных науках начиная со второй половины 90-х годов. Вопросами истории элит, методологии их изучения занимались такие исследователи, как М.Н. Афанасьев, Г.К. Ашин, О.В. Гаман-Голутвина, А.В. Понеделков, О.В. Крыштановская, В.П. Мохов. Отечественный специалист по проблемам элитологи Г.К. Ашин определяет предмет политической элитологии как «исследование процесса социально-политического управления и, прежде всего, высшей страты политических акторов, выявление и описание того социального слоя, который непосредственно осуществляет это управление» [1. С. 16]. На основе исследовательских работ этого направления определено содержание понятия «политическая элита». Она включает «высокоинтегрированную социальную группу, которая контролирует основную часть политических, экономических, символических ресурсов общества и определяет государственную политику, принимает важнейшие стратегические решения» [1. С. 254].

Проблеме изучения истории эпохи правления Петра I в отечественной историографии посвящено большое количество работ. Для темы исследования важны работы, в которых представлены характеристики политической элиты эпохи правления Петра I в контексте политического дискурса Нового времени. Отечественные историки XIX столетия в большей степени уделяли внимание характеристикам личности и реформаторской деятельности Петра I, но вместе с этим оценивали и деятельность «птенцов гнезда Петрова». Приведём лишь несколько оценок. Так, Н.М. Карамзин в «Записке о древней и новой России», характеризуя правление Петра I, пишет: «Говоря о превосходных его дарованиях, забудем ли почти важнейшее для самодержцев дарование: употреблять людей по их способностям? Полководцы, министры, законодатели не родятся в такое или такое царствование, но единственно избираются... слуги Петровы удиви-

тельным образом помогли ему на ратном поле, в Сенате, в Кабинете.» [2. С. 32]. Компанию царя периода его пребывания в Немецкой слободе историк В. О. Ключевский в лекциях о русской истории характеризует следующим образом. Он пишет о А. Меншикове как о «человеке темного происхождения, невежественном», Ф.Я. Лефорта характеризует как «авантюриста из Женевы», Ф.Ю. Ромодановского – «превеликий нежелатель добра никому, пьян по вся дни, но пособачьи преданный Петру», о И.И. Бутурлине скажет – это «человек злорадный и пьяный и мздоимливый» [3. С. 625–626]. Актуализирует историк и проблему роли политической элиты Петра I, обращаясь к суждениям историка В.Н. Татищева. В застольной беседе И.А. Мусин-Пушкин, рассуждая о состоянии государственных дел, заявил, что «все дело в министрах: каковы министры у государя, таковы и его дела». Петру I подобный взгляд не понравился, и он попросил высказаться по этому вопросу Я.Ф. Долгорукова, на что тот ответил: «умные государи умеют и умных советников выбирать и верность их наблюдать. Потому у мудрого государя не может быть глупых министров, ибо он может о достоинстве каждого рассудить и правые советы отличить» [3. С. 640].

Анализ историографии эпохи Петра I на этапах советского и современного периода развития исторической науки позволяет сделать вывод о том, что исследователи активно обращаются к биографиям государственных деятелей, что обогащает биографические сведения сотрудников Петра I (Н.И. Павленко, Д.О. Серов, В. Смирнов и др.). Вопросы политического дискурса Нового времени интерпретируются историками Е.В. Анисимовым, А.А. Кара-Мурзой, О.Н. Мухиным. Отметим, что период правления императора Петра I исследователями элитологии трактуется как «выкорчевание традиционных политических элит и насаждение на их месте новых» [1. С. 248]. Исследователь А.А. Кара-Мурза видит трансформацию политической элиты в эпоху правления императора Петра I как ключевой момент в вопросе о переходе от царства к империи, по мнению историка, переход к элите «нового типа» обусловлен реформаторской деятельностью самого Петра Алексеевича Романова [4. С. 72]. В эпоху царства природа власти трактовалась через призму сакральности – божественности происхождения. Историк делает вывод о том, что власть элиты формировалась по принципу «крови» и «родовитости» [4. С. 74]. Элита «нового типа» Петровской эпохи базируется на принципе «службы» как ведущей идеологи-

ческой основы государства. Пётр I сам неоднократно транслирует это в своих письмах, например, своему сыну царевичу Алексею, и законодательных актах.

Впервые Пётр I для элиты создаёт возможность вертикальной мобильности, которая реализуется на основе личных заслуг. Принятая в 1722 году «Табель о рангах» позволяет продвинуться по службе из самых низов благодаря службе. Однако принятый закон о порядке государственной службы является фактом конца правления Петра I, а политическая элита формировалась Петром I с начала его правления. Проблема заключается в том, каким образом Пётр Алексеевич формирует своё окружение, находящееся в «верхах» власти и государственного управления ещё до принятия «Табели о рангах», потому что время преобразований выдвинуло немало выдающихся деятелей.

В направлении элитологии отмечается, что формирование элиты базируется на основе принятых в обществе ценностей – например, высоких личных достижений, или на основе компетентности в управлении, или на богатстве, происхождении [1. С. 255]. В историографии утвердилось положение о том, что служение и преданность «Отечеству», создание «регулярного государства» было приоритетным направлением в организации управленческой структуры и личной инициативой Петра Алексеевича Романова. Однако исследователь Н.И. Павленко утверждает, что «в “команде” царя находились представители древнейших аристократических фамилий и рядовые дворяне, а также выходцы из “низов” общества: посадские и бывшие крепостные» [5. С. 7–8].

Исследователь О.Н. Мухин актуализирует вопрос окружения Петра I в контексте понятия «харизматического правителя». Ссылаясь на труды М. Вебера и Н. Элиаса, О.Н. Мухин полагает, что становление «харизмы» Петра I обусловлено его окружением, которое автор делит на два уровня: первый включает небольшое число наиболее приближенных (А.Д. Меншиков, Ф.М. Апраксин, Г.И. Головкин), второй уровень – более широкий, состоявший из гвардии Петра I [6. С. 141]. По мнению исследователя, элита первого уровня обладает ключевыми руководящими позициями, а элита второго уровня обеспечивает прочность положения лидера в осуществлении властных функций.

Таким образом, за период XIX–XXI веков в историографии, посвящённой анализу степени изученности проблемы политической

элиты периода правления императора Петра I, сделаны выводы о том, что «Петровские реформы упразднили национальную элиту, творчески перерабатывавшую византийские образцы, и заменили её новой» [7. С. 172]. Созданы условия, позволяющие определять концептуальные основания политического дискурса власти в контексте формирования императором Петром I элиты нового типа. Вместе с этим проблема формирования политической элиты императором Петром I не стала в полной степени самостоятельным аспектом изучения в контексте процесса генезиса элит нового типа как интеллектуальных элит и формирования символов их статуса. Необходимо обратить внимание и на вопросы определения критериев, которыми руководствуется император Пётр I при отборе представителей новой политической элиты, понимания специфики окружения императора, которая выражалась в дифференциации сфер деятельности.

Литература

1. *Ашин Г.К.* Элитология: история, теория, современность. – М.: МГИМО-Университет, 2010. – 600 с.
2. *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 127 с.
3. *Ключевский В.О.* Русская история: полный курс лекций. – М.: Олма-ПРЕСС, 2005. – 974 с.
4. *Кара-Мурза А.А.* От царства к империи: формирование новой элиты // Человек между Царством и Империей: сб материалов междунар. конф. / под ред. М.С. Киселевой. – М., 2003. – С. 72–74.
5. *Павленко Н.* Птенцы гнезда Петрова. – М.: Мир энциклопедий Аванта+, Астрель, 2008. – 40 с.
6. *Мухин О.Н.* Специфика окружения Петра I в свете концепции харизматического господства // Дискуссия. – 2013. – № 11 (41).
7. *Смирнов И.П.* Быт и инобытие. – М.: Новое литературное обозрение, 2019. – 384 с.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/42

УДК: 930.1 (091)

С.Д. Батищев

«ИСТОРИЯ ХОЗЯЙСТВА ДЕМИДОВЫХ В XVIII–XIX вв. ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ УРАЛЬСКОЙ МЕТАЛЛУРГИИ. Том 1» (1949 г.) Б.Б. КАФЕНГАУЗА В ОСВЕЩЕНИИ РЕЦЕНЗИЙ СОВРЕМЕННИКОВ: К 70-ЛЕТИЮ ВЫХОДА МОНУМЕНТАЛЬНОГО ТРУДА

Аннотация. *Анализируются рецензии на монографию Б.Б. Кафенгауза, в которой исследуется хозяйство Демидовых в XVIII веке. Указываются «сильные» и «слабые», по мнению рецензентов, стороны этого труда. Делается вывод о том, что рецензии как историографические источники позволяют понять, как тот или иной научный труд был воспринят в академической среде.*

Ключевые слова: *Б.Б. Кафенгауз; Демидовы; рецензии; историографические источники.*

Фигура Бернгарда (Бориса) Борисовича Кафенгауза (1894–1969), выдающегося историка советской эпохи, обделена вниманием наших историографов. Его творческому наследию посвящено всего, насколько нам удалось выяснить, три статьи. Две из них были приурочены к юбилеям нашего героя. Первая из этих двух вышла в 1965 году и приурочена к 70-летию историка, автором ее стал Н.И. Павленко [1]. Вторая из них приурочена к 100-летию историка и вышла в печатном виде в историографических заметках А.А. Преображенского, который сетует на то, что академическое сообщество не удосужилось даже написать некрологи на смерть Бернгарда Борисовича [2]. Третий текст принадлежит перу Л.В. Черепнина, в нем анализируются источниковедческие штудии Кафенгауза [3]. И это все.

Наша зарисовка посвящена также юбилейному событию. В 2019 году исполнилось 70 лет со дня выхода в свет фундаментального труда по истории Горнозаводского Урала, автором которого является Бернгард Борисович Кафенгауз.

Цель данной статьи показать, каким образом создавался этот труд (в общих чертах) и какую оценку получил в профессиональной среде современников Б.Б. Кафенгауза.

Во время Великой Отечественной войны Б.Б. Кафенгауз наметил три вероятные темы для своей докторской диссертации (кандидатскую степень он получил в 1938 году за первую научную публикацию «Книги о скудности и богатстве» И.Т. Посошкова): 1) древний Псков и вечевое законодательство в XIV–XV вв.; 2) внутренняя торговля России в XVIII в. и отмена внутренних пошлин; 3) история уральских заводов Демидовых в XVIII–XIX вв. [4. С. 111]. Какую именно тему будет исследовать диссертант, решила дирекция института истории в 1942 г. в Свердловске (где находился в эвакуации Московский университет, к кадровому составу которого относился Кафенгауз) во главе с А.М. Панкратовой. По словам нашего героя, Панкратова сказала: «Мы находимся в эвакуации на Урале и должны сделать что-либо полезное для уральцев, дать работу по истории уральской промышленности» [4. С. 111]. За этим последовала кропотливая работа историка в Свердловском и Нижнетагильском архивах. Сбор «сырья» продолжался до лета 1943 года, «зима 1943/44 г. в Москве ушла ... главным образом на обработку собранного архивного материала и на чтение литературы по истории Урала в московских библиотеках» [4. С. 113]. Одновременно с этим Кафенгауз работает с документами по истории Урала в ЦГАДА.

Докторская диссертация была защищена историком осенью 1946 года, оппонентами были А.И. Андреев, В.И. Пичета и К.В. Сивков. К сожалению, в своей статье-воспоминании Кафенгауз не вдается в детали диссертационного диспута, и мы не можем сказать, какова была реакция его оппонентов на само выступление, что хвалили, а что ругали. В 1949 году диссертация с некоторыми дополнениями выходит в виде монографии.

Теперь мы постараемся показать «сильные» и «слабые» стороны этого труда, по мнению современников-рецензентов. В первую очередь коснёмся рецензии инициатора выбора диссертационной темы – А.М. Панкратовой (1897–1957) [5]. В качестве основного достоинства рецензируемого труда Панкратова называет комплексность этого исследования, обширное использование архивных документов, «положительной оценки заслуживает также инициатива автора, поставившего перед собой трудную, но интересную задачу – на примере хозяйства Демидовых осветить вопрос о возникновении крупного производства на Урале, в какой мере была подготовлена почва, откуда черпался для

первых заводов технический и организационный опыт, как складывалась рабочая сила, какова была роль государственной власти» [5. С. 118]. Подчеркивается хорошее литературное изложение научного текста. А.М. Панкратова выделила и ряд недостатков в работе: «главное возражение вызывает полное отсутствие в этом обзоре (историографическом. – *С.Б.*), имеющем принципиальное значение для всей книги, изложения марксистко-ленинской концепции по вопросам развития социально-экономического строя русской мануфактуры вообще и уральской промышленности XVIII в. В частности. Как это ни странно, автор не остановился в своем обзоре на выяснении взглядов Ленина по вопросу об уральской мануфактуре XVIII в. и тем самым не подвел принципиальной базы под собственное исследование» [5. С. 118]. Далее Панкратова воспроизводит взгляд Ленина по этому вопросу. Также нарекание рецензента вызвал описательный стиль работы, из-за чего концепция автора не имеет четкого оформления. Панкратова подчеркивает, что «автор не выяснил основного вопроса: чем же были заводы Демидовых в XVIII в. – капиталистическим предприятием, использовавшим наряду с наемным также и крепостной труд, или порождением феодального строя, характерной чертой которого является органическая связь крепостной мануфактуры и феодального поместья?» [5. С. 120]. В этой же рецензии Панкратова выразила свое отрицательное отношение к практике издания «одних первых томов исторических исследований, что нередко лишает возможности читателей этих трудов проследить за развитием концепций их авторов, особенно если последующие тома появляются через несколько лет или не появляются совсем» [5. С. 117]. В целом, несмотря на отмеченные недостатки, монография Б.Б. Кафенгауза, по мнению А.М. Панкратовой, дает необходимую информацию по развитию частной русской мануфактуры и представляет большой интерес для профессионального сообщества.

Обратим внимание на другую рецензию, опубликованную под названием «Серьезные недостатки в книге по истории русской мануфактуры» [6]. Она принадлежит перу известного историка-экономиста Ф.Я. Полянского (1907–1982). Основные достоинства работы Кафенгауза рецензент сводит к следующим моментам: «анализ связей мануфактуры с кустарной промышленностью, показ решающей роли русских мастеров в деле строительства заводов на Урале, крупного значения русской промышленности XVIII столетия в экономике всей Европы» [6. С. 121]. Серьезным методологическим недостатком работы Б.Б. Кафенгауза рецензент называет отсутствие «обстоятельного исто-

риографического введения… в обзоре противоречащие друг другу работы поставлены автором в один ряд». По мнению рецензента, в работе не раскрыты в полной мере предпосылки развития российской промышленности XVIII в. Также нарекание автора рецензии вызывает то, что «автор не дает ответа на вопрос о том, за счет каких источников финансировалось это строительство и как создавались капиталы Демидовых, не раскрывает процесса закрепощения рабочих на демидовских заводах… в книге нет анализа экономического положения рабочих» [6. С. 122]. Упущением автора работы рецензент называет и то, что в книге не была освещена такая форма социального протеста, как массовое бегство рабочих с заводов, а также борьба Демидовых с соседними предприятиями за леса и рабочую силу. В завершение своего отзыва рецензент приходит к сокрушительному для Б.Б. Кафенгауза выводу: «автор подменяет научный анализ исторического материала описанием фактов, игнорирует ряд важных историко-экономических проблем. Работа во многом не отвечает требованиям, предъявляемым к историко-экономическому исследованию» [6. С. 123]. Ф.Я. Полянский в своем отзыве высказывает упрек в адрес других историков (в частности Н.И. Павленко, чью рецензию в силу ограничения на объем статьи мы рассматривать не станем), писавших рецензии на труд Кафенгауза. Суть упрека в том, что авторы этих рецензий уделяли преимущественное внимание формальным недостаткам книги и незначительным ошибкам, обходя стороной серьезные недостатки рассматриваемой монографии.

Последнюю рецензию, которую мы разберем, написал К.В. Сивков (1882–1959), который был одним из официальных оппонентов на диссертационном диспуте Б.Б. Кафенгауза в 1946 году [7]. По словам рецензента, «автор книги показывает на большом материале и господство Урала в металлургии XVIII в. не только в России, но и отчасти и в Европе, и переход тульских промыслов на Урал, и фигуру выдающегося тульского кузнеца Демидова, и кабальное положение уральского рабочего, и технический уровень уральской промышленности, и ее оторванность от центра России» [7. С. 102]. Положительно рецензент отзывается о структуре книги, которая имеет стройный и логичный вид. Основным достоинством работы стало то, что «автор проследил связь мануфактуры XVII в. с первыми уральскими заводами и доказал, что уральские заводы не являлись простой пересадкой на Урал западноевропейской техники и организации, они выросли из предшествующей стадии развития русских ма-

нуфактур и ремесел» [7, С. 103] К недостаткам работы «надо отнести слабый показ развития техники металлургии в XVIII веке… хотелось бы видеть больше фактических данных в главе XII – «Рабочие демидовских заводов», где не охарактеризованы условия труда, жилищные условия, заработная плата» [7. С. 103]. Рецензент выразил сожаление, что процесс закрепощения рабочей силы не получил должного освещения. Так же как и в предыдущих рецензиях, которые мы разбирали, отмечается отсутствие собственного мнения Кафенгауза по поводу экономической природы русской мануфактуры.

Подводя некоторые итоги, мы можем сказать, что труд Б.Б. Кафенгауза вызвал живой интерес в академическом сообществе, о чем свидетельствует общее количество рецензий (согласно библиографии Б.Б. Кафенгауза, опубликованной в сборнике, приуроченном к его 70-летию, их насчитывали 9). Делаем вывод, что все рецензенты, невзирая на те недостатки, которые они увидели (порой, на их взгляд, весьма серьезные) в рецензируемой работе, признают, что этот текст стал в целом удачной попыткой (мы бы добавили, первой серьезной попыткой) показать развитие частной промышленности России XVIII века на примере заводского комплекса Демидовых.

Разобранные выше рецензии, которые являются важными историографическими источниками, позволили нам увидеть реакцию академического сообщества на публикацию монографии Б.Б. Кафенгауза. Мы надеемся, что фигура этого историка и его творческое наследие получат со временем полноценное освещение в нашей историографии. Юбилейная дата выхода знакового в его биографии труда – еще один повод заострить внимание специалистов на этой персоне.

Литература

1. *Павленко Н.И.* Творческий путь Б. Б. Кафенгауза // Абсолютизм в России (XVII–XVIII вв.). – М., 1964. – С. 3–12.

2. *Преображенский А.А.* К 100-летию со дня рождения Б.Б. Кафенгауза // Историк об историках России XX столетия. – М.: Русское слово, 2000. – С. 146–160.

3. *Черепнин Л.В.* Б.Б. Кафенгауз – историк и источниковед // Археографический ежегодник за 1970 год. – М., 1971. – С. 195–201.

4. *Кафенгауз Б.Б.* Моя работа над диссертациями // История СССР. –1962. – № 3. – С. 106–115.

5. *Панкратова А.М.* [Рецензия] // Вопросы истории. –1950. – № 8. – С. 117–121.

6. *Полянский Ф.Я.* Серьезные недостатки в книге по истории русской мануфактуры // Вопросы экономики. – 1951. – № 11. – С. 121–123.

7. *Сивков К.В.* [Рецензия] // Советская книга. – 1950. – № 4. – С. 101–104.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/43

УДК: 9.93/94

Д.Н. Белянин

ПРОБЛЕМА АГРАРНОГО КРИЗИСА РОССИИ ПОРЕФОРМЕННОГО ПЕРИОДА В ТРУДАХ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Аннотация. *В отечественной историографии середины – второй половины XX в. аграрный кризис понимался историками как следствие сохранения в стране помещичьего землевладения. Такая узкая трактовка аграрного кризиса не позволяла в полной мере раскрыть истоки кризисных явлений в пореформенной России. На современном этапе исследователи значительно расширили рамки этой темы. В статье анализируются современные подходы и трактовки понятия «аграрный кризис».*

Ключевые слова: *аграрный кризис, пореформенная Россия, аграрная история России.*

На рубеже XX–XXI вв. отечественные историки стали активно исследовать малоизученные и дискуссионные темы в истории России. Некоторые темы подвергаются ревизии, предпринимаются попытки их исследовать в контексте немарксистских научных подходов. Одной из таких тем является аграрный кризис в России пореформенного периода.

Отказ от марксистских догматических установок позволил современным историкам значительно шире представить проблему аграрного кризиса в своих трудах. Некоторые историки стали трактовать «аграрный кризис» как результат действия рыночных механизмов российской и мировой экономики. К числу таких исследователей можно отнести И.Н. Слепнева и С.В. Беспалова. И.Н. Слепнев справедливо отметил, что существует несколько интерпретаций термина «аграрный кризис». Во-первых, аграрный кризис понимается как кризис перепроизводства сельскохозяйственной продукции. Во-вторых, под аграрным кризисом подразумеваются негативные явления в сельском хозяйстве, возникающие в результате природных

явлений (засуха, заморозки, обильные дожди и переизбыток влаги и т.п.) или нашествия вредителей, болезней растений и пр. В-третьих, аграрный кризис трактуется как рост крестьянского малоземелья, подъем крестьянского движения и т.д. Сам автор акцентировал исследование аграрного кризиса в пореформенной России в контексте рыночных аспектов. Кризис он связал со снижением доходности аграрного сектора, стагнацией и ростом убыточности сельскохозяйственного производства вследствие падения цен на его продукцию. При этом аграрный кризис в России рассматривается автором как составная часть мирового аграрного кризиса [1. С. 153–156].

С.В. Беспалов также связывает аграрный кризис в России с падением мировых и внутренних цен на зерновые, считает такое снижение цен одним из факторов кризиса [2. С. 119–139]. Однако при этом он отмечает, что падение цен на сельскохозяйственную продукцию можно считать лишь непосредственной причиной кризиса, а не его фундаментальной основой [3. С. 309]. С этим мнением можно согласиться, так как кризисные явления в российском сельском хозяйстве проявлялись безотносительно к колебаниям цен на зерно на внутреннем и внешнем рынках. На каком-то этапе такие ценовые колебания, конечно, могли стать катализатором проявления аграрного кризиса или обострить его, усилить негативный эффект, но истоки аграрного кризиса, на наш взгляд, были значительно глубже.

Более развернутый и глубокий анализ причин и сущности аграрного кризиса дал известный историк-аграрник В.Г. Тюкавкин. В фундаментальной работе «Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа» он рассматривал кризисные явления в аграрном секторе России в контексте причин Столыпинских реформ. Показателями кризиса он считал аграрное перенаселение в российской деревне, уменьшение средних душевых наделов крестьян и тормозящее влияние поземельных прав общины, которая препятствовала рациональной организации крестьянских хозяйств (мелкополосица, дальноземелье, принудительные севообороты). С общинными переделами были связаны невозможность внесения удобрений, хищническое истощение почвы [4. С. 54, 63, 79, 174–175]. Близкую трактовку аграрного кризиса дал О.Г. Вронский, отмечавший абсолютное преобладание трехполья в крестьянских хозяйствах земледельческого центра (по этой причине 32–33 % пашни ежегодно пропадало под паром), низкий уровень сельскохозяйственной техники и невысокую производительность крестьянских хозяйств. Также кри-

зисные явления автор связал с общиной, которая оказывала отрицательное воздействие не только на характер агротехники (принудительный севооборот, чересполосица, регламентация сроков сельхозработ и пр.), но и формировала у крестьян особый менталитет, основанный на традиционалистских установках [5. С. 7, 9, 15]. Похожее понимание проблемы аграрного кризиса представлено в диссертации И.В. Скрябина [6. С. 16–18]. М.М. Есикова также связывает аграрный кризис с обострением демографической ситуации, следствием чего стало аграрное перенаселение, малоземелье, избыток рабочих рук. Причем прирост населения опережал рост посевных площадей. Показателем кризиса автор считает хроническую недостаточность питания основной массы крестьянства. Также кризис был связан с использованием почти половиной крестьянских дворов устаревших орудий, передельно-общинным землепользованием с неправильной организацией территории, принудительным севооборотом и экстенсивным производством. Временное пользование землей (в передельных общинах) формировало у крестьян хищнические приемы эксплуатации земли. Таким образом, аграрный кризис – это невозможность дальнейшего развития по экстенсивному пути. Отчасти аграрный кризис был результатом действий самих крестьян: в борьбе с аграрным перенаселением крестьянство стало расширять пашни за счет других угодий (выгонов, сенокосов, лугов), что привело к эрозии почвы, ее истощению, заиливанию рек, наступлению песков, появлению оврагов и пр. Преградой для интенсификации сельскохозяйственного производства был и крестьянский хозяйственный консерватизм [7. С. 230–233]. В своей массе крестьяне не были готовы к более интенсивному ведению хозяйства, боялись нововведений, предпочитали традиционные методы ведения хозяйства. Сказывался и низкий уровень образования, и господствовавшие религиозно-моральные установки [8. С. 5–6].

Заметим, что аргумент о хроническом недостатке питания у крестьян разделяют не все современные историки [9. С. 83–95]. А вот вывод о патриархальном мышлении крестьян и ориентации на традиционные методы хозяйствования подтверждается специальными исследованиями по этому вопросу [10. С. 21].

Нельзя обойти вниманием во многом схожие точки зрения Н.Л. Рогалиной и М.А. Давыдова. Н.Л. Рогалина считает, что в пореформенной России в сельском хозяйстве имел место экономический рост (и подтверждает это некоторыми макроэкономическими

показателями), однако не отрицает и кризисных явлений в сельском хозяйстве: преобладание натурального хозяйства с неправильной организацией территории, принудительным севооборотом, экстенсивным производством, передельно-общинным землепользованием [11. С. 10–12]. Апелляция Н.Л. Рогалиной к увеличению в пореформенной России производства продукции аграрного сектора, общих показателей потребления на душу населения сельскохозяйственной продукции и наращиванию зернового экспорта, на первый взгляд, ставит под сомнение степень остроты аграрного кризиса в России. Заметим, что не все историки считают макроэкономические показатели убедительным аргументом, свидетельствующим о динамичном развитии аграрного сектора пореформенной России. Так, О.А. Сухова не считает, что такие показатели всегда объективно отражают положение основной массы населения, которое вело хозяйство в условиях сохранения традиционной агрикультуры, экстенсивного земледелия и рутинной техники [12. С. 302].

Н.Л. Рогалина справедливо отметила, что аграрное перенаселение в России в пореформенный период было закономерным явлением при росте населения и ограниченности территории, и в связи с исчерпанием ресурсов для экстенсивного развития наступил кризис. Убедительным, на наш взгляд, выглядит вывод автора, что для преодоления аграрного кризиса было необходимо не увеличение крестьянских наделов за счет дополнительного наделения землей, а способность поднять уровень производства. Справедливым представляется и утверждение, что аграрное перенаселение было вызвано отнюдь не помещичьей и кулацкой эксплуатацией [11. С. 17–18].

М.А. Давыдов также, с одной стороны, признает факт кризиса в российской деревне, связывает этот кризис с существованием передельной общины, которая в пореформенный период осуществляла над рядовыми ее членами гнет, сопоставимый с феодальным [13. С. 7–9]. Эта община искусственно поддерживалась государством как инструмент, якобы обеспечивавший крестьянам прожиточный минимум, а на деле усиливший пролетаризацию деревни и тормозивший прогресс в аграрной сфере [14. С. 38]. Выбранный государством вектор на поддержку общины привел в конце XIX в. к аграрному кризису, показав свою неэффективность. Концентрированным выражением этого кризиса стали участившиеся неурожаи и голод 1891 г. Для крестьянина-общинника было характерно хищническое отношение к своему временному земельному наделу. Особенно это

касалось кормовых угодий – лугов и сенокосов, переделявшихся ежегодно в преобладающем большинстве общин. Луга и сенокосы были лишены обыкновенно какого бы то ни было ухода, заболачивались, заносились песком и т.п. [15. С. 708–711]. Одной из непосредственных причин аграрного кризиса М.А. Давыдов считает слабую агрономическую помощь крестьянам со стороны земств во второй половине XIX в. [16. С. 452–460]. Однако он считает несостоятельными такие показатели аграрного кризиса, как накопление крестьянами многомиллионных недоимок [17. С. 34–36] и тенденцию оскудения значительной части российского крестьянства [18. С. 168–176]. Аргументация точки зрения М.А. Давыдова заслуживает внимания. Он отметил, что в 1897 г. основная доля недоимок была в 18 губерниях (93,9% недоимок по окладным платежам и 95,1% по выкупным) и «лидерами» были губернии с общинной формой землевладения, отличавшиеся при этом богатой и плодородной почвой. Далее М.А Давыдов обращает внимание на отсутствие прямой связи между накоплением недоимок и крестьянским малоземельем. Более того, автор даже отметил, что самые многоземельные уезды в числе главных недоимщиков встречаются куда чаще самых малоземельных [19. Т. 2014–15. С. 85–87, 89–103, 106–122].

Похожие аргументы представлены в трудах Б.Н.Миронова. С одной стороны, автор отмечает в России в пореформенный период факт аграрного перенаселения и, как следствие, кризис системы хозяйства (речь, видимо, о трехполье. – *Д.Б.*) [20. Т. 1. С. 27]. С другой стороны, Б.Н. Миронов не считает недоимки показателем неплатежеспособности крестьянства [21. С. 138–139], на основе анализа макроэкономических показателей делает вывод, что сельскохозяйственное производство в 1881–1905 гг. опережало рост населения, улучшилось питание крестьян – с 1885–1889 по 1897–1901 гг. количество зерна, оставляемого крестьянами для личного потребления, в стоимостном выражении выросло в 1,51 раза, а сельское население за тот же период – в 1,17 раза [22. С. 155–156].

Нельзя обойти вниманием точку зрения известного российского историка Л.В. Милова. Хотя он придавал большое значение природно-географическому и климатическому факторам, но при этом считал, что кризис был порожден иными причинами. Аграрная реформа 1861 г. сохранила архаичную общинную форму землепользования и способствовала удержанию огромных масс крестьянского населения на земле, при этом законы капитализма стимулировали расслоение

крестьянства, что привело к созданию огромного слоя безлошадных и однолошадных дворов. Эта социальная дифференциация дополнялась проблемой нарастания крестьянского малоземелья при сохранении дворянских латифундий [23. С. 571–572].

Таким образом, в современной историографии существует несколько разных трактовок термина «аграрный кризис» и несколько взглядов на причины его возникновения, на его характер и проявления. Многие аспекты, относящиеся к проблеме аграрного кризиса, носят в настоящий момент дискуссионный характер. На наш взгляд, наиболее перспективными представляются те подходы историков, в рамках которых аграрный кризис рассматривается как системный кризис. Это был кризис, где тесно переплетались демографический аспект (аграрное перенаселение), социально-экономический (община с ее передельно-распределительным аппаратом) и агрикультурный (кризис экстенсивной трехпольной системы).

Литература

1. *Слеппев И.Н.* К вопросу о сущности аграрного кризиса в России // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – 2013. – № 1. – С. 153–161.

2. *Беспалов С.В.* Падение хлебных цен как фактор аграрного кризиса России конца XIX века и как вызов бюрократической элиты // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – 2013. – № 1. – С. 129–139.

3. *Беспалов С.В.* Причины и характер аграрного кризиса в Центрально-Европейской России в восприятии российской бюрократии на рубеже XIX–XX вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – 2012. – № 1. – С. 306–315.

4. *Тюкавкин В.Г.* Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. – М. : Памятники исторической мысли, 2001. – 303 с.

5. *Вронский О.Г.* Крестьянство и власть (1900–1923). – Тула: Рарус, 1993. – 138 с.

6. *Скрябин И.В.* Крестьянская поземельная община «оскудевающего центра» России в контексте модернизационных процессов 2-й половины XIX – начала XX века (на примере Тульской губернии): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Саратов, 2013. – 25 с.

7. *Есикова М. М.* Аграрный кризис конца XIX – начала XX века // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2009. – № 3(27). – С. 230–233.

8. *Есикова М.М.* Аграрная культура крестьянских хозяйств России в конце XIX – начале XX вв. : факторы и динамика эволюции // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – № 4. – С. 5–7.

9. *Миронов Б.Н.* Достаточно ли производилось пищевых продуктов в России в начале XX в.? // Уральский исторический вестник. – 2008. – № 3(20) – С. 83–95.

10. *Назаров А.А.* Массовое сознание русского крестьянства в 1905–1917 гг. (на материалах Северо-Запада России) : автореф. дис. … канд. ист. наук. – СПб., 2009. – 23 с.

11. *Рогалина Н.Л.* Аграрный кризис в российской деревне начала XX века // Вопросы истории. – 2004. – № 7. – С. 10–22.

12. *Сухова О.А.* Проблема «оскудения земледельческого центра России» в историографии и крестьянском сознании // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – 2012. – № 1. – С. 299–306.

13. *Давыдов М.А.* Крепостническое мышление российского пореформенного общества и уравнительно-передельная община (к постановке проблемы) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2013. – № 1. – С. 5–19.

14. *Давыдов М.А.* О проблемах российской модернизации // Российская история. – 2018. – № 3. – С. 33–44.

15. *Давыдов М.А.* Всероссийский рынок в конце XIX – начале XX вв. и железнодорожная статистика. – СПб. : Алетейя, 2010. – 832 с.

16. *Давыдов М.А.* Очерки аграрной истории России в конце XIX – начале XX вв. (По материалам транспортной статистики и статистики землеустройства). – М. : Издательский центр РГГУ, 2003. – 568 с.

17. *Давыдов М.А.* Проблема крестьянских недоимок // Родина. – 2014. – № 4. – С.34–36.

18. *Давыдов М.А.* К вопросу о потреблении населения России в конце XIX – начале XX века // Российская история. – 2009. – № 2. – С. 168–176.

19. *Давыдов М.А.* Земля и подать в пореформенной России: зависели ли платежи и недоимки от площади крестьянских наделов? // Экономическая история: ежегодник. – 2016. – Т. 2014–15. – С. 83–151.

20. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империализма (XVIII – начало XX вв.): в 2 т. – 2-е изд., испр. – СПб. : Дмитрий Булавин, 2000.

21. *Миронов Б.Н.* Жизненный уровень населения России в конце XIX – начале XX века. Ч . II // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. – 2009. – № 2. – С. 134–147.

22. *Миронов Б.Н.* Жизненный уровень населения России в конце XIX – начале XX века // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2005. – Серия 2. – Вып. 4. – С. 149–159.

23. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. – 2-е изд., доп. – М. : РОССПЭН, 2006. – 566 с.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/44

УДК: 930 (57) "15/19"

Д.А. Ананьев

ИСТОРИЯ СИБИРСКОЙ КАТОРГИ И ССЫЛКИ (2-Я ПОЛ. XIX – НАЧАЛО XX В.) В РАБОТАХ АНГЛО- И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Аннотация. *Анализируются основные работы англо-американских и немецких исследователей, посвященные истории сибирской каторги и ссылки в «позднеимперский период». Установлено, что современные западные специалисты, активно работающие в российских архивах и использующие теоретический и методологический инструментарий «новой социальной и культурной истории», стремятся к пересмотру устоявшихся концепций, предлагают собственные оценки состояния пенитенциарной системы Сибири в дореволюционный период.*

Ключевые слова: *Сибирь, Дальний Восток, западная историография, ссылка, каторга.*

На рубеже XIX–XX вв. за пределами России в массовом сознании утвердился взгляд на Сибирь как регион, населенный преимущественно ссыльными и каторжными и колонизованный, прежде всего, их усилиями. Как замечает современный немецкий историк Д. Дальманн [1], «печальной славе» Сибири как места каторги и ссылки способствовали воспоминания бывших политических ссыльных, труды представителей «либеральной общественности», а также в немалой степени работы американского журналиста Дж. Кеннана (1845–1924). Парадоксально, но в начале своей карьеры Дж. Кеннан искренне восхищался Россией и Сибирью. В одной из своих ранних публикаций он утверждал, что описания наиболее мрачных сторон жизни заключенных и ссыльных в Сибири, приведенные, например, в трудах С.В. Максимова или британского журналиста Ю.К. Гренвилла Мюррэя, имели свои аналоги в истории американских тюрем [2]. Дж. Кеннан писал: «Если мы по этой причине не называем аме-

риканское или британское правительство варварским или жестоким, то не следует этого говорить и о России» [2. P. 58].

Такого рода высказывания вызывали многочисленные критические отзывы в западной прессе, заставившие журналиста уделить данному вопросу более пристальное внимание. По возвращении из очередной поездки в Россию, совершенной в середине 1880-х гг., Дж. Кеннан превратился в одного из последовательных критиков системы каторги и ссылки, перестав проводить сравнения с ситуацией в американских тюрьмах. После 1917 г. Дж. Кеннан и его сторонники вновь подверглись критике за необъективность — теперь со стороны тех исследователей, кто сравнивал карательную политику царской и Советской России и считал последнюю значительно более суровой.

В XX в., несмотря на существовавший в странах Запада общественный и научный интерес к вопросам, связанным с историей сибирской каторги и ссылки, специальные работы, написанные по данной теме профессиональными историками, появлялись редко. В 1980 – начале 1990-х гг. единственным представителем англоязычной историографии, посвятившим сибирской ссылке ряд специальных исследований, оказался британский историк Алан Вуд [3, 4]. Не имея свободного доступа к архивным материалам, хранившимся в СССР, А. Вуд активно использовал сведения из дореволюционных изданий и работ советских историков. В отличие от Д. Дальмана, А. Вуд доказывал, что мрачная репутация Сибири как места каторги и ссылки вполне оправданна, будучи «прочно укорененной в суровой исторической реальности и зачастую невыразимых страданиях ссыльного населения» [3. P. 395].

С конца 1990-х гг. проблемами «исторической пенологии» на материале Сибири и Дальнего Востока занимается американский историк Эндрю Гентес, защитивший в 2001 г. диссертацию в Университете Брауна (шт. Род-Айленд) [5]. Его работа – первое в англоязычной историографии исследование, охватывающее всю дореволюционную историю сибирской ссылки, т.е. с конца XVI в. до 1917 г. По заключению историка, отмена некоторых видов ссылки в 1900 г. не была проявлением прогрессивности царского правительства. Скорее, она соответствовала общему вектору его политики, направленной на усиление репрессивных функций полиции, которые оказались наиболее востребованными после подавления революции 1905 г. Используя ссылку в таких огромных масштабах, царизм сеял

семена своего собственного разрушения, «разжигая в сердцах ссыльных жажду мести» и одновременно допуская такую степень самоорганизации революционеров, что тем в итоге удалось отправить «на свалку истории» сам царский режим.

В 2016 г. британская исследовательница Сара Бэдкок (Университет Ноттингема) опубликовала монографию, посвященную истории ссылки в Восточную Сибирь в 1905–1917 гг. Следуя в русле новых научных направлений – «истории эмоций, наказания, боли и болезней», автор видела главной своей задачей изучение субъективного «живого опыта» и анализ «личностных, человеческих и эмпатических аспектов», связанных с пребыванием в ссылке. По заключению С. Бэдкок, рассмотренный ею «калейдоскопический» и «пестрый» жизненный опыт людей, прошедших сибирскую ссылку и каторгу, являет собой образец человеческой стойкости, упорства и умения адаптироваться к любым условиям [6. P. 178].

В монографии современного английского исследователя Дэниэла Бира подчеркивается, что система ссылки играла центральную роль в колонизации Сибири, особенно если принять во внимание, что только в 1801–1917 гг. за Урал сослали более 1 млн чел. В то же время непрерывно растущий поток ссыльных создавал все больше проблем и превращался в препятствие на пути эффективного развития региона [7]. Несколько глав своей книги Д. Бир посвятил анализу положения политических ссыльных в Сибири в конце XIX – начале XX вв. По заключению автора, если в 1880–1890-х гг. революционеры апеллировали к суду общественного мнения, то в годы Первой русской революции они выступали в роли исполнителей приговора, вынесенного этим судом. Период «политической реакции», наступивший после поражения революции 1905 г., предопределил судьбу самодержавия – его триумф был кратковременным. В 1917 г. революция разрушила систему ссылки, добившейся столь малого за столь колоссальную цену.

История сибирской каторги и ссылки освещается и в современной немецкой историографии. Так, в 2007 г. в издательстве Института Восточной Европы в Мюнхене увидела свет небольшая работа выпускника Университета Цюриха Маркуса Акерета, посвященная политкаторжанам, отбывавшим наказание в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке [8]. По признанию рецензентов, работа М. Акерета заставляет задуматься о проблеме сопоставления мемуарной литературы с архивными источниками, позволяющими получить представление о тех аспектах тюремной повседневности (смертность, кон-

фликты между группами заключенных и др.), которые отсутствуют в мемуаристике.

Особое внимание западные исследователи уделяют вопросам истории сахалинской каторги. Одним из первых к изучению данной темы обратился известный американский историк, сотрудник Гавайского университета Дж. Стефан. Три десятилетия (с 1875 по 1905 г.), в течение которых Сахалин безраздельно принадлежал царской России, автор называет «мрачным периодом» в его истории, в течение которого надежды сменились разочарованием, во многом из-за «фатально ошибочного расчета на то, что развитие экономики острова можно обеспечить трудом заключенных» [9. P. 67]. Э. Гентес, Д. Бир, М. Акерет посвятили данной теме специальные разделы своих исследований, выясняя причины возникновения и ликвидации сахалинской каторги; изучая планы и проекты, связанные с освоением Сахалина; анализируя состав ссыльнокаторжного населения. Американская исследовательница Ш. Коррадо проследила, как менялось общественное восприятие штрафной колонии, рассматривая историю Сахалина в более широком историческом контексте «русского империализма» и «модерна» [10]. По мнению историков, неудачу штрафной колонизации Сахалина предопределили, в первую очередь, хаотичные и малоэффективные действия властей.

Все более пристальное внимание в работах англо-американских исследователей уделяется гендерной проблематике. Западные специалисты применяют теоретико-методологический аппарат таких междисциплинарных научных направлений, как «история женщин» и «история семьи». Призывая «услышать голос» основной массы «рядовых» уголовных и административных ссыльных («история снизу»), Э. Гентес, Д. Бир, С. Бэдкок в своих работах показали изменения, происходившие в пенитенциарной системе Сибири, в том числе через повседневную жизнь ссыльных женщин и членов их семей; сопоставили правовой статус и фактическое положение женщин, отправленных в Сибирь как по решениям судов, так и во внесудебном порядке. Э. Шредер анализировала действия столичных и местных властей, направленные на укрепление института семьи и гендерной иерархии как оплота патриархального государства, и проследила, как менялись гендерные нормы и отношения в условиях сибирской ссылки [11]. Биографии известных деятельниц революционного движения, оказавшихся в сибирской ссылке, изучали Ф. Десинд [12] и К. Тертон [13].

В целом в современной англо- и германоязычной историографии, посвященной дореволюционной истории Сибири, заметен все возрастающий интерес к вопросам истории каторги и ссылки; всесторонне исследуется их роль как инструментов карательной и колонизационной политики государства. Плодотворная работа в российских архивах позволила западным историкам существенно расширить источниковую базу своих исследований. Наряду с архивными документами (делопроизводственными материалами, связанными с деятельностью пенитенциарных учреждений) они широко привлекают источники личного происхождения (воспоминания, дневники, письма ссыльных).

Следуя в парадигме «новой социальной и культурной истории», современные англо-американские и немецкие исследователи предлагают собственные оценки государственной политики в сфере исполнения наказаний; прослеживают изменения общественных представлений о каторге и ссылке; характеризуют особенности применения наказаний и положение различных категорий ссыльного населения в Сибири и на Дальнем Востоке. Многое сближает работы западных авторов с современной российской историографией, в частности повышенный интерес к историко-правовой проблематике, вопросам истории уголовной ссылки и каторги, а также стремление показать неразрывную связь пенитенциарных институтов с процессами общественно-политического, социокультурного и хозяйственного развития Азиатской России в дореволюционный период.

Литература

1. *Dahlmann D.* Sibirien. Vom 16 Jahrhundert bis zur Gegenwart. Paderborn: Schöningh, 2009. – 438 s.

2. *Kennan G.* Siberia. The Exiles' Abode // Journal of the American Geographical Society of New York. Vol. 14. 1882. P. 13–68.

3. *Wood A.* Administrative Exile and the Criminals' Commune in Siberia // Land Commune and Peasant and Peasant Community in Russia: Communal Forms in Imperial and Early Soviet. Ed. Roger Barlett. New York: St. Martin's Press, 1990. P. 395–414.

4. *Wood A.* Russian «Wild East»: Exile, Vagrancy, Crime in Siberia, XIX c. // The History of Siberia. From Russian Conquest to Revolution. Ed. by A. Wood. – London: Routledge, 1991. P. 117–137.

5. *Gentes A.* Roads to Oblivion: Siberian Exile and the Struggle Between State and Society in Russia, 1593–1917. A Dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of doctor of philosophy in the department of history at Brown University. Providence, Rhode Island. 2002. – 591 p.

6. *Badcock S.* A Prison without Walls: Eastern Siberian Exile in the Last Years of Tsarism. Oxford: Oxford University Press, 2016. – 195 p.

7. *Beer D.* The House of the Dead: Siberian Exile under the Tsars. London: Penguine Books, 2017. – 487 p.

8. *Ackeret M.* In der Welt der Katorga: Die Zwangsarbeitsstrafe für politische Delinquenten im ausgehenden Zarenreich (Ostsibirien und Sachalin). München: Osteuropa-Institut München, 2007. – 166 S.

9. *Stephan J.* Sakhalin. A History. Oxford: Clarendon Press, 1971. 240 p.

10. *Corrado Sh.M.* The "End of the Earth": Sakhalin Island in the Russian Imperial Imagination, 1849–1906. Ph.D. diss.... University of Illinois at Urbana-Champaign, 2010. Urbana, Illinois. – 189 p.

11. *Schraeder A.* Unruly Felons and Civilizing Wives: Cultivating Marriage in the Siberian Exile System, 1822–1860 // Slavic Review. – 2007. – Vol. 66, No. 2 (Summer). – P. 230–256.

12. *Desind Ph.* Jewish and Russian Revolutionaries Exiled to Siberia, 1901–1917. Lewiston: Edward Mellen Press, 1991. – 494 p.

13. *Turton K.* Keeping it in the family: surviving political exile, 1870–1917 // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. – 2010. – Vol. 52, No. 3/4. – P. 391–415.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/45

УДК: 271.2+070.1

К.А. Кузоро

ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКАЯ КОРПОРАЦИЯ ЦЕРКОВНЫХ ИСТОРИКОВ ВЫСШЕЙ ДУХОВНОЙ ШКОЛЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XXI В.[1]

Аннотация. *Исследование посвящено изучению эволюции взглядов церковных и светских историков второй половины XIX – начала XXI в. на профессорско-преподавательскую корпорацию высшей духовной школы. Рассмотрены основные направления и ключевые вопросы исследований: организация научного и педагогического процессов; проведение и результаты образовательных реформ; биографии представителей духовно-академической среды; корпоративная культура научных школ и т.д.*

Ключевые слова*: церковная историческая наука, историография, православные духовные академии, корпоративная культура, научная школа.*

Вопросы духовного образования в отечественной историографии стали разрабатываться с 1850–1860-х гг., что было обусловлено подготовкой и проведением образовательных реформ в правление Александра II. В дореволюционный период изучение деятельности духовных академий ограничивалось рамками самой же профессорско-преподавательской корпорации – именно ей принадлежала инициатива в постановке и исследовании научных проблем; в XX столетии эта тема привлекла внимание светских ученых. В данной статье на примере профессорско-преподавательской корпорации церковных историков рассмотрим, каким образом менялись подходы к изучению духовно-академической среды.

Важный вклад в разработку данной темы был сделан в трудах «История Санкт-Петербургской духовной академии» (1857)

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-78-00044).

И.А. Чистовича, «История Московской духовной академии до ее преобразования (1814–1870)» (1879) С.К. Смирнова, «Духовные школы в России до реформы 1808 г.» (1881) и «История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842–1870)» (1891–1892) П.В. Знаменского, «Киевская академия в первой половине XVIII столетия (новые данные, относящиеся к истории этой академии за указанное время)» (1903) Д.К. Вишневского, «Духовные школы в царствование императора Николая I» (1907) К.П. Дьяконова, «Духовная школа в России в XIX столетии» (1908–1909) Б.В. Титлинова и др.

Источниками для этих исследований послужили материалы из академических архивов и библиотек; архивов духовных консисторий, Св. Синода, монастырей, а также воспоминания преподавателей и студентов. Как правило, в работах был представлен впечатляющий объем фактического материала. В качестве приложений труды сопровождали списки ректоров, профессоров, инспекторов, почетных членов академий; биографические справки, перечни тем защищенных диссертаций, что представляет интерес и для современных исследователей. Но в то же время для большинства историков была свойственна идеализация жизни академий; работы носили описательный характер и не решали задачу анализа принципов и механизмов функционирования духовного образования.

Учеными был выработан собственный алгоритм исследования: хронологически выстроенная история академий рассматривалась с трех сторон – административной, материально-бытовой, учебно-воспитательной. Характеристика административного аспекта включала описание системы управления, изменений политики правительства по отношению к духовной школе, содержания уставов и проектов уставов учебных заведений. Изучение материально-технической базы включало характеристику академического бюджета; состояния принадлежащих академиям зданий; материального положения преподавателей и студентов. Исследование учебно-воспитательной деятельности было сосредоточено на вопросах приема учеников, их сословной принадлежности; изучаемых предметах, обеспеченности учебниками, распорядке дня, внеклассных занятиях. В отдельных трудах авторы останавливались на описании корпоративных традиций профессорско-преподавательского и студенческого сообществ, например, таких как диспуты, академические торжества в честь начала учебного года, проведение выпускных экзаменов, посещение

академий членами императорской семьи и т.д. [1. С. 176, 355–362; 2. С. 324−326].

Путь развития церковной исторической науки начал рассматриваться в дореволюционных духовных академиях и был продолжен историками и богословами в эмиграции после 1917 г. Среди исследований, освещающих историю развития и методологию церковной исторической науки, ее проблемы и перспективы, следует отметить такие, как «Краткий очерк хода развития церковно-исторической науки у нас в России» (1895) и «Взгляд на условия развития церковно-исторической науки у нас» (1907) А.П. Лебедева, «Краткий историко-критический очерк систематической обработки русской церковной истории» (1903) А.В. Карташева, «Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии» (1928) Н.Н. Глубоковского, «Пути русского богословия» (1937) Г.В. Флоровского. Эти работы отличаются серьезным анализом и стремлением представить единую концепцию развития русского богословия и церковной исторической науки. Исследователи рассматривают отдельные отрасли и направления церковной исторической науки (общая церковная история, русская церковная история, история старообрядчества и единоверия и др.), выделяют этапы ее развития. В центре внимания оказываются сформировавшиеся научные школы и их ведущие представители, методы и подходы к историческому исследованию, основополагающие труды.

В годы советской власти вопросы духовного образования затрагивались крайне редко и фрагментарно, как, например, в «Истории русской церкви» Н.М. Никольского (первое издание – 1930 г.), в коллективной монографии «Русское православие: вехи истории» (научный редактор А.И. Клибанов, 1989). Значительное внимание истории духовных академий, организации учебного процесса, издательской деятельности уделено в трудах по истории церкви И.К. Смолича [3] и Н.Д. Тальберга, созданных в эмиграции [4].

В связи с начавшейся в середине 1980-х гг. перестройкой и политической либерализацией общества наблюдались попытки пересмотра роли православной церкви в истории России. 1986 год был отмечен изданием двух сборников, посвященных юбилеям Московской и Ленинградской духовных академий [5, 6]. Авторами была проделана огромная работа по изучению дореволюционного опыта духовного образования и осмыслению его непростого положения в

советское время; введению в научный оборот наследия богословов, историков, философов.

Постсоветский период отличается многообразием издаваемых по истории и культуре православия научных, научно-популярных, публицистических изданий; значительным количеством защищенных диссертаций, проводимых конференций, форумов, семинаров.

Следует отметить интерес к биографиям церковных деятелей, в том числе и представителей духовно-академической среды. Научные статьи и монографии посвящены деятельности митрополитов Платона (Левшина) [7], Евгения (Болховитинова) [8], Филарета (Дроздова) [9]; А.В. Горского [10], А.П. Лебедева [11] и др. В качестве направлений биографических исследований авторами выделены: социальное происхождение, образование, материальное положение; место в церковной иерархии, политические воззрения, участие в общественной, научной, культурной жизни; характеристика источников, содержащих биографические материалы. В ряде исследований изучение биографий соединяется с глубоким осмыслением научного наследия историков [12, 13].

Немало работ посвящено изучению исторического пути и современного состояния как отдельных академий [14, 15], так и высшей духовной школы в целом. В монографии В.А. Тарасовой «Высшая духовная школа в России в конце XIX – начале XX века. История императорских православных духовных академий» (2005) проанализирована государственная и церковная политика в отношении духовного образования, охарактеризованы преподавательская и студенческая корпорации. Важный вклад в исследование духовного образования и русской богословской науки сделан профессором Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета Н.Ю. Суховой в работах: «Высшая духовная школа: проблемы и реформы (вторая половина XIX века)» (2006), «Русская богословская наука (по докторским и магистерским диссертациям 1870–1918 гг.)» (2012), «Система научно-богословской аттестации в России в XIX – начале XX в.» (2012) и др. В центре внимания автора – реформы в сфере духовного образования, их значение, результаты и последствия; организационное устройство академий; профессорско-преподавательский состав; взаимодействие с университетами и академией наук, высшей и епархиальной церковной властью.

Современными историками обращено внимание на научный потенциал различных исследовательских направлений, реализуемых в

отечественных академиях [16, 17]; а также на организацию православного духовного образования за рубежом [18].

В последние годы появляются работы, рассматривающие духовную школу как корпорацию преподавателей и студентов, которая обладает внутренней преемственностью основных педагогических установок, создает собственные ценности, культуру научного исследования, правила научной коммуникации и подготовки кадров [19−21]. Изучение диссертационных диспутов, научных кружков, периодических изданий, особенностей системы научного руководства позволяет проследить в истории и современности духовных академий эволюцию научных школ − коллективов, создававших и передававших новым поколениям традиции и нормы, практики взаимодействия, способы позиционирования в обществе.

Таким образом, для современного периода историографии свойственно разнообразие тематики, введение в научный оборот значительного количества источников. Обозначился переход от изучения конкретных вопросов к обобщающим исследованиям, выстраивающим целостную концепцию развития высшей духовной школы, изучающим формы и результаты ее деятельности в социокультурном контексте.

Литература

1. *Смирнов С.К.* История Московской духовной академии до ее преобразования (1814–1870). – М., 1879. – 632, XVI с.
2. *Вишневский Д.К.* Киевская академия в первой половине XVIII столетия (новые данные, относящиеся к истории этой академии за указанное время). – Киев, 1903. –372 с.
3. *Смолич И.К.* История русской церкви. 1700–1917 гг. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. Ч. 1. – 799 с.
4. *Тальберг Н.Д.* История русской церкви. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009. – 960 с.
5. *Богословские* труды. Юбилейный сборник. Московская духовная академия. 300 лет (1685–1985). – М.: Изд-во Московской патриархии, 1986. – 336 с.
6. *Богословские* труды. Юбилейный сборник, посвященный 175-летию Ленинградской духовной академии. – М.: Изд-во Московской патриархии, 1986. – 358 с.
7. *Бессарабова Н.В.* Мировоззрение и деятельность митрополита Платона (Левшина) // Вопросы истории. – 2008. – № 1. – С. 141−147.
8. *Чиркова Ю.Н., Шляпникова Е.А.* Евгений Болховитинов − ученый и архиерей // Вопросы истории. – 2000. – № 11−12. – С. 128−134.

9. *Яковлев А.И.* Митрополит Филарет (Дроздов) // Вопросы истории. – 2008. – № 10. – С. 24–41.

10. *Мельков А.С.* Жизненный путь и научное наследие протоирея А.В. Горского. – М.: Пашков дом, 2006. – 216 с.

11. *Дьяков А.В.* Фонд профессора Московской духовной академии А.П. Лебедева (№ 769) в ОР РГБ // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. – 2015. – № 3 (7). – С. 124–128.

12. *Осьмачко С.Г.* Н.Ф. Каптерев: историко-методологическое наследие и современность. – Ярославль: ЯГПУ, 2008. – 143 с.

13. *Солнцев Н.И.* «История русской церкви» Е.Е. Голубинского: теоретические основы и историографическое значение. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского гос. ун-та, 2010. – 194 с.

14. *Журавский А.В.* Казанская духовная академия на переломе эпох, 1884–1921 гг.: дис. … канд. ист. наук. – М., 1999. – 301 с.

15. *Шкаровский М.В.* Санкт-Петербургские духовные школы в XX–XXI вв.: в 2 т. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургской духовной академии, 2016. – 560, 512 с.

16. *Корнилов С.В.* Философская школа Московской духовной академии. – Калининград, 2006. – 264 с.

17. *Карпук Д.А.* Церковно-историческая школа Санкт-Петербургской духовной академии (вторая половина XIX − начало XX вв.) // Вестник Оренбургской духовной семинарии. – 2015. – № 2 (4). – С. 280–293.

18. *Цыпин В.* История русской церкви. 1917–1997 гг. – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – Кн. 9. – С. 619–622.

19. *Сухова Н.Ю.* Студенческие кружки в высшей школе (на примере православных духовных академий в России в 1890–1900-е гг.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2010. – № 13 (84), вып. 15. – С. 152–159.

20. *Лютько Е.И.* Роль митрополита Платона (Левшина) в становлении церковной корпоративности (рубеж XVIII–XIX вв.) // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. – 2019. – № 1 (25). – С. 116–133.

21. *Кузоро К.А., Бирюкова Д.А.* Формы научной коммуникации профессорско-преподавательского сообщества церковных историков второй половины XIX – первой четверти XX в. (на примере Московской духовной академии) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2019. – № 33. – С. 76–90.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/46
УДК: 930

Е.В. Шишкина

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТАРООБРЯДЦЕВ УРАЛА В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Аннотация. *Представлен краткий обзор работ отечественных исследователей, посвященных образовательной деятельности старообрядцев Урала в XIX – начале XX в. Автор анализирует труды дореволюционных, советских и современных исследователей и приходит к выводу, что при всем многообразии литературы степень изученности темы характеризуется слабостью и недостатком конкретной информации, касающейся региональных аспектов истории народного образования старообрядцев.*

Ключевые слова*: старообрядчество, историография старообрядчества, образование старообрядцев.*

Воспитание и образование во все времена составляло одну из важнейших сторон жизни старообрядцев: его уровнем определялась подготовка членов поповских и беспоповских общин, священнослужителей, наставников, решение актуальных для старообрядчества проблем. Литература, посвященная истории образовательной деятельности старообрядцев в России в целом и на Урале в частности, обширна и представлена трудами дореволюционных авторов, работами советского периода, исследованиями современных ученых.

Впервые тема воспитания и обучения детей старообрядцев была затронута во второй половине XIX века в работах митрополита Макария [1] и писателя-этнографа П.И. Мельникова [2]. Эти труды носили преимущественно обличительный и миссионерский характер. Исследователи связывали появление и распространение старообрядчества с отсутствием грамотности и просвещения в России, приходя к выводу о необходимости развития народного образования с целью окончательного искоренения раскола. Большую историческую ценность для изучения истории уральского старообрядчества представляет работа ректора Пермской семинарии архимандрита

Палладия (Пьянкова) [3]. Автор описывал традиции домашнего обучения старообрядцев, отмечал, что они «…воспитывают детей строго в духе раскола, с малолетства напитывая их ненавистию к Православной церкви» [3. С. 180].

Совершенно иной взгляд на поднятую проблему был представлен в работах А.П. Щапова [4], В.В. Андреева [5], Н.Н. Костомарова [6].. На основе анализа большого массива разнообразных исторических источников авторы отмечали высокий уровень грамотности в среде старообрядцев в сравнении с адептами господствующего вероисповедания, стремление старообрядцев к постоянному самообразованию. В.В. Андреев в работе «Раскол и его значение в народной русской истории» отмечал, что «представители раскола – самая трезвая, работящая, промышленная и грамотная часть нашего крестьянства» [5. С. 3].

Значимый вклад в изучение старообрядчества внес А.С. Пругавин. В своих трудах он давал описание существующих во второй половине XIX в. старообрядческих школ, характеризовал процесс обучения детей у мастеров и мастериц, приводил сведения о преследованиях властями учителей и закрытии нелегальных старообрядческих школ в Российской империи и на Урале в частности [7]. В работе другого дореволюционного исследователя П.С. Смирнова отмечалась важная роль женщины в старообрядчестве, на плечи которой были возложены задачи воспитания и обучения детей. Именно этот факт, по мнению автора, обусловил достаточно высокий уровень образования среди женщин-старообрядок [8].

В рамках классового подхода были написаны труды советских исследователей А.Е. Катунского [9], Ю.М. Ивонина [10], Ф.В. Миловидова [11]. Эти работы лишь опосредованно касались вопросов воспитания и образования детей старообрядцев. Ситуация начала меняться в 1970-е гг. и связана с началом обширных археографических исследований российского старообрядчества в целом и территорий Кировской, Пермской областей в частности. Теме книжного наследия и его роли в процессе воспитания и обучения детей уделялось внимание в работах И.В. Поздеевой [12], А.Г. Мосина [13], Е.А. Агеевой, Е.Б. Смилянской и др. [14].

В 1990-е гг. возрос интерес общества к духовной истории, что вылилось в издание большого количества работ, посвященных старообрядчеству. Следует отметить исследования В.В. Керова, рас-

сматривающего религиозное воспитание и грамотность в среде старообрядцев как важный фактор формирования их хозяйственного уклада. Автор дает яркую характеристику традиционных форм обучения детей мастерами и мастерицами в домашних нелегальных школах [15].

Предметом специального исторического исследования тема образовательной деятельности старообрядцев становится в работах М.М. Парийской [16], Г.В. Поташенко [17]. Авторы дают характеристику правовому положению старообрядцев в области народного образования, анализируют практические меры старообрядцев по организации процесса обучения в условиях свободы вероисповедания (1905–1917 гг.). Диссертационное исследование И.М. Севастьянова [18], посвященное образовательной деятельности старообрядцев Российской империи в 1905–1918 гг., представляет большую ценность, поскольку является первым комплексным исследованием данной темы. Автор проанализировал законодательное положение старообрядцев в области образования на протяжении XIX − начала XX в., ввел в научный оборот список старообрядческих школ, открытых в период свободы вероисповедания. Более узкому аспекту темы посвящены работы Д.А. Урушева [19], Р.А. Майорова [20] о деятельности Московского старообрядческого института и подготовке в его стенах педагогических кадров для старообрядческих училищ.

Региональные аспекты образовательной деятельности старообрядцев отражены в работах Е.И. Титовой [21] и В.В. Машковцевой [22] об образовательной деятельности старообрядцев Вятской губернии, И.В. Куприяновой о школах на Алтае [23]. В контексте изучения истории старообрядчества Урала некоторые аспекты темы образования старообрядцев в XIX – начале XX в. поднимаются в работах Е.С. Данилко (Южный Урал) [24], О.В. Ягудиной (Оренбургская губерния) [25], Ю.В. Боровик (Пермская губерния) [26]. Исследования дают общие представления об организации как нелегальных форм обучения в XIX в., так и об институционализации старообрядческого образования в 1905−1918 гг.

Подводя итог, можно отметить многообразие литературы, посвященной разным аспектам истории образовательной деятельности старообрядцев. Следует учесть тот факт, что работы дореволюционных авторов чаще всего носят описательный характер,

среди них преобладают исследования, преследующие миссионерские и обличительные цели. Труды советского периода лишь опосредованно касались поднятой темы, отсутствовали комплексные исследования. На современном этапе следует отметить возросший интерес исследователей к проблеме народного образования старообрядцев, предпринимаются успешные попытки создания работ, раскрывающих аспекты региональной истории старообрядчества, появляются первые комплексные исследования. Вместе с тем ряд работ отличает описательный характер, отсутствие обобщений и конкретной информации, невнимание к таким особенностям, как социальная и конфессиональная неоднородность старообрядчества.

Литература

1. *Макарий (Булгаков).* История русского раскола, известного под именем старообрядства. – СПб.: Тип. Королева и комп., 1855. – 367 с.
2. *Мельников П.И.* Исторические очерки поповщины. – М.: Унив. тип. Катков и К°, 1864. – 283 с.
3. *Палладий (Пьянков).* Обозрение Пермского раскола так называемого «старообрядства». – Санкт-Петербург: тип. Духовного журн. «Странник», 1863. – 277 с.
4. *Щапов А.П.* Опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола. – Казань: Издание книгопродавца И. Дубровина, 1859. – 547 с.
5. *Андреев В.В.* Раскол и его значение в народной русской истории. – Петербург: Тип. М. Хана, 1870. – 412 с.
6. *Костомаров Н.И.* История раскола у раскольников // Исторические монографии и исследования Николая Костомарова. Т. 12. – СПб.: Изд. Тип. А. Траншеля, 1872. – 465 с.
7. *Пругавин А.С.* Запросы народа и обязанности интеллигенции в области умственного развития и просвещения. – М.: Русская мысль, 1890. – 282 с.; *Он же.* Старообрядчество во второй половине XIX века. Очерки из новейшей истории раскола. – М.: Отдел. Типографии Т-ва И.Д. Сытина, 1904. – 280 с.
8. *Смирнов П.С.* Значение женщины в истории русского старообрядческого раскола. – СПб.: Типография А.П. Лопухина, 1902. – 24 с.
9. *Катунский А.Е.* Старообрядчество. – М.: Политиздат, 1972. – 120 с.
10. *Ивонин Ю.М.* Старообрядцы и старообрядчество в Удмуртии. – Ижевск: Удмуртия, 1973. – 24 с.
11. *Миловидов В.Ф.* Современное старообрядчество. – М.: Мысль, 1979. – 126 с.
12. *Поздеева И.В.* Книга – личность – община – инструменты воспроизводства традиционной культуры (30 лет изучения старообрядческих общин

Верхокамья) // Старообрядческий мир Волго-Камья: Проблемы комплексного изучения: мат-лы науч. конф. «Старообрядческий мир Волго-Камского региона и проблемы его комплексного изучения». Пермь, 25–26 октября 2001 г. – Пермь, 2001. – С. 7–30.

13. *Мосин А.Г.* Книжная культура и рукописная традиция русского населения Вятского края, XVII – середина XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. – Свердловск, 1986. – 292 с.

14. *Агеева Е.А., Кобяк Н.А., Круглова Т.А., Смилянская Е.Б.* Рукописи Верхокамья XV–XX вв.: Из собрания Научной библиотеки Московского университета имени М.В. Ломоносова. – Каталог. – М., 1994. – 459 с.

15. *Керов В.В.* «Се человек и дело его…»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. – М.: ЭКОН-ИНФОРМ, 2004. – 658 с.; *Он же.* Грамотность и конфессиональное образование староверов как фактор формирования массовой старообрядческой хозяйственной культуры в XVIII–XIX вв. // Государство и развитие образования в России XVIII— XX вв.: политика, институты, личности: материалы XIII Всерос. науч. конф. М.: РУДН, 2009. – С. 84–93.

16. *Парийская М.М.* Старообрядческая система образования в начале XX в. // Философско-исторические основы образования. – М., 2002. – С. 268–274.

17. *Поташенко Г.В.* Старообрядческое образование в начале XX в. 1-й Всероссийский съезд по народному образованию (Двинск, 1911) // Поморский вестник. – Рига, 2005. – № 4 (19).

18. *Севастьянов И.М.* Образовательная деятельность старообрядцев в период 1905-1918 годов: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2019. – 287 с.

19. *Урушев Д.А.* Опыт старообрядческого богословско-учительского института в Москве (нач. XX в.) // Традиции духовного образования в старообрядчестве: история, современность, перспективы. – Ржев, 2003. – С. 19–22.

20. *Майоров Р.А.* Московский старообрядческий институт и Московское старообрядческое духовное училище: сравнительный анализ опыта старообрядческого образования // Культура русских-липован в национальном и международном контексте: сборник докладов и сообщений Международного научного симпозиума ОРЛР. – Бухарест, 2013. – Вып. 6. – С. 305–311.

21. *Титова Е.И.* Взаимоотношения власти и старообрядчества в вопросе образования в XIX – XX вв: дис. … канд. ист. наук. – Нижний Новгород. 2012. – 245 с.

22. *Машковцева В.В.* Конфессиональная политика государства по отношению к просветительской деятельности старообрядцев (на материалах Вятской губернии второй половины XIX – начала XX в.) // Старообрядчество: история, культура, современность: материалы VII междунар. научно-практ. конф. – М., 2005. – Т. 1. – С. 117–124.

23. *Куприянова И.В.* Школьное дело в старообрядческих сообществах Алтая в конце XIX – начале XX века // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 5 (48). – С. 261–263.

24. *Данилко Е.С.* Старообрядчество на Южном Урале. Очерки истории и традиционной культуры. – Уфа: Гилем, 2002. – 219 с.

25. *Ягудина О.В.* Роль старообрядчества в общественно-религиозной жизни Оренбургского и Уральского казачества (вторая половина XIX – начало XX века) // Вестник Оренбургского государственного университета. – №5 (141), 2012. – С. 121–126.

26. *Боровик Ю.В.* Старообрядчество Урала и Зауралья на переломе эпох (1905–1921 гг.): дис. … канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2003. – 287 с.; *Она же.* Диалог, сотрудничество и конфронтация в религиозных обществах Российской провинции начала XX в. (по материалам I Всероссийского съезда старообрядцев часовенного согласия) // Studia Humanitatis. 2017. № 4. [http://sthum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/borovik.pdf, доступ от 25.08.2019].

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/47

УДК: 39+281.93

А.А. Стороженко

АВТОЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВА ТУВЫ В ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX – НАЧАЛА XXI в.

Аннотация. *Рассмотрены особенности складывания историографического ландшафта Тувы во второй половине XX – начале XXI в. Отмечено, что исследований, в которых затрагивалось старообрядчество в Туве, долгое время было немного и постановка вопросов не отличалась разнообразием. Автоэтнографическое описание отличалось на первом этапе отчетливо выраженной атеистической направленностью публикаций и полным отсутствием достаточно проработанных и в принципе не сформулированных серьезных задач. На рубеже XX и XXI столетий состоялся прорыв, в результате которого стало возможно более качественное и полное изложение основных результатов исследований в целом ряде научных публикаций.*

Ключевые слова: *автоэтнография, старообрядчество, Тува, историографический ландшафт.*

Историографический ландшафт в Туве складывался в общем русле его развития в национальных регионах Сибири – в условиях отсутствия письменности до 1931 г., системы образования, научно-исследовательских структур. Изучение тувинцев и других народов, отдельных социальных групп происходило спонтанно, в связи с исследованием общих процессов и частных интересов.

Исследований, в которых затрагивалось старообрядчество в Туве, долгое время было немного и постановка вопросов не отличалась разнообразием. К середине XX столетия, собственно к моменту вступления Тувы в состав Советского Союза, отдельные процессы и вопросы были частично рассмотрены в работах приезжих авторов – Ф.Я. Кона, Р.М. Кабо, П. Маслова.

Приезд на постоянную работу в связи с открытием Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, написание обобщающей «Истории Тувы» вызвали к жизни потребность в более предметном рассмотрении всех процессов, и старообрядчество не осталось незамеченным в работах Н.А. Сердобова, В.И. Дулова, В.А. Дубровского.

Особняком стоят труды академика Н.Н. Покровского, явившиеся результатом археографических экспедиций в места компактного проживания старообрядцев Тувы в 60-е годы XX в. Свой вклад также внесли Т.С. Мамсик и С.Е. Никитина.

Так случилось, что первыми по времени создания и собственно местными работами, как бы раскрывающими старообрядчество «изнутри», стали атеистические пропагандистские сборники и литературные произведения А.Ф. Емельянова и В.В. Бузыкаева. Они выходили в свет на протяжении долгих лет – с 60-х по 90-е годы – и пользовались спросом. В исследованиях тувинского историка Н.М. Моллерова о старообрядчестве в середине 80-х годов упоминается лишь в общем контексте переселенческого движения.

На современном этапе историографический ландшафт исследований старообрядчества значительно преобразился, «сделал рывок», по недавнему выражению Н.М. Моллерова. Прежде всего, в исследованиях М.П. Татаринцевой, освещающих различные аспекты истории и культуры старообрядчества. Она обратила свое внимание на старообрядчество тоже не сразу, а на почве сбора фольклора русского населения Тувы. В 2004 г. вышла ее первая автоэтнографическая монография «Старообрядцы в Туве», затем целая серия и предметных, и обобщающих статей.

Большинство работ отличает отсутствие целенаправленного подхода к изучению старообрядчества Тувы. Проведенный историографический анализ свидетельствует об изученности лишь отдельных аспектов истории, миграционной активности, хозяйственной деятельности старообрядцев, их субконфессиональной структуры и духовной культуры. Осталась малоизученной государственно-конфессиональная политика и миссионерская деятельность официальной церкви по отношению к последователям «старой веры». Все это указывает на необходимость комплексного специального исследования старообрядчества Тувы.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/48

УДК: 94(47)

Т. А. Кискидосова

ИСТОРИЯ «ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ» ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА В СОВРЕМЕННОЙ СИБИРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. *Статья посвящена обзору работ современных сибирских ученых, выполненных в русле истории «городской повседневности». Выявлены основные темы исследований и дальнейшие перспективы для изучения повседневной жизни сибирских городов.*

Ключевые слова: *история повседневности, городская повседневность, Сибирь, историография.*

На современном этапе исторической науки история повседневности является одним из приоритетных направлений. Изучение городского быта началось в дореволюционной историографии и было продолжено советскими исследователями. В постсоветской историографии с ликвидацией идеологического контроля получили развитие новые направления, в т.ч. «история повседневности». Несмотря на поток работ по «истории повседневности» в отечественной историографии, большая их часть оказалась невысокого теоретического уровня [1. С. 52].

Широкую популярность получили работы по истории «городской повседневности» или «повседневности горожан». В 1990-е – начале 2000-х гг. в отечественной историографии появилась масса работ по изучению повседневной жизни отдельных провинциальных городов XIX – начала XX в. История городской повседневности активно изучается сибирскими учеными [2; 3; 4; 5; 6]. Изучением городского быта Сибири второй половины XIX – начала XX в. занимается Ю.М. Гончаров [4; 5]. В центре внимания ученого – сибирские горожане в повседневной жизни, городской быт, семейные отношения и т.д. В его работах территориально охватываются все сибирские города, что оставляет место для более подробного изучения повседневной жизни горожан

определенного региона. Вслед за работами Ю.М. Гончарова увидела свет серия научных публикаций, посвященных истории российских провинциальных городов в региональном аспекте. Е.А. Дегальцева на основе широкого круга разнообразных источников исследовала специфику повседневной жизни сибиряков, в т.ч. и сибирских горожан. Основной упор исследователем сделан на ментальную и материальную стороны обыденности [6; 7].

Е.А. Дегальцева и Е.В. Разгоняева проанализировали тематику современных исследований сибирских историков в русле повседневности и попытались наметить идеологические перспективы. По мнению авторов, большая часть работ по истории повседневности не раскрывает заявленное направление [8. С. 11]. А.В. Литягина предприняла попытку осмысления современного состояния отечественной историографии по изучению истории повседневности сибирских городов в дореволюционный период [9. С. 111–114]. Она выявила наиболее освещаемые вопросы в трудах современных исследователей. Несмотря на то, что автор заявил об анализе результатов исследований ученых Сибири, в основном были упомянуты труды исследователей Западной Сибири. Вне поле зрения остались работы историков Восточно-Сибирского региона, где история городской повседневности в настоящее время также активно изучается. В качестве рекомендации А.В. Литягина предлагает исследователям истории повседневности всестороннее реконструирование повседневной жизни общества и отдельных его групп на основе современных методологических подходов [9. С. 114].

В современной сибирской историографии «городской повседневности» большая часть работ представлена Западно-Сибирским регионом. Темами исследований историков стали городские сословия, общественный быт горожан, повседневность городских рабочих, общественная деятельность горожанок [10; 11; 12; 13; 14; 15]. По истории повседневности городов Восточной Сибири в дореволюционный период было опубликовано несколько работ [16; 17; 18; 19; 20]. Е.В. Комлева детально представила историю купечества приенисейских городов и некоторые стороны повседневной жизни купцов: материальная культура, ментальные особенности, культурно-образовательный уровень [16]. Н.И. Гаврилова исследовала особенности общественного быта, повседневных практик и образа жизни горожан Иркутской губернии в пореформенный период [18]. Городам Забайкалья посвящены работы Т.В. Паликовой [19; 20]. А.И. Яковлев рассмотрел взаимодействие городской среды населе-

ния Якутска в конце XIX – начале XX в. Автором была предпринята попытка рассмотреть социальную стратификацию городского общества [21]. В будущем представляет интерес создание обобщающих работ по истории городской повседневности всей Сибири с выявлением их региональных особенностей.

Наряду с исследованиями крупных городов Сибири появились работы по истории повседневности отдельных малых городов [22; 23; 24]. Н.В. Гонина и А.В. Аксенова рассмотрели социокультурное развитие провинциального города на примере Енисейска [24]. В монографии отдельный параграф был посвящен повседневной жизни города, однако авторы ограничились кратким обзором быта городского населения. Вне поля зрения остались такие важные аспекты истории повседневности, как ментальность и нравы енисейцев, их отношения к тем или иным событиям и т.д.

В последние годы появился ряд работ по истории «городской повседневности», где в качестве основного источника использована дореволюционная периодическая печать [25; 26; 27; 28; 29; 30]. Сибирская периодика содержит богатейшие материалы для изучения повседневной жизни горожан в дореволюционный период. Авторам удалось проследить в полной мере нравы, обычаи, чувства, устройство городского быта, занятия, культурно-досуговые потребности городского населения и многие другие вопросы. Особый интерес представляет монография А.Н. Жеравиной, посвященная повседневной жизни Томска второй половины XIX – начала XX в. [25]. Большая часть работы написана исключительно на основе газетных материалов. Автору удалось раскрыть различные стороны жизни жителей Томска и показать уникальность и ценность материалов региональной периодики.

Некоторые исследователи обратились к изучению криминальной девиации в городах [25; 31]. Они рассмотрели криминогенную ситуацию и социальные проблемы в городах. Авторы попытались проанализировать причины проявления девиантного поведения среди горожан. Практически все исследователи пришли к единодушному мнению, что основными причинами проявления девиации среди жителей городов стали социальные проблемы, маргинализация населения и т.д.

Таким образом, сибирские историки активно занимаются историей городской повседневности. Для них характерны те же проблемы, что и для отечественной историографии в целом. Теоретическая неопределенность истории повседневности сказывается на качестве многих работ. Сибирские исследователи рассмотрели городской

быт, благоустройство, семейные отношения и досуг горожан, развитие образования и медицины в городах и т.д. В то же время неисследованным остается ряд вопросов. По-прежнему слабоизученными и неразработанными остаются такие аспекты, как стратификация сибирского городского общества, ментальность горожан, повседневная жизнь городов в период крупных социальных переломов (войны, революции) и т.д.

Литература

1. *Керов В.В.* Екатеринбург, Томск, далее везде: какая она, российская история «городской повседневности», и зачем она нужна? // Вестник ТГУ. История. – 2017. – № 48. – С. 50–59.

2. *Куприянов А.И.* Русский город в первой половине XIX века: Общественный быт и культура горожан Западной Сибири. – М.: АИРО – XX, 1995. – 157 с.

3. *Города* Сибири XVIII – начала XX в. Вып. 2: История повседневности: сб. науч. статей. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – 230 с.

4. *Гончаров Ю.М.* Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начало XX в.). – Барнаул: ИД «Сова», 2004. – 358 с.

5. *Гончаров Ю.М.* Повседневная жизнь горожан Сибири во второй половине XIX – начале XX в.: учебное пособие. – Барнаул: Аз Бука, 2012. – 214 с.

6. *Дегальцева Е.А.* Образ жизни сибиряков во второй половине XIX – начале XX вв. – Барнаул: БТИ АлтГТУ, 2005. – 188 с.

7. *Дегальцева Е.А.* повседневный быт населения Сибири во второй половине XIX века // Вопросы истории. – 2005. – № 10. – С. 75–86.

8. *Дегальцева Е.А., Разгоняева Е.В.* История повседневности дореволюционной Сибири: методологические подходы // История повседневности населения Западной Сибири и сопредельных регионов в досоветское время. – Бийск: АГГПУ, 2018. – С. 48–53.

9. *Литягина А.В.* История повседневности сибирских городов второй половины XIX – начала XX в. в трудах отечественных историков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 2 (86). – Ч. 3. – С. 111–114.

10. *Останина Л.В.* Мещанство Западной Сибири в конце XVIII – 60-х гг. XIX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 1996. – 22 с.

11. *Клюева В.П.* Городские сословия Тобольской губернии в XVIII – первой половине XIX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Тюмень, 2000. – 21 с.

12. *Гончаров Ю. М., Чутчев В.С.* Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. – Барнаул: Аз Бука, 2004. – 206 с.

13. *Бутакова Н.В.* Общественный быт горожан Томской губернии во второй половине XIX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Барнаул, 2005. – 27 с.

14. *Доронина Т.В.* Повседневность рабочего класса Западной Сибири в конце XIX – начале XX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Тюмень, 2006. – 21 с.

15. *Верхотурова В.В.* Общественная деятельность городской женщины Западной Сибири во второй половине XIX в. (на материалах Томской губернии): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Кемерово, 2007. – 34 с.

16. *Комлева Е.В.* Енисейское купечество, последняя четверть XVIII – первая половина XIX века. – М.: Academia, 2006. – 384 с.

17. *Кискидосова Т.А.* Повседневная жизнь горожан Енисейской губернии во второй половине XIX – начале XX в. – Абакан: Бригантина, 2012. – 312 с.

18. *Гаврилова Н.И.* Общественный быт горожан Иркутской губернии во второй половине XIX в. – Иркутск: Оттиск, 2014. – 307 с.

19. *Паликова Т.В.* Развитие культуры городов Забайкальской области (вторая половина XIX – начало XX вв.). – Улан-Удэ: БГУ, 2008. – 260 с.

20. *Паликова Т.В.* Города Забайкалья второй половины XIX–XX в.: источники и историография. – Улан-Удэ: БГУ, 2014. – 328 с.

21. *Яковлев А.И.* Городская повседневность Якутска конца XIX – начала XX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Улан-Удэ: ИМБИТ, 2014. – 15 с.

22. *Гончаров Ю.М., Литягина А.В.* Очерки истории города Бийска (вторая половина XIX – начало XX в.). – Барнаул: Аз Бука, 2009. – 276 с.

23. *Гончаров Ю.М., Ивонин А.Р.* Очерки истории города Тары конца XVI – начала XX в. – Барнаул: Аз Бука, 2010. – 188 с.

24. *Гонина Н.В., Аксенова А.В.* Енисейск последней трети XIX – начала XX века. Очерки социокультурного развития провинциального города. – Красноярск: Крас. гос. аграр. ун-т, 2017. – 279 с.

25. *Жеравина А.Н.* Томск второй половины XIX – начала XX в. (по материалам дореволюционной печати). – Томск: ТГУ, 2010. – 402 с.

26. *Миханев А.П.* Красноярск: интересная история! Очерки обыденной жизни. – Красноярск: Сибирь-Медиа, 2003. – 64 с.

27. *Комлева Е.В.* «Уголок безжизненный и мрачный»: повседневная жизнь Туруханска по материалам периодических изданий Восточной Сибири второй половины XIX в. // Экономическое развитие Сибири: материалы Сибирского исторического форума. – Красноярск: Резонанс, 2016. – С. 112–117.

28. *Кискидосова Т.А.* «Есть город золотой…»: повседневная жизнь Енисейска на страницах сибирских газет во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник ТГУ. – 2017. – № 421. – С. 109–113.

29. *Храмцов А.Б.* Особенности повседневной жизни сибирского населения в конце XIX – начале XX века (по публикациям газет региона) // Вестник угроведения. – № 2 (17). – 2014. – С. 147–151.

30. *Литягина А.В., Аброськин С.В.* Газета «Алтай» о повседневной жизни Бийска в годы Первой мировой войны // История повседневности населения Западной Сибири и сопредельных регионов в досоветское время. – Бийск: АГГПУ, 2018. – С. 48–52.

31. *Еланцева О.П.* Политика государства в отношении защиты нравственности и здоровья горожан: к вопросу о девиантном поведении населения городов Западной Сибири (середина XIX – 1917 г.) // История повседневности Западной Сибири. – Ишим: ИГПИ, 2014. – С. 142–163.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/49

УДК: 355/359+002

А.В. Азарова

РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ЖУРНАЛЕ «НИВА» (ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА)

Аннотация. *Статья посвящена изучению журнала «Нива» как исторического источника для исследования Первой мировой войны. Определены основные итоги анализа журнала.*

Ключевые слова: *периодическая печать, еженедельный иллюстрированный журнал «Нива», Первая мировая война.*

Темы, связанные с историей Первой мировой войны, особенно активно стали привлекать внимание историков в последние годы, в связи с 100-летием ее начала и окончания. При изучении войны историками привлекается много разноплановых источников, одним из которых является периодическая печать. Пресса начала XX в. не могла обойти события Первой мировой войны и оперативно информировала читателей о ходе военных действий, героизме современников, влиянии войны на статус России в мире и пр. Интересующий нас журнал «Нива» не стал исключением, он настраивал читательскую аудиторию на новости с фронта не просто как на политическую сводку, а как на ценностно значимую информацию, касающуюся каждого читателя.

Выбранная нами тема находится на пересечении двух проблемных областей: историографии истории журналистики и историографии истории Первой мировой войны. Их изучение, на наш взгляд, способствует расширению представлений о роли СМИ (в частности, одного из самых популярных иллюстрированных журналов для семейного чтения «Нива») в формировании информационного пространства позднеимперской России в военные годы.

Цель работы – раскрыть историю изучения журнала для семейного чтения «Нива» как источника для исследования Первой мировой войны.

Всю литературу, ставшую предметом нашего анализа, мы разделили на три группы по проблемному принципу. Это деление не случайно, ведь тема Первой мировой войны в освещении журнала «Нива» специально еще не рассматривалась исследователями, а если и затрагивалась, то косвенно, в контексте разработки других сюжетов.

Первая группа – работы по истории журнала. Специальных работ, посвященных всестороннему изучению журнала «Нива», до настоящего времени нет. Наиболее развернутую характеристику журналу дал советский историк Е.А. Динерштейн в своей работе «Фабрикант» читателей: А.Ф. Маркс» [1]. Данная работа носит книговедческий и научно-популярный характер. Автор не характеризует «Ниву» как периодическое издание, не выясняет его место среди других иллюстрированных изданий, основное внимание концентрируя на личности ее издателя. Работа Е.А. Динерштейна позволяет составить представление о биографическом контексте создания журнала, личном участии Маркса в организации и руководстве изданием.

Журнал «Нива» часто упоминается в обобщающих работах и учебных пособиях по истории журналистики, но при этом не является предметом специального исследования. К трудам такого плана мы можем отнести исследование С. Я. Махониной «История русской журналистики начала XX века». В этой работе рассматривается история журнала «Нива», характеризуется читательская аудитория журнала, также освещаются значимые для нашего исследования темы: время и пресса (1890-е гг. – 1918 г.), газеты и журналы в системе прессы начала XX в. Рассмотрение этих сюжетов дает возможность понять, какие изменения пресса претерпевала в данный период, а также выявить разницу между периодическими изданиями того времени, уточнить место издания в системе периодической печати Российской империи [2].

Ко второй группе мы может отнести работы, в которых изучено отражение в интересующем нас еженедельнике различных сюжетов политической, экономической, культурной жизни страны, а также структурное содержание журнала «Нива» за все время существования издания. Статья А.С. Сундукова и М.Н. Яковлева посвящена анализу раннего этапа появления конвергентных элементов в СМИ,

то есть этапу, когда в журнале начинают чаще использоваться крупные иллюстрации самостоятельного содержания, а не в качестве дополнения в декоративных целях [3. С. 153–154]. В своей работе авторы рассматривают структуру журнала «Нива» конца XIX в., выявляют характерные структурные и композиционно-графические особенности типичного выпуска журнала. Данная статья помогает нам сделать сравнительный анализ и понять, как изменилась структура журнала в годы Первой мировой войны, какие рубрики исчезли из журнала, а какие появились. Также проследить изменение функций гравюр и фотографий в журнале.

Выборочный структурный и сравнительный анализ журнала «Нива» за разные годы его существования дает историк Ким Ен Хван. В результате методики выборочного анализа печатного издания, содержания номеров «Нивы», то есть анализа четырех видов номеров: обычные; любые номера года; юбилейные, посвященные знаменитым датам; первые номера нового XX в. и последние номера 1917–1918 гг., автор приходит к выводу, что журнал раскрывал различные проявления общественной, политической и культурной жизни. Все материалы в журнале носили не только информативный характер, они давали возможность читателю соотносить, сравнивать явления западноевропейской и русской жизни, выделять наиболее важные проблемы развития общества в целом. В заключение автор говорит о том, что значение журнала «Нива» трудно переоценить, связь журнала с современностью, с общественно-политическими взглядами своего времени и устремлениями, направленными на благо народа и отечества, была очевидна [4. С. 77–85].

К этой группе мы можем отнести и труды историка Е.Ю. Пушкарской – работы, единственные во всей современной историографии интерпретирующие образ журнала «Нива» как комплексного источника. В своей диссертации она рассматривает журнал за период, когда А.Ф. Маркс был издателем [5]. Автор выявляет типы формирующих характеристик «Нивы» как издания нового типа, совмещающего в себе черты массовости, энциклопедизма, ориентации на семью как целевую аудиторию, поднимает «женский вопрос» и его отражение в журнале. Актуальной для нашего исследования является ее статья «Самый популярный российский журнал XIX века «Нива» и его издатель Адольф Маркс» [6], в ней рассматривается история создания и развития, а также специфика и структура журнала «Нива» с 1870 г. по 1918 г. Е.Ю. Пушкарская акцентирует внимание

на том, что, несмотря на частую смену редакторов «Нивы», журнал не претерпел практически никаких изменений, оставался знакомым и близким читателям, и приходит к выводу, что именно такая подача информации в журнале была наиболее адекватной и продуктивной для изучаемого периода.

Не менее важна статья «Значение иллюстрации на страницах журнала "Нива"», посвященная развитию русской журналистики конца XIX – начала XX в. [7. С. 132–134]. Автор предлагает классификацию иллюстраций, размещенных в журнале: 1) по предмету изображения (чертежи, пейзажи, карты, портреты); 2) по технике исполнения (гравюры, репродукции, фотографии). А также рассматривает значение иллюстраций в журнале с точки зрения культурно-просветительской функции. Данная работа актуальна при рассмотрении иллюстративного материала в журнале «Нива» в военный период.

Третья группа освещает военные сюжеты на страницах журнала «Нива». К этой группе мы отнесли работы, которые рассказывали о событиях Первой мировой войны, привлекая в качестве источника журнал «Нива». В числе немногочисленных работ, близких по тематике, можно выделить публикацию А.Н. Донина, направленную на изучение проблемы перехода российского общества и государства из состояния мирной жизни к условиям военного времени в рамках начавшейся первой в истории человечества мировой войны, выявление морально-нравственных и правовых оснований, заставивших Россию стать ее участником (на материалах прессы). В результате предпринятого автором анализа определена позиция России по отношению к европейским конфликтам, освещены практические шаги власти и общества по подготовке страны к войне. В статье дана оценка сражений на русско-австрийском и русско-германском фронтах в августе 1914 г. [8. С. 164–169].

Довольно интересна статья К.Н. Митрофановой, посвященная характеристике образа ребенка в журнале «Нива» в годы Первой мировой войны. Критерием отбора информации для статьи послужили хронологические рамки с 1914 по 1918 г., связанные с проблемами детства и участия детей в войне [9. С.160–162.]. Данная статья позволила нам сделать выводы о значимости темы детского участия в военных событиях для интересующего нас издания.

В своей работе «Фотографии как летопись Первой мировой войны» А.А. Киселева и Г. И. Щербакова затрагивают тему фотографий

в различных журналах того периода и привлекают журнал «Нива» в качестве одного из источников [10]. Авторы делают акцент на том, что в журнале «Нива», как и в других журналах, похожих на него, к примеру, в «Огоньке», печатались фотографии, как правило, статичные. Исследователи акцентируют внимание на том, что опубликованные в журнале фотографии имели пропагандистский и вспомогательный характер.

На основе проведённого нами историографического анализа можно сделать ряд выводов. Во-первых, в основном исследователи в своих работах изучали публикации журнала конца XIX – начала XX в. Чаще всего рассматривалась структура журнала и поднимался вопрос о причинах популярности издания. Журнал «Нива» выступал в работах исследователей в качестве наглядного примера структурно-функциональных изменений прессы конца XIX – начала XX в. под влиянием модернизационных процессов в империи. Во-вторых, мы видим, что трудов, посвященных изучению событий Первой мировой войны, в журнале «Нива» очень мало и они затрагивают отдельно взятые темы, не создавая определенной картины, по которой мы могли бы проследить, какие настроения преобладали в данный период в обществе, как взаимодействовали между собой враждующие стороны, какова была роль человеческого фактора в период военных действий. Журнал в таких работах выступает основой для сравнения с другими журналами или для выявления фактических данных.

Литература

1. *Динерштейн Е.А.* «Фабрикант» читателей: А. Ф. Маркс. М., 1986.
2. *Махонина С.Я.* История русской журналистики начала XX века: Учебно-методический комплекс (Учебное пособие, Хрестоматия). – М., 2004.
3. *Сундуков А.С.* Композиционно-графическая модель журнала «Нива» // Вестн. Воронежского гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. – 2015. – № 2. – С. 153–154.
4. *Ким Ен Хван.* Еженедельный журнал «Нива» о быте, нравах, интересах русского общества на рубеже XIX – XX вв. // Международный научный журнал «Символ науки». – 2016. – № 4. – С. 77–85.
5. *Пушкарская Е.Ю.* «Нива» как тип массового энциклопедического семейного журнала [Электронный ресурс]. URL http://www.dslib.net/zhurnalistika/niva-kak-tip-massovogo-jenciklopedicheskogo-semejnogo-zhurnala.html (дата обращения: 10.04.2019).
6. *Пушкарская Е.Ю.* Самый популярный российский журнал XIX века «Нива» и его издатель Адольф Маркс/ [Электронный ресурс]. Научно-

культурологический журнал. Год 2011. № 16 // URL http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=3021&level1=main&level2=articles– (Дата обращения: 10.04.2019).

7. *Пушкарская Е.Ю.* Значение иллюстрации на страницах журнала «Нива» // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2010. – № 3. – С. 132–134.

8. *Донин А.Н.* Военный август 1914 года в России (по материалам журнала Нива») // Власть. – 2014. – № 2. – С. 164–169.

9. *Митрофанова К.Н.* Образы детей в журнале «Нива» в годы Первой мировой войны // Сибирь и войны XIX–XX веков: тезисы Всероссийской (с международным участием) научной конференции. – Новосибирск, 2014. – С. 160–162.

10. *Киселева А.А., Щербакова Г.И.* Фотография как летопись Первой мировой войны // Журналистика и войны: к 100-летию Первой мировой войны: мат-лы 53-й Международной научной конференции «Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения». С.-Петерб. гос. ун-т, 23–25 апр. 2014 г. / ред. коллегия: Л.П. Громова (отв. ред), Г.В. Жирков, О.С. Кругликова. – СПб., 2015.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/50

УДК: 94(470)

П.В. Виноградов

ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ С СОЮЗНИКАМИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. *Исследуется изучение проблемы военно-технического сотрудничества Российской империи с союзниками в годы Первой мировой войны, рассматриваются основные подходы к раскрытию содержания данной темы. Делается вывод о том, что данная тема находилась на периферии исследований отечественных ученых и, несмотря на появление современных публикаций, до сих пор отсутствуют полноценные работы, посвященные этому вопросу.*

Ключевые слова: *Первая мировая война, военно-техническое сотрудничество, иностранные поставки, историография, архивные источники.*

В докладе рассматривается вопрос изучения проблемы военно-технического сотрудничества Российской империи с союзниками в годы Перовой мировой войны. В отличие от ленд-лиза времен Второй мировой войны, получившего широкое освещение в исторической литературе, попытки царской России преодолеть кризис вооружений при помощи заказов у союзников оказались на периферии внимания отечественных историков. Поэтому изучение вопросов военно-технического сотрудничества Российской империи с союзниками представляет актуальную научную задачу.

Процесс изучения военно-технического сотрудничества представляется возможным разделить на несколько периодов.

Первый, приходящийся на 20–30-е годы XX в., характеризуется появлением работ, написанных непосредственными участниками процесса военного и технического сотрудничества между Россией и ее союзниками [1]. Для данных исследований связующей нитью является негативная оценка эффективности и значимости иностранных военных поставок для повышения боеготовности русской армии.

Главными же причинами этого называются нежелание наших союзников прилагать максимально возможные усилия для удовлетворения российских заявок в области военных поставок, а также неспособность царской власти должным образом организовать процесс взаимодействия с союзниками в этой сфере в силу порочности всего царского режима и недобросовестности его представителей.

Среди подобных исследований выделяются фундаментальные работы А.А. Маниковского, возглавлявшего в годы войны Главное артиллерийское управление (ГАУ) Генерального штаба, и его заместителя Е.З. Барсукова, выдержавшие несколько переизданий [2]. Оценки, приведенные в работах А.А. Маниковского и Е.З. Барсукова, на долгие десятилетия стали основополагающими для характеристики союзных поставок Российской империи. Авторы констатировали, что союзники России оказывали помощь, «далеко не окупавшуюся теми потоками русской крови, какая проливалась на полях сражений ради их империалистических стремлений, тем разорением русской страны, к какому ее привела война, и теми потоками русского золота, какие утекли за границу в уплату по заказам боевого снабжения» [3. С. 622].

Подобная позиция авторов обусловливалась, тем, что с начала 30-х годов изучение различных аспектов Великой войны стало подвергаться сильной идеологизации. В исторической литературе ведущим становится тезис о полуколониальной зависимости России от союзников. Это, безусловно, влияло и на изучение вопросов материально-технической помощи, объемы которой определялись как незначительные и поэтому не оказывающие существенное воздействие на повышении боеспособности вооруженных сил России.

Второй период приходится на 50–80-е годы XX в. и связан с появлением полноценных академических исследований, рассматривающих вопросы экономического развития Российской империи в годы Первой мировой войны и дипломатические отношения с союзниками [4]. При изучении данных вопросов авторы освещали и тему военно-технического сотрудничества, расширяя ее рамки рассмотрением вопросов транспортировки военных грузов в Россию, нюансами финансового обеспечения иностранных поставок.

В данный период среди опубликованных работ необходимо отметить исследования А.Л. Сидорова и А.В. Игнатьева [5]. Несмотря на то, что главными аспектами изучения в данных исследованиях, с одной стороны, являются межгосударственные отношения России и

Великобритании, а с другой – вопросы экономического и финансового развития страны в годы войны, освещается и тема военно-технического сотрудничества со странами Антанты. Опираясь на обширный круг архивных документов, большинство из которых было введено в научный оборот впервые, авторы рассматривают проблемы финансовых взаимоотношений Российской империи с союзниками и их влияние на объемы русских военных заказов за рубежом, а также организацию транспортировки военного и технического имущества в Россию. Но следование официальной идеологической линии, несмотря на использование широкого круга источников, не позволяло ученым сформулировать объективные выводы об итогах сотрудничества между царской Россией и союзниками.

Третий период, приходящийся на рубеж конца 90-х годов XX века и начала 2000-х годов нынешнего столетия, характеризуется тем, что интересующие нас вопросы, связанные с сотрудничеством государств в военной и технической сфере, рассматриваются в исследованиях, посвященных специализированным аспектам Первой мировой войны. В данном контексте следует выделить публикации А.И. Степанова, Ю.С. Пестушко, Д.Б. Павлова, Э.А. Барышева, В.В. Поликарпова [6; 7]. Достоинствами данных работ являются их опора на широкий круг как отечественных, так и зарубежных исследований и архивных материалов, свобода от пресловутого идеологического диктата. Это позволило обогатить источниковую базу, ввести новые статистические данные, характеризующие объемы и масштабы военных поставок, по-новому взглянуть на устоявшиеся оценки и факты военно-технического сотрудничества.

Необходимо отметить коллективную двухтомную монографию «Россия в стратегии Первой мировой войны» [8]. В монографии впервые предпринята попытка комплексного анализа военно-технического сотрудничества Российской империи со своими союзниками в годы Первой мировой войны. В главе, посвященной данному вопросу, рассматриваются особенности формирования и развития системы военных поставок в Россию каждой из стран Антанты. Приводятся количественные данные, характеризующие масштабы и объемы поставок оружия и других стратегических материалов в Россию.

Логическим продолжением вышерассмотренной публикации является монография «Порох, золото и сталь. Военно-техническое сотрудничество в годы Первой мировой войны», непосредственно изучающая аспекты технического и военного сотрудничества как в ла-

гере Антанты, так и в стане ее противников [9]. На сегодняшний день данное исследование является единственным, в котором комплексно рассматривается процесс военно-технического сотрудничества в годы войны. Освещен круг вопросов, затрагивающих организационные проблемы налаживания и функционирования военно-технического сотрудничества, проблемы транспортировки и доставки стратегического имущества, а также региональные аспекты процесса военно-технического сотрудничества, связанные с деятельностью Архангельского и Владивостокского портов по приему и обработке грузов, поступающих в рамках военно-технического сотрудничества. Поэтому данная монография демонстрирует обширную и объемную картину развития военно-технического сотрудничества воюющих держав в период Первой мировой войны, помогает оценить весь масштаб этого вида отношений, его размах и значение.

Таким образом, следует отметить, что в отечественной историографии присутствует целый ряд изданий, посвященных иностранным поставкам в Россию в годы Первой мировой войны. Но специальные исследования, посвященные данной теме, появились только в последние годы. Большинство работ эпизодически затрагивают тему военно-технического сотрудничества между Российской империей и союзниками, либо рассматривают процесс военно-технического сотрудничества в рамках взаимоотношения с конкретной страной.

Подобная ситуация приводит к тому, что, несмотря на появление новых публикаций, введение в научный оборот новых архивных документов, статистических и количественных данных, сложить целостную картину военно-технического сотрудничества непросто. Для этого, на наш взгляд, необходимо, с одной стороны, раскрыть созданную в годы войны систему организации иностранных военных поставок с каждым из союзных государств, отметив общие и отличительные черты последней. С другой стороны, для объективной оценки эффективности военно-технического сотрудничества необходима кропотливая работа по обработке статистических данных, иллюстрирующих и уточняющих объемы и масштабы поставок оружия, боеприпасов, технического имущества и стратегического сырья. Обе эти задачи требуют дальнейшего изучения и привлечения иностранных исследований в данной области, а также расширения источниковой базы путем введения в научный оборот отечественных и зарубежных архивных материалов.

Литература

1. *Валентинов Н.* Сношение с союзниками по военным вопросам во время войны 1914–1918 гг. – М.; Военная типография (ВВРС), 1920. – 136 с.; *Козлов Н.* Очерк снабжения русской армии военно-техническим имуществом в Мировую войну. – М.; Л.: Воениздат, 1926. – Ч. 1. – 173 с.

2. *Маниковский А.А.* Снабжение русской армии в мировую войну 1914–1918 гг. Ч. 1–3. – М.; Л.: Высший военный редакционный совет, 1920–1923.; *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну: в 2 т. 2-е изд. – М.; Л.:, Воениздат, 1930.; *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. 3-е изд. – М.: Воениздат, 1937. – 718 с.; *Барсуков Е.З.* Артиллерия русской армии 1900–1917: в 4 т.– М.: Воениздат, 1948–1949; *Барсуков Е.З.* Русская артиллерия в Мировую войну: в 2 т. – М.: Воениздат, 1938–1940.

3. *Маниковский А.А.* Боевое снабжение русской армии в мировую войну. 3-е изд. – М.: Воениздат 1937. – 650 с.

4. *Селезнев Г.К.* Тень доллара над Россией. Из истории американо-русских отношений. – М.: Воениздат,1957. – 203 с.; *Емец В.А.* Очерки внешней политики России. – М.: Наука, 1977. – 367 с.; *Шигалин Г.И.* Военная экономика в Первую мировую войну. – М.: Воениздат, 1956. – 332 с.; *Шифман М.С.* Война и экономика. – М.: Воениздат, 1964. – 207 с.

5. *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в Первой мировой войне. – М.: Наука,1960. – 579 с.; *Сидоров, А.Л.* Экономическое положение России в Первой мировой войне. – М.: Наука,1973. – 654 с.; *Игнатьев А.В.* Англо-русские отношения накануне Октябрьской революции. – М.: Наука, 1968. – 400 с.; *Игнатьев А.В.* Англо-русские отношения накануне Первой мировой войны. – М.: Социально-экономическая литература, 1962. – 244 с.

6. *Степанов А.И.* Россия в Первой мировой войне: геополитическое положение и революционная смена власти. – М.: Пробел, 2002. – 220 с.; *Барышев Э.А.* Японские винтовки на русском фронте во время Первой мировой войны (1914–1917 гг.): Малоизвестные страницы двустороннего сотрудничества // Япония: Ежегодник. – 2011. – М.: АИРО&XXI, 2011. – С. 238–254.; *Павлов Д.Б.* Российско-японские отношения в годы Первой мировой войны. – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 261 с.;

7. *Поликарпов В.В.* Русская военно-промышленная политика. 1914–1917. Государственные задачи и частные интересы. – М.: Центрполиграф, 2015. – 383 с.; *Пестушко Ю.С.* Российско-японские отношения в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). – Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2008. – 237 с.

8. *Россия* в стратегии Первой мировой войны: в 2 кн. / под ред. А.Ю. Павлова. – СПб.: Изд-во РХГА., 2014.

9. *Порох*, золото и сталь. Военно-техническое сотрудничество в годы Первой мировой войны. – СПб.: Издательство РХГА, 2017. – 532 с.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/51

УДК: 336.02(47+57)”1914/1918”

Е.С. Кравцова

ОСВЕЩЕНИЕ НАЛОГОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. *Состояние налоговой системы государства является важным показателем уровня развития общества, социальной ориентированности властей. Фискальная система российского государства накануне 1917 г. долгое время была обделена исследованиями. Особый интерес вызывает период Первой мировой войны и последовавшие изменения в системе фиска. Только в начале 2000-х гг. было обращено внимание на особенности налогообложения России, которых было немало. Рассмотрению основных работ по проблеме посвящена данная статья.*

Ключевые слова*: историография, налоговая система, Первая мировая война, прямые и косвенные налоги.*

Изучение экономической истории России прочно вошло в спектр научных интересов историков, защищаются диссертации по проблеме, публикуются монографии и статьи. При этом работ, посвященных вопросам налоговой политики России в конце XIX – начале XX в., немного. Рассмотрим некоторые из них.

В 2001 г. была издана книга юриста А.В. Толкушкина [1], в которой автор обзорно рассматривает фискальные преобразования 1914–1917 гг. Автор указывает, что в Первую мировую войну из бюджета выпали доходы от винно-водочной монополии (введение «сухого закона»), сократились таможенные и лесной доходы, поступления от железных дорог и др. Эти сокращения в 1914 г. по сравнению с 1913 г. составили 524 млн руб. Первоначально правительство пошло по пути систематического повышения ставок действующих налогов и сборов (было осуществлено повышение ставок акцизов на сахар, табак, спички и другие предметы первой необходимости). Специфике введения принципиально нового всеобщего налога в ра-

боте уделено мало внимания. Автор лишь отмечает, что «в апреле 1916 г. был принят Закон о подоходном налоге, взимание которого должно было начаться с 1917 г. В июне 1917 г. Временное правительство приняло постановление об увеличении ставок подоходного налога и о введении дополнительного временного налога на прирост прибылей за 1917 г. Взимание этих налогов должно было начаться с 1918 г.».

Изменения в налоговой сфере, связанные с именем министра финансов П.Л. Барка, рассмотрены в работе С.Г. Беляева [2.]. В ней сделана попытка обобщить опыт исследований финансовых проблем России в годы Первой мировой войны с новых исторических, историографических, методологических подходов. Поднимая целый ряд проблем, исследователь рассматривает и вопросы налогообложения в годы Первой мировой войны. Автор указывает, что в этот период существовало фактически два бюджета: «мирный» и отдельный военный фонд, который формировался из дополнительных источников. Однако «мирный» бюджет имел большую нехватку средств ввиду отмены винной монополии, а также чрезвычайных обстоятельств военного времени. С.Г. Беляев в этом видит положительный момент, т.к. Первая мировая война привела к «наиболее радикальной налоговой реформе за весь период существования Российской империи, тем более что проведена она была в течение трех лет» [2. С. 196]. Тем не менее проведенные преобразования не ликвидировали основные пережитки фискальной системы в виде преобладания косвенного налогообложения над прямым. Главной заслугой налоговой реформы было введение всеобщего подоходного налога. Однако и здесь автор указывает, что введенный в 1916 г. подоходный налог не дал результатов в деле стабилизации фискальной системы из-за того, что его реальный сбор приходился на 1917 г. Кроме этого, в книге подчеркивается, что имущие слои населения России в большинстве случаев выступали противниками нового налога, так как он в первую очередь затрагивал их финансовые интересы.

Механизм взимания прямых налогов на примере конкретного крестьянского сословия рассмотрен в работе О.И. Марискина, посвященной сборам с поволжских крестьян за 1861–1928 гг. [3]. Рассматривая проблему формирования бюджета автор указывает, что, «не имея мощной финансовой основы в стране, правительство вынуждено было вести войну не на повышении налогов и не на внутреннем кредите, а исключительно на усилении внешней задолжен-

ности и за счет полного расстройства денежного обращения» [3. С. 95]. Рассматривая проблемы фискальных преобразований в годы Первой мировой войны, О.И. Марискин особо выделяет отмену винной монополии, как приведшую к финансовому кризису, при этом исследователь подчеркивает, что эта реформа была поддержана на местах, более того, еще до введения «сухого закона» некоторые сельские сходы выступали с такой инициативой. Вызывает интерес мнение автора о том, что «новый податной закон, основанный на принципах соразмеренности налога и дохода, мог стать поворотным в истории модернизации России, но в условиях общей натурализации экономики ему была уготована лишь второстепенная роль» [3. С. 99].

Финансовому положению дел в Российской империи в годы Первой мировой войны и революции 1917 г. посвящена глава в обобщающем издании, которое написали Ю.А. Петров, М.К. Шацилло и В.Н. Захаров [4]. Авторами подчеркивается, что налоговые поступления не играли существенной роли в финансировании войны. «Главная их функция заключалась в поддержке бюджета «обыкновенного», также значительно разросшегося за время войны» [4. С. 264], и это при том, что введение виной монополии значительно уменьшило поступления в казну (по подсчетам исследователей, казна потеряла около 700 млн руб.). Доходная часть казны значительно расширилась так же за счет введения чрезвычайных доходов в «обыкновенный бюджет» (к этой статье доходов авторы отнесли доходы от железных дорог, таможенные пошлины и др.), увеличения ранее существовавших налогов, причем в 1915 г. «налоговый пресс был увеличен до предела» [4. С. 266], когда ставки были повышены на 50–100 % от окладов 1914 г. Структура российской податной системы несколько изменилась в связи с отменой винной монополии. Так, 45,5 % от общего поступления в бюджет составляли косвенные налоги, на втором месте расположились прямые налоги (28,2 %), третьим источником казны были пошлины (26,4 %). Но эти преобразования не решали финансовых проблем государства, и в работе подчеркивается, что война «обнажила явные слабости российской податной системы, а именно недостаточную гибкость и крайнюю неуравнительность обложения, предельное напряжение одних налогов и явную неразвитость других» [4. С. 269]. Российская держава нуждалась в коренной реформе фискальной системы. Именно такой основной реформой стало введение личного прогрессивно-

подоходного налога. Фискальные преобразования Временного правительства исследователем оценены крайне скептически.

В книге московских экономистов И.В. Караваевой и И.В. Архипкина имеется глава, посвященная фискальным преобразованиям в России в годы Первой мировой войны [5]. Данная работа построена только на анализе законодательных актов по прямому (государственному и региональному) и косвенному обложению, без учета результатов применения законопроектов на практике. Анализируется и закон о введении подоходного налога. И.В. Архипкин указывает, что налоговая политика российского государства в годы Первой мировой войны была не до конца продумана. Систему мер, направленную на повышение окладов по прямым (как государственным, так и местным) и косвенным налогам, нельзя назвать эффективной, поскольку она касалась в большей степени небогатых слоев населения, чья налогоспособность и без увеличенных ставок была крайне подорвана. Разработанный закон о введении подоходного налога имел свои изъяны, но был революционен для российской действительности того времени, особенно в отношении ущемления принципа «коммерческой тайны» (плательщики должны были заполнять декларации о доходах, которые подлежали проверке в специальных присутствиях, причем государственные, коммерческие и др. заведения должны были предоставлять запрашиваемые сведения по первому требованию присутствия).

Косвенно затрагивались проблемы налогообложения в статьях Н.М. Арсентьева и Ю.П. Бокарева. Размышляя об особенностях экономического и социально-политического развития России, Н.М. Арсентьев отмечает, что «за полвека после отмены крепостного права до 1917 г. Россия превратилась в аграрно-индустриальную державу, по объему промышленного производства входящую в пятерку ведущих индустриальных стран», основные противоречия крылись в «догоняющем характере развития» и в «традициях российской цивилизации» [6. С. 23], на которые наслоились проблемы, вызванные вступлением России в Первую мировую войну. Ю.П. Бокарев, характеризуя сложившуюся экономическую модель, отмечал: «Опыт России показывает, что мобилизационная экономическая политика оказывается весьма эффективной для преодоления экономической отсталости, ликвидации диспропорции в народнохозяйственном развитии, стимуляции развития стратегически важных производств»

[7.], но нерешенные экономические и фискальные вопросы влекли рост политических противоречий.

Н.А. Розинская отмечает, что вопрос о винной монополии, которая была важным поставщиком средств в бюджет, и введении сухого закона в обществе поднимался постоянно. Причина заключалась в разрастающемся пьянстве населения, процветании шинкарства (при попустительстве Акцизного ведомства) и др., власти при этом, особенно после русско-японской войны и Первой русской революции, были озабочены не сколько вопросами народной нравственности, сколько «фискальными интересами». Ее выводы о результатах введения сухого закона двояки: с одной стороны, наметился рост народного благосостояния, сокращение смертности, в том числе и суицидальной, рост духовных потребностей общества и др., но огромные потери бюджета привели к росту инфляции, бюджетному дефициту в стране [8].

В другой статье, анализируя меры царского и Временного правительства в сфере налогообложения, которые чаще всего сводились к росту существующих ставок и введению новых объектов обложения (которые не могли покрыть «огромный дефицит в 75% от общей сумы бюджетных расходов»), коллектив авторов отмечает, что «финансовая ситуация к осени 1917 г. полностью вышла из-под контроля Временного правительства. Эмиссия ничем не обеспеченных государственных кредитных билетов и казначейских знаков для покрытия чрезвычайных расходов привела к гиперинфляции и финансовой катастрофе, что в определенной степени обусловило быструю смену политического режима и социальной системы» [9].

Таким образом, рассматриваемая проблема в современной отечественной историографии затрагивалась, обнажая наиболее острые углы (отмена винной монополии и, вследствие этого бюджетные сложности; экономическая и социальная необходимость введения подоходного налога в России и др.). Однако исследователи, как правило, опираются в основном на анализ принятых законов, упуская из виду реализацию законодательных инициатив на местах, отношение к данным изменениям в обществе.

Литература

1. *Толкушкин А.В.* История налогов в России. – М.: Магистр: ИНФРА-М, 2011. – 480 с.

2. *Беляев С.Г.* П.Л. Барк и финансовая политика России, 1914–1917 гг. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. – 619 с.

3. *Марискин О.И.* Государево тягло. Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой трети XX века (по материалам Среднего Поволжья). – Саранск: Изд-во Морд. ун-та, 2004. – 237 с.

4. *Захаров В.Н., Петров Ю.А., Шацилло М.К.* История налогов в России. IX – начало XX в. – М.: РОСПЭН, 2006. – 294 с.

5. *Истории* налоговой политики России: конец XIX, XX и начало XXI столетия / И. В. Караваева и др. – М.: Наука, 2008. – 333 с.

6. *Арсентьев Н.М.* Россия накануне Первой мировой войны: итоги экономического развития и социально-политического выбора // Экономическая история. – 2015. – № 1. – С. 20–26.

7. *Бокарев Ю.П.* Мобилизационная экономика России в годы Первой мировой войны и военного коммунизма. Понятие мобилизационной экономики выбора // Экономическая история. – 2015. – № 1. – С. 26–40.

8. *Розинская Н.А.* Влияние «сухого» закона на благосостояние населения во время Первой мировой войны // Экономическая история. – 2014. – № 3. – С. 31–36.

9. *Марискин О.И., Скворцова И.Г., Соловьева Ю.О.* Налоговая система и денежное обращение в России в период Первой мировой войны // Экономическая история. – 2014. – № 4. – С. 44–49.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/52
УДК: 94(470)

П.А. Новиков

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИСТОРИОГРАФИИ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В СИБИРИ

Аннотация. *Опыт военного строительства Гражданской войны заслуживает научного и общественного осмысления. Исход не был предрешен на всем ее протяжении.*

Современная российская историография добилась успехов в предметном изучении боевых действий, отдельных операций и боев. Интересен и анализ возможных альтернатив.

Историки не спешат переходить к обобщению и выдвигать общие схемы и модели, предпочитая следовать за источниками, развивать уже сложившиеся в историографии положения.

Ключевые слова*: историография, источниковая база, контрафактическое моделирование, осмысление, Гражданская война.*

Сегодня в России, вероятно, нет людей, которые бы не считали Гражданскую войну братоубийственным кровопролитием и великой национальной трагедией. Конфликт можно рассматривать и как выражение первого этапа становления тоталитарной власти большевиков, так и начального сопротивления различных сил этому процессу. Лишь разгромив организованных и вооруженных противников, большевики смогли беспрепятственно использовать террор для установления контроля над всеми сферами жизни и приступить к осуществлению своих экспериментов. Опыт военного строительства, накопленный противниками в сложнейших условиях Гражданской войны, заслуживает научного и общественного осмысления.

Современная российская историография добилась очевидных успехов в предметном изучении боевых действий Гражданской войны. За последние полтора десятилетия введены в оборот новые источники и опубликованы исторические исследования А.М. Кручинина, Д.Г. Симонова, М.Г. Ситникова, О. Винокурова, М.Е. Вебера, содержание которых позволяет значительно уточнить и дополнить

описание военных событий, приблизиться к соразмерному освещению их этапов [1–5]. С максимальной детальностью определены обстоятельства военных операций и отдельных боев. Реконструкция подробностей обеспечивает предельную отчетливость, очевидность, ясность, вскрывая нестыковки и противоречия последующей пропаганды.

Большинство хранящихся в Российском государственном военном архиве документов белых соединений и частей попали туда как боевые трофеи Красной армии. В архиве 26 отдельных фондов стрелковых дивизий Восточного фронта, но нет документации целого ряда соединений, вероятно, уничтоженной самими белыми при отступлении в конце 1919 г. Утраченные данные можно лишь частично восполнить по оперативно-разведывательным материалам противостоящих дивизий Красной армии.

Интересен и предметный анализ возможных альтернатив, современное использование метода контрфактического моделирования, причем у данного приема давние корни [6. С. 256–259, 262–264, 290–291]. Например, активно обсуждаются нереализованные возможности маневра военными силами, в частности между Байкальским (Восточным) и Уральским (Западным) фронтами летом 1918 г. Упомянем, что 25 июля 1918 г. командующий Сибирской армией А.Н. Гришин-Алмазов, учитывая прежние успехи белого наступления в Иркутской губернии, предписал Р.И. Гайде отправить 2-ю чехословацкую дивизию в Омск для следования на Западный фронт, чтобы развить успех от взятия Екатеринбурга (на Пермь и Красноуфимск) или наступать на Казань [7. С. 27, 30]. Такая версия принадлежит видному красному военачальнику, впоследствии историку Г.Х. Эйхе, который подчеркивал особую важность осенних боев 1918 г. на Средней Волге.

В действительности же под Иркутском действовали два (6-й Ганатский и 7-й Татранский) неполного состава полка указанной дивизии, тогда как большинство ее сил (еще три полка, артбригада, технические роты) находились в Южном Приморье. Стремясь соединить эти разделенные огромными расстояниями силы, командование белого Восточного фронта не сочло возможным отправить на Урал до половины своих бойцов (3350 чел.), сославшись на неготовность новых формирований в Иркутске и на контрнаступление 29–31 июля красных войск на Байкале. Иркутская дивизия и 2-я чехословацкая дивизия на Урале под Екатеринбургом появились в начале сентября

и середине октября 1918 г. соответственно. Современный уральский историк А.М. Кручинин также подробно анализирует нереализованный белыми шанс задействовать их в августе 1918 г. на Средней Волге под Симбирском и Казанью [8. С. 152–155].

Отечественными исследователями проделана большая работа по уточнению на широком историческом фоне роли ключевых персоналий и введению в научный оборот соответствующих источников [9–12]. Расширение источниковой базы, уход от идеологической предвзятости, совершенствование исследовательской методологии и методов обусловили успехи научного осмысления. Дискуссии и споры в научной среде, на наш взгляд, утратили эмоциональную остроту, но стали более предметными, приобрели несоразмеримо большую, чем когда-либо прежде, фактологическую и логическую содержательность. Историки не торопятся переходить к обобщению, воздерживаются (возможно, только пока) от выдвижения общих схем и теоретических моделей, объясняющих все и вся. Авторы чаще предпочитают следовать за источниками, анализировать и преимущественно развивать уже сложившиеся в историографии положения. Встречаются и удачные примеры (заслуживающие взятия на методическое вооружение) развернутой критики источников и построения непротиворечивой картины конкретного боя [13].

Представляются перспективными широкое применение как общих подходов признанного классика А.А. Свечина, так и проверка выделенных им особенностей ведения Гражданской войны. Говоря об исследовательских подходах, он еще в 1930 г. подчеркивал, что «наши военно-исторические работы главным образом, к сожалению, пишутся в стратегическом и оперативном разрезе и базируются на архивном исследовании переписки Ставки, фронтов, армий, в лучшем случае – штабов корпусов. А между тем какой бюрократической, нереальной, оторванной от жизни, тусклой представляется… переписка высших штабов по сравнению с сочными, если не правдивыми, то все же близкими к жизни документами архивов пехотных и артиллерийских частей, с полевыми книжками, исписанными под огнем, в цепях или на наблюдательных пунктах… Можно впасть в грубейшие ошибки, если без надежного путеводителя, не запасшись большой дозой скептицизма, начать восстанавливать тактические эпизоды по уцелевшим обрывкам документов» [14. С. 8].

В оценке Гражданской войны, А.А. Свечин указывал, что «сообщения временно потеряли значения, вследствие бедности центра,

вследствие незначительной величины масс и широкого использования местных средств; даже сражались в значительной степени оружием, вырванным из рук врага», что «наступление против Колчака производилось, по существу, силами и средствами лишь самой Сибири, собравшимися вокруг кадров, пришедших из России»[15. С. 285, 139].

Особо отметим, что прежние историографические трактовки уже сами стали историей, обеспечили социально-политические и экономические последствия, развившиеся позднее в управленческие решения, в пропаганду, в общий интеллектуальный фон и т.п. и т.д. В развитие тезиса выразим робкую надежду, что исследовательские трактовки не будут впредь подгоняться под политическую конъюнктуру, как это бывало почти всегда и везде. Либо следует признать эту подгонку неизбежной и выводить за скобки методологически.

Напротив, общественное осмысление значения Гражданской войны закономерно находится на своеобразном перепутье, а общая дидактическая оценка современных следствий давних военных событий пребывает в процессе выработки. Если предельно упростить картину, очевидно, что адмирал А.В. Колчак и его сподвижники, сражаясь, отстаивали ту социально-экономическую модель, которую реализует или как минимум декларирует современная Российская Федерация: частная, а не общественная собственность; приоритет национальных интересов над интернациональными. Иначе говоря, получается, что условные «колчаковцы» в 1918–1919 годах предлагали идти по тому пути, к которому наша страна вернулась в 1991–1992 годах, спустя семь десятилетий. А из этого следует неизбежное обсуждение – это сейчас (с 1991 г.) мы идем не туда, или тогда (в 1919 г.) пошли не туда? Если же направить советскую ностальгию в конструктивное русло, то есть вероятность получить развернутый и аргументированный ответ на вопрос, почему не случилась «неизбежная и закономерная» мировая революция.

Исход любой войны не является предрешенным на всем ее протяжении. От каждого эпизода, решения, подвига зависит возможный перелом и окончательный финал. Историографический задел оказывает и будет оказывать на изучение двойственное влияние, делая полезным и перспективным как свое дальнейшее развитие, так и критическую, но непредвзятую ревизию.

Литература

1. *Кручинин А.М.* Падение красного Екатеринбурга. Военно-исторический очерк о событиях на Среднем Урале и Зауралье с 13 июля по 12 августа 1918 года. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2005. – 200 с.

2. *Симонов Д.Г.* Белая Сибирская армия в 1918 году: монография. – Новосибирск, 2010. – 612 с.

3. *Ситников М.Г.* Полковник Н.Н. Казагранди и боевые колонны // Белая армия. Белое дело. – 2009.– № 17. – С. 5–48.

4. *Винокуров О.* Битва на Тоболе: 1919-й год в Курганской области. – Шумиха, 2013. – 272 с.

5. *Вебер М.И.* Антибольшевистское повстанчество на Урале в годы Гражданской войны (1918–1919): дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2014. – 310 с.

6. *Керсновский А.А.* Философия войны. – М.: Вече, 2018. – 336 с.

7. *Эйхе Г.Х.* Опрокинутый тыл. – М.: Воениздат, 1966. – 384 с.

8. *Кручинин А.М.* Падение красного Екатеринбурга. Военно-исторический очерк *о с*обытиях на Среднем Урале и Зауралье с 13 июля по 12 августа 1918 года. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2005. – 200 с.

9. *Ганин А.В.* Черногорец на русской службе: генерал Бакич. – М.: Русский путь, 2004. – 240 с.; *Генерал Дитерихс*. – М.: Посев, 2004. – 634 с.; *Ганин А.В.* Атаман А.И. Дутов. – М.: Центрполиграф, 2006. – 623 с.

10. *Генерал* Дитерихс. М.: Посев, 2004. – 634 с.

11. *Ганин А.В.* Атаман А.И. Дутов. – М.: Центрполиграф, 2006. – 623 с.

12. *Каппель* и каппелевцы. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Посев, 2007. – 734 с.

13. *Посадский А.В.* Ижевская бригада в бою 9 мая 1919 г. глазами белых и красных // Сибирский исторический альманах. Т. 2. Сибирь на переломе эпох. Начало XX века. – Красноярск: Версо, 2011. – С. 134–137.

14. *Свечин А.А.* Искусство вождения полка. По опыту войны 1914–1918 гг. Т. 1. – М.; Л., 1930. – 216 с.

15. *Свечин А.А.* Искусство политики и войны. Наука стратегии. – М.: Вече, 2018. – 400 с.

DOI: 10.17223/94(47).084.3(571)/T1/53

УДК: 94(47).084.3(571)

Я.В. Капустина

ИСТОРИОГРАФИЯ О ЖИЗНИ ГОРОДА КРАСНОЯРСКА В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. *Рассказывается о научных работах историков о жизни Красноярска в довольно сложный период революции и Гражданской войны, в которых рассмотрены различные аспекты жизни города в политическом, экономическом, социально-культурном и повседневном плане. В статье показаны авторы, занимающиеся в разные годы XX – начала XXI в. темами, которые являются актуальными и в нынешнее время.*

Ключевые слова: *история Красноярска, городская среда, исследование, революция, Гражданская война.*

Проблема «города» как социокультурного явления, актуальность которой в системе гуманитарных знаний прослеживается уже длительное время, оценивается как одна из наиболее сложных и остро дискуссионных.

В изучении истории Красноярска на советском этапе превалировала в основном историко-партийная проблематика. Одной из первых попыток осмыслить события революционной борьбы в Красноярске стала книга члена Средне-Сибирского областного бюро РСДРП (б) Б.З. Шумяцкого [1], принимавшего активное участие в установлении советской власти в Красноярске. В 1920–1930-е гг. революционные события в Красноярске освещались в основном в общих работах по истории Сибири. Одной из первых работ, специально посвященных изучению деятельности Красноярской партийной организации в период между Февральской и Октябрьской революциями, явилась книга В.П. Сафронова «Красноярская большевистская организация в период подготовки и проведения Октябрьской социалистической революции (апрель 1917–1918 гг.)» (Красноярск, 1952). Самым значительным явлением в историографии проблемы становления советской власти в Енисейской губернии стало диссер-

тационное исследование М.Б. Шейнфельда «Борьба Советов Енисейской губернии за союз рабочего класса и трудящегося крестьянства в первый период советской власти в Сибири (ноябрь 1917 – июнь 1918 гг.)». На основании анализа широкого круга исторических источников автор сумел раскрыть сложный и противоречивый процесс формирования новых органов власти, в том числе и в губернском центре, проходивший в острой борьбе различных социально-политических сил. Е. Нифантьев [2] со своей точки зрения описал пребывание в Красноярске иностранных интервентов и колчаковских войск. Он отмечал, что при них царила дикая расправа за принадлежность или сочувствие большевикам, велись непрерывные обыски, сопровождаемые арестами и расстрелами.

Толчком для дальнейшего изучения проблемы становления советской власти в Красноярске стало празднование сорокалетнего юбилея Октябрьской революции. В юбилейной серии вышел ряд изданий, которые содержали публикации воспоминаний участников революционных событий в Красноярске и губернии, документальных материалов из фондов крайпартархивов и исследования [3].

В 1960-е гг. появляется фундаментальное исследование В.П. Сафронова «Октябрь в Сибири» (Красноярск, 1962). Хотя автор рассматривает сложный комплекс вопросов об особенностях становления новой власти на общесибирском материале, тем не менее, в книге уделяется немало внимания событиям 1917 г. в Красноярске. В.А. Кадейкин [4] в своих исследованиях также анализирует деятельность большевистского подполья и рабочего движения в Сибири в годы Гражданской войны, приводя много примеров и фактов из жизни города Красноярска.

В связи с подготовкой к празднованию пятидесятилетия Октябрьской революции по решению бюро крайкома КПСС было предпринято издание двухтомного труда по истории Красноярской партийной организации [5], в котором подводились итоги социалистического строительства в крае. Первый том этого издания охватывает период от возникновения первых марксистских кружков в губернии до восстановления советской власти после окончания Гражданской войны.

Рассматривая хозяйственную жизнь города в социально-экономическом и бытовом аспекте, советские историки обвиняли в катастрофической экономической ситуации, сложившейся в го-

ды революции и Гражданской войны, «белый режим». Так, Ю.В. Журов ставит в вину колчаковскому режиму отмену государственной монополии на торговлю хлебом и продуктами, которая, по его словам, прямо привела к полнейшему хаосу в продовольственной политике [6].

Анализ литературы 1980–1990-х гг., посвященной истории жизни горожан в период революции и Гражданской войны, показывает, что расширилась источниковедческая база исследований. Жизнь человека в городской среде начинает интересовать многих историков, которые интерпретируют факты, явления и события с различных точек зрения.

В экономической сфере Л.П. Бердников рассматривает вопросы недостатка продуктов питания, установления твердых цен на товары при советской власти и отмены их при режиме Колчака, разрухи промышленного производства, транспорта, средств связи [7].

Сибирских историков также начинает интересовать тематика социально-экономической, политической жизни городов в период революции и Гражданской войны. Красноярский историк Л.Э. Мезит [8], рассматривая политическую, экономическую стороны жизни города Красноярска в годы Гражданской войны, отмечает, что важной характеристикой уровня развития общества в целом и непосредственно сферы быта являются материальные условия жизни людей. Так, в указанный период в Красноярске ощущался острый дефицит товаров. Большая часть продуктов распределялась по карточкам, цены на «вольном рынке» были очень высокими.

Рассматривая биографии представителей красноярской власти, Л.П. Бердников в книге «Вся красноярская власть. Очерки истории местного советского управления и самоуправления (1917–1993). Факты, события, люди» обращается к деятелям городского и краевого Советов, а также к партийным руководителям [9]. Автор анализирует действия «белой» и «красной» властей, отмечает положительные и отрицательные стороны работы городского самоуправления, пишет о проблемах социально-бытового плана (дороговизне, недостатке продуктов питания, антисанитарии и т.д.), также касается вопросов ментально-культурного плана (отношение населения к властям; реакция населения на невзгоды, которая проявлялась в слухах, преступлениях).

Историков привлекают также вопросы деятельности органов местного самоуправления в годы Гражданской войны. А.А. Мышан-

ский, рассматривая деятельность Красноярской городской думы и губернской земской управы, заключает, что попытки их представителей сыграть роль «третьей силы», равноудаленной от большевизма справа и слева, в годы Гражданской войны окончились провалом по причине отсутствия политического опыта и социальной опоры [10].

Попытка обоснования новой концепции революционных событий 1917 г. в Сибири содержится в работе А.Г. Рогачева и С.В. Максимова «Динамика модернизации российских социально-политических и экономических процессов 1917–1918 гг. на историческом поле Сибири». Ее авторы, рассматривая деятельность Красноярского Совета с февраля 1917 г. по июнь 1918 г., приходят к выводу, что хотя вплоть до Октябрьской революции в Красноярске существовала альтернатива установлению диктатуры большевиков, тем не менее, она не реализовалась по причине высокого социального напряжения в массах, вызванного продолжавшейся войной. Этими антивоенными настроениями и нерешенностью социальных вопросов воспользовались большевики. В отличие от работ советских историков, Рогачев и Максимов уделяют много внимания деятельности городской думы и Временного Сибирского правительства [11].

Врачебно-санитарное состояние городов Сибири, и в частности Красноярска, подробно описали Н.П. Федотов и Г.И. Мендрина в монографии «Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири». В работе показано антисанитарное состояние городов, массовый характер эпидемических болезней, борьба властей с тифом, холерой и другими заразными болезнями в годы Гражданской войны и после нее, отмечена нехватка больничных мест и медикаментов. Особенно тяжело было лечить военнопленных, беженцев, прибывших из центра России [12]. А.А. Клюкина [13] показывает распространение эпидемий как одно из следствий Гражданской войны, описывает мероприятия советской власти по борьбе с ними, приводит данные смертности от тифа, оспы, холеры. О деятельности медицинских учебных заведений, в частности женской фельдшерской школы, свидетельствует исследование О.М. Долидович [14].

В социально-культурном аспекте рассмотрены работы сибирских и красноярских историков, издаваемые в разные годы.

З.П. Звягин рассматривает структуру и деятельность городской и уездной милиции при Колчаке. Он отмечает ограниченные полномочия милиции и сосредоточение руководства милицией полностью в руках руководителей губерний, а в Енисейской губернии – у П.С. Троицкого [15].

В своих работах А.Н. Никитин анализирует проблемы правоохранительных органов белого режима, действия милиции по отношению к гражданам, восприятие гражданами органов правопорядка [16]. М.Д. Северьянов в своих исследованиях [17] отражает отношения между людьми, приводит примеры жестокого обращения друг с другом непримиримых сторон.

Культурную и духовную жизнь населения в годы Гражданской войны описали исследователи В.Л Соскин и П.Д. Муратов [18]. П.Д. Муратов раскрывает деятельность красноярских и российских художников по организации секций ИЗО, выставок художников. В.Л. Соскин отмечает деятельность антибольшевистских правительств в области культуры и народного образования, их неспособность справиться со сложившейся критической обстановкой в этих сферах, указывает на сложное положение с кадрами в народном образовании.

На материалах г. Красноярска Г. Кожевниковым [19] рассматривается культурная и просветительская деятельность «Дома рабочей молодежи». Исследователями Ю.Н. Яблоковым, О.А. Кузнецовой [20] велась работа над темой народного образования в годы Гражданской войны.

В последние годы в Красноярске вышел ряд научных сборников статей [21], где публикуются материалы по истории революции и Гражданской войны, отражающие жизнедеятельность простых людей в городской среде.

Советская историческая литература, посвященная Гражданской войне, уделяла огромное внимание военным действиям на различных участках фронтов, партизанскому движению, политическим силам и их расстановке. Однако в литературе последних лет наметились совершенно новые подходы к освещению политической, экономической, социальной, повседневной, истории. Более широко стали рассматриваться повседневные социальные проблемы города.

Литература

1. *Шумяцкий Б.* Сибирь на путях к Октябрю. – М.: Государственное издательство. 1927. – 126 с.

2. *Нифантьев Е.* Город на Енисее. – Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1954. – 80 с.

3. *Славное* сорокалетие. – Красноярск, 1957; *За власть* Советов: сборник документов о борьбе за власть Советов в Енисейской губернии (март 1917 – июнь 1918). – Красноярск: Красноярское книжное изд-во,1957. – 332 с.

4. *Кадейкин В.А.* Сибирь непокоренная (большевистское подполье и рабочее движение в сибирском тылу в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны). – Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1968. – 560 с.

5. *Очерки* истории Красноярской партийной организации. Т. 1. – Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1967. – 406 с.

6. *Журов Ю.В.* Гражданская война в сибирской деревне. – Красноярск: Изд-во КГУ,1986. – 196 с.

7. *Бердников Л.П.* Вся красноярская власть. – Красноярск, 1996.

8. *Мезит Л.Э.* Красноярск в годы революции и гражданской войны // Красноярск. Этапы исторического пути. – Красноярск, 2003.

9. *Бердников Л.П.* Вся красноярская власть. Очерки истории местного советского управления и самоуправления 1917–1993 гг. – Красноярск, 1996. – 316 с.

10. *Мышанский А.А.* Самоуправление Енисейской губернии на рубеже 1919–1920 гг. // Власть и общество. Региональные аспекты проблемы. К 180-летию Енисейской губернии: Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. – Красноярск, 2002. – 220 с.

11. *Рогачев А.Г., Максимов С.В.* Динамика и модернизация российских социально-политических и экономических процессов 1917–1918 гг. на историческом поле Сибири. – Красноярск: КГУ.1999. – 144 с.; *Рогачев А.Г.* Альтернативы российской модернизации: сибирский аспект. – Красноярск: КГУ, 1997. – 194 с.

12. *Федотов Н.П., Мендрина Г.И.* Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. – Томск, 1975. – 250 с.

13. *Клюкина А.А.* Эпидемии как одно из последствий гражданской войны в Енисейской губернии и борьба с ними // Гражданская война в Сибири: сборник докладов и статей научной конференции / под ред. М.Д. Северьянова. – Красноярск, 1999. – 238 с.

14. *Долидович О.М.* Красноярская женская фельдшерская школа (к истории создания и деятельности) // Красноярский край – 70 лет исторического пути: V краеведческие чтения. – Красноярск: ГУНБ Красноярского края, 2005. – 232 с.

15. *Звягин С.П.* Правоохранительная политика А.В. Колчака. – Кемерово: Кузбассиздат, 2001. – 350 с.

16. *Никитин А.Н.* Органы государственной власти «белой» России: борьба с должностными преступлениями. – М.,1997. – 68 с.

17. *Северьянов М.Д.* Размышления о революции. – Красноярск: КрасГАСА, 1998. – 187 с.; *Северьянов М.Д.* Капитализм в Советской России 1917–1937. – Красноярск: Кларентинум, 2001. – 266 с.

18. *Муратов П.* Художественная жизнь Сибири 1920-х гг. – Л.: Художник РСФСР, 1974. – 143 с.; *Соскин В.Л.* Очерки истории культуры Сибири в годы революции и гражданской войны 1917–1921 гг. – Новосибирск: Наука, 1965. – 281 с.

19. *Кожевников Г.* Дом рабочей молодежи // Красноярск и красноярцы. – Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1978. – 512 с.

20. *Яблоков Ю.Н., Кузнецова О.А.* Основание и деятельность Красноярского учительского института (1916–1920 гг.) // Народное образование в Красноярском крае: III краеведческие чтения. – Красноярск, 2002. – 198 с.

21. *Народное* образование в Красноярском крае: III краеведческие чтения. – Красноярск, 2002.; *Енисейской* губернии 180 лет: IV краеведческие чтения. – Красноярск, 2003.; *Красноярский* край – 70 лет исторического пути: V краеведческие чтения. – Красноярск, 2005.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9 /T1/54

УДК: 930.1

Ж.А. Гумерова

ГЕОРГИЙ ПЕТРОВИЧ ФЕДОТОВ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. *Рассматриваются взгляды на историческое наследие Г.П. Федотова в постсоветской историографии, анализируется характер восприятия его основных идей. Также выявляется эвристическая ценность теоретико-методологических подходов и конкретно-исторических взглядов.*

Ключевые слова: *Г.П. Федотов, история культуры, историография, антропология религии, историософия.*

В эмиграции фигура Георгия Петровича Федотова была достаточно известной. Интерес в русскоязычной среде вызывали как отдельные вопросы историософской концепции мыслителя, так и его политические взгляды. В исследовательской литературе советского периода творчество Г.П. Федотова по идеологическим причинам «выносится за скобки», рассматривается лишь в рамках деятельности журнала «Новый Град» [1], упоминается в числе реакционных авторов «агонизирующей» белой эмиграции [2. С. 155], встречается в энциклопедической статье, содержащей краткое изложение его воззрений [3. С. 309–310]. В 80-е гг. XX в. в Нью-Йорке и Париже начинается переиздание трудов Г.П. Федотова, к ряду которых прилагались вступительные статьи. Ренессанс творчества мыслителя на Западе объясняется тем, что интеллигенция, покидающая СССР в конце 1970-х, с расстояния видит агонию режима, что, в свою очередь, актуализирует вопросы определения судеб страны.

Возвращение наследия Г.П. Федотова на родину, как, впрочем, всего эмигрантского наследия, происходит в 1990-е гг. – переиздаются его труды, с 1996 года начинается публикация сочи-

нений в 12 томах. В это же время начинается изучение его творчества.

В данной работе делается попытка выявить «узловые» направления и проблемы изучения творчества Г.П. Федотова. Спектр исследований определяется особенностью историописания мыслителя, актуальностью поставленных им проблем, а также современным состоянием отечественной исторической науки.

Имя Г.П. Федотова включается в комплексные работы по русской эмигрантской мысли, посвященные определенной проблеме, будь то свобода, революция, интерпретация истории советского периода и желаемого будущего России [4–6]. Рассматриваются взгляды и в более широком временном контексте, в частности, в рамках истории русской философии [7, 8]. Объяснить это внимание можно репрезентативным выражением в его творчестве основных черт русской эмигрантской мысли, представители которой являлись продолжателями интеллектуально-духовной традиции России. Ф.И. Гиренок называет работы Г.П. Федотова по истории русской культуры классическими [7. С. 301], Л.А. Гаман, рассматривая его творчество в одном ряду с Н.А. Бердяевым и И.А. Ильиным, характеризует его как общепризнанного классика русской эмигрантской религиозно-философской мысли [5. С. 315]. В этой фразе четко прослеживается образ Г.П. Федотова, сложившийся в современной историографии. Однако он не получил звания крупного авторитета эпохи. В большом количестве работ, посвященных непосредственно Федотову, исследуются вопросы, являющиеся центральными для русской эмиграции, выявляется его видение проблем, точки сближения и расхождения с современниками. Замечу, что контекст изучения его творчества не определяется только философией и историей. Интерес наблюдается и к различным аспектам социологического творчества [9], политическим идеям [10, 11], что объясняется междисциплинарным характером творческого наследия мыслителя.

Внушительная часть исследований связывается с актуальными для современного общества вопросами. В частности, в 1990-е гг. вновь приобрела значимость «русская идея». В этом ключе востребованной становится историософия мыслителя – его попытки выявить особенности исторического пути России, понять ее предназначение в мировой истории. Основные темы концентрируются вокруг вопросов, связанных с образом России, отличительными чертами

русской культуры и национального сознания, дальнейшими путями развития страны. Они изучаются либо в тесной связи с идейными воззрениями и духовной эволюцией мыслителя [12], либо отмечается цитирование его отдельных мыслей в контексте рассмотрения определенной проблемы [13].

Методологические конструкции Федотова представляют интерес в свете антропологически ориентированной направленности гуманитарного знания. Обращаясь к научно-исследовательским установкам мыслителя, сошлемся на М. Раева, заметившего, что в России Г.П. Федотов является пионером изучения антропологии религии в историческом контексте [14. С. 231]. В современных российских исследованиях это направление развивается в ключе, заданном в начале XX в., и связано с изучением истории русской религиозности, «народного православия» [15]. В ряде работ присутствуют ссылки на такие исторические труды, как «Святые Древней Руси» и «Стихи народные», Федотов признается серьезным специалистом по изучению русской религиозности [16, 17].

Федотовский подход к изучению материала рассматривается в связи с формированием новой модели исторического исследования рубежа XIX–XX вв. «Культурологический дискурс Г.П. Федотова демонстрировал ресурсные возможности исторической компаративистики, герменевтики, культурной антропологии и истории ментальности, отражая поворот отечественной науки к новому пониманию предмета и методов исторического исследования» [6. С. 314]. Наследие актуально в контексте разрыва между позитивизмом и новой исторической наукой. Г.П. Федотова нельзя назвать теоретиком исторической науки, поэтому его имя не встречается в работах, посвященных ее развитию. Однако он был учеником И.М. Гревса, основателя Петербургской школы медиевистики, оказавшего влияние на формирование его исследовательских интересов и методов, примененных им на русском материале. Вместе с тем согласимся с отмечающимся небольшим вкладом Г.П. Федотова в медиевистику. Это нашло отражение в том, что при изучении школы И.М. Гревса на его персоне внимание не заостряется.

Большой интерес представляет биография мыслителя. Первые довольно полные биографические очерки появляются еще в начале 1990-х гг. [18, 19]. Сегодня уточняются отдельные моменты биографии мыслителя, публикуются документы и письма, позволяющие

более глубоко понять личность Федотова, картину его взглядов и идей, мотивацию поступков [20–22]. Активно в этом направлении работает А.В. Антощенко, вводящий в оборот источники личного происхождения, хранящиеся в российских и зарубежных архивах и библиотеках, и справедливо отмечающий недостаточный корпус исторических материалов, используемых при воссоздании биографии Г.П. Федотова [23, 24]. В ряде работ исследователь публикует документы и предлагает самостоятельно сделать выводы, предваряя их характеристикой формирования и эволюции представлений о том или ином событии либо намечая необходимые факты биографии. Часть статей представляет изучение фактов биографии с целью выявления социального контекста или его эмоциональных переживаний и мотивов поступков [25, 26]. Эти исследования отражают методологические поиски историографии конца XX в., сосредоточены на персональной истории, – «реконструкция личной жизни и неповторимых судеб отдельных исторических индивидов, изучение формирования и развития их внутреннего мира рассматриваются *одновременно* – и как главная цель исследования, и как одно из эффективных средств познания того исторического социума, в котором они жили и творили, радовались и страдали, мыслили и действовали» [27. С. 8–9]. Отмечу, что интерес к личности и духовной эволюции Г.П. Федотова присутствует в трудах других авторов, однако анализ делается, прежде всего, на основе публикаций мыслителя, при этом задействуется совсем небольшой объем источников личного происхождения.

Таким образом, актуальный исследовательский контекст можно обозначить как анализ введенных в оборот архивных материалов, диссертации, монографии, рассмотрение взглядов в рамках исследований, посвященных в целом наследию русской эмиграции, а также изучение отдельных вопросов творчества Г.П. Федотова. Востребованность творческого наследия мыслителя объясняется эвристической ценностью его идей и подходов.

Литература

1. *Кувакин В.А.* Религиозная философия в России: начало XX века. – М. : Мысль, 1980. – 309 с.

2. *Шкаренков Л.К.* Агония белой эмиграции. – М. : Мысль, 1981. – 231 с.

3. *Вольфкович М., Ляликов Р.* Федотов // Философская энциклопедия : в 5 т. Т. 5. – М. : Советская энциклопедия, 1970.

4. *Волкогонова О.Д.* Образ России в философии русского зарубежья. – М. : Рос. полит. энцикл., 1998. – 325 с.

5. *Гаман Л.А.* Революция 1917 г. и советская история в освещении русской религиозной эмигрантской мысли. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. – 332 с.

6. *Ивонина О.И.* Время свободы. Проблема направленности истории в христианской исторической мысли России XIX – середины XX века. – Новосибирск : Изд. НГПУ, 2000. – 442 с.

7. *Гиренок Ф.И.* Патология русского ума. Картография дословности. – М.: Аграф, 1998. – 416 с.

8. *Сухов А.Д.* Русская философия: особенности традиции, исторические судьбы. – М. : ИФ РАН, 1995. – 157 с.

9. *Селиванова Ю.В.* Социально-политические взгляды Г.П. Федотова: дис. … д-ра социолог. наук. – Саратов, 2005. – 303 с.

10. *Исмаилов А.С.* Концепция «христианской демократии» Г.П. Федотова (политико-философский анализ): дис. … канд. политич. наук. – М., 2013. – 154 с.

11. *Кара-Мурза А.А.* На пути к христианскому либерализму: эволюция концепции «свободы» в трудах Г.П. Федотова // Политическая концептология. – 2015. – № 1. – С. 187–208.

12. *Киселев А.Ф.* Страна грез Георгия Федотова (размышления о России и революции). – М. : Логос, 2004. – 324 с.

13. *Аксючиц В.* Образ русского ума [Электронный ресурс] // Агентство политических новостей. – URL: https://www.apn.ru/index.php?newsid=31341 (дата обращения: 23.08.2019)

14. *Раев М.* Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции. 1919–1939 / пер. с англ.; предисл. О.Казниной. – М.: Прогресс – Академия, 1994. – 296 с.

15. *Кром М.М.* История России в антропологической перспективе: история ментальностей, историческая антропология, микроистория, история повседневности [Электронный ресурс] // URL: http://achronicle.narod.ru/krom.html (дата обращения: 01.08.2019).

16. *Живов В.М.* Святость // Краткий словарь агиографических терминов. – М. : Гносис, 1994. – 112 с.

17. *Домников С.Д.* Мать-Земля и Царь-город. Россия как традиционное общество. – М. : Алетейя, 2002. – 672 с.

18. *Бойков В.Ф.* Судьба и грехи России (философско-историческая публицистика Г.П. Федотова) // Федотов Г.П. Судьба и грехи России : избр. статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. – СПб., 1991. – Т. 1. – С. 3–38.

19. *Бычков С.С.* Георгий Петрович Федотов (биографический очерк) // Федотов Г.П. Собр. соч.: в 12 т. – М., 1996. – Т. 1. – С. 5–50.

20. *Русакова З.Е.* Из биографии философа, историка и публициста Г.П. Федотова // Сов. архивы. – 1991. – № 6.

21. *Михеева Г.В.* К биографии русского философа Г.П. Федотова // Отечественные архивы. – 1994. – № 2.

22. *Войтенко А.А.* Курс по агиологии Г.П. Федотова в Богословском институте в Париже. Новые данные // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. – 2016. – №4(49). – С. 24–35.

23. *Антощенко А.В.* Значение материалов российских архивов и библиотек для изучения биографии Г.П. Федотова // Ученые записки Петроградского государственного университета. – 2012. – №. 7-2 (128). – С. 7–12.

24. *Антощенко А.В.* Г.П. Федотов в поисках академической карьеры в США // Мир историка. – Омск. – 2014. – С. 201–223.

25. *Антощенко А.В.* Г.П. Федотов о февральской революции // Вестник архивиста. – 2017. – № 2. – С. 258–271.

26. *Антощенко А.В.* Годы магистерской подготовки Г.П. Федотова // Ученые записки Петроградского государственного университета. – 2014. – №. 1 (138). – С. 7–11.

27. *Репина Л.П.* Личность и общество, или История в биографиях // История через личность : Историческая биография сегодня. – М. : Квадрига, 2010. – С. 5–18.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/55

УДК: 930

В.П. Корзун

А.В. ФЛОРОВСКИЙ, Н.Л. РУБИНШТЕЙН: ДВА ИЗМЕРЕНИЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА[1]

Аннотация. *В статье анализируется факт коммуникативного взаимодействия двух историков – эмигранта А.В. Флоровского и полупризнанного классика советской историографии Н.Л. Рубинштейна. Сравниваются два подхода к пониманию российского историографического процесса. Для Флоровского характерна расширительная, гибридная его трактовка – история исторического познания плюс дисциплинарный аспект. Рубинштейн понимает под историографическим процессом, прежде всего, концептуализированную историю исторической науки.*

Ключевые слова: историографический процесс, советская историография, эмигрантский историографический нарратив, историческая мысль, историческое познание, коммуникация.

Начну с дефиниции, наличествующей уже в названии статьи. Термин «историографический процесс», прочно прижившийся в лексиконе историографов, в современных исследованиях не отрефлексирован в должной мере. Содержательно значимой представляется попытка украинской исследовательницы Т.Н. Поповой дать развернутое определение этой дефиниции. В ее понимании историографический процесс – «объект познания дисциплины историографии – включает в себя все многообразие сюжетов, сторон, аспектов, феноменов и т.п., связанных с существованием и «движением» (отнюдь не в одновекторном варианте) исторического познания /знания/науки/дисциплины)» [1. С. 313]. Автор выделяет 5 моделей историографического процесса, отличающихся содержательным наполнением: 1) историографический процесс как история

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00397 «Из двух углов: отечественный историографический процесс в оценке эмигрантских и советских историков (1920–1930-е гг.)».

исторического познания; 2) как история исторической науки; 3) как история дисциплины истории – дисциплинарная история; 4) как социокультурная система; 5) как история дисциплины историографии [1. С. 313–316]. Динамика самого историографического процесса разворачивается в результате смены историографических ситуаций. Как представляется, перечисленные модели коррелируют с пониманием предмета историографии и больше – с образами исторической науки. Историографический процесс в значительной степени персонифицирован. Различные варианты прочтения его раскрываются через творчество конкретных историков, даже случайные, фрагментарные, лишенные перспектив контакты между которыми могут выступить мощным стимулятором исследовательских интенций, включить нормативную обязательность научных процедур и тем самым прояснить линейку оценки историографического процесса. Причем нужно иметь в виду, что в реальной практике скорее всего исследователь будет иметь дело с гибридными моделями историографического процесса.

Выбранные нами для рассмотрения в данном ракурсе фигуры не случайны. Н.Л. Рубинштейн слушал лекции молодого преподавателя А.В. Флоровского в Новороссийском (Одесском) университете. Позже оба стали знаковыми фигурами на историографическом поле. Флоровский как историограф состоялся в эмиграции, Рубинштейн стал крупнейшим советским историографом, а его «Русская историография» до сегодняшнего дня остается востребованной в профессиональном сообществе историков. Оба читали курсы русской историографии – Флоровский в Карловом университете в Праге, Рубинштейн в МИФЛИ и МГУ. В первые годы после высылки Флоровского из России историки состояли в переписке (судя по ее содержанию, ролевых изменений не произошло – ученик советовался с учителем на предмет дальнейшей научной работы, информировал его о житейской и научной одесской повседневности) [2. Л. 1–3, 10 об.]. Эпизодические контакты, прерванные в середине 1920-х г. возобновляются после Великой Отечественной войны, в новой исторической и научной реальности.

Точкой историографического соприкосновения явилась «Русская историография» Рубинштейна, с большим трудом добытая автором для пересылки Флоровскому по настоятельной просьбе последнего. «Если у Вас найдется лишний экземпляр, пришлите мне, это ведь настольная книга для нашего брата-историка» [3]. И Флоровский во

второй половине 1947 года пишет на присланную книгу рецензию на русском и французском языках [4]. Рецензия не была опубликована, в научном пространстве не функционировала – неизвестно даже, сумел ли с ней ознакомиться сам Рубинштейн. Тем не менее она историографически информативна в плане понимания советского и эмигрантского историографического нарратива, особенностей и пределов их творческого взаимодействия. Или, иными словами, по большому счету текст рецензии актуализирует проблему места и роли эмигрантской историографии, ее дней и трудов в формировании советского историографического дискурса.

Обзорные статьи, отслеживающие «по горячим следам», почти в режиме онлайн развитие советской и эмигрантской историографии, создаются Флоровским в 1920–1930-е годы [5–10]. Они написаны в духе «старого доброго позитивизма», более того, как нами уже отмечалось, привычный историографический нарратив разбалансируется, происходит его архаизация, Флоровский огрубляет собственный инструментарий историографического анализа, возвращается к «инвентарному» – регистрационно-библиографическому методу. Эта «феноменологическая инвентаризация», как ни странно, в условиях эмиграции оказывается научно плодотворной, позволяющей избежать излишней идеологизированности, представить содержательную сложность советской исторической науки, освоение новой исследовательской проблематики в ее жестких регулятивных рамках.

С позиций академической позитивистской объективности Флоровский подходит и к оценке труда Рубинштейна. Эта книга трактуется им как продолжение и в определенной степени завершение попыток ряда научных опытов по созданию обобщающей картины развития отечественной историографии. Способность идеологически мотивированной советской историографии к «определенным достижениям в определенных областях» (социально-экономическая история России, история революционного движения и т.д.) Флоровским признавалась и раньше, в частности, в 1933 году в рукописном варианте библиографического обзора советской историографии он отмечал «значительные успехи советской исторической науки в изучении прошлого России», по его словам, «историческая литература в советской России обильна и богата полноценными плодами» [11. Л. 11]. В то же время советский историографический процесс оценивался Флоровским путем референции к дореволюционной научности, профессиональное сообщество «академических», «несоветских»

историков (дореволюционных и эмигрантских) рассматривается как, по сути дела, референтная группа, а советское научное сообщество, как и рожденный революцией политический строй, как явление временное, скоропреходящее по историческим меркам. Соответственно в ближайшем будущем должно было произойти возвращение к нормальной научности, свободе исследовательской деятельности, восстановлению единства отечественного историографического процесса (советской и эмигрантской его ветвей) на принципах классического, дореволюционного профессионализма. По смысловому контексту рассуждений Флоровского эмигрантские историки-носители дореволюционной научности, оказавшиеся «в вынужденной зарубежной научной командировке», должны были выступить организаторами этого процесса.

Оценки и упования Флоровского, характерные для периода 1920–1930-х гг., существенно трансформируются в послевоенное время. Картину исторического развития принципиально изменяет победа СССР в войне, а картину историографического – случайно/закономерно попавшая в руки Флоровского «Русская историография» Рубинштейна. Флоровский – человек науки, дотошный, «высокий профессионал» – в рецензии на книгу своего бывшего ученика вынужден признать, что советская историография оказывается способной сделать значительный шаг вперед, по сравнению с дореволюционной, в осмыслении путей развития самой исторической науки. Он сталкивается с иным измерением историографического процесса и пытается его понять.

И в этих попытках постижения «значительного, но принципиально чужого» перед нами прорисовываются исследовательские интенции двух историков, особенности моделирования ими отечественного историографического процесса. Эти особенности вытекают из когнитивного целеполагания авторов и, даже шире, особенностей их миросозерцания. Для Рубинштейна сверхзадачей (блестяще реализуемой) является полномасштабный научный синтез, познание действительной закономерности развития русской исторической науки, создание грандиозных историографических конструкций на базе адекватно понимаемого марксизма. Для Флоровского – полнота отображения историографического процесса, фиксации / инвентаризации историографических проявлений, фактологического ряда развития исторического познания. Труд Рубинштейна характеризуется исключительной полнотой и содержательностью, но это не состав-

ляет главную задачу исследования, основной упор автор делает на деконструкцию классического наследия «основных, наиболее типичных» русских историков и создание на этой базе картины последовательно поступательного движения науки «к вершинам марксизма-ленинизма». Флоровский, подчеркнем еще раз, акцентирует внимание на фактологической наполненности историографического текста, Рубинштейн – на контекстуальной его обоснованности, «конкретно-историчекой обусловленности развития исторической науки». Понимание историографического процесса Флоровским представляется более широким, многоаспектным и внутренне структурированным. В различных лекционных курсах им даются такие определения предмета историографии, как 1) изучение истории и последовательного развития исторического познания прошлого России; 2) истории осмысления истории России; 3) «писания истории». В предметную область историографии им включается также историческое сознание, историческая память, историческое мышление. Историком выделяются основные структурные элементы историографического процесса: «общий смысл истории и схемы ее развития», источниковедение и монографическая разработка конкретных проблем и этапов истории России [12]. Научный синтез рассматривается Флоровским как результат углубленной проработки всех трех направлений. По существу, речь идет об историографическом процессе, понимаемом и как история исторического познания, и как история дисциплины. Трактовка Рубинштейном предмета историографии более операциональна, концептуально ориентирована – «темой», объектом своего исследования он называет исключительно научную форму познания истории, «историю русской исторической науки» [13. С. 13]. А предметная область пределяется как «история русской исторической мысли в научном познании русского исторического процесса» [13. С.3]. Это четко определяемая модель историографического процесса, понимаемого как история исторической науки. Объединяющим моментом двух различных историографических версий является место, которое оба автора отводят изучению истории русской исторической мысли – содержательному стержню их исследований.

Отмеченные / намеченные нами подходы Флоровского и Рубинштейна к пониманию и изучению историографического процесса представляются не антагонистическими, а скорее взаимодополняющими, они отражают не только стиль мышления каждого из авторов,

но и тенденции пересборки классической модели исторической науки и становления «неклассики».

Литература

1. *Попова Т.Н.* Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия. – Одесса, 2019. – 392 с.
2. *Архив* Российской академии наук (АРАН). – Ф.1609. – Оп. 2. – Д.390.
3. *Slovanska* knihovna (SK). – T-FlOR. – Krab. XLV- Korespondence.
4. *SK.* – T-FlOR. – Krab. XXXVI-Recenze N.L. Rubinstejn.
5. *Florovskij A.* La literature historique russe d'emigration. Compte-rendu 1921□1926 // Bulletin d`information de la Societe d`Ethnograpie (BHEO). – Paris, 1928. –T. I/I/2. – P. 81–121.
6. *Florovskij A.* The Work of Russian Emigres in History (1921–1927) // Slavic Review (SLR). –1928. – Vol. XIX.
7. *Florovskij A.* La literature histjrique russe d`emigration. Compte-rendu 1927–1929 // BHEO. –1930. – T. III/1/2. – P. 25–79.
8. *Florovskij A.* Recent Surveys of Russian History // SLR, 1934. –AVR. – Vol. XII. – № 36. – P. 734–742.
9. *Florovskij A.* Historical Studies in Soviet Russia // SLR, 1935. – Jan. Vol. XIII. – № 38. – P. 457–469.
10. *Florovskij A.* La literature historique sovietiqie russe. Compte-rendu 1921 – 1931 // BHEO. – Varsovie. – 1935. – T. VI–VII.
11. *АРАН.* – Ф. 1609. – Оп. 1. – Д. 41.
12. *SK.* – T-FlOR. – Krab.XXXVII –1. Konspekty přednášek na FF Karlovy university. Istoriografija.
13. *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. – М.: ОГИЗ Госполитиздат, 1941. – 660 с.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/56

УДК: 930

Ф. Н. Никитин

СОВРЕМЕННАЯ КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ МИФЫ (НА ПРИМЕРЕ ДВИЖЕНИЯ ПАШКОВЦЕВ)

Аннотация. *В статье рассматриваются ошибки в современной отечественной конфессиональной историографии пашковского движения, возникшего в аристократических кругах Санкт-Петербурга во второй половине XIX века. В фокусе исследования находятся авторы, являющиеся евангельскими христианами-баптистами (РС ЕХБ, МСЦ ЕХБ). Предлагаются причины, по которым допускаются ошибки, приводятся конкретные примеры ложных утверждений и на основании первоисточников показывается их безосновательность.*

Ключевые слова: *конфессиональная историография, ошибки, пашковцы, пашковское движение, Редсток, Пашков.*

История евангельского движения в России привлекла большое внимание евангельских христиан-баптистов на постсоветском пространстве. Были созданы различные сайты, выпущена соответствующая литература. Обращено было внимание и на движение пашковцев, которое зародилось в Санкт-Петербурге в 1874 г. с приездом туда английского проповедника лорда Г. Редстока. Затем оно распространилось в низшие и средние слои общества [1. Л. 1.]. Пашковское движение является одним из истоков зарождения евангельского движения в России. Это признавали евангельские верующие еще в дореволюционный период [2. Л. 221 об. – 223], это утверждалось ими и в постсоветское время [3]. Важно отметить, что евангельские христиане-баптисты выдвигают позицию преемственности от движения пашковцев, считают его частью своей истории и традиции [4. С. 234; 5]. Однако их презентация истории пашковского движения полна ошибок, которые и будут нами рассмотрены, заметим, фрагментарно, по причине достаточно большого количества публикаций, содержащих историографические мифы. К историографии проблемы

можно отнести статью авторитетного конфессионального историка Владимира Степанова, где он демонстрирует наличие ряда мифов в историографии движения пашковцев [6].

Прежде чем перейти к перечислению отдельных ошибок и рассмотрению публикаций на их предмет, отметим, что основная причина совершаемых ошибок, на наш взгляд, заключается в слабом ознакомлении авторов с отечественной и зарубежной историографией, недостаточной работой с историческими источниками (особенно архивными), использование компиляционного метода написания. Все это приводит к ошибкам, кочующим из публикации в публикацию.

Особого внимания в плане часто повторяющегося ложного утверждения заслуживает дата рождения Василия Александровича Пашкова – руководителя движения после отъезда в 1878 г. Редстока из России, его активного последователя. Метрические данные свидетельствуют о его рождении 2 апреля 1831 г. [7. Л. 6; 8. Л. 5]. Однако в конфессиональной (и не только) историографии приводится ряд других дат. Наиболее встречающая – 1832 г. Об этом пишет И.П. Плетт [9. С. 5.], А.В. Синичкин [10. С. 60], авторы работы «Церковь должна оставаться церковью» [11. С. 12.] и «Евангельские христиане-баптисты: 140 лет в России» [12. С. 34] В периодическом издании Международного союза церквей евангельских христиан-баптистов (МСЦ ЕХБ) также приводится эта дата [13. С. 57]. В конфессиональной историографии встречается также указание на 1834 г. [14. С. 145; 15. С. 41]. Ни в одной из упомянутых публикаций не приводится ссылка на источник, когда речь идет о годе рождения Пашкова. Отметим, что не все конфессиональные авторы допускают эту ошибку. Историк В.А. Попов, правда, без ссылки на источник, верно указывает эту дату [16]. Год смерти Пашкова также иногда приводится в конфессиональной историографии неверно. Говоря о Пашкове, отметим, что другие эпизоды из его жизни тоже приводятся ошибочно конфессиональными авторами. Например, известно о его приезде в Россию после своего изгнания (это произошло в 1884 г.) в 1887 г. [17. Л. 57–59]. Однако на сайте «Русское богоискательство» говорится о том, что он смог побывать в России лишь однажды, и произошло это в 1888 г. [18].

Остановимся на некоторых конфессиональных (баптистских) публикациях о пашковском движении. Лучшая на данный момент в отечественной историографии работа о пашковцах принадлежит В.А. Попову. Однако в ней содержится немало ошибок и неточно-

стей. Например, автор пишет, что первый съезд евангельских верующих, проходивший в Санкт-Петербурге в 1884 г., продолжался «всего два дня» [19. С. 96], однако первоисточники говорят нам о том, что он проходил с 1 по 6 апреля [6]. Историк также пишет, что «Редсток в марте 1874 года отправился в Россию» [19. С. 64], тогда как газета-журнал «Гражданин» пишет о его нахождении в Петербурге уже в феврале 1874 г. [20]. Попов утверждает, что известная последовательница Редстока Н.Ф. Ливен была изгнана из своего дома в Петербурге большевиками [19. С. 160]. Довольно известным фактом в историографии является продажа Ливен своего особняка итальянскому посольству в 1910 г. [21. С. 361].

Немало ошибок содержится в публикациях А.В. Синичкина. Рассмотрим его работу «Все ради миссии». В ней говорится, что пашковский журнал «Русский рабочий» издавался до 1885 г. [22. С. 27]. На самом деле он выпускался до 1886 г. [23. С. 253], о чем, в частности, есть упоминание на сайте Российской государственной библиотеки (РГБ). Историк также пишет, что Пашков был крещен в 1882 г. Известно, что Пашкова крестил Г. Мюллер, который прибыл в Петербург только 30 декабря 1882 г. [24. С. 106]. Материалы архива Пашкова указывают на 1883 г. [24. С. 106], да и вообще это довольно известный в историографии факт. Синичкин указывает, что Пашков и Корф основали Общество поощрения духовно-нравственного чтения [22. С. 27]. Документы об учреждении Общества четко свидетельствуют, что, помимо этих лиц, в его основании принимали участие В. Ф. Гагарина, а также Е. И. Черткова [25. Л. 23]. Автор утверждает следующее: «Миссия лорда Редстока в Петербурге была закончена. В 1876 г. он был выслан властями из Петербурга» [22. С. 20]. На самом деле Редсток покинул Россию в 1878 г. Об этом свидетельствует его современник – Н. С. Лесков [26. С. 218, 221]. Данная ошибка ранее уже повторялась в конфессиональной историографии [27. С. 92; 12. С. 33]. Отметим, что авторитетный американский историк А. Вардин «свидетельствует об отсутствии первоисточников» [28. С. 86], которые бы подтверждали факт *высылки* Редстока.

Таким образом, мы видим, что конфессиональная (баптистская) историография довольно небрежно повествует об истории пашковского движения. Можно было бы дальше перечислять ошибки, содержащиеся в ней. Для справедливости отметим, что ложные утверждения допускают и авторы других протестантских конфессий, оте-

чественные академические историки. Зарубежная конфессиональная и академическая историография также их содержит. Раскрытие этой темы выходит за рамки данной статьи. Хочется надеяться, что конфессиональные авторы учтут обозначенные факторы, ведущие к допущению и повторению ошибок, и будут качественно презентовать свою историю в публичном пространстве.

Литература

1. *Материалы* о секте пашковцев // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф.1574. – Оп. 2. – Д. 63.
2. *Краткая* записка о возникновении, развитии и о настоящем положении Евангельского движения в России и о нуждах русских Евангельских христиан (известных в общежитии под разными народными кличками: пашковцев, баптистов, ново-молокан и т. п.) // РГИА. – Ф. 796. – Оп. 445. – Д. 709.
3. *Плетт И.П.* Зарождение церквей ЕХБ: Закавказье, Украина, Петербург. – М., Б.и., 1994. – 102 с.
4. *Бокова О.А.* Протестантские объединения Ленинградской области: некоторые итоги исследования // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2015. – № 2. – С. 230 – 239.
5. *ЕХБ* в Петербурге. Истоки [Электронный ресурс] // Баптисты Петербурга. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://baptist.spb.ru/?history/spbbegining (дата обращения: 16.08.2019)
6. *Степанов В.А.* Санкт-Петербургский съезд евангельских верующих 1884 года: мифы, факты, уроки [Электронный ресурс] // Петербург Евангельский. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://spb.hecrus.ru/blog/?----------1884 (дата обращения: 20.08.2019).
7. *Дело* о дворянстве рода Пашковых // РГИА. – Ф. 1343. – Оп. 27. – Д. 1355.
8. *Дело* Нижегородского дворянского депутатского собрания, начатое по прошению генерала-майора Александра Васильевича Пашкова о внесении его с сыном в дворянскую родословную книгу Нижегородской губернии // Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). – Ф. 639. – 1858 г. – Оп. 126. – Д. 9451.
9. *Плетт И.П.* Здесь терпение и вера святых. Книга 2. – Б.м.: Христианин, 2010. – 125 с.
10. *Синичкин А.В.* Очерки по истории русского баптизма. – Sacramento: Grace publishing International, 2017. – 272 с.
11. *Церковь* должна оставаться церковью. Необратимые десятилетия. 1917–1937 в истории евангельского и баптистского движений. – Б. м.: Историко-аналитический отдел МСЦ ЕХБ, 2008. – 472 с.
12. *Евангельские* христиане-баптисты: 140 лет в России. – М.: Отдел богословия и катехизации Российского Союза евангельских христиан-баптистов, 2007. – 185 с.

13. *Вестник* Истины. – 2017. Без указания номера. Выпуск приурочен к 150-летию баптизма в России.

14. *Савинский С.Н.* История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1917–1967). Т. 1. – СПб.: Библия для всех, 2001. – 425 с.

15. *Савинский С.Н.* История русско-украинского баптизма. – Одесса: Одесская богословская семинария: Богомыслие, 1995. – 425 с.

16. *Попов В.А.* Аристократ русского протестантизма [Электронный ресурс] // Независимая газета (06. 07. 2011). – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2011-07-06/7_protestantizm.html (дата обращения: 15.08.2019).

17. *О религиозных* беседах, устраиваемых отставным полковником Пашковым (приложены газеты, брошюры) // ГАРФ. – Ф. 102. – Оп. 78. 3-е делопроизводство. 1882 г. – Д. 974. – Ч. 5.

18. *Кузнецова М.* Александра Пашкова: в тени известного мужа [Электронный ресурс] // Русское богоискательство. Электрон. версия печат. публ. URL: http://bogoiskatelstvo.ru/aleksandra-pashkova.html (дата обращения: 23.06.2018).

19. *Попов В.А.* Святые из царского дома. – Черкассы: Смирна, 2017. – 360 с.

20. *Степанов В.* Достоевский и Лесков как свидетели евангельского пробуждения в Санкт-Петербурге (1874–1884) [Электронный ресурс] // Мирт. – 2016. – № 4. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://gazeta.mirt.ru/stati/cerkov/post-1962/ (дата обращения: 24.06.2018).

21. *Бройтман Л.И., Краснова Е.И.* Большая Морская улица. – М.: Центрполиграф, 2005. – 462 с.

22. *Синичкин А.В.* Все ради миссии. – Ирпень: Ассоциация «Духовное возрождение», 2011. – 222 с.

23. *Степанов В.А.* Александра Пейкер как благовестница для Императорской фамилии // Богомыслие. – 2017. – № 21. – С. 251 – 261.

24. *Дик И.П.* У колыбели братства. Иоганн Вилер (1839–1889) и общины первых евангельских верующих в России. – Steinhagen: Samenkorn, 2017. – 320 с.

25. *Об утверждении* устава Общества поощрения духовно-нравственного чтения // РГИА. – Ф. 776. – Оп. 11 (1876 г.). – Д. 56 (а).

26. *Лесков Н.С.* Зеркало жизни. – СПб.: Библия для всех, 1999. – 702 с.

27. *Мицкевич А.И.* История евангельских христиан-баптистов. – М.: Российский Союз ЕХБ, 2007. – 534 с.

28. *Николс Г.* Каргель: развитие русской евангельской духовности. – СПб.: Библия для всех, 2015. – 396 с.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/57

УДК: 930.2

Д.Ю. Пухов

О СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ РОССИЙСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX В.

Аннотация. *Ставится задача выявления актуальных для исследования аспектов истории дореволюционной российской преступности, определения возможных методик научной работы по данной теме, приводятся некоторые дискуссионные проблемы.*

Ключевые слова: *преступность, девиантное поведение, историография, модернизация, Россия во второй половине XIX – начале XX в.*

Изучение истории преступности достаточно активно ведется на протяжении постсоветского периода. Значительное влияние на становление проблематики эволюции противоправного поведения в XIX – начале XX в. оказало развитие методологии социальной истории, в частности, работы Б.Н. Миронова и Н.Б. Лебиной. Формирование значительного корпуса исследований по данной теме стало предпосылкой появления ряда историографических работ. В докладе предпринимается попытка обозначить некоторые возможные перспективы исследования истории делинквентного поведения.

Одной из проблем, по которой фиксируются некоторые различия исследовательских позиций, является определение наиболее значимых факторов, определявших динамику эволюции преступности после начала реформ Александра II. Общие тенденции изменения криминальной обстановки на общероссийском уровне выявлены Б.Н. Мироновым, сделавшим выводы о росте преступности и наличии цикличности в темпах увеличения статистических показателей делинквентного поведения (более высокие темпы при либеральных правлениях и относительно низкие при консервативных) [1. Т. 2. С. 84]. Региональные исследования

показали, что, несмотря на наличие значимых местных особенностей, тенденция к ухудшению криминальной обстановки во второй половине XIX – начале XX в. прослеживается и на материалах отдельных губерний [2–5]. Общепризнанным можно считать тезис о модернизационных процессах как ключевом факторе изменений уровня противоправной активности на данном хронологическом отрезке. В то же время не вполне совпадают оценки значимости влияния различных аспектов российской модернизации на рост преступности. Б.Н. Миронов называет такие факторы увеличения числа зафиксированных противоправных деяний, как «пробуждение чувства личности и стремления отстоять свое достоинство», рост социальной мобильности, ослабление контроля со стороны общины, трансформация ценностных установок, проявившаяся в повышении роли богатства в системе ценностей [6. С. 39–40]. Материальное неблагополучие, с точки зрения Б.Н. Миронова, оказывало лишь относительное влияние на противоправную активность. «Не бедность, а стремление разбогатеть любыми способами, не исключая криминальные, часто служило мотивом преступления», – пишет Б.Н. Миронов [6. С. 39]. В то же время ряд историков рассматривают изменение криминальной обстановки в пореформенную эпоху как процесс, тесно взаимосвязанный с ухудшением материального положения менее состоятельных социальных групп. В частности, Н.А. Зоткина, соглашаясь с тезисом о значимости изменений в сфере ценностных ориентаций российского общества, в то же время относит к числу основных факторов роста преступности снижение жизненного уровня значительной части населения [7. С. 58–59, 65]. С.И. Морюшкин полагает, что углубление социальной дифференциации в крестьянской среде, обнищание части населения в пореформенный период отрицательно сказывалось на криминальной обстановке [3. С. 17].

Решение данного вопроса осложняется отсутствием общепризнанной концепции социально-экономической динамики рассматриваемого периода. Б.Н. Миронов обосновывает тезис о прогрессивных изменениях в российской экономике второй половины XIX–начала XX в., проявившихся, в частности, в существенном повышении благосостояния представителей широких слоев населения [8. С. 57–59]. Его оппоненты придерживаются более тради-

ционных представлений о наличии негативных тенденций изменения уровня жизни в пореформенной России [9. С. 225–231].

Эти обстоятельства обусловливают важность учета результатов новейших исследований, посвященных социально-экономическим аспектам истории изучаемых регионов в рамках исследования вопросов делинквентного поведения, поиск дополнительных источниковых данных по вопросам мотивации противоправных действий. О.В. Харсеева обратила внимание на возможность получения информации как о криминальной обстановке, так и об экономической ситуации в регионе в ежегодных «Обзорах губерний» [10]. Комплексное изучение этих источников, возможно, позволило бы получить те или иные аргументы для решения дискуссионного вопроса о роли социально-экономического фактора роста преступности. Так же продуктивным могло бы быть сопоставление тенденций эволюции преступности в различающихся в экономическом отношении регионах. Возможно, дополнительные сведения обеспечила бы работа по составлению и анализу региональных баз данных на основе обработки судебно-следственных материалов. Подобные исследования могли бы проводиться на уровне губерний, уездов, волостей или населенных пунктов.

Представляется перспективным продолжение исследования на региональных материалах влияния на криминальную обстановку институционального фактора. Значимость этого направления работы обусловлена, в частности, наличием определенных нюансов в оценках состояния правоохранительной системы на протяжении рассматриваемого периода. Так, по мнению Н.А. Зоткиной, государственная «карательная машина на рубеже XIX–XX вв. в целом отвечала требованиям охранения общественного порядка» [7. С. 236]. Несколько иное видение данной проблемы можно найти в диссертации Д.М. Шиловского, который рассматривает неблагополучное состояние регионального полицейского аппарата как одну из причин высокого уровня преступности в Томской губернии. Малочисленность штатов правоохранительных структур, дефицит квалифицированных специалистов, отсутствие системы подготовки профессиональных кадров, низкое жалованье затрудняли организацию противодействия криминальной активности. Негативно сказывалась, по мнению исследователя, и незавершенность процесса реформирования органов правопорядка, выполнявших ряд функций, не связанных с борьбой с преступностью [2.

С. 200–201, 202]. Сходная точка зрения сформулирована в работах П.А. Сунгурова и А.Б. Храмцова, выполненных также на материалах Сибири [11. С. 23–24; 12. С. 819].

Заслуживает внимания также исследование воздействия институтов гражданского общества на региональную криминальную обстановку. По оценке Н.А. Зоткиной, эффективность новых негосударственных структур, пытавшихся противостоять росту негативной девиантности, была невысокой из-за недостаточной теоретической проработки основ их деятельности, а в определенных случаях – из-за противодействия со стороны государства [7. С. 236, 238]. В.Ю. Голдинов пишет об отрицательном влиянии прессы на правосознание российского общества [13. С. 158]. Исследование отношения региональной периодической печати к проблемам преступности, изучение функционирования местных общественных организаций, связанных с противодействием делинквентному поведению, может дать дополнительную информацию о факторах, влиявших на состояние криминальной среды.

Обширность территории Российской империи, многообразие региональных особенностей обусловливают важность выявления местной специфики эволюции преступности в исследуемых губерниях, которая в некоторых случаях проявлялась достаточно ярко. В качестве иллюстрации этого тезиса можно привести выводы Д.М. Шиловского о динамике криминальной обстановки в Томском регионе. Объясняя значительный рост преступности в 1880-х годах, т.е. на протяжении «консервативного» периода, когда, согласно концепции Б.Н. Миронова, существовали предпосылки для спада преступной активности, исследователь обращает внимание на тот факт, что Сибирь «оказалась в арьергарде» либеральных реформ середины XIX в., часть из которых проводилась с запаздыванием, а часть не была осуществлена. В то же время из-за незначительности числа крепостных в данном регионе крестьянская реформа Александра II не оказала здесь существенного влияния на социально-экономическую ситуацию. В результате совокупного действия этих факторов, по выражению Д.М. Шиловского, «Сибирь как бы «перепрыгнула» через период либерализации второй половины XIX – начала XX в.» [2. С. 78, 79].

До настоящего времени не получили широкого распространения в историографии преступности рассматриваемого периода микроисторические исследования. Актуальный опыт для организации подобной работы можно найти в монографии известного специалиста по истории

XVIII в. А.Б. Каменского. Изучение повседневной жизни Бежецка позволило исследователю сделать вывод о том, что местная преступность «большей частью была связана с конкретными семьями, процесс маргинализации, асоциализации которых был вызван разными обстоятельствами, происходил постепенно» [14. С. 218].

Изучение влияния на эволюцию преступности социокультурных, социально-экономических, институциональных, региональных и микросоциальных факторов представляется одним из актуальных направлений исследовательской работы.

Литература

1. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.: в 2 т. Т. 2. 3-е изд., испр. и доп. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – 583 с.
2. *Шиловский Д.М.* Полиция Томской губернии в борьбе с преступностью в 1867–1917 гг.: дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 2002. – 251 с.
3. *Морюшкин С.И.* Преступность и борьба с ней в пореформенной России (на материалах Рязанской губернии): автореф. дис… канд. ист. наук. – Орел, 2009. – 23 с.
4. *Пулькин М.В.* Российская преступность начала XX века (по материалам Олонецкой губернии) [Электронный ресурс] // Политика, государство и право. 2013. № 11. URL: http://politika.snauka.ru/2013/11/1051 (дата обращения: 28.01.2017).
5. *Харсеева О.В.* Численность осужденных в губерниях Центрально-Черноземной России в конце XIX – начале XX вв. // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2016. – № 17. – С. 57–75.
6. *Миронов Б.Н.* Преступность в России в XIX – начале XX века // Отечественная история. – 1998. № 1. – С. 24–42.
7. *Зоткина Н.А.* Феномен девиантного поведения в повседневной жизни российского общества на рубеже XIX–XX вв.: преступность, пьянство, проституция (на материалах Пензенской губернии: дис. … канд. ист. наук. – Пенза, 2002. – 374 с.
8. *Миронов Б.Н.* Модернизация имперская и советская [Электронный ресурс] // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63. Вып. 1. С. 54 – 82. URL: https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.104 (дата обращения: 01.07.2019).
9. *Нефедов С.А.* Дискуссия о причинах Русской революции в современной историографии // Индустриальное развитие региона и мира: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2019. – С. 225–231.
10. *Харсеева О.В.* Обзоры губерний как источник информации о состоянии преступности в России в XIX – начале XX в. // История, теория, практика российского права. – 2017. – № 10. – С. 125–137.

11. *Сунгуров П.А.* Полиция Тобольской губернии в 1867–1917 годах: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Тюмень, 2014. – 31 с.

12. *Sungurov P.A.* Reforms of police department and the practician of their realization in Western Siberia (1905–1917) [Электронный ресурс] / P.A. Sungurov, A.B. Khramtsov // Былые годы. Российский исторический журнал. 2016. № 41 (3). С. 813 – 821. URL: http://ejournal52.com/journals_n/1472756840.pdf (дата обращения: 10.07.2019).

13. *Голдинов В.Ю.* Борьба с преступностью и обеспечение общественного порядка в Российской империи (1901–1904 гг.): дис. … канд. ист. наук. – М., 2012. – 207 с.

14. *Каменский А.Б.* Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. – М.: РГГУ, 2007. – 403 с.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/58

УДК: 294.3

М.С. Уланов

БУДДИЙСКАЯ КУЛЬТУРА В КАЛМЫКИИ В РУССКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ[1]

Аннотация. *Статья посвящена проблеме отражения буддийской культуры Калмыкии в русской дореволюционной историографии. Автор отмечает, что дореволюционным исследователям, несмотря на разницу выводов, удалось собрать обширный этнографический материал о духовенстве, положении женщин в буддизме, вероучении и религиозных обрядах калмыков.*

Ключевые слова: *историография буддизма, русская дореволюционная историография, буддизм, калмыки, калмыцкий буддизм, буддийское духовенство, женщины-буддистки.*

Среди регионов мира, где традиционно распространен буддизм, Калмыкия выделяется своим особым географическим положением и этнокультурной спецификой. Калмыки – единственный в Европе монголоязычный народ, исповедующий буддизм.

Начало изучения калмыцкого буддизма было положено участниками трех оренбургских академических экспедиций второй половины XVIII в. Первой оренбургской экспедицией руководил академик Петр Симон Паллас, второй – Иван Иванович Лепехин, третьей – Иоганн Готлиб Георги. Данные экспедиций носили комплексный характер, поэтому в их отчетах нашли свое отражение культура и религия калмыков. Они заложили основу для дальнейшей разработки как исторических, так и культурологических аспектов калмыцкого буддизма. Наибольшее количество сведений о буддизме содержится в сочинениях И.И. Лепехина и П.С. Палласа.

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект №18-011-00128 «Женщина в буддийской культуре: традиции и современность».

Лепехин в конце 1760-х годов объездил Поволжье, побывав в 1769 г. в Калмыкии. В его книге «Дневные записи путешествия» рассматриваются калмыцкое духовенство, обряды, буддийское мировоззрение. Церковную иерархию калмыцкой церкви Лепехин сравнивает с христианской и включает сюда ламу – первосвященника, гелюнгов – черное духовенство, гецулов – дьяконов, манджи – дьячков и гебкуев – пономарей. В этой классификации собраны как духовные звания (гелюнг, гецул, манджи), так и должности (лама, гебкуй) [1. С. 452]. Ученый описывает здесь буддийское представление о мире, людях, будущих жизнях, рае и аде, а также калмыцкие религиозные праздники.

Другим ранним исследователем буддизма в Калмыкии был П. Паллас. Будучи доктором медицины, он сделал большой вклад в становление отечественной этнографии. В 1769 г. Паллас посетил кочевья калмыков, описание культуры и быта которых вошло в его знаменитую работу «Путешествие по разным провинциям Российской империи». В книге Паллас уделяет значительное внимание калмыцкому духовенству. Главным священником он, как и Лепехин, называет ламу, который, по его мнению, является наместником далай-ламы [2. С. 516].

В XIX в. на смену жанру этнографических «путешествий» приходят научные историко-этнографические, географические, статистические, социально-экономические труды. Наиболее подробные сведения о калмыцком буддизме содержатся в историко-этнографических работах Н.Н. Нефедьева, А.М. Позднеева, И.А. Житецкого, И.В. Бентковского.

Значительный материал о буддизме калмыков собрал в этот период Н.Н. Нефедьев. Во время службы на Кавказе он дважды – в 1832 и 1833 гг. – побывал в калмыцких улусах. Собранный материал он вначале опубликовал в «Журнале министерства внутренних дел», а позже издал отдельной книгой под названием «Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте» [3].

В своей книге исследователь выделил отдельную главу для описания религии. Достаточно подробно Нефедьев описывает церковно-административные должности, выделяя ламу, цорджи, бакшу, гебку и др. Нефедьев отмечает невысокий уровень знаний о буддизме у духовенства. При этом автор замечает, что духовенство является наиболее образованным классом в калмыцком обществе [3. С. 212]. Говоря о религиозности простого народа, Не-

федьев отмечает, что он не обременен религиозной практикой, так как духовенство оставляет только за собой право общения с высшими силами. Поэтому простой калмык ограничивается тем, что получает от гелюнга молитвенный флажок, который должен охранять людей от злых духов и бед. Этим же целям служат священные книги на тибетском языке [3. С. 184].

Как отметил известный русский публицист В.Г. Белинский, «г-н Нефедьев описывает калмыков во всех отношениях: историческом, географическом, топографическом, политическом, религиозном: ни нравы, ни обычаи, ни поверья и вообще ни нравственные, ни физические свойства описываемого им народа не ускользнули от его наблюдательности… Самая подробнейшая часть его книги есть историческая, а самая занимательнейшая – изложение калмыцкой космогонии и вообще мифологии» [Цит. по: 4. С. 17].

Среди ученых, занимавшихся исследованием живой буддийской традиции в Калмыкии, необходимо также выделить А.М. Позднеева – русского монголоведа. Позднеев был крупным специалистом по буддизму у монгольских народов. Буддизму у калмыков Позднеев посвятил также статью «Калмыцкое вероучение» в энциклопедическом словаре. Он составил ее после посещений калмыцкой степи, где ему удалось собрать значительный материал о материальной и духовной культуре калмыцкого народа, отыскать редкие рукописи на тибетском и ойратском языках.

Говоря о буддизме среди ойратов, ученый отмечает, что он распространился здесь с необычайной быстротой. По мнению Позднеева, сохранившиеся ойратские переводы буддийской литературы, «несравненно правильнее, толковее и вообще выше таких же переводов на язык монгольский» [5. С. 72]. Причиной этого были постоянные контакты ойратов с Тибетом, которые не прекращались и после откочевки их к Волге. Но уход большей части калмыков в 1771 г. обратно в Джунгарию привел к тому, что связи с духовным центром почти прекратились. Это, а также мероприятия российского правительства способствовали изменению обрядности и неправильному пониманию некоторых разделов буддийского учения. Таким образом, ученый здесь несколько меняет свой взгляд на калмыцкий буддизм [5. С. 72–73].

Одним из исследователей буддизма в Калмыкии был и И.А. Житецкий. Житецкий неоднократно посещал калмыцкие кочевья, собирая сведения о материальной и духовной культуре калмыков. Результатом этого стала его книга «Очерки быта астраханских калмыков.

Этнографические наблюдения 1884–1886 гг.», изданная в 1893 г. в Москве в серии «Известия Императорского общества естествознания, антропологии и этнографии» [6]. Из четырех глав его сочинения две посвящены буддизму. В главе «Ламаистское духовенство у астраханских калмыков» автор описывает калмыцкие монастыри и молитвенные кибитки, религиозную утварь, одежду духовенства, церковную иерархию, религиозное обучение, обряды, экономическое состояние хурулов и т.д.

Известный российский этнограф И.В. Бентковский рассматривал специфику калмыцкого буддизма в гендерном аспекте, отмечая уважительное отношение у калмыков к женщине: «Замечательнее всего, что буддизм не только допускает присутствие женщины при религиозном служении, но и позволяет ей дотрагиваться до сосудов и вообще предметов богослужебных и тем самым как бы делает ее участницею религиозных действий. Так, например, женщина в своем жилище расставляет по местам бурханов, зажигает пред ними благовонные курения и свечки, кладет жертвоприношения и прочее. Если женщина (мать или жена владельца) отличается добродетельною жизнью, благотворительностью к духовенству, милосердием к народу и усердием к вере, то при торжественном богослужении духовенство предоставляет ей высшую часть раздачи молитв, для чего она садится в хуруле рядом со старшим гелюнгом (бакшею), учителем веры, принимает от него священную книгу молитв «ном», завернутую тщательно в несколько шелковых тканей, раскрывает ее и, вынув отдельные листы, формою похожие на наше лото, раздает гелюнгам для совершения по ним службы» [7. С. 467–468].

В XIX – начале XX в. появляются работы, посвященные христианизации калмыков, которые при этом содержали сведения о калмыцком буддизме. Наиболее известными сочинениями такого рода являются исследования А.А. Бобровникова «Очерк религиозного состояния калмыков» [8], Ф.М. Юштина «Обозрение мероприятий правительства к распространению христианства между калмыками» [9], К.И. Костенкова «О распространении христианства у калмыков» [10], П. Смирнова «О калмыках» [11], Н. Львовского «Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской губернии и калмыцкие хурулы» [12], А.В. Терещенко «Об обращении калмыков в православную веру» [13], П.Д. Шестакова «Некоторые сведения о распространении христианства у калмыков» [14], Гурия (Степанова) «Очерки по истории распространения

христианства среди монгольских народов» [15], «Первая православная миссия калмыков и ее историческая жизнь» [16], А.Л. Крылова «Умственное и нравственное развитие донских калмыков и особенности их быта» [17] и другие.

В конце XIX – начале XX в. появляются труды о калмыцком буддизме, написанные местными исследователями. Будучи верующими людьми, они стремились популяризовать буддизм, показать его значение для калмыцкого народа. Данные работы были также попыткой отразить критику буддизма со стороны миссионерских кругов РПЦ. Так, в конце 90-х гг. XIX в. в «Астраханских епархиальных ведомостях» выходят статьи о буддизме Н.В. Бадмаева – преподавателя астраханского калмыцкого пансионата [18, 19].

Несколько позже, в 1902 г., была издана книга Н.Э. Уланова «Буддийско-ламаистское духовенство донских калмыков и его современное положение» [20]. Н.Э. Уланов, работая в качестве консультанта при решении вопросов внешней политики России в Центральной Азии, принимал участие в экспедициях в Монголию и Тибет. По словам исследователя, цель его работы состояла в «выяснении вопроса внутренней жизни буддийского духовенства, по возможности правильная оценка его догматического образования и религиозно-нравственной деятельности в общественном быту калмыцких общин» [20. С. 5].

В 1910 г. вышла в свет работа И.И. Ульянова «Астраханские калмыки, их домашне-религиозный быт и общественно-религиозные нужды». Продолжая линию двух предыдущих авторов, Ульянов очень позитивно отзывается о калмыцком духовенстве, которое, по его мнению, является лучшим представителем культурных сил калмыцкого народа, носителем и защитником его языка, права, религии и морали. В отличие от некоторых исследователей, отмечавших незнание простым народом буддийского учения, Ульянов утверждает, что калмыцкие ламы знакомят мирян с религиозной философией, моралью и значением обрядов [21. С. 37].

Итак, можно отметить, что в дореволюционный период было издано достаточно много работ, посвященных буддизму в Калмыкии. Дореволюционным исследователям, несмотря на разницу выводов, удалось собрать обширный этнографический материал о духовенстве, положении женщин, вероучении и религиозных обрядах калмыков.

Литература

1. *Лепехин И.И.* Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769. – Ч. 1. – СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1771 г. – 562 с.
2. *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи / пер. с нем. – СПб.: АН, 1773. – Ч. 1. – 657 с.; 2-е изд. – СПб.: АН, 1809. – Ч. I. – 657 с.
3. *Нефедьев Н.А.* Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. – СПб.: Тип. К.Крайя, 1834. – 290 с.
4. *Времен* минувших отраженье: Краевед. заметки о Калмыкии / И.В. Борисенко. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. – 174 с.
5. *Позднеев А.М.* Калмыцкое вероучение // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб.: – Тип. акционер. общ-ва «Брокгауз-Ефрон». – 1895. – Т. 14. – С. 73.
6. *Житецкий И.А.* Очерки быта Астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. – М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1893. – 114 с.
7. *Бентковский И.В.* Женщина-калмычка Большедербетского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношениях // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ: антология: в 3 т. – Т.2. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. – С. 450–468.
8. *Бобровников А.А.* Очерк религиозного состояния калмыков // Православное обозрение. – СПб., 1865. – Т. 17. – № 7–8. – С. 335–352, 495–510.
9. *Юштин Ф.М.* Обозрение мероприятий правительства к распространению христианства между калмыками: прил. к Астраханским епархиальным ведомостям. – 1883. – № 21–24. – Астрахань: Тип. Губернского правления, 1883. – 64 с.
10. *Костенков К.И.* О распространении христианства у калмыков. – СПб.: Печатня В. Головина, 1869. – 57 с.
11. *Смирнов П.* О калмыках: очерк. – Астрахань: Тип. Е.В. Персидской, 1885. – 21 с.
12. *Львовский Н.* (Мефодий). Калмыки Большедербетовского улуса Ставропольской губернии и калмыцкие хурулы. – 2-е изд. – Ставрополь-Кавк.: Типолит. Т. М. Тимофеева, 1898. – 173 с.
13. *Терещенко А.В.* Об обращении калмыков в православную веру // Астраханские епархиальные ведомости. – 1881. – № 37. – С. 579–584.
14. *Шестаков П.Д.* Некоторые сведения о распространении христианства у калмыков. – СПб.: Печатня В.Головина, 1869. – 21 с.
15. *Гурий (Степанов).* Очерки по истории распространения христианства среди монгольских племен: (Исследование). – Т. 1. Калмыки. – Ч. 2. Распространение христианства среди калмыков. – 1915. – 700 с..
16. *Гурий (Степанов).* Первая православная миссия калмыков и ее историческая жизнь // Православный собеседник. – 1914. – № 3. – С. 434–492.

17. *Крылов А.Л.* Умственное и нравственное развитие донских калмыков и особенности их быта // Донские епархиальные ведомости. – 1873. – № 12. – С. 366–379; № 13. – С. 400–416; № 14. – С. 423–441.

18. *Бадмаев Н.* Домашне-религиозный быт приволжских калмыков // Астраханский вестник. – 1898. – № 3006. – С. 2–3.

19. *Бадмаев Н.* Из калмыцкой жизни (калмыцкие праздники) // Астраханские епархиальные ведомости. – 1899. – № 8. – С. 401–402.

20. *Уланов Н.Э.* Буддийско-ламаистское духовенство донских калмыков и его современное положение. – СПб.: Паровая скоропечатня «Восток» М.М. Гутзац, 1902. – 16 с.

21. *Ульянов И.И.* Астраханские калмыки, их домашне-религиозный быт и общественно-религиозные нужды. – СПб.: Тип. «Герольд», 1910. – 48 с.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/59

УДК: 930.2

Н.В. Карначук

АНГЛИЙСКАЯ ПЛОЩАДНАЯ БАЛЛАДА НА ПОВОРОТАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ XIX–XXI вв.

Аннотация. *В статье обозначены различные этапы в изучении английской печатной площадной баллады XVI–XVII вв. Особо отмечен рост интереса, связанный с переосмыслением методологических подходов во второй половине XX в. Отмечена роль междисциплинарных методов исследования в превращении печатной баллады в востребованный и многообещающий источник знаний об английском обществе раннего Нового времени.*

Ключевые слова*: зарубежная историография, Англия раннего Нового времени, площадная литература.*

Английская народная баллада – популярный комплекс источников, отлично известный и филологам, и историкам, и широкому читателю. Она является объектом многочисленных исследований на протяжении последних двух с лишним столетий, стоит у истоков фольклористики, определила развитие нескольких направлений этнографии, литературоведения и музыкознания. Но английская печатная баллада XVI–XVII вв., этот сиамский близнец народной баллады, долго и незаслуженно оставалась в тени.

В XVIII и XIX вв. собиратели английского и шотландского фольклора, начиная с Т. Перси, Дж. Ритсона, В. Скотта и заканчивая Ф. Дж. Чайлдом, стремились разделить старинные песни на устные и рукописные/печатные. Предполагалось, что устная баллада, подлинный продукт народного творчества, намного старше фиксированных в письменном виде версий. В интерпретации представителей образованных слоев, записывавших или печатавших баллады, исходное произведение могло лишь проиграть как по форме, так и по содержанию. Особенно ярко эта точка зрения была выражена Уильямом Мазервеллом [1. Т. 1. С. 3]. Способствовала такому взгляду и устоявшаяся репутация площадной печатной баллады, сложившаяся еще

в эпоху ее расцвета. Начиная с первых десятилетий XVII в. множество литераторов, прелатов и ученых видело в площадной балладе и ее сочинителях объекты для насмешки или осуждения.

Однако на практике вопрос о происхождении и возрасте большинства произведений всегда вызывал сомнения. Первенство устной или печатной версии почти всегда оставалось спорным. Когда, уже в 1970-е гг., были предприняты попытки определить количество баллад, имеющих устное или письменное происхождение, оказалось, что значительно более половины встречаются в обеих формах. Некоторые авторы даже выдвигали смелую гипотезу, что преобладающая часть песен, которые фольклористы собирали в английской и шотландской провинции в XVIII–XIX вв., изначально представляла собой печатные тексты [2. С. 11–12].

Составитель восьмитомной «Английской и шотландской народной баллады», наиболее авторитетной антологии на протяжении последующих двух столетий, Ф. Дж. Чайлд, положил много сил на выработку критериев «народности» баллады, которые отличали бы ее от печатных листов. Однако и он, и его последователи вынуждены были признать зыбкость границ. С 1857 г., даты выхода в свет первого издания антологии Чайлда, изучение баллады на долгие десятилетия приняло характер исключительно фольклорного. Печатная английская баллада в качестве объекта исследования потеряла даже ту минимальную значимость, которую ей придавали английские антиквары XVIII в.

Тем не менее, период с 1857 по 1930-е гг. стал временем издания крупных антологий баллады, на которые и по сей день опираются многие филологические и исторические исследования. Помимо Ф. Дж. Чайлда, среди тех, кто внес большой вклад в поиск и публикацию архивных материалов, были Дж. В. Эбсворт, Ч, Хиндли, У. Чэпел, Х.И. Роллинс. В настоящее время эти антологии, вполне подходящие как ознакомительная литература, абсолютно недостаточны в качестве источников для работы историка. Ни одна из крупных коллекций печатных баллад XVII вв. не была издана полностью. В антологиях часто упущены значимые элементы первичных источников: отсутствуют аутентичные заглавия баллад, опущены прозаические элементы площадных листов, когда таковые имеются, часто нет указания на мелодию баллады, отсутствуют оригинальные гравюры-иллюстрации. Эти недостатки имеют вполне очевидную причину: в момент их издания письменный источник рассматривался

прежде всего как текст, а не полиэлементный конструкт, в который входили бы также музыкальный ряд, оформление текста, особенности и место его исполнения.

Исторической областью, в которой в начале XX в. печатная баллада оказалась востребована как источник, стала история масс-медиа. Несколько работ, самая значимая из которых «Некоторые предшественники газеты в Англии, 1476–1622» М.А Шабера, опубликованная в 1929 г. [3], обозначили важную функцию площадных баллад: трансляцию новостей для широкого круга читателей/слушателей. Такой подход, с одной стороны, углубил понимание сущности площадной литературы, с другой – поместил ее в генеалогический ряд, ведущий непосредственно к газетам XX в., что подчеркнуло черты сходства, но отодвинуло в тень своеобразие и особенности баллады.

Однако в эпоху преобладания политической истории площадная литература обречена была оставаться маргинальным источником, а пришедшая на смену политической история экономическая, а затем и социальная сводили ее значение к нулю. Роль художественных источников в приращении знаний о прошлом отрицалась в целом, а низкое место в литературной иерархии делало площадную балладу вдвойне незначительной.

Лишь в 1960–1970 гг., в рамках «новой научной истории», с развитием антропологического подхода и усложнением междисциплинарных подходов в исторической науке ситуация стала медленно меняться. Первым знаком перемен, хотя и основанным на вполне традиционном подходе к балладам, стала работа Л. Шепарда «Площадная баллада. Исследование ее происхождения и значения» [4]. Автор предлагал порвать с представлением о площадной литературе как вторичной по отношению к «народной» и оценить ее как самостоятельный род текстов, совершенно недостаточно изученный. Своей задачей он ставил дать обзор уже имеющейся информации о характере, объемах, способах создания, циркуляции и востребованности печатных баллад, а также обозначить лакуны в этой информации и наметить проблемы, требующие решения. Шепард поставил ряд вопросов, ответы на которые постепенно появлялись в исследованиях 1980–1990 гг.

Одновременно, начиная с 1970 г., площадная баллада постепенно оказывается в поле зрения историков, посвятивших себя изучению социокультурной истории в рамках антропологического подхо-

да. Ей находится место среди источников по истории ведовства, преступности и маргинальных социальных групп, истории города, гендерной истории. Тем не менее в 1977 г. В. Нейбург, сравнивая историографическую ситуацию с ситуацией во французской исторической науке, отмечает, что в Англии изучение площадной литературы с большим трудом приемлется академическими кругами [5. С. 13]. Именно история ментальностей стала интеллектуальной базой, благодаря которой оценка площадной баллады как источника начала меняться. Во Франции знаком этой перемены стала вышедшая в 1964 г. «Народная культура XVII–XVIII вв.: Голубая библиотека Труа» Р. Мандру [6], в англоязычной же историографии перелом наметился лишь в конце 1980 – начале 1990-х гг.

В источниковедческом поле этот перелом обозначила работа К.Р. Ливингстон: полный каталог всех сохранившихся площадных листов XVI столетия с балладами в сопровождении нескольких разделов, посвященных различным аспектам бытования площадной литературы и ее изучения [7]. К. Ливингстон считала одной из важнейших задач тщательное палеографическое описание, которое позволило бы историкам обратиться к балладе как к комплексу текста, мелодии и изображения. Такой подход, доказала исследовательница, плодотворен для решения широкого круга вопросов: от датировки листов до выявления способов диалога баллады с аудиторией.

В методологическом смысле знаковой стала книга Т. Уотт «Дешевая литература и народная набожность» [8], которую К. Хилл назвал исследованием, побуждающим историков по-новому взглянуть на общественную и интеллектуальную жизнь английских простолюдинов. Уотт поставила под вопрос представление о противоречии элитарной и народной культур. Вместо этого она убедительно показала не только результаты, но и некоторые механизмы взаимного влияния интеллектуальной и «низовой» культуры. Также она обратила внимание историков на огромное значение массовой литературы, в том числе площадной баллады, на формирование культурного контекста, не имеющего четкой социальной привязки и охватывающего значительные круги городского и сельского населения.

Таким образом, печатные баллады оказались востребованы в новом качестве: не как источник по истории литературы, не как материалы, поставляющие историку отдельные факты для конкретных исследований, но как широкая источниковая база, дающая возможность углубить представления о социальных и культурных механиз-

мах формирования общества. При реализации такой научной перспективы необычайно востребованными оказались междисциплинарные методы исследования. Одна за другой появлялись в последнее десятилетие XX в. работы, где сочетались филология, история и лингвистика, как у Н. Вюрцбах [9], история и социально-психологический анализ, как у Дж. Вилтенберг [10], история и наработки психологии в области формирования гендерной идентичности, как у Д. Дугоу [11]. Работа А. Фокса разрешила давний спор об устном или письменном истоке баллады, продемонстрировав, насколько легко и многократно одно и то же произведение могло менять свой характер [12].

В новом веке сложившийся широкий спектр теоретического и методического инструментария был пополнен благодаря новым технологиям: формированию электронных баз источников, прежде всего EBBA [13]. Они не просто расширили доступ исследователя к печатным листам XVI–XVII вв., они уже породили новое направление в исследовании: изучение гравюр к печатным балладам, с каждой свежей публикацией обогащающее наши представления о синтезе текста и изображения [14]. Интерес к синтезному характеру печатной баллады и ее эвристическим возможностям в приращении знаний о диалоге текста и аудитории задает тон в исследованиях последних лет [15].

Литература

1. *Motherwell W.* Minstrelsy, Ancient and Modern. 2 Vols. – Glasgow: John Wylie. 1827.

2. *Gregory D.E.* Victorian Songhunters: The Recovery and Editing of English Vernacular Ballads and Folk Lyrics, 1820–1883. – Lanham: The Scarecrow Press Inc. 2006. – 458 p.

3. *Shaaber M.A.* Some Forerunners of the Newspaper in England 1476–1622. – N.Y.: Octagon books. 1966. – 368 p.

4. *Shepard L.* The broadside ballad. A study in origins and meaning. – London: Cox and Wyman Ltd., 1962. – 205 p.

5. *Neuburg V.E.* Popular Literature. A history and a guide. From the beginning of printing to the year 1897. – L.: The Worburn Press. 1977. – 301 p.

6. *Mandrou R.* De la culture populaire aux 17e et 18e siècles : la Bibliothèque bleue de Troyes. – Paris: Imago, 1985. – 264 p.

7. *Livingston C.R.* British Broadside Ballads of the Sixteenth Century, Volume 1: A Catalogue of Extant Sheets and an Essay. – New York: Garland Publishing Inc. 1995. – 911 p.

8. *Watt Tessa*. Cheap Print and Popular Piety, 1550–1640. – Cambridge: Cambridge University Press. 1991. – 370 p.

9. *Wurzbach N.* The Rise of the English Street Ballad, 1550–1650. – Cambridge: Cambridge University Press. 1990. – 372 p.

10. *Wiltenburg J.* Disorderly Women and Female Power in the Street Literature of Early Modern England and Germany. – Charlottesville: University Press of Virginia, 1992. – 304 p.

11. *Dugaw D.* Warrior Women and Popular Balladry, 1650–1850. – Chicago: University of Chicago Press. 1996. – 233 p.

12. *Fox A.* Oral and literate culture in England, 1500–1700. – Oxford: Oxford University Press. 2000. – 497 p.

13. *EBBA*: English Broadside Ballad Archive [электрон. архив]. URL: https://ebba.english.ucsb.edu/ (дата обращения: 20.08.2019).

14. *Chess S.* Woodcuts: Methods and Meanings of Ballad Illustration. Broadside Ballads from the Pepys Collection: A Selection of Texts, Approaches, and Recordings. – Tempe: The Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies. 2012. – 336 p.

15. *Ballads* and Broadsides in Britain, 1500–1800. Ed. by Patricia Fumerton, Anita Guerrini, Kris McAbee. – Burlington: Ashgate Publishing Company, 2010. – 357 p.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/60

УДК: 9; 94

А.В. Савина

МУЗЫКА ПОЛИТИЧЕСКИХ СФЕР: К.А. КУЗНЕЦОВ О ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕЯХ АНГЛИЙСКОГО КАЛЬВИНИЗМА XVI ВЕКА

Аннотация. *Статья посвящена одному из аспектов незаслуженно забытого творческого наследия К.А. Кузнецова (1883–1953). Источниками исследования послужили магистерская диссертация К.А. Кузнецова (1913), посвященная политическим идеям в Англии XV–XVII вв., и первый том задуманного как многотомный труда «Идея современного общества и государства» (1919). В статье представлен краткий обзор оценок, данных Кузнецовым политическим идеям К. Гудмена, Дж. Нокса, Ж. Кальвина, а также позиция исследователя по вопросу о месте Реформации в эволюции политико-правовых идей Нового времени.*

Ключевые слова: *К.А. Кузнецов, Реформация, кальвинизм, протестантизм, Ж. Кальвин, К. Гудмен, Дж. Нокс.*

Правовые и политические учения и музыка – казалось бы, совершенно далекие друг от друга сферы. Однако есть пример исследователя, удивительным образом соединявшего в своем лице правоведа и музыковеда. Константин Алексеевич Кузнецов (1883–1953) как музыку, так и политико-правовые идеи рассматривал в историческом ключе, интересуясь выявлением эволюции, развития, преемственности.

Биография К.А. Кузнецова неординарна и вполне может служит основой для книги или сценария фильма. К.А. Кузнецов родился в столице донского казачества – Новочеркасске. В 19 лет поступил на юридический факультет Московского университета, затем был направлен для продолжения учебы в Гейдельбергский университет, где его руководителем был знаменитый теоретик права Георг Еллинек. В Германии Кузнецов получил степень доктора философии, а также увлекся историей музыки (музыке он учился еще в новочеркасской

гимназии). Возвратившись на родину, окончил Московский университет и стал в 1909 г. приват-доцентом, что давало ему право читать лекции. Затем последовала двухлетняя командировка в Лондон, где Кузнецов собирал материалы для диссертации. По возвращении из Англии он продолжил читать лекции по истории политических учений студентам Московского университета. В 1912 г., в связи с протестами преподавателей против нарушения университетской автономии, К.А. Кузнецов покинул альма-матер, уехал из Москвы и стал профессором Восточного института во Владивостоке. Через год защитил магистерскую диссертацию по государственному праву. В 1914–1921 гг. был профессором Новороссийского университета и Высших женских курсов в Одессе. В 1916 году Кузнецов защитил на юридическом факультете Харьковского университета докторскую диссертацию по теме «Английская палата общин при Тюдорах и Стюартах».

В 1920-е гг. Кузнецов кардинально поменял свою научную специализацию, став впоследствии доктором искусствоведения, профессором Московской консерватории, известным историком музыки. О конкретных причинах резкой смены сферы деятельности можно только догадываться: заниматься музыковедением после 1917 года было безопаснее, нежели писать об истории государства и права. Впрочем, некоторые темы и в музыковедении были опасны: в домашнем архиве Кузнецова сохранились нигде не публиковавшиеся работы конца 1930-х годов об истории церковного пения [1. С. 802–804].

Удивительная жизнь, интереснейшая личность и многоликое научное наследие Кузнецова, несомненно, нуждаются в обстоятельном и целостном освещении. На данный момент имеются статьи о нем в энциклопедиях и монографиях по истории музыки и Московской государственной консерватории [2], краткое биографическое исследование на архивных материалах, проведенное А.В. Березкиным [3], а также интересная статья С.А. Петуховой об еще одной ипостаси Кузнецова в 1930-е годы [4].

В данной статье хотелось бы осветить незатронутый ранее сюжет о Кузнецове как исследователе политико-правовых учений раннего Нового времени, акцентировав внимание на его оценках кальвинизма. Характерно, что эта тематика занимала Кузнецова по меньшей мере 10 лет: от лондонской командировки, завершившейся защитой магистерской диссертации «Опыты по истории политиче-

ских идей в Англии (XV–XVII вв.)» [5] до конца «правоведческого» периода его карьеры, ознаменовавшегося выходом в свет труда «Идея современного общества и государства. 1: От Реформации до Реставрации» [6].

В магистерской диссертации Кузнецов ставил целью проследить эволюцию английской политической идеологии, начиная с юриста XV века Джона Фортескью, заканчивая Яковом I Стюартом в первой четверти XVII века. 11 компактных по объему глав диссертации выстроены по «портретному» принципу: каждая из них представляет краткий обзор политических взглядов конкретного мыслителя (без биографической справки, информации об основных трудах). Только одна глава выделяется: в ней автор счел нужным объединить рассмотрение политических воззрений различных английских теологов XVI–XVII вв. Под «теологами» автор понимал в основном «англиканцев», которые, как отмечает Кузнецов, в своих взглядах не были отделены «непроходимой гранью» от более радикальных религиозных течений XVI века и в зависимости от конъюнктуры могли отказаться от идей «пассивного повиновения» [5. С. 134]. Под этими радикальными течениями Кузнецов имел в виду кальвинистов.

Диссертация Кузнецова – редкая работа в отечественной дореволюционной науке, где фигурирует имя Кристофера Гудмена (1520–1603) – пастора в английской общине «изгнанников» в Женеве и автора трактата «Как подданные должны повиноваться верховным властям, и в чем им можно законно не повиноваться и противиться по слову Божьему» (1558). В трактате Гудмена Кузнецов видел оправдание сопротивления правителю на основании обычной для кальвинистов религиозной аргументации: противящийся Богу должен быть сокрушен, сопротивление тирану, нарушившему слово Божье, есть долг христианина. Гудмен не выступал против существующих «государственных форм», что роднило его с пуританами, которые стремились использовать власть для проведения своих реформ [5. С. 140–142]. Однако Гудмен считал власти «частью и членами» тела народного и признавал за народом «место в государстве» – это было выражением политического радикализма с «уклоном в сторону демократических принципов» и покушением на политическое главенство короля, что влекло за собой опасность «для сложившегося порядка вещей», как бы кальвинисты не открещивались от подобного [5. С. 147–149].

Другу и соратнику Гудмена, шотландскому проповеднику и реформатору Джону Ноксу Кузнецов посвятил целую главу. Особое внимание идеям шотландца исследователь объяснял тем, что воззрения Нокса могут помочь уяснить «исторические позиции англиканцев» [5. С. II]. Здесь Кузнецов, вероятно, имел в виду глубокое различие между английским и шотландским вариантом реформирования церкви – в Англии реформация произошла через парламент, в Шотландии была «делом независимого народного движения», поэтому англиканским вождям реформации протестовать против «изменчивых решений парламента» мешало «веками сложившееся преклонение» перед парламентским авторитетом, тогда как шотландские могли угрожать насилием и обходиться вовсе без согласия «собрания чинов» [5. С. 162–163].

Нокс наиболее известен своим памфлетом «Первый трубный глас против чудовищного правления женщин» (1558), где выступал против монархов-женщин как таковых, объявив практику престолонаследия женщинами противной Богу. Памфлет был нацелен против Марии Тюдор, однако после восшествия на престол Елизаветы воспринимался как «антиелизаветинский». Несмотря на непримиримую позицию по отношению к женщине на престоле, по мнению Кузнецова, Нокс «всего менее помышлял о каких-либо переменах в исторически сложившихся государственных формах» и не отрицал традиционную идею о божественном происхождении светских правителей. Кузнецов отмечал, что радикальные взгляды Ноксу были присущи не всегда: в письме общине в Бервике 1552 года он убеждал подчиняться самым порочным правителям, не пытаться защищать религию путем насилия, терпеливо повиноваться Богу и установленным им правителям. Для него народ и власть есть «две естественные противоположности», установленные Богом. Власть в Шотландии олицетворяли «лорды»: Нокс искал опоры у них, а «демократические» идеи и принцип политического равенства были ему чужды [5. С. 162–163]. Кузнецов делает вывод, что Нокс был больше теологом, чем политиком, и его кажущаяся радикальной идея «монархоборства» не носила «строго очерченного характера» [5. С. 171].

Точка зрения Кузнецова перекликается с работами современных исследователей: например, Джейн Доусон полагает, что революционные призывы Нокса были направлены исключительно на Англию, тогда как в работах для «внутреннего использования» в Шотландии реформатор был весьма умерен в своих взглядах, не допуская выпа-

дов в адрес светской власти и ограничиваясь реформационными требованиями [7. P. 565–570].

Отметим, что текст диссертации пестрит пространными цитатами из трактатов, памфлетов, проповедей, писем на языке оригинала. Благодаря командировке в Англию, Кузнецов сумел поработать в Британском музее, библиотеках, архивах и сетовал, что не успел просмотреть некоторые манускрипты в Кембридже и Оксфорде [5. С. II]. Доступность широкого массива источников привела к тому, что Кузнецов в первую очередь опирался на них, минимально используя научную литературу, что было не типично для его коллег-современников. Известный историк-англовед А.Н. Савин, ставший наряду с правоведами С.А. Котляревским и Н.Н. Алексеевым официальным оппонентом на защите магистерской диссертации, отмечал недооценку того, что было сделано до Кузнецова другими учеными, хотя высоко оценил значимость и новизну работы: «Ваша книга имеет еще большее значение для англичан, чем для нас» [3. С. 14].

Судя по опубликованному шесть лет спустя труду «Идея современного общества и государства», Кузнецов учел замечания оппонента. Теперь он гораздо больше внимания уделил исследованиям коллег, особенно зарубежных (и в большинстве своем это самые новые на тот момент работы). Также, как бы отвечая на замечание С.А. Котляревского о недостаточном освещении роли Реформации [3. С. 14], Кузнецов акцентировал на ней внимание уже самим названием первого тома (многотомной монография так и не стала): «От Реформации до Реставрации».

Это была попытка свести воедино результаты предыдущих «узких» исследований и представить «историко-философский синтез» [6. С. VII–VIII], отразить взгляды исследователя на ключевые вопросы гуманитарного знания. Полемизируя с теориями М. Вебера, Г. Еллинека, В. Зомбарта, В. Дильтея, Э. Трельча, Кузнецов выступает уже не в качестве правоведа, а скорее, в качестве философа или историка. При этом Кузнецов остался верен себе в том, что старался рассматривать политические теории в связи с историей «мира англосаксонского». Изложение в монографии строилось по проблемному принципу: Кузнецов рассматривал в каждой главе одну из идей (естественное право, народный суверенитет, божественное происхождение власти, общественный договор и так далее).

Кузнецов сделал вывод, что позиция реформаторов в отношении светской власти зависела от поддержки или противодействия их де-

лу со стороны монархов: провозглашение неприкосновенности правителя как «божьего наместника» сменялось тираноборчеством Гудмена или Нокса, если реформированная церковь оказывалась в роли гонимой государством [6. С. 44–46]. По мнению Кузнецова, реформаторы руководствовались интересами продвижения Реформации и более ничем. Ярким примером этого являлась позиция Жана Кальвина. Ссылаясь на диссертацию Р.Ю. Виппера [8], правовед показал усиление республиканских симпатий и радикализацию воззрений Кальвина от первого издания «Наставления в христианской вере» 1536 года до пятой редакции 1559 года. Кузнецов видел в этой эволюции не столько влияние республиканской Женевы («как объясняют историки»), сколько переход от изначальной «сознательной политики осторожности» к противостоянию с государством [6. С. 52–54].

В отличие от Э. Трельча и всех, кто считал Реформацию шагом назад по отношению к Возрождению, Кузнецов провозглашал прогрессивность этого движения. По словам исследователя, если Возрождение открыло Платона, то Реформация сделала не менее важное открытие, дав Библию на доступном языке всем и каждому. Идея об «отдельной личности, через Священное писание отыскивающей правду жизни», не была движением вспять, и именно религиозные изменения стали наиболее заметным сдвигом в «общей ломке» устоев и зарождении «индивидуальной морали» [6. С. 54–58]. Кузнецов соглашался со своим учителем Еллинеком в том, что английские пуритане наследовали Кальвину и в то же время выступали источником для французской «Декларации прав человека и гражданина» [6. С. 97].

Нужно ли говорить, что подобные тезисы были обречены на забвение в советской науке? Видимо, это прекрасно понимал и К.А. Кузнецов, не пожелавший менять свою позицию с переходом отечественной науки на марксистскую картину мира. Его имя, да и тематика его политико-правовых исследований надолго исчезли из научного оборота, если не считать эпизодических упоминаний [9] или дословного цитирования без соответствующих сносок[1] [10]. Ситуация начала меняться только в 1980-е гг., когда работы Кузнецова стали открыто использоваться в исследованиях [11]. Высокий науч-

[1] На с. 94 статьи А.А. Петросьяна приведен без ссылки текст из магистерской диссертации Кузнецова (с. 162–163).

ный уровень, актуальность содержания, доступная и легкая манера письма – в трудах К.А. Кузнецова есть все, чтобы о нем знали не только музыковеды, но и юристы, политологи, историки.

Литература

1. *Рахманова М.П.* Константин Кузнецов / // Русская духовная музыка в документах и материалах. Т. IX: Русское православное церковное пение в XX веке: Советский период. Кн. 1: 1920–1930-е годы. Ч. 2 / подгот. текстов, вступит. ст. и коммент. М.П. Рахмановой. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – 472 с.
2. *Ямпольский И.М.* К.А. Кузнецов [Электронный ресурс] // Музыкальная энциклопедия / под ред. Ю.В. Келдыша. – М.: Советская энциклопедия; Советский композитор, 1973–1982. – Режим доступа: http://www.musenc.ru/html/k/kuznecov.html, свободный. – Загл. С экрана. – Яз. рус., англ.
3. *Березкин А.В.* Профессор Восточного института К.А. Кузнецов (1883–1953) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2009. – № 1. – С. 11–16.
4. *Петухова С.А.* Деятельность К.А. Кузнецова в Moscow News (1934–1939) // Искусство музыки: теория и история. – 2015. – № 12. – С. 87–109.
5. *Кузнецов К.А.* Опыты по истории политических идей в Англии (XV–XVII в.). – Владивосток: Восточный институт, 1913. – 213 с.
6. *Кузнецов К.А.* Идея современного общества и государства. 1. От Реформации до Реставрации. – Одесса: Гносис, 1919. – 147 с.
7. *Dawson J.* The two John Knoxes: England Scotland and the 1558 tracts / J. Dawson // Journal of Ecclesiastical History. – 1991. – Vol. 42, № 4. – P. 555–576.
8. *Виппер Р.Ю.* Церковь и государство в Женеве XVI века в эпоху кальвинизма. – М.: Печатня С. П. Яковлева, 1894. – 762 с.
9. *Косминский Е.А.* Роль русских историков в разработке истории Англии // Косминский Е.А. Проблемы английского феодализма и историографии Средних веков. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 61–83.
10. *Петросьян А.А.* Тираноборческие идеи Джона Нокса // Проблемы истории докапиталистических формаций: сб. статей. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1978. – С. 88–107.
11. *Сапрыкин Ю.М.* От Чосера до Шекспира: этические и политические идеи в Англии. – М: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – 192 с.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/61

УДК: 930

О.В. Метель

ЕВРОПЕЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1920–1950-х гг.

Аннотация. *Цель данной статьи заключается в реконструкции советского подхода к истории европейских революций Нового времени, в своих основных чертах сложившегося в 1920–1950-е гг. Автор полагает, что основные особенности названного подхода могут быть сведены к следующему: использование материала по истории европейских революций Нового времени в качестве «полезного» прошлого для нужд советской пропаганды и, как результат, зависимость научного нарратива от идеологических оценок.*

Ключевые слова: *советская историография, революция, марксизм, английская революция XVII в., Великая французская революция, европейские революции 1848–1849 гг.*

Изучение советской историографии европейских революций Нового времени в современной отечественной исторической науке проводится преимущественно в отношении отдельных «революционных потрясений», ведущую роль среди которых, безусловно, занимает история Великой французской революции [1, 2]. Рассматривая подобную специализацию как вполне логичную и закономерную, мы, однако, полагаем, что для понимания общей специфики эволюции советской новистики может быть продуктивной и иная исследовательская стратегия, связанная с попыткой выделить некоторые общие черты, характерные для советского марксистского подхода к истории европейских революций Нового времени. И особенно актуальной эта задача должна стать для периода становления советской историографии, который, на наш взгляд, пришелся на 1920–1950-е гг. и был связан с разработкой «классических» советских марксистских подходов к различным событиям всемирной истории.

В целом, мы полагаем, что в изучении европейских революций XVII–XIX вв. в Советской России – СССР в 1920–1950-е гг. можно

выделить несколько базовых особенностей. В первую очередь, необходимо указать на тот факт, что все революционные события, происходившие в Западной Европе в последние четыре столетия, имели важное значение для советской пропаганды. Фактически перед нами «полезное присвоенное» прошлое, необходимое для доказательства легитимности Октябрьской революции 1917 г. и «воспитания» молодого поколения советских людей. В результате еще в 1920-е гг. усилиями партийных публицистов и историков-марксистов мировой исторический процесс предстал в виде неуклонного движения через череду выступлений рабов, крестьянских движений и различных по своему характеру революций к социалистической революции, произошедшей в России в октябре 1917 г. И хотя в середине 1930-х гг. сталинская идеологическая политика совершила крутой поворот, взяв курс на актуализацию национального «героического прошлого», а во время Великой Отечественной войны Бородино окончательно оказалось «ближе, чем Парижская коммуна» [3. С. 180], образы революционеров предшествующих столетий все же занимали важное место в советской пропаганде вплоть до конца 1980-х гг.

Пристальное внимание со стороны власти к интересующим нас историческим событиям и их постоянное присутствие, хотя и в различных формах, в идеологических кампаниях и советской массовой культуре послереволюционных десятилетий приводили к еще одной особенности в изучении «присвоенного» революционного прошлого, нашедшей свое выражение в том, что советский марксистский научный нарратив во многом основывался на ряде заданных теоретических конструкций и идеологем. Источники последних были различны. С одной стороны, они опирались на выводы К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, формировавшие некоторую теоретическую рамку изучения «революционных бурь» предшествующих веков. Так, выводы К. Маркса определяли общий взгляд советской историографии на типы революционных потрясений Нового времени (буржуазные, буржуазно-демократические и социалистические революции), а учение В.И. Ленина о революционной ситуации диктовало характер изложения истории предреволюционных обществ, которым надлежало находиться в состоянии затяжного системного кризиса. В то же время стоит учитывать, что многие конкретно-исторические выводы «классиков» подвергались в советской историографии серьезной модификации, нередко приводившей к тому, что при помощи одних и тех же цитат ученые доказывали прямо противоположные положения. «Разоблачение» подобных приемов не было ред-

костью и, к примеру, в середине 1950-х гг. спровоцировало дискуссию о характере Крестьянской войны в Германии, которую, по мнению инициатора обсуждения О.Г. Чайковской, если действительно исходить из выводов Ф. Энгельса, можно было назвать «первой буржуазной революцией» лишь с очень большими натяжками [4. С. 143]. Помимо теоретических постулатов «классиков», советские историки должны были опираться в своих исследованиях на «руководящие указания» партийно-правительственного аппарата, соответствующие требованиям текущего момента. И хотя в наибольшей степени они были актуальны для историков Новейшего времени, специалисты по более отдаленным историческим периодам также не могли их не учитывать.

Все это приводило к еще одной особенности советской историографии европейских революций Нового времени, которая была связана со спецификой обращения историков с конкретно-историческим материалом. Так, по меткому выражению А.А. Сванидзе, для всей ранней советской историографии, строившейся как «город в горах, канал в степи», было характерно несколько пренебрежительное отношение к конкретному историческому материалу, его «перескакивание» в целях построения «могучей, цельной конструкции» [5. С. 43]. Полагаем, что столь же справедливым будет и утверждение об «адаптации» советскими марксистами материала документов под заранее заданные выводы, возникшие с опорой на указанные ранее «внешние» по отношению к научной традиции источники. Подобные особенности в результате приводили к тому, что фактологическая база многих советских «метанарративов» была во многом схожа с той, которую мы можем обнаружить в рамках дореволюционной и зарубежной «буржуазной» историографии. Недаром во второй половине 1930-х гг., на волне недостатка научной исторической литературы, вызванной «разоблачениями» «школы М.Н. Покровского», в СССР стали переиздаваться сочинения отечественных и зарубежных авторов, весьма далеких от марксизма (А.Н. Савин, Э.Лависс и А. Рамбо и др.).

Однако, безусловно, названные особенности преломлялись в историографии конкретных революций по-разному. Мы полагаем, что в общей линии революционного процесса, начинавшегося для советских авторов в период позднего Средневековья с крестьянской войны в Германии и антииспанских выступлений в Нидерландах и заканчивавшегося Парижской коммуной как «зарей» пролетарских революций современности, наиболее «деформированной» потребностями идеологии оказалась историография коммуны 1871 г. Так, уже

к началу 1940-х гг. была выработана общая схема истории данного события, «сжимавшаяся» и «расширявшаяся» авторами в соответствии со своими задачами и объемом издания. Достаточно сильным должно быть признано влияние вненаучных факторов и на советскую историографию Великой французской революции, которая уже в 1920-е гг. стала главной темой для советской «западноведческой» науки. Как было убедительно показано современными отечественными специалистами, и общая хронология революционных событий, и их оценка советскими учеными находились в русле общих поворотов идеологического курса руководства страны, усматривавшего во французских событиях конца XVIII в. то революцию-прототип, то революцию-антипод [1. С. 123]. Заданность оценок и трактовок в определенной степени была характерна и для последующих французских революций, произошедших в 1830 г. и 1848–1849 гг. Однако они изучались советскими историками в значительно меньшей степени. Так, если говорить в целом о феномене «весны народов», то в 1923 и 1948 гг. в Советской России еще проходили по случаю очередных юбилеев массовые торжества и научные заседания, а в начале 1950-х гг. даже было опубликовано обобщающее коллективное издание, претендующее на статус конвенционального, но уже к концу данного десятилетия интерес к этой проблематике очевидно угас и в дальнейшем заявлял о себе в весьма ограниченных масштабах.

Несколько иным в советской историографии оказалось положение английского «Великого мятежа» середины XVII в. Несмотря на то что история Английской революции попадала в поле зрения советских специалистов и в первые послереволюционные годы, наибольшего внимания она удостоилась на рубеже 1930–1940-х гг. в связи с поисками нижней хронологической границы истории Нового времени. До конца 1930-х гг. последняя была связана с Великой французской революцией [6. С. 3], что серьезно осложняло и проведение научных изысканий, и преподавательскую деятельность. Теперь же в ходе ряда дискуссий Е.А. Косминскому удалось пересмотреть данную датировку и связать завершение эпохи Средних веков с английскими событиями середины XVII в., открывшими, по словам ученого, дорогу для развития капитализма во всем мире [7]. В дальнейшем, уже в 1950-е гг. в советской науке продолжалось обсуждение ключевых проблем истории Английской революции, связанное с определением ее характера, движущих сил и точки «наивысшего подъема». И хотя английский материал также был помещен в рамки

общей марксистской схемы, рискнем утверждать, что свобода научного поиска в отношении этой революции у советских историков все же была несколько выше, чем в случае работы с французским революционным прошлым. Полагаем, что это стало возможным как в силу сравнительно редкого обращения к английскому опыту со стороны советской пропаганды (хотя в 1920-е гг. В. И. Ленина иногда и сравнивали с О. Кромвелем [8. С. 158]), так и благодаря сохранению очевидной преемственности между дореволюционными и советскими англоведами. Недаром своих учеников Е.А. Косминский называл «четвертым поколением школы П.Г. Виноградова» [5. С. 60].

Таким образом, мы полагаем, что изучение европейского революционного опыта XVII–XIX вв. в ранней советской историографии, хотя и развивалось в рамках самостоятельных сценариев, обладало рядом специфических общих черт, не в последнюю очередь связанных с идеологической значимостью и «полезностью» этого «присвоенного» прошлого.

Литература

1. *Гордон А.В.* Великая французская революция в советской историографии. – М.: Наука, 2009. – 380 с.
2. *Чудинов А.В.* История Французской революции: пути познания. – М.: РОССПЭН, 2017. – 280 с. – (Мир Французской революции).
3. *Бранденбергер Д.Л.* Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). – СПб.: Академический Проект; ДНК, 2009. – 416 с. – (Современная западная русистика).
4. *Чайковская О.Г.* Вопрос о характере реформации и крестьянской войны в Германии в советской историографии последних лет // Вопросы истории. – 1956. – № 12. – С. 129–143.
5. *Сванидзе А.А.* Яков Александрович Левицкий: жизнь в науке и среди людей. Приложение к журналу «Средние века». – М.: ИВИ РАН, 2012. – 172 с.
6. *Новая* история: учебник для вузов: в 2 ч. / под ред. академика Е.В. Тарле, члена-корреспондента АН СССР А.В. Ефимова и Ф.А. Хейфец. – М.: Соцэкгиз, 1939. – Ч. I. От французской буржуазной революции до франко-прусской войны и Парижской коммуны (1789–1870 гг.). – 572 с.
7. *Сессия* отделения истории и философии Академии наук СССР 28–29 октября 1940 г. // Историк-марксист. – 1940. – № 12. – С. 131.
8. *Булдаков В.П.* Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. – М.: РОССПЭН, 2012. – 759 с. – (История сталинизма).

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/62

УДК:93/94 (323)

Н.И. Василюк

АНАЛИЗ ИСТОРИОГРАФИИ ПО ТЕМЕ «ДВОР СТАНИСЛАВА АВГУСТА ПОНЯТОВСКОГО В 1764–1795 ГГ.»

Аннотация. *В статье исследуется историография по теме «Двор Станислава Августа Понятовского в 1764–1795 гг.». Анализируются основные работы по данной теме как отечественной, так и зарубежной литературы.*

Ключевые слова*: двор, литература, анализ, работы, Станислав Август Понятовский, король.*

На сегодняшний день личность Станислава Августа Понятовского в целом изучена как отечественной, так и зарубежной историографией. Но изучение двора Понятовского и фунций его придворных является темой малоизученной. Еще нет ни одного исследования, посвященного изучению королевского двора при Станиславе Августе в Гродно. Данная тема требует подробного анализа. Он предусматривает синтез исследований как по истории Гродно конца XVIII в., так и по политической и повседневной деятельности последнего монарха Речи Посполитой.

Уже начиная с XIX в. в связи с разделами Речи Посполитой историография описания жизни и повседневности Станислава Августа Понятовского, а также его двора делится на русскую и польскую. Позже появляется национальное направление в изучении фигуры последнего короля польского и великого князя литовского и приближенных к нему особ.

Долгое время в дореволюционной Российской империи личность Понятовского историки ассоциировали с разделами Речи Посполитой, рассматривали его как политика в контексте распада государства, которым он управлял, и абсолютно не обращали внимания на королевский двор. Особое место тут заняли монографии С.М. Соловьева [2] и Н.И. Костомарова [1]. Эти ученые были первыми, кто косвенно затронул вопрос о жизни придворных последнего монарха. Также выделяют-

ся исследователи, которые более подробно анализируют повседневность короля, – М.Ф. Де-Пуле и Д.И. Иловайский.

В своей работе [3] Н.Ф. Де-Пуле, русский писатель и литературный критик XIX ст., описывает приезд короля в Гродно в 1795 г., придворных, которые прибыли вместе с ним, их обязанности, контакты, дает оценку политической деятельности, характеризуя слабость монарха в управлении государством, а также описывает причины политического краха Речи Посполитой.

В исследования «Гродненский сейм 1793 г. Последний сейм Речи Посполитой» [4] Д.И. Иловайский, русский историк, публицист XIX ст., рассматривает последний сейм Речи Посполитой, не только давая ему политическую оценку, но и анализируя тайные интриги придворных Станислава Августа.

В польской историографии дореволюционного времени относительно темы исследования можно рассматривать работу Т. Корзона – представителя варшавской школы дореволюционного времени. Его главная работа [5] дала много новых сведений о внутренней жизни Речи Посполитой. Историк частично затронул и повседневность Понятовского и его придворных.

Еще одним представителем польской дореволюционной историографии является писатель и публицист XIX в. П.Я. Быковский (1823–1889). Он является автором около 200 романов, 10 исторических работ. Одна из них посвящена двору Станислава Августа Понятовского и его пребыванию в Гродно [6]. В своей работе автор активно использовал записи личного пристава короля И.А. Безбородки, при этом уделил много внимания наиболее известным особам при королевском дворе.

Е.П. Тышкевич же является белорусским историком, этнографом, создателем комплексного исследования о повседневной жизни Станислава Августа Понятовского и его двора в Гродно. Работа ценна тем, что во время ее написания автором были использованный многочисленные документы. Благодаря этому автор составил список ежемесячных заработков каждого из придворных [7].

В дореволюционной английской историографии также наблюдался интерес исследователей к славянским странам. В 1908 г. в Оксфорде была опубликована книга Р.Н. Бейна (1854–1909) [8]. В центре внимания автора – личность Станислава Августа Понятовского, но частично упоминаются и приближенные к нему особы.

Стереотипы, которые сложились в историографии XIX – начала XX в. и касались Понятовского и приближенных к нему особ, перешли в историческую литературу советского периода и испытали воздействие идеологических веяний новой эпохи. Классовый подход обусловил бескомпромиссное осуждение политики русского самодержавия и разделов Речи Посполитой. Но пересмотра позиций применительно к Станиславу Августу он за собой не повлек.

Во времена СССР внимание на Понятовского и его двор обратил А.Ю. Мальдис, уроженец Беларуси [9]. В его исследовании рассматриваются произведения мемуарной литературы XVIII ст., где автор обращает внимание на повседневную жизнь последнего короля Речи Посполитой и его придворных [9. С. 106].

Очевидный перелом в развития истории произошел только после глобальных перемен конца 1980 – начала 1990-х гг. и обретения Беларусью независимости. Теперь история Речи Посполитой конца XVIII ст. не подается стереотипно, а вызывает большую заинтересованность со стороны как белорусских, так и зарубежных историков.

Среди современной отечественной историографии необходимо выделить более крупных исследователей Понятовского и его двора, например, такого, как брестский историк и краевед Л.М. Нестерчук. Его работа, посвященная Станиславу Августу, исследование, основанное на богатой базе источников, в том числе из архивов Флоренции и Ватикана, представляет его жизненный путь, в том числе и историю повседневности [10].

Кандидат исторических наук А.А. Скепьян является крупным специалистом по изучению магнатского и великокняжеского двора. В своих работах [11] исследовательница подробно описала организацию кухонной службы при магнатских дворах в XVI–XVII вв.

Д.Р. Мышко, кандидат филологических наук, также является представительницей современной белорусской историографии. Несколько ее статей посвящены С. Трембецкому, придворному поэту короля, и его творчеству [12]. Д.Р. Мышко, проанализировав произведения и письма Трембецкого, пытается дать описание характера придворного, охарактеризовать его обязанности и взаимоотношения с королем.

Также одним из важных исследователей изучаемой темы из г. Гродно является В.В. Швед, профессор, знаток XVIII–XIX вв., который осветил в своих работах многочисленные темы. Про-

анализировав немало источников, В.В. Швед создал целый ряд статей, в которых отобразил всестороннюю жизнь Станислава Августа, показывая его хорошим политиком и образованным человеком [13].

А.Д. Смирнова, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Древнего мира и Средних веков БГУ, является автором работ по истории средневековой культуры и др. Работа, проанализированная исследователем [14], является достаточно полезной, ведь в статье проводится связь между внешним видом особы (в нашем случае – придворного) и ее статусом.

В.И. Лазоркина, кандидат исторических наук из Минска, защитила диссертацию, в которой проанализировала особенности дипломатического церемониала Великого Княжества Литовского. Благодаря данной работе можно узнать об обязанностях некоторых придворных особ Станислава Августа Понятовского [15].

Минский специалист по истории Великого Княжества Литовского эпохи Ягеллонов А.У. Любый в своем исследовании [16] обратил внимание на проблему исследования великокняжеского двора в современной белорусской и зарубежной историографии.

Для современных российских исследователей фигура Понятовского и его двор интересны в контексте внешней политики Российской империи в конце XVIII в. Но относительно королевского двора в общем ситуация другая: российские исследователи активно изучают английский и другие европейские королевские дворы, что помогло исследователю в написании данной работы.

Кандидат исторических наук А.В. Бакалдина свою кандидатскую диссертацию посвятила изучению английского королевского двора при Эдуарде IV, его институтам, слугам и церемониалу [17]. Несмотря на значительную разницу в темах работ, исследователь смог выявить в данной диссертации необходимую для него информацию.

Ю.П. Крылова с 2016 г. является ответственным секретарем альманаха «Казус» и составителем ежегодного библиографического указателя работ по истории Франции, которые выходят в России. В сферу ее научных интересов входит история Франции XIV–XVI вв. и французский двор, придворная культура [18].

Кандидат исторических наук, доцент Самарского государственного университета С.В. Польской в своей работе, посвященной формированию придворного общества в России в середине XVIII в. [19], активно

используя исследование Н. Элиаса, делает вывод, что двор – это множество особ с личными желаниями.

В польской современной историографии отдельным пунктом надо выделить З. Зелинскую, которая является специалистом по политической истории Речи Посполитой XVIII в. В своей работе [20] среди характерных особенностей Станислава Августа З. Зелинская подчеркивает ответственность за государство и активность.

Если говорить о современной литовской историографии, то можно отметить Р.П. Петраускаса – литовского историка-медиевиста. Проанализированная исследователем работа [21] – попытка синтеза персональной и социальной истории Великого Княжества Литовского.

В современной немецкой историографии выделяется социолог и историк Н. Элиас и его работа [22]. Несмотря на то что исследователь не описывал повседневную жизнь Станислава Августа Понятовского и его придворных, в работе на примере французского королевского двора XVII–XVIII вв. исследуется такой общественный институт, как «придворное общество».

Таким образом, в российской дореволюционной историографии не появилось работ, посвященных королевскому двору Станислава Августа. Польские дореволюционные исследователи были более лояльны к особе последнего короля и его придворным, стараясь объективно оценить их действия. Исследователи советского периода почти не анализировали королевский двор гродненского периода. В современной же историографии, как отечественной, так и зарубежной, доминируют более объективные взгляды на особу последнего короля польского и великого князя литовского, но конкретные работы, в которых подробно анализировался бы двор Станислава Августа, отсутствуют.

Литература

1. *Костомаров Н.И.* Старый спор. Последние годы Речи Посполитой. – М.: Чарли; Смоленск: Смядынь, 1994. – 768 с.

2. *Соловьёв С.М.* История падения Польши. – М.: АСТ, Астрель, 2003. – 372 с.

3. *Де-Пуле М.Ф.* Станислав-Август Понятовский в Гродне и Литва в 1794–1797 годах. – СПб. : Тип. Майкова, 1871. – 255 с.

4. *Иловайский Д.И.* Гродненский сейм 1793 года. Последний сейм Речи Посполитой. – Мінск: Беларусь, 2015. – 538 с.

5. *Korzon T.* Wewnętrne dzieje Polski za Stanislawa-Augusta, 1764–1794. – T. I. – Krakow; Warszawa: Księgarnia L. Zwolińskiego i s-ki, 1897. – 200 s.

6. *Bykowski P.J.* Dwór królewski w Grodnie, Epizod biograficzny (1795–1797). – Warszawa, 1884. – 189 s.

7. *Tyszkiewicz E.* Króla Stanisława Augusta ostatni pobyt w Grodnie. – Poznań, 1868. – 189 s.

8. *Bain R.N.* Slavonic Europe: A Political History of Poland and Russia from 1447 to 1796. – Cambridge University Press, 1908. – 258 p.

9. *Мальдзіс А.* Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі: эсэ; Восень пасярод вясны : аповесць, сатканая з гістарычных матэрыялаў і мясцовых паданняў. – Мінск: Маст. літ., 2009. – 479 с.

10. *Несцярчук Л.М.* "Станіслаў Аўгуст Панятоўскі. Манарх, асветнік, мецэнат". – Брэст: Брэсцкая друкарня, 2011. – 298 с.

11. *Скепьян А.А.* Арганізацыя кухоннай службы пры магнацкіх дварах у Вялікім княстве Літоўскім XVI–XVII ст. // Магнацкі двор і сацыяльнае ўзаемадзеянне (XVI–XVIII ст.): зборнік навуковых прац / пад рэд. А.М. Янушкевіча. – Мінск, 2014. – С. 395–411.

12. *Мышко Д.Р.* Гродненские времена Станислава Трембецкого // Вестник образования Гродненского региона. Литературный Гродно. – 2016, – № 1. – С. 82–83.

13. *Швед В.В, Госцеў А.П.* Горадня. Аповяды з гісторыі горада (сярэдзіна XVI – канец XVIII ст.). – Гродна: Пергамент, 1997. – 140 с.

14. *Смірнова А.Дз.* Колер касцюма і яго сімволіка ў Сярэднія вякі // Беларускі гістарычны часопіс : навуковы, навукова-метадыч. ілюстраваны часопіс. – 2008 . – № 12 . – С. 25–31.

15. *Лазоркіна В.І.* Асаблівасці дыпламатычнага цэрэманіялу Вялікага Княства Літоўскага у складзе Рэчы Паспалітай // Беларусь в современном мире: Тезисы докладов V Междунар. науч. конф., посвящ. 85-летию Белорус. гос. ун-та, Минск, 3 нояб. 2006 г. / редкол.: А.В. Шарапо [и др.]. – Минск: БГУ, 2007. – 354 с.

16. *Любы А.У.* Вялікакняжацкі двор XV–XVI стст. у сучаснай айчыннай і замежнай гістарыяграфіі // Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. статей. – Минск: РИВШ, 2016. – С. 193–202.

17. *Английский* королевский двор при Эдуарде IV: институты, слуги, церемониал // Человек и наука [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cheloveknauka.com/angliyskiy-korolevskiy-dvor-pri-eduarde-iv-instituty-slugi-tseremonial. – (дата доступа: 23. 12. 2018).

18. *Крылова Ю.П.* Двор как «королевство обмана» в позднесредневековой Франции // Обман как повседневная практика. Индивидуальные и коллективные стратегии поведения / отв. ред. О.И.Тогоева и О.Е.Кошелева. – М., 2016. – 95–110 с.

19. *Польской С.В.* Формирование «придворного общества» в России: императорский двор и дворянство в середине XVIII в. // Имперская Россия в 1700–1825 гг. – 2007. – № 2. – С. 117–144.

20. *Зелинская З.* Из истории польско-российских отношений в XVIII веке. – Варшава, 2001. – 246 с.

21. *Пятраўскас Р.П.* Літоўская знаць у канцы XIV–XV ст.: Склад – структура – улада. – 2-е выданне. – Смаленск: Інбелкульт, 2014. – 386 с.

22. *Элиас Н.* Придворное общество : Исследования по социологии короля и придворной аристократии / пер с нем. А.П. Хухтенкова, К.А. Левинсона, А.М. Перлова, Е.А. Прудниковой, А.К. Судакова. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 368 с.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/63

УДК: 94 (100-87)

Л.П. Веремчук

ПРОБЛЕМА АЛЬТЕРНАТИВНОСТИ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В ТРАКТОВКЕ АЛЕКСИСА ТОКВИЛЯ

Аннотация. *Автор рассматривает содержание концепции социальной революции, разработанной известным французским историком первой половины XIX века Алексисом Токвилем, его трактовку проблемы альтернативности Великой французской революции. Предпринимается попытка доказать, что в основу рассмотрения им исторического процесса как альтернативного было заложено понимание того, что закономерность общественного развития может быть реализована в ряде исторических возможностей и форм, конкретное воплощение которых зависит от результатов активного действия классов, социальных групп, политических партий, отдельных личностей.*

Ключевые слова: *революция, реформа, тенденция-альтернатива, степень разрыва постепенности,*

Обращение Алексиса Токвиля к проблеме альтернативности исторического развития и трактовка им этой проблемы практически остаются неисследованными. Авторы, так или иначе касавшиеся этого аспекта исторических воззрений ученого, бросают лишь косвенный взгляд, не раскрывая всего спектра идей и не придавая им того ключевого значения, какое вкладывал в трактовку проблемы альтернативности сам Токвиль, в частности, в трактовку причин, содержания и исхода революционных процессов во Франции конца XVIII – середины XIX столетий. Ж. Лефевр [1. P. 322], П. Бирнбом [2. P. 86], полагают, что в социологических идеях Токвиля присутствуют сильные элементы детерминизма, которые, однако, не делали его фаталистом; что при всей детерминированности исторического процесса, каким он ему представлялся, ученый оставлял в нем место свободной воле, возможности выбора, альтернативности. Близкую этой точку зрения выразил И.О. Дементьев [3. С. 19]. Р. Арон, на-

против, не считал возможным характеризовать воззрения Токвиля посредством понятия «детерминизм», противопоставляя его «пробабилизм» историческому детерминизму О. Конта и К. Маркса (в чём, собственно, и состояла квинтэссенция его внимания к проблеме), «устранивших людей из истории», отказавших ей в «собственно человеческой значимости с ее активностью и непредвиденностью»; идеям этих мыслителей Р. Арон противопоставлял воззрения Токвиля, по его мнению, не считавшего историческую закономерность определяющей тенденцией развития общества [4. P. 262]. В советской историографии исторические воззрения Токвиля чаще всего упрощённо связывали с понятием «провиденциализм» [5. С. 62].

Представляется возможным утверждать, что исторический процесс Токвиль трактовал как глобальный, всеобъемлющий, основные следствия которого обусловлены примерно одинаковыми для всех народов и регионов мира причинами и закономерностями. Выражая эту мысль, учёный писал, что, «несмотря на видимое разнообразие форм жизни и деятельности человека, вполне возможно отыскать ограниченное число основополагающих явлений, которые определяют существование всех остальных» [6. С. 245]. С признанием закономерного и глобального характера исторического развития у Токвиля были связаны представления об его объективном содержании, о том, что историческая закономерность вытекает из объективных условий жизни общества [6. С. 29, 317].

Вместе с тем ученый был далек от взгляда на историю как фатальный, заранее предопределенный процесс, исключавший роль в нем субъективного фактора, воплощённого в деятельности людей. Признавая объективный характер исторической необходимости, ученый вместе с тем полагал, что она оставляет широкие рамки для активной деятельности людей: «Провидение очерчивает, это верно, каждому человеку некий фатальный круг, из которого он не может выбраться, – писал он, выражая эту мысль, – однако в широких границах которого человек свободен и всемогущ. Это же относится и к народам» [6. С. 505]. Исходя из признания совместимости идеи альтернативности исторического процесса с представлением о закономерном характере его развития, исследователь оценивал военный гений Наполеона Бонапарта: «Способ ведения войны, применявшийся Наполеоном, был подсказан ему всей социально-политической ситуацией его эпохи»; Наполеон был первым, кто прошел во главе армии по всем столицам мира, однако этот путь «ему открыло кру-

шение феодального общества» [6. С. 479]. Мыслитель полагал, что деятельность отдельных личностей, не будучи в состоянии кардинально изменить ход истории, способна, однако, воздействовать на него; что «одаренность, порочность или нравственность отдельных индивидуумов задерживают или же ускоряют естественное развитие народа» [6. С. 365].

Токвиль исходил из признания того, что диалектика исторического процесса заключается в превращении суммы индивидуальных усилий в новое качество – объективный социально-политический процесс. «Только тот, кто долго жил в среде политических партий и в водовороте, служащем для них сферой деятельности, – писал он об этом явлении, – способен понять, до какой степени там люди сталкивают друг друга с заранее намеченного пути и каким образом события нередко совершаются в этом мире наперекор желаниям своих руководителей; подобно бумажному змею, который подчиняется действию двух противоположных сил – силы ветра и силы той веревки, за которую привязан» [7. 31–32].

Исследование диалектики соотношения объективного и субъективного начал в общественном развитии имело для исследователя огромное практически-политическое значение. Бурно протекавший тогда во Франции и Европе процесс становления буржуазных общественных отношений и политических институтов, осуществлявшийся в острой борьбе целей и интересов, неизмеримо увеличивал значение деятельности субъективного фактора в сложном взаимодействии тенденций-альтернатив и в преодолении тех опасностей, которыми этот процесс был чреват для формирующегося общества либеральной демократии, сторонником которого он являлся.

Изучению проблемы альтернативности в истории Токвиль придавал ключевое значение главным образом в аспекте выявления причин, содержания и исхода революционных процессов во Франции конца XVIII – середины XIX столетий, в аспекте исследования проблемы, составившей основу его научного творчества, – проблемы альтернативности Великой французской революции. Признавая её закономерность, он, однако, не считал это явление фатальным, трактовал его как процесс, направленность, формы и результаты которого в значительной степени определялись сознательной политической волей; стремился выявить эту альтернативность и вооружить политическую элиту своего времени знанием о ней.

Альтернативу Великой французской революции Токвиль находил в рамках обще-западного революционного процесса. В этом отношении он проводил параллель между нею и английским/американским вариантами трансформации общества от состояния гражданского неравенства к равенству либеральной демократии. При всем сходстве этих революций по их социальной основе, целям и задачам ученый увидел между ними глубокое различие, на котором заострил свое исследовательское внимание. Главное преимущество войны североамериканских колоний Британии за независимость в сравнении с Великой французской революцией он усматривал в том, что первая осуществлялась на основе гораздо меньшей степени разрыва постепенности, нежели вторая. Токвиль хвалил Американскую революцию за ее относительно мирный характер, за то, что народные действия в ней осуществлялись под контролем высших классов общества, находил выгодные отличия политической элиты мятежных колоний от французского правящего класса, состоявшие в ее политической опытности, осторожности, дальновидности, ориентированности на поиск политического компромисса [6. С. 32, 34, 375]. Большим достоинством Американской революции в сравнении с Великой французской революцией исследователь считал то, что она не вылилась в острые формы, кровавое насилие, террор.

В поле внимания учёного оказалось осмысление и иной альтернативы Великой французской революции – той, какую явила близкая Франции по условиям исторического развития и схожести социального строя Англия. В определении различия этих революций ученый выделил прежде всего то, что трудящаяся масса, «народ в собственном смысле слова» играл в них не одинаковую роль – в Великой французской революции эта роль была главной, в Английской революции она почти всегда оставалась второстепенной; событиями в ней руководили высшие и средние классы общества и организованная сила армии [8. P. 338]. Токвиль справедливо обращал внимание на тот действительный факт, что Английская революция отличалась большим консерватизмом в сравнении с Великой французской революцией: «Она служила, скорее, старым властям, нежели создавала новые» [8. P. 338]. Он принимал ту руководящую роль, какую играли в ней высшие классы общества; то, что политической элите всегда удавалось блокировать народную стихию, с неизменным успехом удерживать ее на втором плане преобразовательного процесса; восхищался тем политическим искусством, с каким на первый план

этого процесса ею была выведена совместная борьба буржуазии и либерального дворянства против феодализма и абсолютизма, за утверждение буржуазных начал в хозяйственном строе страны и институтов либеральной демократии в её политической системе, за новую легитимность.

Специфику Великого мятежа в сравнении с Великой французской революцией Токвиль объяснял особенностями организации английского правящего класса, английской аристократии. К их числу им были отнесены: меньшая степень кастовости английской аристократии в сравнении с французской феодальной элитой, способность английского либерального дворянства к политическому компромиссу с буржуазией и восприятию новых общественных форм, умение организовать борьбу за это новое и удерживать лидерство в ней. Эти политические качества английской правящей элиты и помогли ей, по мнению ученого, скорректировать революционный процесс в сторону определенного снижения степени насилия, уменьшения глубины разрыва и распада, как правило, сопровождавших переход от феодального общественного строя к буржуазному.

Английская буржуазная революция, буржуазная революция и война североамериканских колоний за независимость представлялись Токвилю альтернативой Великой французской революции, всегда остававшейся для него предпочтительной.

Возможности-альтернативы развития Франции Токвиль обнаруживал и в рамках эпохи старого порядка. В этом отношении его внимание привлекали реформы, осуществлявшиеся правительствами Людовика XV и Людовика XVI. Сложное переплетение различающихся и даже противоречивых по своему содержанию социально-политических процессов переходного периода привело эти правительства к необходимости самореформирования, с помощью которого они надеялись вывести страну из охватившего её кризиса. В частности, как значимую, он выделял реформаторскую деятельность конца 40-х – начала 50-х г. генерального контролера финансов Людовика XV Машо д' Арнувиля, по инициативе которого была предпринята попытка наступления на налоговые привилегии дворянства и духовенства [9. С. 185]. В числе попыток самореформирования старого порядка учёный выделял деятельность другого талантливого министра Людовика XV – Рене Николя Мопу, предпринявшего в 1770–1774 гг. судебную реформу, нацеленную на модернизацию судопроизводства во Франции. Главная же ее задача состояла в изме-

нении статуса парламентов, снижении их политического веса, преодолении кипевшей тогда парламентской оппозиции, являвшей собой главное препятствие на пути успешного реформирования государства [9. С. 185–186]. Токвиль отмечал административный талант Тюрго, отдавал должное его «величию души и редким качествам гения» [9. С. 180], Токвиль упоминал и цитировал Неккера, самым внимательным образом изучал содержание реформ, предпринятых Ломени де Бриенном в 1787 г. [9. С. 193, 195].

В целом исследователь хорошо знал содержание реформ, предпринятых монархией эпохи Старого порядка ввиду необходимости найти альтернативу назревавшей революции. Вместе с тем он не был склонен преувеличивать их значение в возможностях обновления предреволюционной Франции, а тем более полагать, что они тогда и похоронили абсолютизм, феодализм, как пишут об этом некоторые современные историки [10. С. 121–122]. Более того, на примере этих неудавшихся преобразований Токвиль показал ограниченность возможностей реформы. Отчетливо он выразил эту мысль в анализе содержания административной реформы Ломени де Бриенна, которой придавал большое значение как потенциальному средству возродить институты политической свободы в стране. Ученый полагал, что в условиях сохранения сословно-корпоративного строя и привилегий дворянства эта реформа, при всей значимости ее замысла, не работала [9. С. 219–220]. Деления французского общества на привилегированные и непривилегированные сословия не удалось уничтожить методами реформирования – его смогла сломать лишь сила революции.

Важнейшей задачей книги «Старый порядок и революция» стало стремление выявить те причины, которые обусловили неудачу реформирования, предпринятого абсолютной монархией. Одну из главных в их числе Токвиль усматривал в несогласии и соперничестве элит Старого порядка. Дворянство до самого конца отстаивало свое право на привилегии в ущерб интересам буржуазии, третьего сословия в целом, что доказательно демонстрировало содержание их наказов Генеральным штатам, тщательно исследованных ученым. Эта позиция неизменно делала феодальное дворянство убежденным противником реформ, нацеленных главным образом как раз на сокращение этих привилегий, заставляло противостоять переменам [9. С. 185–186]. Такое противостояние в полной мере проявило себя в деятельности дворянской оппозиции, возглавляемой парламентами,

развернувшейся в ответ на реформы Мопу. Токвиль показал, что на протяжении всего Старого порядка французское дворянство оставалось «корпусом офицеров без солдат», сохраняя враждебность ко всем другим классам общества; в своем подавляющем большинстве проявляло неспособность воспринять либеральные идеи и пойти на широкий компромисс с новыми политическими силами [9. С. 225]. Тем самым оно закрыло развитию страны путь, альтернативный революции. Значимыми причинами неудач реформаторской политики короны, по мнению Токвиля, являлась недостаточная продуманность преобразований; их неподготовленность, запоздалость, непоследовательность; отсутствие твердой воли к их осуществлению.

Революционную форму перехода к новому обществу Токвиль дифференцировал в соответствии со степенью глубины осуществленного ею разрыва с традицией. В этом смысле он выделял два варианта преобразовательного революционного процесса. Один – Английская революция середины XVII в., война за независимость и буржуазная революция в североамериканских штатах середины XVIII столетия, другой – Великая французская революция. В первом случае имущие классы, сознававшие необходимость перемен, взяли на себя функции формирования нового гражданского общества и новой легитимности, обеспечили осуществление в социуме интеграционных процессов, что в значительной степени снизило глубину разрыва с традицией. Во Франции же события развивались в условиях, когда имущие классы не только не смогли достичь прочного компромисса, но оказались враждебными друг другу. Это лишило их возможности эффективно противостоять силе народного протеста, выходу его на авансцену революционных событий.

Этот вариант революционного действия осуществлялся с глубоким разрывом постепенности, высокой степенью насилия в революционном процессе, физическим уничтожением традиционных групп дворянского сословия, последующим утверждением диктатуры новых имущих классов в форме авторитарной власти как гаранта необратимости буржуазных перемен. Первую из двух форм революционных преобразований Токвиль склонен был признать и принять. Вторая вызывала в нем страх и отторжение. Этим вариантам перехода общества от аристократии к демократии он всегда предпочитал путь реформы, способный осуществлять трансформацию общества постепенно, без насилия и кровопролития. В этом отношении представляется вполне справедливым замечание российского исследова-

теля А.Н. Медушевского относительно того, что в творчестве Токвиля «противопоставление революции и реформы приобретает новый смысл: объективные цели революции могут быть достигнуты реформаторскими методами в случае их осознания правящим классом, его гибкости, способности восприятия нового, а также политической воли к преобразованиям» [11. С. 124].

Альтернативы формы преобразовательных процессов Токвиль находил и в, собственно, самих событиях Великой французской революции. В этом отношении своеобразной точкой бифуркации он считал 1789–1791 гг., начальный ее этап. Анализируя его события, исследователь обращал внимание на то, что в это время старая власть оказалась уже сломлена первым натиском революции, в ходе которого был сформирован орган общенационального представительства – Учредительное собрание. Оно успешно развивало свою законодательную деятельность по преобразованию общественных отношений в сторону ликвидации феодального и утверждению нового буржуазного начала в обществе, государственном строе, политике, праве. Эти преобразования трансформировали абсолютную монархию в монархию конституционную, возглавленную легитимной королевской властью старшей ветви династии Бурбонов, что Токвилем было особенно ценимо. В политической ситуации 1789–1791 гг. ученый увидел реальные предпосылки к тому, чтобы в этой ключевой точке революционного процесса победила альтернатива относительно мирных буржуазно-либеральных преобразований, без кровавого насилия, без террора. К числу таких предпосылок Токвиль относил то действительное обстоятельство, что на этом этапе борьбы революция встретила относительно слабое сопротивление со стороны старых политических сил [8. P. 175].

Другой значимой предпосылкой альтернативного развития революции в ее начальном периоде Токвиль считал то, что Учредительное собрание отчетливо выразило свою нерасположенность к радикализации последующих действий, было настроено на скорое завершение революции относительно мирными средствами. Эти надежды имели под собой определенную почву – в 1789 г. Конституанта пользовалась полной поддержкой «всего громадного государственного корпуса» [8. P. 176–177]. Однако она не смогла эти предпосылки реализовать. Ученый указывал на то, что для осуществления альтернативы, наметившейся на начальном этапе революции, Учредительное собрание должно было взять под жесткий контроль

протестную деятельность народно-демократического крыла революции, подчинить эту силу своему руководству. Однако в тот момент оно допустило непростительную, с его точки зрения, медлительность и недопустимую «слабость в отношении анархии и народных преступлений», щадя ту силу, с помощью которой пришло к власти [8. P. 176–177]. Токвиль считал это «самой большой ошибкой и самым большим преступлением» Конституанты 1789 г. Он полагал, что именно тогда национальное собрание должно было проявить волю к борьбе и решительность. Оно обязано было использовать всю свою силу для того, чтобы встретиться «лицом к лицу и с королевской властью, и с народом», во что бы то ни стало сохранить свое лидерство в революционном движении [8. P. 176–177].

Ученый выражал уверенность в том, что большинство депутатов Учредительного собрания как раз имело такие намерения. Однако осуществить их им помешало отсутствие политической дальновидности, опытности, способности принимать в критической ситуации правильные оперативные решения – всего того, что приходит лишь с политической и государственной практикой. «Конституанте не хватало организованной дисциплинированной силы, – делал вывод Токвиль, – как и тому классу, который она представляла» [8. P. 176–177]. Он полагал, что Конституанта 1789 г. должна была подавить действия демократических масс так же решительно, как это сделала Конституанта 1848 г., расстрелявшая Июньское восстание парижских рабочих. В одном из подготовительных текстов к книге о Старом порядке и революции исследователь писал: «Конституанта 1789 г. была создана для борьбы против аристократии и деспотизма. Конституанта же 1848 г., во всех отношениях, несомненно, уступавшая своей предшественнице, будучи избрана специально для борьбы с анархией, намного эффективнее справилась с этой частью своей задачи» [8. P. 179–180].

В этой же связи Токвиль с сожалением констатировал, что Учредительное собрание 1789 г. совсем не обладало сходством с английским парламентом 1688 г., осуществившим Славную революцию. Низложив короля Якова, он в то же время не дал народу принять участие в этих действиях, остановил его попытку реализовать свои интересы – «совершил бунт и не позволил его» [8. P. 177]. Ученый был глубоко убежден в том, что политические ошибки Конституанты 1789 г. привели к правлению «бессильному и анархическому, к дезорганизации общества, из которой вышел террор» [8. P. 178].

Признавая Великую французскую революцию явлением закономерным, исторически обусловленным, Токвиль вместе с тем полагал, что народный ее вариант можно было бы если не исключить, то в значительной степени ослабить, если бы в революционном процессе смогла реализоваться та его тенденция-альтернатива, которую он увидел в событиях 1789–1791 гг.

Содержание развёрнутого Токвилем анализа тенденций-альтернатив, заключённых в начальном периоде Великой французской революции, равно как и в исследовании тенденций-альтернатив, заложенных в обще-западном революционном процессе XVII–XVIII столетий, позволяет утверждать, что в основу рассмотрения им исторического процесса как альтернативного было заложено понимание того факта, что закономерность общественного развития может быть реализована в ряде исторических возможностей и форм, конкретное воплощение которых зависит от результатов активного действия классов, социальных групп, политических партий, отдельных личностей. Их противоборство в критические периоды развития общества содержит в себе возможность выбора, способную воплотиться в ту или иную историческую реальность.

В этой связи уместно вспомнить анализ проблемы исторической альтернативности, представленный в трудах признанного лидера Томской историографической школы, одного из крупнейших российских методологов истории Б.Г. Могильницкого, ёмко характеризующий её содержание: «История не «происходит», а «делается» именно в её критические периоды. Именно они в наибольшей степени оправдывают положение о том, что люди сами делают свою историю. Именно в эти периоды осуществляется в наиболее полной и непосредственной форме свобода выбора обществом своего настоящего и будущего. Формирующаяся вследствие этого выбора цепь исторических закономерностей несёт на себе неизгладимую печать своего «рукотворного» происхождения. Каждая такая закономерность является результатом этого выбора, вытекает из противоборства различных сил, отстаивавших собственный проект общественного переустройства» [12. С. 9].

Тенденции-альтернативы Токвиль находил и в последующей истории социально-политической борьбы во Франции. Так, в событиях Июльской революции 1830 г. он усматривал осуществившуюся альтернативу Великой французской революции в том смысле, что революция 1830 г. была буржуазной, но не буржуазно-демо-

кратической, происходила под эгидой лидерства буржуазии в союзе с либеральным дворянством, ввиду интересов собственно этих общественных классов, с минимальной степенью насилия, без террора в отношении поверженных политических сил. «Июльская монархия пала без борьбы», – констатировал исследователь эту новую политическую ситуацию во французском революционном процессе [7. С. 69].

Токвиль увидел существование тенденций-альтернатив в революции 1848–1849 гг. По его мнению, они состояли в том, если бы в самом начале событий депутаты еще действовавшего тогда Законодательного собрания Июльской монархии в условиях отречения короля Луи-Филиппа Орлеанского от престола в пользу своего внука графа Парижского нашли возможность сохранить легитимную монархию в форме регентства герцогини Орлеанской, то, возможно, последующий ход событий оказался бы существенно иным. «Если бы депутаты учредили регентство, – писал он, выражая эту мысль, – оно, может быть, удержало бы в своих руках правительственную власть, несмотря на их непопулярность» [7. С. 53].

В целом представляется возможным утверждать, что изучению проблемы альтернативности в истории Токвиль придавал ключевое значение главным образом в аспекте выявления причин, тенденций развития, вариантов исхода революционных процессов во Франции конца XVIII – середины XIX в., в аспекте исследования проблемы альтернативности Великой французской революции. Признавая её закономерность, он, однако, не считал это явление фатальным, трактовал его как процесс, направленность, формы и результаты которого в значительной степени определялись сознательной политической волей. Учёный стремился выявить возможные средства управления стихийным ходом революционной борьбы в интересах имущих классов; научить политическую элиту своевременно находить и воплощать в политической практике возможности-альтернативы, объективно заложенные в осуществлявшейся реальности. Это знание стало частью той политической науки, создание основ которой он начал еще в 30-е гг. XIX в. своим исследованием «Демократия в Америке». Книга «Старый порядок и революция» явилась тем произведением, в котором на материале нового исторического опыта Токвиль углубил эту науку, скорректировал ее на текущую политическую ситуацию, поставил на службу социальной стабильности формирующегося во Франции общества либеральной демократии.

Литература

1. *Lefebvre G.* À propos de Tocqueville // Annales historiques de la Révolution française. – P., 1955, octobre – décembre. – 313–323 p.

2. *Birnbaum P.* Sociologie de Tocqueville. – P.: Presses universitaires de France, 1970. – 160 p.

3. *Дементьев И.О.* Политическая теория А. де Токвиля и французский либерализм первой половины XIX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук.– Калининград: Калининградский университет, 2004. – 26 с.

4. *Aron R.* Les étapes de la pensée sociologique. Montesquieu, Comte, Marx, Tocqueville, Durkheim, Patero, Weber. – P.: Gallimard, 1967. – 659 p.

5. *Бендрикова Л.А.* Французская историография революции 1848–1849 годов во Франции: монография. – М.: Московский университет, 1969. – 297 с.

6. *Токвиль А. де.* Демократия в Америке: монография. – М.: Весь мир, 2000. – 559 с.

7. *Токвиль А.* Воспоминания: монография. – М.: Изд-во Солдатенкова, 1893. – 319 с.

8. *Tocqueville A.* Chapitres inédits de l'ouvrage destine a faire suite au livre L'ancien regime et la Revolution // A. de Tocqueville. Œuvres complètes. Publ. par M-me de Tocqueville / Ed.G. Beaumont. – P.: Michel Lévy frères, 1865–1888. – T. 8. – 55–148 p.

9. *Токвиль А.* Старый порядок и революция: монография. – М.: Кольчугин, 1896. – 350 с.

10. *Фюре Ф.* Постижение Французской революции: монография. – СПб.: ИНАПРЕС, 1998.– 224 с.

11. *Медушевский А.Н.* Алексис де Токвиль. Социология государства и права: статья // Социологические исследования. – 2005. – № 10. – 119–127 с.

12. *Могильницкий Б.Г.* Об исторической закономерности как предмете исторической науки: статья // НиНИ. – 1997. – № 2. – 3–15 с.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/64

УДК: 94 (41/99)

В.П. Борисенко

РОССИЙСКИЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ИСТОРИКИ О ЯПОНИИ И КИТАЕ В ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914–1918 гг.: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Аннотация. *В статье анализируется состояние изученности российскими и зарубежными историками процесса складывания и развития дипломатических отношений Англии и России с дальневосточными соседями Японией и Китаем в военные годы. В центре внимания их публикаций: позиция Японии в выборе союзника, развитие международных двусторонних отношений на Дальнем Востоке, вклад Китая в великую победу и т.д. На основе проведенного анализа делается вывод об актуальности проблемы, необходимости ее дальнейшего изучения.*

Ключевые слова*: Япония, Китай, Первая мировая война, «дальневосточный вопрос», Китайский трудовой корпус.*

Современная зарубежная историография исследуемой проблемы представлена работами японоязычных и англоязычных авторов, в меньшей степени – работами китайских исследователей.

Предпринятый историографический анализ работ японских ученых, вышедших в свет до 1945 г., показывает, что в большинстве научных трудов отношения Японии и России рассматриваются опосредованно, в рамках исследований международных отношений в Восточной Азии и анализа японской континентальной политики.

В контексте изучения данной проблематики отдельное внимание стоит уделить монографии профессора японской истории Ф.Р. Дикенсона «Война и национальное переосмысление: Япония в Великой войне, 1914–1918 гг.»[1]. Автором на основе изучения японских и английских исторических источников проделан анализ внешней и внутренней политики Токио в годы Первой мировой войны, японо-

китайских отношений, развития отношений Японии с ведущими державами. Анализ дипломатических отношений Японии и России в данной работе представлен лишь фрагментарно: рассмотрены факторы, обусловившие российско-японское сближение в предвоенные годы и заключение между двумя странами военно-политического союза, и ухудшение англо-японских отношений.

Монография профессора международной истории Лондонской школы экономики и политических наук Яна Хилла Ниша отличается большей проработкой вопроса и содержит новые материалы относительно оценки положения Японии и Китая в период войны, которые не встретить у отечественных историков. Автор рассмотрел взаимоотношения Великобритании и Японии с 1910 по 1923 год в контексте англо-японского альянса и считает, что уже тогда для английского посла К. Грина было совершенно очевидно, что главная проблема в отношениях между Англией и Японией заключалась именно в Китае [2].

Японский журналист К. Мизоками попытался с позиции самой Японии оценить ее роль в Первой мировой войне [3]. По мнению автора, несмотря на оказанную помощь своим союзникам, Япония не только не стала равной европейским державам, но это поставило ее в прямой конфликт с Западом.

Основная тематика работ в отношении Китая посвящена изучению деятельности китайского трудового корпуса в Европе и в России.

Алекс Кальво и Бао Цяони в совместной работе «Забытые голоса Великой войны: Китайские трудовые корпуса» затронули немаловажный вопрос – вклад китайских рабочих в дело войны [4]. В Великобритании и Франции их рассматривали как временное средство для достижения победы. Однако китайские кули внесли неоценимый вклад в дело победы и заслуживают внимания современного поколения.

В подавляющем большинстве иноязычных трудов главное внимание уделяется рассмотрению истории международных двусторонних отношений на Дальнем Востоке: российско-японским, англо-японским, а также внутриполитическому развитию Японии и Китая в нач. XX в.

В отечественной историографии большее внимание исследователей привлекает анализ позиции Японии в период войны. Так, в этом направлении работают Ю.С. Пестушко, О.А Базин, В.В. Досовицкая, Д.Б. Павлов, В.В. Синиченко и др.

Все историки не сомневаются, что Япония в Первой мировой войне преследовала свои цели – обширные завоевания в Восточной Азии, а именно закрепиться в Китае и Маньчжурии, подчинить этот регион своему военно-политическому и экономическому контролю. Следует заметить, что именно из этой цели исходил ее выбор союзников.

С.О. Буранок отмечает, что в «правительстве, среди гэнро и в прессе развернулась целая «дискуссия о месте и роли Японии в разворачивающемся мировом конфликте» [5]. О.А Базин указывает, что дипломатия Японии в период войны предопределялась общим вектором развития внешней политики и была направлена на агрессию по отношению к соседним странам с целью их захвата. Автор считает, что для войны против Тройственного союза существовал ряд причин: договор о военном сотрудничестве с Великобританией, хотя с юридической точки зрения Япония не была обязана вступать в войну, а лишь поддержать союзника в случае нападения на его владения; возможность заявить свои претензии на китайские и тихоокеанские владения Германии [6].

Были в Японии и сторонники совершенно противоположной точки зрения. Так, Ю.И. Лосев и О.И. Макарчук, проанализировав дальневосточную политику Японии, Великобритании и Германии накануне войны, пришли к выводу, что в «японской политической элите были деятели, тяготевшие к союзу с Германией, особенно в бюрократических кругах». Пронемецкий настрой отмечался у князя Кацура, генералов Тэраути, Танака [7].

Множество публикаций отечественных исследователей посвящены изучению трансформации русско-японских отношений в двустороннее партнерство. Более детально этот процесс осветил хабаровский ученный Ю.С. Пестушко [8, 9, 10]. Его исследования основаны на многочисленных японских и отечественных источниках и содержат весьма ценные сведения. Однако, по мнению профессора Д.Б. Павлова, выводы в исследовании хабаровчанина «в одних случаях – тривиальны, в других – не во всем согласны с исторической действительностью и даже с логикой» [11, 12]. Причиной такого критического отношения к историку является убежденность Ю.С. Пестушко в том, что Япония и Россия стали союзниками de facto еще до начала Первой мировой войны, а именно это, по его мнению, и «предопределило «готовность правительства Николая II присоединиться к странам антигерманской коалиции в Первой мировой вой-

не». По утверждению же самого Д.Б. Павлова, окончательный выбор в пользу Антанты официальный Петербург сделал еще в 1910–1911 гг. вне зависимости от отношений с Токио.

Вообще позиция Д.Б. Павлова по проблеме международных отношений России и Великобритании с дальневосточными союзниками в период Первой мировой войны несколько отличается от позиций других историков. Например, он утверждает, что инициатива союзничества между Россией и Японией исходила непосредственно от «азиатской стороны». В качестве подтверждения этого факта приводится ряд заявлений со стороны японского правительства о готовности Японии снабдить своего северного соседа «всевозможными военными» материалами. Хотя совершенно очевидно, что Россия тоже была заинтересована в дружеских отношения с Японией, т.к., отправив основные военные силы на европейский фронт, она оголила дальневосточные границы.

Роль различных внешнеполитических факторов в восстановлении российско-японских отношений в этот период исследовалась в монографии А.Л.Гальперина. Он, в частности, указывал на охлаждение японо-американских и японо-английских контактов из-за конкуренции в Китае и заинтересованность Лондона в заключении соглашения между Россией и Японией. Автор предположил, что уже тогда Япония стремилась «строить свою политику не на базе одного лишь англо-японского союза, а на комбинации двух равноправных союзов – англо-японского и русско-японского» [13].

Позицию России по поводу возросшего политического влияния Японии в Китае накануне и в годы Перовой мировой войны попыталась проанализировать В.В. Синиченко. Автор считает, что российская политика в данном вопросе накануне войны определилась двумя факторами. Во-первых, взаимодействие с Японией рассматривалось как противовес китайско-германским военным и экономическим связям. А во-вторых, России было важно урегулировать с Японией спорный вопрос о разграничении сфер влияния в Маньчжурии мирным путем и не допустить распространения ее влияния на Северную Маньчжурию и Монголию [14].

Особое место в истории Первой мировой войны занимает вопрос об участии японских войск в военных действиях в Европе. Эту проблему в своих исследованиях затронули такие ученые, как О.А. Базин, В.В. Досовицкая, А.П. Кузнецов, Ю.С. Пестушко.

В рамках изучения вопроса трудовой миграции китайцев в России в указанный исторический период опубликованы работы А.В. Бушмамкова, В.Г. Дацышена, Р.А. Изаксон, М.С. Каменских, В.В. Смирнова, А.П. Таняевой, Г.Н. Шумкина (в 2009 г. первым из уральских ученых он составил историографический обзор по истории китайцев на Урале в годы Первой мировой войны). В современной отечественной историографии история китайской трудовой миграции активно изучается, но, как правило, на примере отдельных регионов с учетом их историко-географической специфики.

Значительным вкладом в историографию проблемы явилась монография С.С. Григорцевича. Обширная источниковая база позволила автору осветить отношения России с Китаем и Монголией в контексте российско-японских контактов и внешнеполитического курса царского правительства на Дальнем Востоке и т.д. [15].

Анализ историографии дает основание сделать следующий вывод: в исторической науке позиции Японии и Китая в дипломатических отношениях между Россией и Великобритании в период Первой мировой войны мало изучены и, как следствие, фактологический материал практически отсутствует. Поэтому требуется всестороннее изучение дипломатических отношений между Англией и Россией, с одной стороны, и Японией и Китаем – с другой, в обозначенные исторические рамки.

Литература

1. *Dickinson F.R.* War and National Reinvention. Japan in the Great War, 1914–1919. – Published by the Harvard University Asia Center and distributed by Harvard University Press Cambridge (Massachusetts and London), 1999.

2. *Nish I.N.* Alliance in Decline: A Study of Anglo-Japanese Relations, 1908–23. – London: PLC, 2012. – 448 p.

3. *Mizokami K.*"Japan’s baptism of fire: World War I put country on a collision course with West" [Электронный ресурс] // The Japan Times, 27 July 2014. – Режим доступа: http://www.japantimes.co.jp/news/2014/07/26/national/ history/japans-baptism-of-fire/#.Vxn8yFSzCzX.

4. *Calvo A.* Forgotten Voices from the Great War: The Chinese Labor Corps / A.Calvo, Q. Bao. – The Asia-Pacific Journal. – Vol. 13 (49), No. 1. – 2015.

5. *Буранок С.О.* Первая мировая война и японское общество // Вопросы истории. – 2014. – № 10. – С. 64–76.

6. *Базин О.А.* Позиция Японии по поводу участия в Первой мировой войне// Вестник Вятского государственного гуманитарного университета (ВятГГУ). – 2014. – № 8. – С. 58–62.

7. *Макарчук О.И.* Дальневосточная политика Японии, Великобритании и Германии накануне Первой мировой войны / О.И. Макарчук, Ю.И. Лосев // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – Рязань, 2008. – № 2(19). – С. 79–92.

8. *Пестушко Ю.С.* От военной конфронтации к политическому союзу: японо-российские отношения в 1905–1917 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Владивосток, 2012. – 54 с.

9. *Пестушко Ю.С.* Нормализация российско-японских отношений в послевоенный период (1906–1914 гг.) // История и культура традиционной Японии. – М., 2011. – С. 256–286.

10. *Пестушко Ю.С.* Почему японские войска так и не попали на европейский фронт // Ежегодник «Япония». – 2007. – № 6. – С. 266–275.

11. *Павлов Д.Б.* Япония и Россия в 1914–1918 гг.: сотрудничество на фоне «большой политики» // Вопросы истории. – 2012. – №11. – С. 3–27.

12. *Павлов Д.Б.* Русско-японские отношения в годы Первой мировой войны. – М.: РОССПЭН, 2014. – 261 с.

13. *Гальперин А.Л.* Англо-японский союз: 1902–1921 годы. – М.: Госполитиздат, 1947. – 448 с.

14. *Синиченко В.В.* Политическое влияние Японии в Китае накануне и в годы Первой мировой войны: позиция России // Вестник архивиста. – 2014. – № 3. – С. 159–168.

15. *Григорцевич С.С.* Дальневосточная политика империалистических держав в 1906–1917 гг. – Томск, 1965.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/65
УДК

Л.Н. Корнева

НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ НАЦИЗМА: КОЛЛИЗИИ, ПАРАДОКСЫ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

Аннотация. *Освещаются изменения с середины 1980-х гг. методологии исследования нацизма немецкими авторами в связи с хорошей разработанностью многих проблем германского фашизма, особенно его преступлений. Несмотря на это, оставался открытым вопрос о степени вины и ответственности немецкого народа за нацистские преступления. Для решения этой проблемы видный исследователь нацизма М. Брошат предложил использовать метод «историзации», позволивший создать более дифференцированную картину нацистского режима.*

Ключевые слова: *нацизм, преступления, «историзация», коллизия, война, вермахт.*

Историк Новейшего времени в большей степени, чем историк далёкого прошлого, зависит от политических, идеологических, культурных и других обстоятельств своей эпохи. Рамки его исследований может также суживать круг архивных источников, подпадающих под законы об архивах. Также отдельные доступные сведения, затрагивающие еще живущих современников, не могут быть использованы по моральным соображениям.

С точки зрения идеологии и политики обоих германских государств, историография нацизма развивалась в условиях очищения общества от его наследия, известного под названием «преодоление прошлого», и безусловного интеллектуального и государственного признания идейных установок сопротивления нацизму и неонацизму. Всякая попытка прямого или косвенного оправдания действий нацистской партии, её вождей подвергалась остракизму со стороны общества и академической историографии. Палитра истории нацистского режима долгое время оставалось (правда, не без оснований)

одноцветно чёрной, а вина за злодеяния возлагалась исключительно на нацистских вождей различного ранга и репрессивные органы.

Первая коллизия в среде учёных случилась в середине 1980-х гг., когда известным историком нацизма и тогдашним директором Мюнхенского Института современной (новейшей) истории Мартином Брошатом (Martin Broszat) была выдвинута концепция «историзации» нацизма. Суть метода «историзации» заключалась в призыве Брошата отказаться от эмоционального и идеологизированного подходов к изучению нацизма, дистанцироваться от его эпохи, которая к 80-м годам стала активно перемещаться из «современной истории» в историю «прошлого». Брошат полагал, что изучение только террористической системы нацистского государства не даёт возможности адекватно ответить на вопрос, почему «многие цивилизованные немцы поддержали национал-социализм» [1. S. 381] . Он обратил внимание на то, что ввиду хорошей разработанности истории нацизма ей «грозит впасть в простое морализаторство…» или при уходе от моральных оценок – «в бездуховную конструкцию», «препарированную теорему» [2. S. 137] .

Концепция Брошата вызвала разноречивые, подчас крайне отрицательные оценки специалистов, увидевших в предложениях учёного угрозу расшатывания антифашистского консенсуса мирового сообщества. Известный израильский историк С. Фридлендер (Saul Friedländer) писал, что «историзация» может поставить под вопрос тезис об исключительно жестоком характере преступлений нацизма, способствовать возможности их забвения» [3. S. 345].

Вопрос об «историзации» в определённой степени спровоцировал ожесточённую дискуссию, известную под названием «спор историков ФРГ 1985–1986 гг.». Правые круги общества и часть учёных поняли «историзацию» как призыв к ревизии оценок недавнего прошлого. Со стороны ряда консервативных авторов (E. Nolte, G.Stürmer) обозначилось стремление пересмотреть оценки преступлений нацизма с точки зрения теории тоталитаризма и в сравнении с преступлениями сталинизма [4. S. 31, 32]. Однако антифашистский консенсус общества, достигнутый не в последнюю очередь трудами немецких историков, был сохранён [5. С. 25 и др.].

Большинство немецких учёных после ряда дебатов о понимании, объяснении и оценке принципов «историзации» позитивно оценили их возможности. Понятие «историзации» нацизма стало многослойным: здесь присутствуют и вопросы взаимодействия строгого науч-

ного исследования и воспоминаний жертв нацистского режима (особенно, холокоста), и соотношения в аналитике традиций и новаций, и вопросы формирования исторического сознания. [6. S. 345–352]. Показательным в этом отношении стало обобщающее исследование Х.-У. Тамера (Hans-Ulrich Thamer) «Обольщение и насилие. Германия в 1933–1945 гг.» [7].

Вторая коллизия, случившаяся в немецкой историографии нацизма, произошла в 1995 году и затронула «священную корову» историографии и германского общества в целом – роль вермахта, его солдат и офицеров в преступлениях нацистов. В ФРГ длительное время насаждалась версия о «чистоте» и неучастии вермахта в осуществлении бесчеловечного оккупационного режима на Востоке Европы. Гамбургским институтом социальных исследований была организована передвижная выставка на указанную тему, которая была показана во всех крупных городах Германии [8]. Выставка вызвала очередную дискуссионную волну. Материалы выставки не в последнюю очередь стали результатом новых разысканий учёных в открывшихся для них архивах Польши, Чехии и государств постсоветского пространства, в первую очередь – России.

Правые политические круги сделали всё, чтобы скомпрометировать работу Гамбургского института, обвинив организаторов в фальсификациях и подтасовках, и чтобы защитить легенду о «чистом» вермахте. В то же время дискуссия подтолкнула исследователей более скрупулёзно, на основе старых и новых документов проанализировать роль вермахта, отдельных его частей в оккупированной Европе. На рубеже XX–XXI вв. появились новые исследования на эту тему, а также солидный труд группы учёных «Вермахт. Миф и реальность» [9]. Исследователи компендиума, в отличие от радикально настроенных в осуждении вермахта авторов (Streit, Messerschmidt, Wette, Rürup, Heer и др.) [10. С. 223–239], заняли некую центристскую позицию. Авторы приводили примеры как участия солдат, так и уклонения некоторых высокопоставленных офицеров от выполнения приказов о расстрелах мирного населения, а для помощи карательным экспедициям СС или СД отпускали только добровольцев [11. S. 951]. Участие в преступлениях нацистов на оккупированных территориях, по их мнению, было единичным и не показательным для вермахта в целом.

Такие выводы не устроили молодых немецких учёных. На уровне макро- и микроистории, используя анализ социального, менталь-

ного и культурного профилей солдатской массы они скрупулёзно прослеживают степень участия солдат и офицеров отдельных частей и дивизий в преступлениях на Востоке. К. Расс в книге «Человеческий материал» – немецкие солдаты на Восточном фронте» на примере одной дивизии приводит доказательство её сотрудничества с карательными органами и пишет, что «война на уничтожение делала возможным участие «совершенно нормальной пехотной дивизии» в военных преступлениях нацистского руководства» [12. S. 410]. К. Хартман в статье «Преступная война – преступный вермахт?» вычислил степень вины вермахта как института власти, а также персональную ответственность функционеров, офицеров среднего звена и простых солдат [13. S. 159–161].

Вопрос о «добровольных помощниках Гитлера» породил *третью коллизию* в историографии в связи с появлением в 1996 г. книги американского историка Д.Й. Гольдхагена (Daniel Goldhagen) «Добровольные подручные Гитлера» [14]. Гольдхаген рассмотрел вопрос об участии группы «простых» немцев-добровольцев в проведении массовых расстрелов и казнях мирного населения, в том числе евреев. Гольдхаген утверждал, что эта группа людей – матрица немецкого народа в целом, и отсюда обвинил весь немецкий народ в преступлениях нацистов. Резкие суждения Гольдхагена вызвали очередную волну историографического столкновения. Немногие немецкие историки разделили точку зрения Гольдхагена [15. С. 194]. В определённой степени разделяет его точку зрения Г. Али (Götz Aly). Достаточно жестко он выступил с осуждением молчания немцев по поводу репрессий, депортаций народов, обращения с военнопленными. Более того, автор пытался доказать «народный» характер нацистского государства и неправомерно отождествить нацистский режим с народной властью [16. S. 57–63; 66–71].

Большинство исследователей, не отрицая существования добровольных помощников Гитлера, пошло по пути конкретно-исторического анализа действий отдельных людей, профессиональных и социальных групп, действовавших в пользу нацистской системы террора и подавления. Объектами исследования стали любители-доносчики в гестапо, надзиратели и надзирательницы концентрационных лагерей, не говоря уже о «специалистах» СС и СД. Преимущественной методологической базой исследований становится «историзация». Отсюда более дифференцированный подход, фактологическая достоверность, отход от монохромности в изобра-

жении истории Германии 1933–1945 годов, отказ от беспочвенных морализаторских оценок, возрастание интереса к деятельности немецкого Сопротивления, направленные на разработку антифашистско-демократического будущего послевоенной Германии.

Литература

1. *Broszat M.* Plädoyer für die Historisierung des Nationalsozialismus // Nach Hitler. Der schwierige Umgang mit unserer Geschichte. – München: Dt. Taschenbuch-Verl, 1988. – 343 S.
2. *Broszat M.* Plädoyer für die Historisierung des Nationalsozia lismus…
3. *Um die* "Historisierung des Nationalsozialismus". Ein Briefwechsel, v. M. Broszat u. Saul Friedländer // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 36 (1988).
4. *Kühnl R.* (Hrsg.). Vergangenheit, die nichts vergeht. Historiker-Debatte. Dokumentation, Darstellung und Kritik. – Köln: Pahl-Rugenstein, 1987. – 330 S.
5. *Борозняк А.И.* «Искупление». Нужен ли России германский опыт преодоления прошлого? – М.: Независимое изд-во Пик. – 1999. – 288 с.
6. *Conze E.* Historisierung im Spannungsfeld von Verstehen, Erklären und Bewerten// Historisches Jahrbuch 118 (1998).
7. *Thamer H.-U.* Verführung und Gewalt. Deutschland 1933–1945. – Berlin, Darmstadt, Wien: Deutsche Buchgemeinschaft, 1986. – 838 S.
8. *Heer H.-Naumann K. (Hrsg.).* Vernichtungskrieg.Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944. – Hamburg: Hamburger Edition, 1995. – 568 S.
9. *Die Wehrmacht*. Mythos und Realität. – Oldenburg: Wissenschaftsverlag 1999. – 1225 S.
10. *Корнева Л.Н.* Германская историография национал-социализма: проблемы исследования и тенденции современного развития (1985–2005). – Кемерово, 2007.
11. *Förster J*. Wehrmacht, Krieg und Holokaust// Die Wehrmacht. Mythos und Realität…
12. *Rass Ch.* «Menschenmaterial». Deutsche Soldaten an der Ostfront. Innenansichten einer Infanteriedivision 1939–1945. – Padeborn: F. Schöning Verlag, 2003. – 486 S.
13. *Hartmann Ch.* Verbrecherischer Krieg – Verbrecherischer Wehrmacht?// Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 52 Jahrgang, Heft 1.
14. *Goldhagen D.* Hitlers willige Vollstrecker. Ganz gewönliche Deutsche und Holokaust. – Berlin: Siedler Verlag, 1996, – 728 S.
15. *Артёмов В.А.* «Добровольные подручные Гитлера»: Критические заметки о книге Гольдхагена Д. // Германия и Россия. События. Образы. Люди: Сборник российско-германских исследований. – Вып. 1. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та (ВГУ), 1997. – 212 с.
16. *Aly G.* Hitlers Volksstaat. Raub, Rassenkrieg und nationaler Sozialismus. – Frankfurt / M: Fischer Verlsg, 2005. – 464 S.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/66

УДК: 930

Н.Ю. Самойлов

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЗАПАДНОГО МОЛОДЕЖНОГО ДВИЖЕНИЯ 1960–80-х гг. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ НАУКЕ

Аннотация. *Анализируются основные подходы к изучению западного молодежного движения 1960–80-х гг., встречающиеся в отечественной и зарубежной историографии. Сделан вывод о том, что первоначально и отечественные, и зарубежные исследователи концентрировались на политической стороне молодежного движения, позднее стало доминировать стремление комплексно изучать причины, развитие и последствия молодежного протеста.*

Ключевые слова*: молодежь; молодежное движение; молодежный активизм; молодежный протест; историография.*

В 1960-х годах молодежь громко заявила о себе как о значимой силе в политике, показала способность к объединению и борьбе за свои идеалы, что сделало ее объектом пристального внимания как западных, так и отечественных исследователей. Анализ событий тех лет продолжает оставаться актуальной темой научных исследований в России и за рубежом. Хронологические рамки обусловлены тем, что активизм западной молодежи данного периода времени был популярной темой для изучения как зарубежными, так и отечественными исследователями, что позволяет сравнить их труды. Цель данной работы заключается в рассмотрении основных подходов к изучению западного молодежного движения, характерных для отечественной и зарубежной исторической науки начиная с 1960-х гг. и вплоть до настоящего времени.

Отметим, что с точки зрения исторической науки дискуссия о смысле термина «молодежь» не является ключевой для изучения молодежного протеста. Эта проблема в основном изучается философией, психологией, социологией. В мировой науке существует значительное число работ, посвященных непосредственно молодежи и

свойствам молодости, рассматривающих ее как особый период в жизни человека. В части из этих работ сделан акцент на психологических и биологических свойствах молодости – например, в трудах Г. Маркузе [1], В. Райха [2] и др. В некоторых работах в центре внимания находится социологический аспект – в качестве примера можно привести т.н. классовую концепцию молодежи (работы К. Маркса, В. Ленина [3]), социологически-ориентированные работы И.С. Кона [4] и С.Н. Иконниковой [5], работы А. Турена [6]. Вместе с тем исследователи истории молодежного протеста больше концентрируются на таких понятиях, как «молодежный протест», «молодежный активизм» и «молодежное движение». Однако в исторических работах дискуссионность этих понятий не выходит на первый план. Исследователи истории молодежного протеста обычно не ставят задачи найти исчерпывающее определение данного понятия, либо трактуя его по-своему, либо ссылаясь на уже существующие в науке.

Исследования молодежного движения встречаются в западной историографии уже в первой четверти XX века. Можно отметить работу Ганса Блюхера «Wandervogel: Geschichte einer Jugendbewegung», посвященную юношескому движению «Перелетная птица» (Wandervogel). Всплеск интереса к молодежной тематике происходит во второй половине 1960-х гг., в период массовых молодежных протестов, охвативших разные страны и регионы мира.

Отечественная историография, посвященная изучению молодежных движений и протеста, обширна. Интерес к изучению активности молодежи проявился в 1920-х годах, поскольку в СССР значительное внимание уделялось работе с молодежью, созданию молодежных организаций внутри государства и работе с международными организациями (например, Коммунистическим интернационалом молодежи). Рост интереса к теме молодежи и рост числа посвященных ей работ, как и за рубежом, произошел на волне протестных событий 1960-х гг. В СССР сложились крупные центры изучения молодежного движения, в частности, в Томске, Ленинграде, Москве. При этом изучение зарубежной молодежи было для отечественных ученых более сложной задачей, чем для их иностранных коллег, в силу меньшей доступности источниковой базы. Работы советских исследователей также можно разделить на посвященные отдельной составляющей молодежного движения, например, пропагандистскому влиянию на молодежь [7], рассматривающие моло-

дежное движение какого-либо государства в целом [8] и обобщающие работы, анализирующие регион или группу стран [9]. Советские исследователи в период 1960–80-х гг. делали акцент преимущественно на политической проблематике и организационных формах молодежного движения, в основном рассматривая новое поколение как негативно настроенное по отношению к действующей власти и могущее стать движущей силой будущих преобразований.

Для западной науки вплоть до начала 1980-х гг. были характерны схожие подходы в силу актуальности молодежного бунта. По мере отдаления событий появляются исследования, рассматривающие протест комплексно, то есть анализируются различные факторы, повлиявшие на формирование молодежного протеста – социальные, политические, экономические, культурные. Эти работы, в свою очередь, можно разделить на посвященные отдельному государству [10] либо группе стран [11]. Вместе с тем существуют исследования, посвященные какому-либо отдельному аспекту молодежного протеста [12], иногда на примере целого региона или группы стран [13]. Интерес к событиям тех десятилетий в западной историографии достаточно стабилен. Общепринятой является точка зрения об исторической значимости того периода (в частности, 1968 года). Каждый год публикуются десятки работ, посвященных событиям того времени и роли в них молодежи [14, 15].

В 1990-х гг. число публикуемых исследований зарубежного молодежного движения 1960–1980-х гг. в России сильно сократилось. Можно отметить докторскую диссертацию исследователя Д.Н. Никоненко, посвященную молодежи ФРГ [16]. Вместе с тем стало выходить больше работ, изучающих российскую молодежь. Исследователи стали анализировать молодежную активность в СССР и России, используя новые возможности.

В 2000-е и 2010-е в России несколько возрастает количество работ, в которых изучается молодежная активность на Западе в период 1960–80-х гг. Кроме статей в периодических изданиях, можно выделить кандидатские диссертации О.В. Колбасиной [17] (посвящена протестному движению в США) и А.Е. Антонова [18] (в контексте изучения праворадикальной идеологии в ФРГ анализируется и роль молодежи).

Переосмысление и анализ исторической наукой молодежных протестов 1960–80-х гг. представляется перспективным по ряду причин. Во-первых, они в достаточной мере отстоят от настоящего вре-

мени, что важно для понимания роли тех событий в истории. Анализ биографий участников протеста может дать понимание, была ли это борьба против системы или борьба за место в ней (в качестве примера можно привести жизненный путь Д. Кон-Бендита). Во-вторых, большой объем фактологического материала еще не был в полной мере задействован – это журналы, буклеты, плакаты, листовки и т.д., использовавшиеся протестующими для пропаганды своих идей. В то же время значительная часть этих источников доступна в сети Интернет, что позволяет работать с ними и отечественным исследователям. В-третьих, несмотря на популярность данной темы, за рубежом и в России все еще существует небольшое количество исторических работ, анализирующих молодежный протест на принципах историзма – от истоков, используя комплексный анализ всех причин: социальных, политических, экономических, вплоть до конкретных произведений культуры, например, художественных фильмов, книг или музыкальных произведений, повлиявших на формирование протестного движения. Методологически именно комплексный подход представляется наиболее продуктивным.

Литература

1. *Маркузе Г.* Эрос и цивилизация. Одномерный человек / пер. с англ. А. Юдина. – М.: REFL-book, 1994. – 368 с.

2. *Райх В.* Сексуальная революция / пер. с нем. В. А. Брун-Цехового ; [общ. ред. и предисл. В.П. Наталенко]. – СПб.; М. : Университетская книга, АСТ, 1997. – 352 с.

3. *Ленин В.И.* Задачи революционной молодежи // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 7. М.: Издательство политической литературы, 1967. – 623 с.

4. *Кон И.С.* Юность как социальная проблема // Общество и молодежь. 2-е изд., доп. и перераб. / сост. В.Д. Кобецкий. – М.: Молодая гвардия, 1973. – С. 22–51.

5. *Иконникова С.Н.* Молодежь: Социологический и социально-психологический анализ. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – 164 с.

6. *Touraine A.* Université et Société aux Etats-Unis. – Paris : Le Seuil, 1972. – 304 p.

7. *Фоменко С.В.* О пропаганде и деятельности левоэкстремистских группировок среди английской молодежи (70-е – начало 80-х гг.) // Вопросы истории международного молодежного движения. Вып. 9. – Томск, 1987. – С. 106–119.

8. *Тимошенко А.Г.* Молодежное движение в США : История и современные проблемы / А.Г. Тимошенко, Е.И. Косенко ; отв. ред. С.В. Вольфсон и др. – Томск : Изд-во Томского ун-та, 1988. – 182 с.

9. *Пашковский Г.М.* Студенческое движение на Западе. – Минск : Изд-во БГУ, 1977. – 111 с.

10. *Jackson J.* 5/1/1968: Rethinking France's Last Revolution / Julian Jackson, Anna-Louise Milne, James S. Williams. – L. : Palgrave Macmillan, 2011. – 436 p.

11. *Horn G.-R.* The Spirit of '68: Rebellion in Western Europe and North America, 1956–1976 / Gerd-Rainer Horn. – Oxford : Oxford University Press, 2007. – 254 p.

12. *Atkins S.* «Playing in the Doll's House of Revolution» : White Students and Activists Involved in the Black Power Movement // CUREJ – College Undergraduate Research Electronic Journal [URL] / Siobhan C. Atkins // Access mode : https://pdfs.semanticscholar.org/b76a/7c00d65aa1c67989a025902d44b2ffefc84a.pdf (Access date : 24.08.2019).

13. *Boran E.* Student Revolt, City and Society in Europe: From the Middle Ages to the Present / Elizabethanne Boran, Pieter Dhondt. – N.Y. : Routledge, 2017. – 450 p.

14. *Worley M.* No Future: Punk, Politics and British Youth Culture, 1976–1984. – Cambridge : Cambridge University Press, 2017. – 404 p. 15.

15. *Strain C.* The Long Sixties: America, 1955–1973. – N.Y. : John Wiley & Sons, 2016. – 216 p.

16. *Никоненко Д.Н.* Молодежное движение Федеративной Республики Германии, конец 80-х – 90-е годы XX века: дис. … д-ра ист. наук. – М., 1999. – 401 с.

17. *Колбасина О.В.* Молодежное протестное движение в США: вт. пол. 1950-х – пер. пол. 1970-х годов: дис. … канд. ист. наук. – Краснодар, 2006. – 255 с.

18. *Антонов А.Е.* Правый экстремизм и радикализм в Федеративной республике Германия: Национал-демократическая партия и «Движение за Германию»: дис. … канд. ист. наук. – Кемерово, 2017. – 235 с.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/67

УДК: 930

К.В. Федосеева

«РУССКАЯ ШКОЛА» СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ АНГЛИИ

(Сравнение взглядов С.И. Архангельского и Е.А. Косминского на роль русских и советских историков в разработке истории Англии)

Аннотация. *На основе анализа двух статей 1941 г. С.И. Архангельского и Е.А. Косминского сделан вывод о том, что еще в 1940-х гг. советский историк С.И. Архангельский поставил вопрос о формировании «русской школы» историков Англии. Приведены истоки «русской школы» историков Англии и подчеркнуто ведущее место работ П.Г. Виноградова в ее становлении и развитии. Прослежены две линии развития школы после П.Г. Виноградова: от Д.М. Петрушевского к Е.А. Косминскому и от А.Н. Савина к С.И. Архангельскому.*

Ключевые слова*: С.И. Архангельский, Е.А. Косминский, М.М. Ковалевский, П.Г. Виноградов, Д.М. Петрушевский, А. Н. Савин, «Ecole russe», русская школа историков Англии*

Сергей Иванович Архангельский (1882–1958) в 1941 г. подготовил рукопись статьи, в которой предложил по аналогии с «Ecole russe» ввести термин «русская школа» историков Англии. Из-за неустановленных обстоятельств она не увидела свет. Но была опубликована работа Е.А. Косминского со сходным названием и содержанием. Представим результаты сравнения неопубликованной статьи С.И. Архангельского с известной работой Е.А. Косминского.

С.И. Архангельский был одним из ведущих специалистов по истории Англии в СССР. К этой теме он обратился в середине 1920-х гг. Позднее сложились его основные научные интересы: история аграрного законодательства английской революции, положение и роль народных масс и др. Результаты научной работы Архангельского получили высокую оценку научного сообщества – в 1946 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР. Столь выдающиеся ре-

зультаты его научной деятельности имели под собой объективные основания. В 1906 г. он с отличием окончил историко-филологический факультет Императорского Московского университета. Его учителями были П.Г. Виноградов, Р.Ю. Виппер, Д.М. Петрушевский, А.Н. Савин и др. После окончания университета он сохранил с ними и выпускниками университета рабочие и дружеские отношения, активно участвовал в научных конференциях, работе института истории АН СССР и в нижегородских (в советское время – горьковских) научных и образовательных учреждениях. На момент подготовки статьи (1941 г.) С.И. Архангельский уже опубликовал две крупные монографии, объединенные общей проблематикой «Аграрное законодательство английской революции» (Ч. 1–2, 1935–1940 гг.) [1, 2]. В перерыве между публикациями 1 и 2 частей книги в 1938 г. он защитил докторскую диссертацию. Его имя было хорошо известно как в СССР, так и за его пределами. Учитывая положение Архангельского в научном сообществе, рукопись статьи «История Англии в работах русских и советских ученых» имела большие шансы на публикацию. На титульном листе стоит дата ее подготовки – 7–16 августа 1941 г. – и указание на то, что она предназначалась для «Исторического журнала». Но в «Историческом журнале» ее не оказалось. В № 10–11 указанного издания встречается работа Е.А. Косминского. В 1941 г. он возглавил в Институте истории АН СССР группу по истории Английской революции 40–50 гг. XVII в. Заглавие работы Косминского созвучно работе С.И. Архангельского «Роль русских историков в разработке истории Англии» [3]. Несмотря на общность тематики работ, каждый из ученых привел свою периодизацию изучения истории Англии в России и СССР, дал собственную характеристику работ предшественников и современников, по-разному ставил акценты при изучении работ коллег и предшественников и, что ценно, отметил вклад коллег в разработку истории Англии. Отметим, что статья Е.А. Косминского была переиздана в 1963 г. [4]. К ней часто обращаются и часто цитируют. В 2013 г. работа Е.А. Косминского была проанализирована и тем самым актуализирована Л.П. Репиной. О работе С.И. Архангельского тогда еще известно не было [5]. Таким образом, в историографии закрепились взгляд и оценки Е.А. Косминского на роль русских историков в разработке истории Англии.

Названия работ. Название статьи Е.А. Косминского «Роль русских историков в разработке истории Англии». С.И. Архангельский

же в названии рукописи заложил важную мысль о различии работ дореволюционных и советских ученых, назвав свой труд «История Англии в работах русских и советских ученых». Е.А. Косминский также подчеркивал, что «...перед советскими историками стала во весь рост задача пересмотра всего наследия буржуазной исторической науки с позиций марксизма-ленинизма» [4. С. 76], но в название статьи 1941 г. автор эту мысль не вынес. Через 4 года он опубликовал более широкую по тематике статью, где эта идея нашла отражение, – «Изучение истории западного Средневековья (работы русских дореволюционных и советских историков)» [6].

Периодизация. Е.А. Косминский констатировал, что «усиленный интерес к Англии» в России появился еще со времен Екатерины II: в 1780–1782 гг. вышел русский перевод Блэкстона «Комментарий к законам Англии». Он указал, что переводы целого ряда изданий, например, труда Адама Смита «Богатство народов», выходили в России именно по велению властей. С.И. Архангельский в первой части статьи (работа включает 8 частей) приводит собственную периодизацию обращения отечественных исследователей к истории Англии: на первом этапе (до начала 1870-х гг.) издавались переводные работы; на втором этапе (с 1870-х гг. до 1922 г.) появились первые русские труды по истории Англии и на третьем этапе (с 1922 по 1941 гг., современный на момент написания статьи период) основной акцент в работах по истории Англии был заострен на проблеме зарождения и развития английского капитализма и связанной с этим судьбой крестьянства и рабочего класса. Также следует подчеркнуть, что С.И. Архангельский, в отличие от Е.А. Косминского, в начале работы отметил, что основоположниками изучения истории Англии в России являлись М.М. Ковалевский и П.Г. Виноградов.

Поиск первого самостоятельного исследования русских ученых и значение работ М.М. Ковалевского. Первой монографией по истории Англии С.И. Архангельский считал докторскую диссертацию И.П. Сокальского «Англо-саксонская сельская община» (1872 г.). Архангельский отметил, что лекции Сокальского, посвященные истории экономических школ в 1858–1859 гг., слушал М.М. Ковалевский, таким образом, проводя преемственность в их исследованиях. В работе Е.А. Косминского И.П. Сокальский не упомянут. Е.А. Косминский заметил, что «первые самостоятельные исследования русских ученых по истории Англии вышли из-под пера не специалистов-историков, а «юристов». Первыми крупными исследованиями

по истории Англии Е.А. Косминский считал работы И.И. Янжула. Магистерская диссертация Янжула была посвящена истории косвенных налогов в Англии и вышла в 1874 г., его докторская диссертация «Английская свободная торговля» была опубликована в 1876 г. С.И. Архангельский не случайно привел в пример И.П. Сокальского. Основной темой исследований Архангельского в те годы была аграрная история Англии. Именно поэтому он хорошо разбирался в историографии этого вопроса и, конечно же, не мог не упомянуть первых отечественных исследователей этой темы. Е.А. Косминский же, как он сам указал, в эти годы опубликовал книгу «Английская деревня в XIII веке» (1935 г.), где «выяснил», в том числе, каким образом шло «развитие денежной ренты в Англии» [4. С. 79]. Таким образом, выбор первого самостоятельного исследования по истории Англии в России лежал в плоскости научных интересов ученых-историков, каждый из которых привел те примеры, с которыми сталкивался в своей работе.

Ученые по-разному оценили и роль М.М. Ковалевского в изучении истории Англии. Обращает на себя внимание одна важная деталь, которую можно заметить лишь при сравнении двух исследований. С.И. Архангельский, характеризуя М.М. Ковалевского, обращается к характеристикам, которые ему дал П.Г. Виноградов. Е.А. Косминский же четко следует за оценками Д.М. Петрушевского. Это не случайно. Так, рассуждая о С.И. Архангельском, Косминский подчеркивал, что «С.И. Архангельский… по направлению своих интересов и по своим исследовательским приемам вполне может быть причислен к «третьему поколению» школы Виноградова» [4. С. 80]. Архангельский же, в свою очередь, в своей статье замечает, что Косминский близок к тем вопросам социальной истории Англии, которыми занимались П.Г. Виноградов и Д.М. Петрушевский, и является связующим звеном между ними. С.И. Архангельский, в отличие от Косминского, отвел значительное место в статье характеристике работ историков. Он подробно изучил влияние на Ковалевского зарубежных исследователей. Именно поэтому статья Архангельского выглядит более выигрышной для изучения и более ценным источником о представлениях историков того времени (начала 1940-х гг.). В статье Е.А. Косминского даются лишь самые общие оценки работ М.М. Ковалевского. Но не будем забывать, что статья Е.А. Косминского прошла редакторские правки «Исторического журнала»

и была опубликована в начале Великой Отечественной войны. Текст работы Косминского мог быть серьезно переработан. Поэтому необходимо сравнить опубликованный вариант статьи Косминского с первоначальным. Этот вопрос требует более тщательного изучения и обращения к личному фонду Е.А. Косминского в АРАН (Ф. 1514). С.И. Архангельский и Е.А. Кос-минский также решили обратиться к теме «М.М. Ковалевский и архивы». Историки изложили этот вопрос с разных точек зрения. Так, С.И. Архангельский, признавая заслуги Ковалевского, указал, что именно Ковалевскому принадлежала инициатива изучения прошлого Англии на основании архивных материалов. В то время как Е.А. Косминский, продолжая идти за Д.М. Петрушевским, заметил, что для трудов М.М. Ковалевского характерен «импрессионизм», вызванный тем, что Ковалевский «часто просматривал архивы так, как просматривают газеты» [4. С. 68]. Очень подробно С.И. Архангельский остановился и на трехтомной работе М.М. Ковалевского «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства» [8]. Подобной конкретики в статье Е.А. Косминского мы не находим.

П.Г. Виноградов, Д.М. Петрушевский и А.Н. Савин. Наиболее интересные факты, приведенные С.И. Архангельским и Е.А. Косминским, связаны, на наш взгляд, с ролью П.Г. Виноградова в создании научной школы в России (или, следуя за С.И. Архангельским, «русской школы» социальной истории Англии). «В области истории Англии непосредственными преемниками Виноградова являются Д.М. Петрушевский и А.Н. Савин», – пишет Е.А. Косминский [4. С. 71]. Но в другой части своей статьи Е.А. Косминский поправляет себя, уточняя, что «Д.М. Петрушевский не был непосредственным учеником Виноградова. Но его основные работы, посвященные аграрной истории Англии, примыкают к работам Виноградова как по содержанию, так и по исследовательскому методу» [4. С. 71]. С.И. Архангельский подтверждает мысль Косминского, значительно дополняя ее: А.Н. Савин «был непосредственным учеником» П.Г. Виноградова. «При отъезде в заграничную командировку, А.Н. Савин получил от своего руководителя инструкцию, над чем работать. Ему рекомендовалось заняться изучением секуляризации и ее последствий, а также обширными исследованиями социального состояния Англии, произведенными при протекторе Сомерсете» [9.

Л. 96]. Данные факты, приведенные С.И. Архангельским, уникальны и, на наш взгляд, являются наиболее сильным аргументом Архангельского при обосновании существования «русской школы» историков Англии.

С.И. Архангельский и Е.А. Косминский. Статьи С.И. Архангельского и Е.А. Косминского доводят историографию отечественных работ по истории Англии до 1941 г., разумеется, они не могли обойти и друг друга. Е.А. Косминский причислил Архангельского к «третьему поколению» школы Виноградова и заметил, что по постановке проблем С.И. Архангельский близко подошел к А.Н. Савину. Напомним, что С.И. Архангельский, проанализировав монографию Е.А. Косминского «Английская деревня в XIII в.», указал, что это исследование Косминского, является связующим звеном между работами П.Г. Виноградова и Д.М. Петрушевского. Таким образом, окончательно находит подтверждение мысль о том, что по постановке проблем, исследовательскому методу и преемственности в работах Е.А. Косминский мыслил себя прямым учеником Д.М. Петрушевского, а С.И. Архангельский – А.Н. Савина. Объединял этих историков П.Г. Виноградов, заложивший основу школы, которая продолжила творчески развиваться в советское время. Интересны выводы, к которым пришли историки. Е.А. Косминский говорит о том, что на момент написания статьи (1941 г.) «…мы уже вправе говорить о нарождении четвертого поколения историков Англии в Московском университете» [4. С. 83]. Но, работая в Москве, ограничил это поколение лишь Московским университетом. Между тем, ранее назвав С.И. Архангельского представителем «третьего поколения» школы П.Г. Виноградова, Е.А. Косминский, по сути, не исключил того, что школа Виноградова в СССР не ограничена стенами Московского университета. Подтверждением чего является тематика исследований аспирантов С.И. Архангельского в Горьком.

Литература

1. *Архангельский С.И.* Аграрное законодательство Великой английской революции 1643–1648. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1935.

2. *Архангельский С.И.* Аграрное законодательство Английской революции 1649–1660 гг. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. – 276 с.

3. *Косминский Е.А.* Роль русских историков в разработке истории Англии // Исторический журнал. – 1941. – № 10–11. – С. 89–99.

4. *Косминский Е.А.* Роль русских историков в разработке истории Англии // Проблемы английского феодализма и историографии Средних веков: сб. ст. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 61–83.

5. *Репина Л.П.* Е.А. Косминский и «Роль русских историков в разработке истории Англии»: 70 лет спустя // История Британии: современные исследования / под науч. ред. М. Айзенштат. – М.: ИВИ РАН, 2013. – С. 345–358.

6. *Косминский Е.А.* Изучение истории западного Средневековья (работы русских дореволюционных и советских историков) // Вестник АН СССР. – 1945. – № 10–11. – С. 43–60.

7. *Косминский Е.А.* Английская деревня XIII–XIV вв. и восстание Уота Тайлера / сост. Е.А. Косминский, Д.М. Петрушевский; вводная статья Е.А. Косминского. – М.; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1935.

8. *Ковалевский М.М.* Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства: в 3 т. – М.: Изд. К.Т. Солдатенкова, 1898–1903.

9. *Архангельский С.И.* История Англии в работах русских и советских ученых // Архив Российской Академии Наук (АРАН). Ф. 1530. Оп. 1. Д. 235. 127 Л.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/68
УДК 930(470+94)

А.Я. Массов

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ АВСТРАЛИИ В РОССИИ: ЭТАПЫ И ДОСТИЖЕНИЯ

Аннотация. *Выделено 4 этапа в изучении истории Австралии в российской историографии, показано развитие источниковой базы исследований. Названы основные труды российских историков в области изучения государственного устройства Австралийского Союза, его внутренней и внешней политики, истории российско-австралийских связей и русской диаспоры в Австралии. Подчеркивается, что во многом стимулом к изучению австралийской истории стала попытка на австралийском опыте предложить решение проблем, актуальных для социально-экономического и политического развития России.*

Ключевые слова: *Австралия, российская историография, российско-австралийские связи, история внешней политики, русская диаспора в Австралии.*

Изучение истории Австралии никогда не принадлежало к числу магистральных направлений российской историографии. Однако особенности исторического пути этой страны периодически активизировали внимание и интерес отечественных историков и публицистов к изучению ее истории. К числу таких особенностей относятся, прежде всего, успешное решение еще на начальных этапах становления австралийской государственности острых социальных проблем и стремительный взлет английских переселенческих колоний во второй половине XIX в., превращение Австралийского Союза в весомого игрока на международной арене во второй половине XX – начале XXI в.

Анализ отечественной историографии Австралии позволяет выделить несколько этапов в ее развитии. Собственно, о работах исследовательского характера, посвященных австралийской истории, можно говорить начиная с конца XIX в. – до этого публикации, в той или иной степени посвященные Австралии, затрагивали главным образом экзотические стороны природы, быта коренного населения

и хода английской колонизации пятого континента. Однако по мере нарастания в России социальных противоречий, обострения аграрного и рабочего вопросов, усиления настроений в пользу конституционализма и либерализации политического режима все большее внимание начинает привлекать опыт эффективного решения сходных проблем в Австралии. В трудах русских либеральных публицистов и ученых А.Ф. Фортунатова, Дионео (И.В. Шкловского), П.Г. Мижуева, Н.А. Крюкова, С.А. Корфа, А.В. Пиотровского, Е. Невского и других предпринимаются попытки проследить историю утверждения и развития в Австралии демократических принципов ее политического устройства, подвергнуть анализу ее аграрное и рабочее законодательство [1–9]. В работах этих исследователей рисуется образ «Счастливой Австралии», «социальной лаборатории человечества», «рабочего царства». Несомненно, что русская австралиана конца XIX – начала XX в. была не чем иным, как поиском ответов на проблемы, все более грозно заявлявшие о себе в ходе эволюции самого русского общества [10. С. 58]. Период восторженной и зачастую некритической оценки хода австралийской истории и результатов, достигнутых австралийцами в области политического, экономического и социального развития своей страны, продолжался вплоть до русской революции 1917 г.

В советский период, по крайней мере до середины 1970-х гг., интерес к изучению истории Австралии заметно падает. История этой страны категорически не укладывалась в марксистские императивы общественного развитии, и немногие попытки дать марксистскую интерпретацию австралийской истории нельзя не признать крайне слабыми в научном отношении. Работы, вышедшие в свет в довоенные годы и первые послевоенные десятилетия чрезвычайно заидеологизированы, история Австралии рассматривалась в них исключительно сквозь призму ленинской теории империализма. При этом признание относительно высокого жизненного уровня рабочего класса в этой стране сопровождалось утверждениями о том что «все больше и больше для широких масс Австралии будет становиться ясно, что путь к подлинно счастливой Австралии… лежит через пролетарскую революцию» [11. С. 302]. Однозначно негативно оценивалась внешняя политика послевоенной Австралии, а ее отношения с СССР рассматривались как цепь бесконечных антисоветских провокаций, организуемых реакционными правящими кругами Австралийского Союза [12]. В советской австралиане 50–70-х гг. поя-

вилось также немало публикаций, основанных почти исключительно на мемуарных источниках, о деятельности русских революционеров-эмигрантов, оказавшихся в предреволюционные годы в Австралии. Кроме того, публиковались труды, выдержанные, разумеется, в рамках марксистского подхода к истории, посвященные австралийскому рабочему и коммунистическому движению (см. некоторые из них: [13–15]).

Вместе с тем именно во второй половине 70-х гг. в советской историографии появляются работы, в которых дается более глубокая и лучше фундированная оценка исторического пути Австралии. Отечественным специалистам становятся доступны некоторые австралийские публикации документальных материалов, труды австралийских историков. Появляется первая в отечественной историографии Австралии монография об австралийской историографии, рассказывающая о главных школах и направлениях в изучении австралийской истории [16]. Выходят работы И.А. Лебедева, А.И. Мартынова и О.К. Русаковой по истории австралийской внешней политики [17, 18]. Их авторы, как и прежде, не выходят за рамки идеологически дозволенного, но с гораздо большей степенью объективности исследуют историю формирования и проведения в жизнь внешней политики Австралийского Союза, стремясь по мере возможности избегать традиционных для того времени пропагандистских клише. Примерно в таком же ключе написаны вышедшие во второй половине 70-х – 80-е гг. труды, посвященные проблемам внутриполитического развития Австралии: ее этнической истории, истории и роли профсоюзов и рабочего движения в политической и общественной жизни страны, истории и деятельности политических партий Австралийского Союза [19–23]. Появляются первые общие работы по истории Австралии, принадлежащие перу ведущего советского австраловеда К.В. Малаховского [24, 25]. Возглавляемый им Отдел южнотихоокеанских исследований в Институте востоковедения АН СССР становится главным и в тот период, по сути, единственным в стране центром изучения истории Австралии и стран региона Южных морей. В 1985 г. (с дополнением в 1989 г.) выходит в свет подготовленная сотрудницей отдела южнотихоокеанских исследований Е.В. Говор «Библиографии Австралии», в которой были собраны все публикации, посвященные этой стране и изданные в России, начиная с 1710 г. Это издание стало своего рода надежной лоцией для отечественных исследователей в море российской австралианы [26, 27].

Начавшееся со второй половины 1970-х гг. серьезное изучение австралийской истории стало той базой, на основе которой может быть отмечена заметная интенсификация австраловедческих исследований в постсоветской России, положившая, по сути дела, начало новому, современному этапу изучения истории Австралии в нашей стране. Дальнейшему продвижению в этой области содействовали не только отказ от догматизма, исчезновение идеологических барьеров и ограничений, но и обретение российскими историками возможности работать с большой группой ранее недоступных источников как российского, так и австралийского происхождения. В 1993 г. издается сборник документальных материалов о посещении Австралии русскими моряками и путешественниками, в 2007 г. – подборка материалов о русском восприятии Австралии [28, 29]. В 2014 г. появляется составленный на основе документов Архива внешней политики Российской империи сборник донесений российских консулов в Австралии за период 1857–1917 гг. [30] В Австралии начинается оцифровка и размещение в сети Интернет документов из австралийских архивов, а также подшивок всех австралийских газет за весь период их существования.

Российские историки направляют свои усилия, прежде всего, на изучение тех аспектов внешне- и внутриполитического развития Австралии, которые представляют актуальный интерес для новой России. Расширение внешнеполитических связей Российской Федерации в 90-е и в начале 2000-х гг. стимулирует подготовку диссертаций и появление новых трудов по истории внешней политики Австралии [31–33]. Рост миграционных потоков и ксенофобских настроений в мире привлекает внимание к изучению политики австралийского мультикультурализма и иммиграционной политики Австралийского Союза, а растущий интерес к сохранению свидетельств прошлого и экологическим проблемам – к изучению богатого опыта Австралии по защите ее природного и культурно-исторического наследия [34–37]. Исследуются проблемы устойчивого развития Австралийского Союза и способность этой страны относительно безболезненно переносить экономические спады [38]. Пристальное внимание уделяется истории формирования и развития конституционных основ австралийского государства, достаточно органично совмещающих принципы федеративного устройства с сильным и эффективным центральным правительством. Этому вопросу посвящена монография «Вехи конституционного пути Авст-

ралии (1788–2000 гг.)» одного из ведущих российских австраловедов, московской исследовательницы Н.С. Скоробогатых [39]. Ее перу принадлежит и единственная общая работа по истории Австралии, вышедшая за последнее время, – «История Австралия. XX век» [40].

Наличие хорошей источниковой базы обусловило заметное продвижение в изучении более чем двухсотлетней истории русско-австралийских связей и истории русской диаспоры на пятом континенте. По этой проблематике выходят монографии А.Я. Массова, А.С. Петриковской, Г.И. Каневской, Ю. Артемова (А.Ю. Рудницкого), большая и содержательная статья Н.С. Скоробогатых, защищается кандидатская диссертации Т.Г. Маргарян [41–48]. Выясняется, что еще в XIX в., несмотря на периферийный характер отношений России и австралийских переселенческих колоний, растущее присутствие России в Тихоокеанском бассейне и порожденный этим страх перед «русской угрозой» оказали определенное стимулирующее влияния на процессы объединения английских колоний на пятом континенте в Австралийский Союз. Свою роль в истории Австралии сыграла и русская диаспора: в период революции и гражданской войны в России революционные элементы из числа русских эмигрантов спровоцировали в 1919 г. кровавые столкновения в Брисбене, вошедшие в историю Австралии как «Бунты красного флага». В межвоенные десятилетия русская белая эмиграция внесла немалый вклад в развитие австралийской культуры, прежде всего балета и изобразительного искусства. Значимость этого вклада признают и сами австралийцы.

В настоящее время, наряду с Москвой, центрами изучения истории Австралии выступают Петербург, Владивосток, Иркутск, Красноярск, Хабаровск. В Дальневосточном Федеральном, Петербургском и Иркутском университетах были прочитаны учебные курсы по различным аспектам истории Австралии.

Роль Австралийского Союза в международных отношениях современного мира неуклонно возрастает, Австралия, по сути, превратилась в региональную великую державу. Можно рассчитывать, что данное обстоятельство станет своего рода стимулом для дальнейшей интенсификации работы по изучению истории этой страны.

Литература

1. *Фортунатов А.Ф.* Население и хозяйство Австралии. – М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и К°, 1898. – 46 с.
2. *Дионео*. Очерки современной Англии. – СПб.: Русское богатство, 1903. – 558 с.
3. *Дионео*. На темы о свободе. Ч. 1–2. – СПб.: М.В.Пирожков, 1908. – 368+637 с.
4. *Мижуев П.Г.* Народное представительство и его законодательные собрания в главных странах современного мира. – СПб.: Г.Ф. Львович, 1906. – 162 с.
5. *Мижуев П.Г.* Счастливая Австралия. (Социальное законодательство Австралии и его результаты). – Пг.: Т-во А.Ф. Маркс, 1918. – 218 с.
6. *Крюков Н.А.* Сельское хозяйство Австралии в связи с общим развитием страны. – М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1906. – 648 с.
7. *Корф С.А.* Государственный строй Австралии. – М.: Тов-во типо-лит. В. Чичерин, 1912. – 98 с.
8. *Пиотровский А.Б.* В стране истинного народовластия (Австралия). – Пг.; М.: Задруга, 1917. – 29 с.
9. *Невский К.А.* Рабочее царство. (Как живут рабочие в Австралии). – М.: Д.М. Куманов, 1917. – 15 с.
10. *Скоробогатых Н.С.* Русские дореволюционные исследования об основных проблемах Австралии конца XIX – начала XX вв. // Пятнадцатая научная конференция по изучению Австралии и Океании. – М.: Наука, 1984. – С. 56–62.
11. *Милейковский А.Г.* Австралия. Очерк экономической географии. – Л.: Соцэгиз, 1937. – 308 с.
12. *Бобров А.* Внешняя политика Австралии. – М.: Изд-во международных отношений, 1962. – 108 с.
13. *Приваленко М.Е.* Большевик Артем. Очерк о жизни и деятельности Ф.А.Сергеева (1883–1921). – Курск: Кн. изд., 1964. – 224 с.
14. *Черненко А.М.* Гоцуляк В.В. Российская революционная эмиграция в Австралии (1900–1917). – Днепропетровск: Днепропетровский гос. ун-т, 1978. – 76 с.
15. *Малаховский К.В.* Участие русских революционеров в рабочем движении Австралии // Идеи социализма и рабочее движение в Австралии. – М.: Мысль, 1981. – С. 67–85.
16. *Рудницкий А.Ю.* Двести лет австралийской истории. – М.: Наука, 1987. – 221 с.
17. *Лебедев И.А.* Внешняя политика Австралии (1939–1974). – М.: Наука, 1975. – 295 с.
18. *Мартынов А.И., Русакова О.К.* Австралия в международных отношениях XX века. – М.: Мысль, 1978. – 349 с.
19. *Пучков П.И.* Этническое развитие Австралии. – М.: Наука, 1987. – 194 с.
20. *Дорофеев В.Я.* Трудовая Австралия в борьбе за мир и социальный прогресс. – М.: Международные отношения, 1980. – 216 с.

21. *Дорофеев Б.Я.* Профсоюзы Австралии: этапы развития, проблемы, тенденции. – М.: Профиздат, 1987. – 190 с.

22. *Вревский В.А.* Либеральная и аграрная партия Австралии. – М.: Наука, 1976. – 158 с.

23. *Жарова О.В.* Австралийский лейборизм после Второй мировой войны. – М: Наука, 1987. – 246 с.

24. *Малаховский К.В.* История Австралийского Союза. – М.: Наука, 1971. – 371 с.

25. *Малаховский К.В.* История Австралии. – М.: Наука, 1980. – 400 с.

26. *Говор Е.В.* Библиография Австралии (1710–1983). – М.: Наука, 1985. – 380 с.

27. *Говор Е.В.* Библиография Австралии (1984–1988). – М.: Наука, 1989. – 142 с.

28. Р*оссийские* моряки и путешественники в Австралии / сост. Е.В. Говор, А.Я. Массов. – М.: Восточная литература, 1993. – 302 с., 2-е изд. – М.: Восточная литература, 2007. – 380 с.

29. *Австралия* в русском восприятии, 1907–2007. Впечатления. Образы. Идеи / сост. и авт. вступ. ст. И.Н. Васильева-Южина. – М.: 2007. – 316 с.

30. *Российская* консульская служба в Австралии 1857–1917 гг. (Сборник документов) / сост. и авт. ввод. ст. и коммент. А.Я. Массов, М. Поллард. – М.: Международные отношения, 2014. – 352 с.

31. *Буденкова А.В.* Австрало-американские взаимоотношения 1983–2004 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Красноярск, 2006. – 244 с.

32. *Тимошенко В.Н.* Южнотихоокеанский регион на пороге XXI века: проблемы внешней политики и безопасности. – М.; Хабаровск: Изд-во ДВГГУ, 2009. – 379 с.

33. *Фирсов Э.В.* Особенности эволюции политики Австралии в Азиатско-Тихоокеанском регионе (1945–2011гг.): дис. ... канд. ист. наук. – М., 2012. – 282 с.

34. *Петриковская А.С.* Австралийский мультикультурализм: опыт этнической политики // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 2. – С. 28–44.

35. *Скоробогатых Н.С.* Австралийский мультикультурализм: путь к гражданскому согласию или к расколу общества? // Общественные науки и современность. – 2004. – № 1. – С. 135–146.

36. *Мазуров Ю.Л.* Австралия: культ наследия. – М., 2006. – 200 с.

37. *Каневская Г.И.* Заселить или погибнуть. Иммиграционная политика Австралии (XIX – начало XXI в.). – Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2017. – 94 с.

38. *Мосолова О.В.* Австралия: политика устойчивого развития. – М.: ИВ РАН, 2019. – 260 с.

39. *Скоробогатых Н.С.* Вехи конституционного пути Австралии» (1788–2000 гг.). – М.: ИВ РАН, 2006. – 240 с.

40. *Скоробогатых Н.С.* История Австралии. XX век. – М.: ИВ РАН, 2015. – 452 с.

41. *Массов А.Я.* Андреевский флаг под Южным крестом. (Из истории русско-австралийских связей первой трети XIX века). – СПб.: Изд-во СПбГМТУ, 1995. – 126 с.

42. *Массов А.Я.* Россия и Австралия во второй половине XIX века. – СПб.: Изд-во СПбГМТУ, 1998. – 238 с.

43. *Петриковская А.С.* Российское эхо в культуре Австралии (XIX – первая половина XX века). – М.: ИВ РАН, 2002. – 200 с.

44. *Каневская Г.И.* «Мы еще мечтаем о России…». История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в. – вторая половина 80-х гг. XX в.). – Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2010. – 372 с.

45. *Артемов Ю.* Русская революция в Австралии и «сети шпионажа». – СПб.: Алетейя, 2017. – 282 с.

46. *Скоробогатых Н.С.* Австралия – СССР в 1940-е годы: динамика отношений (Часть 1. Военные угрозы и дипломатия) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. XIV. – М.: ИВ РАН, 2014. – С. 129–151.

47. *Скоробогатых Н.С.* Австралия – СССР в 1940-е годы: динамика отношений (Ч. 2. Время упущенных возможностей) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Вып. XV. – М.: ИВ РАН, 2014. – С. 155–180.

48. *Маргарян Т.Д.* Становление и развитие российско-австралийских отношений в 1991–2011 годы: дис. ... канд. ист. наук. – М., 2012 г. – 202 с.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/69

УДК: 930:378(460)

О.А. Жеравина

МАРИАНО ПЕСЕТ КАК КЛЮЧЕВАЯ ФИГУРА В РАЗВИТИИ НОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В ИСПАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ УНИВЕРСИТЕТА

Аннотация. *Рассматривается вклад историка Мариано Песета в становление новейшего этапа историографии испанского университета. Отмечается его роль в развитии современных тенденций исторической науки конца XX – начала XXI в. применительно к испанской историографии; подчеркивается результативность ученого в создании исследовательских центров и научных связей, актуальность его научного творчества.*

Ключевые слова: *Мариано Песет, история университетов, испанские университеты, испанская историография университета.*

Испанская историография университета последних десятилетий демонстрирует дальнейшее развитие исследовательского поля, возделываемого испанскими учеными уже в течение нескольких столетий, – отметим в этой связи, что первый труд по истории старейшего в Испании Саламанкского университета был написан Педро Чаконом в XVI в. [1, 2]. В массиве изданий, раскрывающих вопросы возникновения и развития университета, отразился результат работы историков права, университетских деятелей, представителей церкви с эпохи раннего Нового времени до наших дней. Значительную часть этих авторов традиционно составляли преподаватели теологии, канонического права, духовные лица. Так, знаменитый автор вышедшей в 1884–1889 гг. 4-томной «Истории университетов Испании» Висенте де ла Фуэнте был доктором теологии, знатоком канонического права [3]. В XX в. в Саламанке до начала 70-х гг. плодотворно трудился на ниве исследования университетской истории доминиканский священник В. Бельтран де Эредиа, издавший собрание папских булл и других документов, касающихся университета [4].

С конца 60-х гг. прошлого столетия в Валенсии начинается профессиональная деятельность доктора права Мариано Песета (род. в 1934 г.), который сегодня, по признанию испанских ученых, является «величайшим историком университетов испанского мира» [5. С. 9]. В современной испанской историографии его называют новатором, внесшим огромный вклад в создание сообщества ученых, занимающихся историей испанских университетов. Благодаря трудам М. Песета и его коллег, как отмечает исследователь из университета Сарагосы М. Карнисер, «мы имеем возможность говорить о существовании такой дисциплины в Испании, как история университетов». По словам М. Карнисера, «невозможно понять историю университетов Испании без фундаментальной фигуры Мариано Песета» [6. С. 195–196]. Такая оценка не только отдает дань уважения выдающемуся исследователю, но и связывает время его профессиональной зрелости с новым этапом в развитии историографии университета в Испании.

Свой исследовательский путь М. Песет начинает с изучения юридических аспектов функционирования испанских университетов эпохи Средневековья. Тщательное изучение документов, глубина осмысления раскрывали перед ним возможности более широкого видения предмета с перспективой выхода за рамки институциональной истории.

Интерес к французским работам, предлагавшим новые подходы к истории образования и университетов; собственные исследования таких проблем, как реформы Карла III в эпоху испанского Просвещения, трансформация университета на протяжении эпох, отказ от рассмотрения этого института как развивающегося исключительно под воздействием церковной сферы – все это привносило в творческую лабораторию М. Песета и его коллег дух новаторства и вело к обновлению подходов к изучению университета. Как отмечает Э. Гонсалес, социальные науки и история научной мысли становились все более значимыми на той территории, которую обычно приписывали исключительно домену церковной истории и где история университета рассматривалась без обращения к источникам, относящимся к другим сферам. Важным при этом становилось изучение не только того, что происходило в стенах самого университета, но и исследование социальных, политических, культурных и идеологических аспектов, которые оказывали влияние на его развитие [7. С. 73–74].

Тему истории университетов и образования в Испании М. Песет начинает разрабатывать в сотрудничестве со своим младшим братом Хосе Луисом, сформировавшимся в качестве медика и историка в университетах Валенсии и Саламанки.

Саламанкский историк Х.М. Эрнандес Диас в своей беседе с М. Песетом, опубликованной в 2015 г., констатировал, обращаясь к именитому коллеге: «Вам и вашему брату было совершенно ясно, что вы больше не можете продолжать создавать институциональную историю университетов, – сугубо описательную, изолированную от того, что происходило в других университетах и не связанную с контекстом, в котором живет любой университет на каждом этапе своей истории». Отвечая на вопрос, что означал этот «прыжок в другой формат университетской истории», М. Песет пояснил свою позицию следующим образом: Если мы хотим раскрыть историю университетов, необходимо рассматривать их вовлеченность в политику и общество; и исследование нужно проводить с широким охватом, не ограничиваясь лишь детальным изучением отдельного центра. По словам ученого, «наука и знания интернациональны, а не специфичны для того или иного университета. Все они образуют взаимосвязанное целое, хотя некоторые из них лишь импортируют идеи и знания, как это нередко происходило в Испании на протяжении последних столетий» [8. С. 416].

В 1974 г. в Мадриде было издано объемное исследование братьев Песет «Испанский университет (XVIII и XIX вв.). Просвещенный абсолютизм и либеральная революция», в котором нашли свое воплощение новаторские установки авторов. Внедрение просветительских реформ в испанском университете было представлено сквозь призму социально-политических условий, характеризовавших Испанию указанной эпохи; особое внимание было уделено анализу инноваций, вызванных либеральной революцией [9]. В этой работе, как отмечал Х. Гарсиа Гонсалес, социальные реалии предстают в качестве важнейшего фона в истории университета. Находит свое место и экономический аспект, выделяются существенные связи между экономическим положением университета и общей ситуацией в Испании эпохи Просвещения и последующего периода [10. С. 723–724].

В это же время на международной научной арене происходили важные события, связанные с методологическими исканиями в исторической науке в целом и рассматриваемой предметной области в частности. Изданный в США в 1974 г. двухтомник «Университет и

общество» под редакцией Л. Стоуна отразил актуальность международной кооперации в сфере исследований по университетской истории, с одной стороны, и необходимость привнести в эту предметную область дух перемен и инноваций, – с другой. Этим объяснялась сама идея организации международного семинара по истории университетов под руководством автора трудов по английскому средневековому искусству, британской истории раннего Нового времени, истории английской аристократии, семьи, брака. Широта научных интересов известного британского ученого сопрягалась с его вовлеченностью в процесс развития новой социальной истории, с ее методологией и обширным полем социокультурной проблематики.

Университет и общество в своем неразрывном единстве создавали на протяжении истории тот богатейший калейдоскоп процессов, явлений, судеб, рассмотреть который всесторонне и подробно представлялось возможным в широком спектре направлений новой социальной истории. Это с разной степенью готовности национальным историографиям предстояло освоить, апробировать и развить. В испанской исторической науке М. Песет олицетворяет собой тип ученого, обладающего даром постижения и воплощения в своей практике новейших тенденций и, что важно, – даром стимулирующего воздействия в этом плане на деятельность своих учеников и коллег.

В трудах М. Песета можно найти отражение и развитие почти всех значимых тенденций, методологических исканий исторической науки конца XX – начала XXI в. Так, к концу 70-х гг. М. Песет начинает применять количественные методы, работая над историей университета Валенсии. М. Торремоча отмечает, что М. Песет был всегда открыт исследованиям, раскрывающим историю университета сквозь призму повседневной жизни, организовывая проведение научных семинаров, стимулирующих развитие истории повседневности [11. С. 196]. Отметим также роль ученого в становлении просопографических исследований [12], что находит признание в новейших трудах его коллег [13].

Следует подчеркнуть еще один важный аспект деятельности М. Песета – его работу по консолидации профессионального сообщества историков университета – так называемых невидимых коллегий, под которыми понимаются неформальные и невидимые связи, объединяющие заинтересованных лиц в совместных исследованиях и в обмене информацией. [14. С. 354–355]. При его участии и вполне видимые исследовательские группы были сформированы в Вален-

сии, Саламанке, Мадриде, Мехико. С 1987 г. М. Песет содействовал проведению международных конгрессов по истории испаноязычных университетов.

Мариано Песет продолжает заниматься наукой. «Приятно продолжать то, что вы всегда делали, развиваться, обобщать свои знания», признается выдающийся ученый [5. С. 425].

Литература

1. *Historia* de la Universidad de Salamanca, hecha por el Maestro Pedro Chacon. Vol. 16–18 // Semanario erudito : que comprehende varias obras ineditas, criticas, morales, instructivas, políticas, historicas, satiricas, y jocosas de nuestros mejores autores antiguos, y modernos : by Valladares de Sotomayor, Antonio, edito. – Madrid : por Don Blas Roman, 1787. – P. 3–67.
2. *Жеравина О.А.* Историк Саламанки Педро Чакон и его гравированный портрет из фондов Строгановской библиотеки // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2017. – № 48. – С. 44–49.
3. *Fuente Vicente de la.* Historia de las Universidades, colegios y demás establecimientos de enseñanza en España. 4 vols. – Madrid : Imprenta de la Viuda e hija de Fuentenebro, 1884–1889.
4. *Beltrán de Heredia V.* Bulario de la Universidad de Salamanca. 3 vols. – Salamanca : Universidad de Salamanca, (1966–1967).
5. *Yolanda Blasco Gil Y., González González E., Pavón Romero A.* y Pérez Puente L. Mariano Peset, historiador de las universidades, historiador de la Universidad de México // Mariano Peset. Obra dispersa: la Universidad de México. – México : UNAM-IISUE-EYC, 2011. – P. 9–35.
6. *Carnicer M.Á.R.* Nada humano me es ajeno. Una aproximación a la historiografía sobre la historia de la Universidad española // CIAN. Revista de historia de las universidades. – 2017. – V. 20, №. 1. – P. 193–220.
7. *González González E.* La historia de la Universidad en el Antiguo Régimen, ¿Una historia de la iglesia? // La Iglesia en Nueva España. Problemas y perspeectivas de investigación/ María de Pilar Martínez López-Cano (coord.). – México : UNAM, 2010. – 416 p.
8. *Hernández Díaz J.M. Mariano Peset Roig*, autoridad en historia de las universidades // Historia de la educación: Revista interuniversitaria. – 2015. – № 34. – P. 413–425.
9. *Peset M., Peset J.L.* La Universidad Española (siglos XVIII y XIX). Despotismo Ilustrado y Revolución Liberal. – Madrid : Ed. Taurus, 1974. – 807 p.
10. *García González J.* Peset, Mariano y José Luis. La Universidad Española (Siglos XVIII y XIX) Despotismo ilustrada y revolución liberal. Ed. Taurus. Madrid, 1974, 807 pag. //Anuario de Historia del Derecho Español (1975) № 45. – P. 721–724.
11. *Torremocha Hernández M.* Nuevos enfoques en la historia de las universidades: la vida cotidiana de los universitarios en la península Ibérica durante la edad moderna // Crónica nova. – 2009. № 35. –P. 193–219.

12. *Peset M.* Catedráticos y profesores // Historia y actualidad de la Universidad Española / Peset J.L. (ed.). – Madrid : Fundación Juan March, 1984. – P. 137–205.

13. *Guereña J.L.* El studio del profesorado universario en la historia contemporánea // Historia y Memoria de la Educación. – 2015. – V. 1, № 1. – P. 395–417.

14. *Peset Mancebo F., Blasco Gil Y.* Una aproximación a la visibilidad de la investigación en historia cultural y de las universidades: instrucciones mínimas // Miscelánea Alfonso IX, 2014. – Salamanca : Ediciones de la Universidad de Salamanca, 2015. – P. 351–376.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/70

УДК: 930

Д.В. Лихарев

РЕФОРМЫ АДМИРАЛА ДЖ.А.ФИШЕРА В РЕВИЗИОНИСТСКОМ ДИСКУРСЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. *Автор проводит сопоставление ортодоксальной и ревизионистской концепций реформ адмирала Дж.А. Фишера в англоязычной историографии. Анализируется аргументация и методология историков-ревизионистов, а также причины, которые привели к смене научных парадигм на рубеже XX–XX1 вв.*

Ключевые слова: *историография, методология, концепция, реформы Фишера, историки-ревизионисты.*

Профессор Брунельского университета М.С.Зелигман считает, что «для исследователей британской морской истории нет периода более животрепещущего, нежели годы, предшествовавшие Первой мировой войне», впоследствии получившего название «эры Фишера» [1. P. 937]. Это утверждение в большей степени справедливо применительно к эпистемологической ситуации конца XX – начала XX1 в. На протяжении почти четырёх десятилетий, вплоть до начала 80-х гг., в англоязычной историографии незыблемо господствовала концепция американского историка А.Дж.Мардера (1910–1980), подробно обоснованная в двух его фундаментальных трудах: «Анатомия британской морской мощи» [2] и «От «Дредноута» до Скапа-Флоу» [3].

Ортодоксальная концепция А.Дж. Мардера рисует Дж.А. Фишера как харизматического лидера, который мог добиваться поставленных целей. Он выступил как главный вдохновитель и движущая сила глубоких преобразований военного флота накануне Великой войны. Стремясь пробудить флот от спячки, в которой он пребывал на протяжении Викторианской эпохи, и подготовить его к современной войне против Германии, Фишер внедрил новый тип линейного

корабля, воплотившийся в «Дредноуте», и сосредоточил лучшие силы флота в Северном море, которому предстояло стать главным полем битвы. В результате усилий Фишера, в 1914 г., когда война действительно началась, германский флот оказался лицом к лицу с гораздо более могущественным противником – британским Гранд Флитом. На протяжении всей войны германские линкоры были заперты в своих гаванях вплоть до капитуляции в 1918 г. и последующего их затопления в Скапа-Флоу.

Однако в 1980-х гг. началась ревизия ортодоксальной концепции реформ Фишера. Основоположниками новой школы и интеллектуальными лидерами «ревизионистов» считаются американский историк Дж.Т. Сумида и его английский коллега Э.Н. Ламберт. Новая интерпретация реформ Фишера получила обоснование в двух основополагающих трудах: «В защиту военно-морского превосходства» Дж.Т. Сумиды [4] и «Военно-морская революция сэра Джона Фишера» Э.Н. Ламберта [5]. Ревизионисты были солидарны с Мардером в том, что именно Фишер осуществил преобразования британского военного флота, но они оспаривали истоки, характер и цели этих преобразований. Сумида и Ламберт утверждали, будто Фишер планировал гораздо более амбициозную и всеобъемлющую программу реформ, цель которой заключалась в отражении глобальной угрозы со стороны Франции и России. Согласно их версии, Фишер не связывал свои преобразования с «Дредноутом». Настоящая цель его реформ, державшаяся в строгом секрете, заключалась в глубоком изменении всей структуры военно-морских сил на основе происходившей в то время технологической революции.

Вместо строительства огромного дорогостоящего флота броненосных линкоров Фишер собирался обеспечить оборону Британских островов посредством многочисленных флотилий эсминцев и подводных лодок, которые могли предотвратить любое вражеское вторжение. Э.Н. Ламберт предложил именовать эту новацию «минно-торпедной обороной». Такая система обороны позволила бы высвободить линейные корабли, но уже в виде быстроходных и легко забронированных линейных крейсеров, для защиты британских интересов в отдалённых водах – «концепция линейного крейсера». Как известно, первый в истории корабль такого класса, линейный крейсер «Инвинсибл», также был создан Фишером и появился практически одновременно с «Дредноутом». Американский историк Ч. Фэрбэнкс, ещё один представитель «ревизионистской школы», настаи-

вал, что правильнее будет говорить не о «революции «Дредноута», а о «несостоявшейся революции «Инвинсибла» [6].

Если принять концепцию Сумиды – Ламберта, то получается, что в реальной жизни цели Фишера пришли в вопиющее противоречие с их реализацией. Фишеру не удалось заменить линкор линейным крейсером; британский флот не перешёл к стратегии «минно-торпедной обороны»; в 1914 г. не отменили строительства ни одного линкора в пользу сооружения подводных лодок и т.д. Объяснение предлагается следующее: попытки Фишера провести намеченные преобразования в бытность его первым морским лордом в 1904–1910 гг. окончились неудачей из-за упорного противодействия его консервативных сослуживцев. Позднее знамя реформ Фишера подхватил молодой Уинстон Черчилль, занимавший в 1911–1915 гг. пост морского министра и находившийся под сильнейшим влиянием идей отставного адмирала. Как утверждают ревизионисты, в 1913–1914 гг. Адмиралтейство тайно приняло программу Фишера к исполнению, но на сей раз её воплощению в жизнь помешала начавшаяся Первая мировая война.

Историки-ревизионисты продемонстрировали весьма критический настрой по отношению к традиционной историографии. Подчеркивание достижений новой школы осуществлялось в том числе за счёт принижения достижений предшественников. Что удивительно, в ход пошли даже аргументы из области методологии истории, при том что никто из военно-морских историков предыдущего поколения не утруждал себя обоснованиям своих методологических позиций. Главным объектом критики, естественно, стал А.Дж. Мардер.

В статье, опубликованной в «Милитэргешихте Цайтшрифт» в 2000 г., [7] Сумида утверждал, что, несмотря на всю свою репутацию, Мардер, по сути, являлся «историком клея и ножниц», использовавшим «допотопные методы исторического исследования». В основе такой «методологической отсталости» лежало представление о том, что задача историка заключается в простом отыскании источников и выстраивании этих текстов в фактографический нарратив. Сумида имел в виду, что «изыскания Мардера не были подчинены априорной концепции», что он считал свидетельства источников объективной информацией в окончательном виде, которая не нуждается в дальнейшем творческом переосмыслении. Обвинения весьма нетривиальные, если не сказать наивные, поскольку Сумида требовал, чтобы Мардер поднялся над уровнем типичного историка-

эмпирика своего времени и начал рассуждать, как представитель эпохи постмодерна. Если исходить из этих обвинений, то придётся признать, что порочной у Мардера была не его методология, а его выводы. Получился замкнутый круг: если бы Мардер использовал более «прогрессивную» методологию, он получил бы лучшие результаты, т.е. пришёл бы к тем же выводам, что и Сумида.

Историки-ревизионисты обвинили Мардера не только в методологической несостоятельности, но и в научной недобросовестности. Ч. Фэрбэнкс писал по этому поводу: «Мардер сознательно проигнорировал важнейшие документы. В тех документах, которые он цитировал и редактировал, он опустил целые фрагменты, в особенности те, где Фишер недвусмысленно отдаёт предпочтение броненосному крейсеру и линейному крейсеру перед линкором, поскольку они вступали в противоречие с его концепцией. Многие факты, приводимые Мардером, не подтверждаются документами; многие из его выводов уязвимы для критики; он часто принимает на веру спорные или сомнительные суждения. Было бы слишком наивно рассматривать эти недостатки как следствие небрежности. Скорее всего, они являются следствием сознательного выбора, подхода, весьма характерного для историков времён Мардера, которые считали, что цель изучения прошлого предопределяется его актуальностью для современности…» [6. P. 263].

Фэрбэнкс утверждал, что Мардер намеренно проигнорировал три основополагающих документа. Это меморандум «Предложения, касающиеся проектов кораблей, заложенных по программе 1906–1907 гг., и применения судов, переоборудованных в крейсеры», «Отчёт комиссии по военно-морскому бюджету 1906–1907 гг.» и меморандум «Потребности флота IV». На самом деле Мардер знал первые два из перечисленных документов. В «Анатомии британской морской мощи» он приводит из них пространные цитаты и подробно их пересказывает. Проблема в том, что в 1938 г., когда Мардер получил разрешение работать с текущим архивом Адмиралтейства, ему запретили делать ссылки на фонды этого архива [2. P. 103–105]. М.С. Зелигман прокомментировал эту коллизию в лучших традициях английского юмора: «Если предположить, что сам Фэрбэнкс знаком с содержанием этих источников, то остаётся удивляться, почему он не узнал их в тексте Мардера» [8. P. 1043].

Усилиями историков-ревизионистов ортодоксальная концепция реформ Дж.А. Фишера был практически полностью пересмотрена.

И хотя их современные оппоненты считают, что говорить о полномасштабной «смене научных парадигм» нет никаких оснований, следует признать, что ревизионистская концепция к началу 2010-х гг. практически превратилась в новую ортодоксию. Ревизионистская интерпретация в ещё большей степени сфокусировалась на личности Фишера. Историки-ревизионисты изображают Фишера как непонятого гения, чьи идеи далеко опередили его эпоху. Первый морской лорд с переменным успехом боролся с глубоко укоренившимся консерватизмом британского военного флота. И хотя он сделал достаточно много, ему так и не удалось убедить своих соотечественников принять более радикальные преобразования. В результате большинство его планов так и не пошли дальше чертёжной доски или отдельных меморандумов. Для ревизионистов конечная цель их исследований заключается в полной реконструкции нереализованных радикальных реформ Фишера.

Дж.Т. Сумида, Э.Н. Ламберт и их единомышленники активно разрекламировали принятую ими, предположительно, гораздо более сложную исследовательскую методологию, позволяющую им охватить более широкий контекст и достичь более глубокого понимания сути событий, которая осталась недоступной для историков предыдущих поколений. Новая методология исходит из того, что дошедшие до наших дней документы британского Адмиралтейства не отражают истиной сути морской политики того времени, а только затуманивают понимание её реальных целей. Поставив под сомнение информацию, идущую от известной на сегодняшний день источниковой базы и, соответственно, основанные на ней интерпретации, ревизионисты выдвигают альтернативную концепцию политики Адмиралтейства, которая вытекает из контекста утраченных к настоящему времени документов.

Литература

1. *Seligman M.S., Morgan-Owen D.* Evolution or Revolution? British Naval Policy in the Fisher Era // Journal of Strategic Studies. – 2015. – Vol. 38, № 7. – P. 937–943.

2. *Marder A.J.* The Anatomy of British Sea Power. A History of British Naval Policy in the Pre-Dreadnought Era. 1880–1905. – New York: A.A. Knopf, 1940.

3. *Marder A.J.* From “Dreadnought” to Scapa Flow. The Royal Navy in the Fisher Era. 1905–1919. 5 vols. – London: Oxford Univ. Press, 1961–1970.

4. *Sumida J.T.* In Defense of Naval Supremacy: Finance, Technology and British Naval Policy. 1889–1914. Annapolis (M.A.): Naval Institute Press, 1989.

5. *Lambert N.A.* Sir John Fisher Naval Revolution. – Columbia (S.C.): University of South Carolina Press, 1999.

6. *Fairbanks C.N.* The Origins of the "Dreadnought" Revolution: A Historiographic Essay // International History Review. – 1991. – Vol. 13, № 2. – P. 246–272.

7. *Sumida J.T.* Demythologizing the Fisher Era: the Role of Change in Historical Method // Militargeschichte Zeitschrift. – 2000. – Bd. 59. – S. 171–181.

8. *Seligman M.S.* A Great American Scholar of the Royal Navy? The Disputed Legacy of Arthur Marder Rvisited // The International History Review. – 2016. – Vol. 38, № 5. – P. 1040–1054.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/71

УДК: 94(575.1)

Б.А. Алимджанов

ИСТОРИЯ И «ВОСТОК»

Аннотация. *В статье рассматриваются роль и функции историка на мировой «периферии» – в Центральной Азии. Автор пытается понять взаимоотношения историка с историей, политикой и обществом. Автор пытается преодолеть дихотомию Восток–Запад через исторический нарратив. Также делается попытка объяснить задачи среднеазиатского историка в советском и постсоветском Узбекистане.*

Ключевые слова: историк, философия истории, Восток, Запад, Центральная Азия, СССР, Узбекистан.

Как ни странно, Восток беден историческими теориями. Причина, скорее всего, кроется в коллективном сознании. Историческая идея на Востоке, скорее всего, «отсутствовала» (хотя существовала дворцовая и религиозная историография). По-моему, на Востоке, существовала историография, но не существовала *История*. Почему? Существует несколько вариантов объяснения: 1) в истории существуют несколько факторов, то есть политические, экономические, географические, культурные, которые в совокупности повлияли «негативно» на жизнь края (имеется в виду современная постсоветская Центральная Азия), вследствие этого она «отстала» от мировой цивилизации и поэтому она была завоевана европейской державой и экономически, политически и культурно трансформирована; 2) так было суждено народам Востока; 3) наказание за грехи народа. Все эти ответы меня не удовлетворяют. Так как все эти «теории» разработаны «западными» исследователями-историками или теологами. Исходя из моих постулатов меня можно причислить к адептам саидовского «ориентализма». Но это не так. Я противник всякого «ориентализма» и считаю «ориентализм» идеологией неоимпериализма и неоколониализма. Я против всяких «измов». Бед-

ный историк, что *ОН* ни напишет, критики и коллеги «приклеют» какой-нибудь обидный ярлык. В этом и участь историков.

В современной исторической науке довольно слабо изучена проблема модернизации Центральной Азии. Модернизация освещается в свете идей ориентализма [1. С. 310–323]. В узбекистанской науке известны своими академическими работами об ориентализме и его проявлениях в Туркестанском генерал-губернаторстве и ханствах ряд известных ученых, например, Б.М. Бабаджанов [2. С. 29–51], А. Джумаев [3. С. 55–66], У. Абдурасулов [4. С. 66–68], Ю. Флыгин [5. С. 68–75], В.С. Хан [6. С. 108–113] и др. Критика имперских/колониальных «экспертов» по исламу (например, Н.П. Остроумова) входила в их задачу «деконструкции/деструкции» имперского знания. Странно, что до сих пор в Узбекистане господствует этнографическое/этнологическое описание *собственного* населения республики, которое критикуется и описывается в работе А. Эткинда о «внутренней колонизации» [7. С. 50–74]. Наша задача (т.е. гуманитариев республики) – «деконструировать» или «реконструировать» наше понимание *Прошлого* в рамках определенной модели или теории (например, постколониальные подходы и т.п.), так как таковое *Прошлое* нам не дано и познать его непосредственно невозможно. Т.е. вера в *объективную* историю как таковая изжила себя с советской «периферийной» историографией, хотя советская история строилась на «частной» методологии – советском понимании псевдо-, около- пост-, неомарксизма [8. С. 1–12].

Общеизвестно, что Туркестан почти не подвергся влиянию модернизации, так как метрополия осознавала, что процесс «осовременивания» населения – это дорогой проект, который не осилит казна. Поэтому предполагалось переселение в край русского населения, которое создаст «новый» Туркестан. Проект переселения потерпел крах из-за недовольства местного населения и отсутствия «свободных» земель. Джадиды[1] были первыми модернистами Туркестана [9]. Именно они понимали всю важность культурных, политических и экономических реформ в крае. Джадиды в основном занимались просветительством, так как они понимали, что просвещение первый этап к модернизации [10]. После событий 1917 года история Средней Азии начала развиваться по другому сценарию. Большевики начали модернизировать край командными методами. И поэтому счи-

[1] Местная интеллигенция начала XX в.

тается, что Средняя Азия была модернизирована по-настоящему в советский период. Эта модернизация носила преимущественно советский характер. Под модернизацией большевики понимали отказ от всего старого и насильственное внедрение европейской культуры. Но вскоре советская элита отказалась от этой идеи. Советская идеология нашла новую форму культуры, которая бы в корне изменила стиль мышления населения Средней Азии. Новая культура получила условное название «пролетарская», которая сочетала в себе синтез народной культуры с революционной тематикой. В творчестве пролетарских поэтов 20-х гг. XX в. начало преобладать подражание Маяковскому, Есенину и Бедному. Активно начали переводить классиков мировой литературы. Узбекские поэты, писатели и художники начали воспевать подвиг трудового народа, что было новым явлением в нашей культуре. В 30-е гг. XX в. усилился интерес к устному народному творчеству. Интересно отметить, что именно в эти годы Узбекистан переживал индустриализацию и коллективизацию по-советски, именно поэтому официальная идеология требовала от творческой интеллигенции возрождение героики в новом обличье. Именно в 30-е гг. XX в. в Узбекистане появились консерватория, академический театр и национальный оперный театр. На сценах оперного и академического театра ставились произведения У. Шекспира, М. Горького, А. Навои[1]. В 30-е гг. полным ходом шла модернизация страны через компанию «Худжум» и создание новой советской интеллигенции. Интересно отметить, что советская идеология создала социалистическую узбекскую нацию в противовес «буржуазной» нации. Советская правящая элита была увлечена нациестроительством, так как она хотела продемонстрировать всему миру, что только при социализме разные народы и нации могут жить в согласии и дружбе2. В 40-е гг. XX века советская идеология предприняла еще одну попытку модернизации края: была написана история народов Узбекистана. Это была своеобразная большевистская реконструкция истории народов края. Основная суть исторической концепции советской элиты состояла в том, что народы Центральной/Средней Азии обрели настоящую свободу и счастье только после октября 1917 года. Основным плюсом российского завоевания края было то, что оно включило народы Средней Азии в мировой

[1] Интересно, что по сей день репертуар этих театров практически не поменялся.

[2] К сожалению, именно международный аспект данного вопроса еще не изучен в нашей науке.

исторический процесс. История нашего края рассматривалась как часть мировой цивилизации и одновременно признавалась уникальность центральноазиатской цивилизации. В открытии древних цивилизаций на территории Узбекистана сыграла свою весомую роль археологическая наука. Интересно отметить, что первые археологические раскопки были проведены на западе Узбекистана, т.е. в Бухарской и Хорезмской областях, а также довольно хорошо была изучена Туркмения. Надо отметить, что первые труды по археологии носили следующие названия: «История орошения Хорезма» [11], «Древний Хорезм» [12] и т.п. Советская археологическая наука была насквозь иделогизирована и якобы восстанавливала настоящую историю края. Она доказывала миру, что народы Востока имеют древнейшую историю и что Средняя Азия является очагом синтезированной культуры. История Узбекистана сплошь и рядом превратилась в описание «народных» революций и вторжения иноземных захватчиков. Читая историю народов Узбекистана, невольно приходишь к выводу, что начиная с 1917 года народы Средней Азии получили возможность использовать мировой опыт строительства современного государства, а до этого периода народы края были «изолированы» от мировой цивилизации.

Литература

1. *Халид А.* Российская история и спор об ориентализме// Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет. – М.: НЛО, 2005. – С. 310–323.
2. *Бабаджанов Б.М.* Николай Остроумов: «миссионер», «исламовед», «цивилизатор»? // Восток Свыше. – 2013. № 4 (32). – С. 29–51.
3. *Джумаев А.* Еще о «миссионерстве» Остроумова // Восток Свыше. – 2013. – № 4 (32). – С. 55–66.
4. *Абдурасулов У.* Остроумов и идеология колонизации // Восток Свыше. – 2013. – № 4 (32). – С. 66–68.
5. *Флыгин Ю.С.* Николай Остроумов: «Я считаю себя не бесполезным человеком для иноверцев ...и отнюдь не врагом их» // Восток Свыше. – 2013. – № 4 (32). – С. 68–75.
6. *Хан В.С.* Déjà vu и встреча с «чужим» // II Востоковедческие чтения памяти Н.П. Остроумова. – Ташкент : Издание Ташкентской и Среднеазиатской епархии, 2010. – С. 108–113.
7. *Эткинд А.* Фуко и тезис внутренней колонизации: Постколониальный взгляд на советское прошлое // Новое литературное обозрение. – 2001. – № 49. – С. 50–74.

8. *Хан В.С.* О методологической и логико-эпистемологической ситуации в общественно-гуманитарных науках Центральной Азии // Uzbekistan Initiative Papers. – 2014. – № 16. – С. 1–12.

9. *Khalid A.* The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. – University of California Press, 1998. – 360 p.

10. *Qosimov B.* Milliy uyg′onish jasorat, ma'rifat, fidoyilik [Matn]. – Toshkent : Ma'naviyat, 2002. – 400 b.

11. *Гулямов Я.Г.* История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. – Ташкент : Изд-во Акад. наук УзССР, 1957. – 314 с.

12. *Толстов С.П.* Древний Хорезм: Опыт ист.-археол. исследования. – М.: 16-я тип. треста «Полиграфкнига», 1948. – 352 с.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/72

УДК 94 (5); 94 (100) 05; 94 (510)03; 94 (517)

Г.Г. Пиков

ФОРМИРОВАНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ИЗУЧЕНИЮ ВОСТОЧНОАЗИАТСКИХ КОЧЕВНИКОВ В ТРУДАХ В.П. ВАСИЛЬЕВА

Аннотация. *Работы В.П. Васильева стали основой современного китаеведения. Его методология явственно видна в изучении истории кочевых обществ на территории современных Монголии и Маньчжурии. В монографии «История и древности восточной части Средней Азии, от X до XIII века» он подробно рассматривает историю киданей и чжурчжэней в так называемый предмонгольский период. Основное внимание уделено именно внутренним факторам развития кочевых обществ. Своеобразная квинтэссенция китаецентризма, оседлоцентризма, русского традиционного подхода к истории степняков и просветительских идей породила мощную попытку через базовые идеи оседлых цивилизаций прочитать историю кочевников.*

Ключевые слова: *В.П. Васильев, китаеведение, кочевники, Восточная Азия, кидани, Россия.*

В истории изучения восточноазиатской цивилизации среди большой плеяды востоковедов XIX в. особое и яркое место занимает китаевед и религиовед, один из основателей восточного факультета Петербургского университета академик Василий Павлович Васильев (1818–1900). Его работы во многих отношениях стали основой современного китаеведения, и в то же время очень многие его идеи и исторические наблюдения до сих пор не восприняты в полной и необходимой мере. Это объясняется, прежде всего, тем, что его творчество крайне многообразно. Это китаеведение, монголоведение, маньчжуристика, буддология, тибетология, санскритология, публицистика, переводы, преподавание. Между тем рассмотрение его конкретных исторических штудий позволяет увидеть, что в их основе лежит цельная и парадигмальная система, определенная комплексная программа исследования загадочной восточной цивилизации.

Если Н.Я. Бичурин «познакомил» Россию и Европу с Китаем, его историей и культурой, то В.П. Васильев и его школа создали реальную научную основу для их всестороннего изучения. По сути, он

предложил программу всего последующего развития китаеведения. В ее основе лежит ряд принципов. Прежде всего, цивилизационный подход, который с этого времени становится явственным в трудах различных исследователей, прежде всего, учеников самого В.П. Васильева (М.Н. Суровцов). Особо следует отметить, что именно всестороннее изучение истории и культуры Китая и сопредельных территорий, акцент на культурологические проблемы и темы, рассмотрение истории Китая обязательно в контексте всей восточноазиатской истории говорят о том, что исследователь не сравнивал различные цивилизации между собой, прежде всего, западную и восточноазиатскую, разумеется, не в пользу Китая, а пытался увидеть на востоке своеобразие и оригинальность. Это говорит не только о преодолении им вульгарного понимания европоцентризма и цивилизационного подхода, но и зарождении в отечественном китаеведении именно исторического подхода как научного, дистанцирующегося от идеологических схем.

Именно эта методология явственно видна в изучении выдающимся синологом истории северных «варваров», обитавших на территории современных Монголии и Маньчжурии.

Прежде всего, в данном контексте необходимо упомянуть его монографию «История и древности восточной части Средней Азии, от X до XIII века» (1859), в которой он более подробно, чем Н.Я. Бичурин, рассматривает историю киданей и чжурчжэней. Она очень удачно дополняет работы Н.Я. Бичурина, особенно выдающийся труд Н.Я. Бичурина (о. Иакинфа) «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», сосредоточившего свое внимание на их истории, прежде всего киданей, преимущественно до конца танской династии (618–907 гг.). Труд В.П. Васильева прочно утверждал взгляд на киданьские государства как на независимые. В отношении ключевого народа киданей у Васильева около семи листов (1–14) посвящено их додинастической истории и 5 (15–24) непосредственно истории империи Ляо.

Нельзя сказать, что Иакинфа не интересовало это время именно как время зарождения будущей монгольской экспансии, однако практически все свое внимание он уделил самой завоевательной истории первых монгольских ханов. К тому же причины появления такой фигуры, как Чингис-хан, он искал в самом монгольском обществе. В.П. Васильев же считал, что без изучения империй Ляо и Цзинь совершенно невозможно выявить причину появления монголов.

Стоит обязательно отметить, что впервые в таком объеме материал книги посвящен не собственному Китаю, а его северным соседям, «варварам». Обычно их история изучалась лишь в связи с историей Китая, который вынужден был либо отбивать их набеги, либо даже вести «национально-освободительную борьбу с захватчиками».

Проблема взаимоотношений Китая и «северных варваров» уже почти два столетия является насущной научной проблемой и в настоящее время рассматривается диалектически и многоаспектно. В то время она еще только входила в научный оборот и неудивительно, что она рассматривалась исключительно через историю Китая, тем более что основными источниками информации были сочинения именно китайских авторов.

Поставлена практическая задача – выяснить предпосылки появления монголов. Здесь хорошо видно, что прежнее представление, так или иначе присутствовавшее в работах прежних исследователей, о решающей роли стремления кочевников к насилию и грабежам в организации крупномасштабных завоеваний, объясняло далеко не все. В.П. Васильев рассматривает так называемый предмонгольский период (выражение более позднего происхождения) в истории не только Маньчжурии и Монголии, но и самого Китая, вплоть до XIII в. Основное внимание уделено именно внутренним факторам развития кочевых обществ – политическому устройству, дипломатии и быту сообществ киданей, чжурчжэней и монголов. Автор впервые так масштабно рассмотрел одну из ключевых интересующих его тем.

Труд В.П. Васильева прочно утверждает в отечественной историографии взгляд на киданьскую империю как на независимое государство. В.П. Васильев фактически поддерживает точку зрения Н.Я. Бичурина о самостоятельном развитии киданьского государства, отмечая, что без киданей «мы не поймем даже причины появления Чингисхана и предводимых им монголов».

Китай, с точки зрения тогдашних исследователей, в том числе и В.П.Васильева, представляет собой единственное цивилизующее начало. Его представления об истории и культуре, управленческие институты и политические приоритеты считались тем, с помощью чего «варвары» имели возможность преодолеть свою отсталость. В.П. Васильев при малейшей возможности приводит примеры благотворного китайского влияния. Основатель киданьского государства Елюй Апоки (Амбагянь в чтении В.П. Васильева) привлек на свою службу Хань Яньхуэя, который способствовал основанию го-

родов, учреждению управленческих институтов, развитию земледелия и торговли. Для Васильева он чистокровный китаец, хотя, скорее всего, он был выходцем из фронтирной зоны на стыке киданьского и китайского государств и мог быть по происхождению «варваром», хотя и китаизированным. Сам Апоки провозгласил себя правителем нового государства и принял китайский титул «Тянь Хуань Ван» («Небесный государь»). Киданьские правители широко использовали китайскую практику привлечения на свою сторону правителей разного уровня соседних владений, например тех же чжурчжэней.

Постепенно, по мнению исследователя, жадность и тщеславие киданей росли, и в этом они становились очень похожи на китайских императоров, переняв полностью китайский взгляд на внешнюю политику. Они даже сам Китай захотели видеть в числе своих вассалов, тем более что однажды в их руки попала часть китайской территории.

Большинство неудач Китая в его отношениях с кочевниками, по мнению В.П. Васильева, связаны со слабым развитием военного дела. Китайские генералы, по его мнению, «смелы лишь на словах», а больше преуспели в дворцовых интригах. В этом плане он подчеркивает военные доблести «варваров» и говорит, что именно их военное искусство позволило им начать играть чуть ли не главную роль на международной арене того времени.

Ученый одним из первых сделал предположение, разделяемое сейчас многими исследователями, о возможности родства киданей с монголами. Такой же точки зрения в последние годы придерживается большинство современных исследователей. Гораздо больше сведений об истории киданей до создания империи и о государственном строе Ляо содержится в приложении к этой работе, где он вводит в научный оборот переводы отдельных глав из «Цидань го чжи». Чаще он вводит цитаты из него в свой рассказ. В целом освещаются преимущественно культурные аспекты. Большой заслугой В.П. Васильева является то, что в своей работе он уже опирается на только начавшие появляться исследования русских и западноевропейских синологов, причем он не всегда разделяет их взгляды и зачастую показывает свое собственное понимание процесса исторического развития центральноазиатских народов. Он рассматривает подробно только политическую историю киданей, а не социально-экономический строй их государства, только в приложениях можно найти отрывки из источников, касающиеся этих аспектов, но сам В.П. Васильев не анализирует их. Это понятно, ибо и политическая история

киданей не была еще достаточно изучена. К тому же именно эти проблемы являлись тогда актуальными для России и российско-китайских отношений.

Гораздо хуже то, что переводы отрывков из источников содержали множество неточностей, а подчас и прямые ошибки. Как правило, он не приводит источник дословно. Сказанное, однако, не уменьшает значения труда В.П. Васильева: его переводы на протяжении почти столетия являлись единственными в европейской науке переводами такого важнейшего источника по истории киданей, как «История государства киданей» (Цидань го чжи) Е Лун-ли (XII в.).

Рождение нейтрального исторического подхода к истории восточноазиатских кочевников неизбежно сказывалось на особенностях как методологических позиций, так и технологий исследования. В.П. Васильев в значительной степени оказался своего рода заложником письменных источников, особенно такого выдающегося текста, как «Цидань го чжи». Он не только, подобно Е. Лунли, сделал акцент на политической истории и описании внутренних конфликтов, но и принял методологическую позицию китайского историка, читая историю и культуру киданей через китайскую культуру, которую безмерно уважал. Он не увидел, что кидани, как, впрочем, и чжурчжэни и монголы, были представителями иной цивилизации. В его исследовании сохраняли прежнее значение такие термины, как «племена» и «отсталые». Достаточным основанием для этого у него было уже то, что они являлись скотоводами и кочевниками.

И тем не менее он поддержал и развивал далее тенденцию, во многом идущую от Н.Я. Бичурина, понимания зоны «северных варваров» как самостоятельной не только в этническом, но и в культурном отношениях. По сути, он и другие исследователи последующего времени, вплоть до настоящего времени, воспринимали ее как своего рода «луну» Китая, ведомую и медленно, но неуклонно впитывавшую великую китайскую культуру.

В.П. Васильев во многом преодолел вульгарный европоцентризм, но фактически не отказался от оседлоцентризма и китаецентризма. Своеобразная квинтэссенция китаецентризма, оседлоцентризма, русского многовекового традиционного подхода к истории кочевников и степняков и просветительских идей породила мощную попытку через базовые идеи оседлых цивилизаций прочитать историю кочевников. Просветительские идеи еще не получили широкого распространения в русской исторической науке, однако такие поня-

тия и представления, как «цивилизация», «прогресс», акцент на экономическом развитии, секулярности культуры и др., уже используются как базовые. В.П. Васильев и его последователи еще не приняли окончательно формационный подход, однако увидели серьезность дихотомии традиционного общества, в рамках которого оставались кочевники, и «современности», на которой зиждился современный им Китай. Как Китаю, так, тем более, кочевникам еще не нужна идея республики. Именно религии (конфуцианство, буддизм) «облагораживают» «дикарей», Востоку еще не нужна республика и именно религии создадут необходимую форму государства. Да и религиозная этика еще не утратила своего значения.

DOI: 10.17223/978-5-7511-2592-9/T1/73

УДК 930.2

В.Г. Кокоулин, И.В. Лихоманов

ЯЗЫКИ ОПИСАНИЯ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ: ТРУДНОСТИ ДИАЛОГА

Аннотация. *Статья посвящена анализу языков описания, которые применяют археологи и историки для изучения древних обществ. На примере скифо-сибирского мира показана ограниченность и формалистичность языка описания археологии, расчленяющего единый историко-культурный процесс на отдельные археологические культуры, привязанные к конкретному региону. В качестве языка описания этого процесса историки могут воспользоваться наработками «Global History», связывающей региональную историю с глобальным историческим процессом.*

Ключевые слова: *археологическая культура, бронзовый век, железный век, скифо-сибирский мир, «Global History».*

Написание истории Сибири до прихода дружины Ермака в настоящее время вызывает определённые трудности – если история сибирских ханств ещё как-то описывается в историко-этнографическом ключе, то изучение всего предшествующего периода целиком отдано «на откуп» археологам, поскольку народы, населявшие Сибирь, не оставили письменных памятников, а скудные упоминания о них в китайских и древнетюркских источниках мало что дают историкам. Однако язык описания, который применяют российские археологи, не позволяет увидеть историческую картину происходивших событий.

Разумеется, причины данного явления следует искать в тех условиях, в которых приходилось работать историкам и археологам во второй половине XX в. Жёсткий идеологический контроль со стороны партийных органов в отношении представителей общественных наук привёл к тому, что археологи, кто сознательно, а кто нет, стремились дистанцироваться от научно-теоретического осмысления

результатов своих исследований на концептуальном и философско-историческом уровнях (подробнее см.: [1]). Выработался специфический язык описания полученных результатов в виде характеристики конкретной культуры и материальных предметов, добытых во время раскопок, а вся теоретическая работа сводилась к сопоставлению предметов данной культуры со сходными или, наоборот, несходными предметами другой культуры, а также к выделению отдельных этапов в рамках конкретной культуры. Редкие попытки обобщения накопленных результатов также не давали исторической картины происходивших событий, поскольку все они ставили на первое место понятие археологической культуры, не выходящей за рамки конкретного региона. Яркой иллюстрацией данного тезиса может служить первый том «Истории Сибири с древнейших времён», вышедший в 1968 г. Конечно, эта коллективная монография подвели итог более чем двухсотлетнему изучению далёкого прошлого Сибири и в этом плане заслуживает наивысшей оценки. Но в то же время она задала те особенности описания процессов, которые характерны и для современной российской археологии. Выделим основные характеристики этого описания.

Во-первых, для языка археологии характерно разделение на эпохи, соответствующие тому или иному материалу, из которого изготовляли орудия труда и оружие (камень, бронза, железо). В общеисторическом плане такая периодизация, конечно, верна. Но когда она применяется для описания такого крупного региона, как Сибирь, или даже Южная Сибирь, то нередко происходит разрыв исторического полотна. Так, в вышедшей в 1951 г. монографии С.В. Киселёва «Древняя истории Южной Сибири» [2] подобное разделение привело к тому, что тагарская культура в Минусинской котловине оказалась в разделе «Бронзовый век», а синхронная ей пазырыкская культура на Алтае – в разделе «Железный век» на том лишь основании, что в Минусинской котловине этого периода не встречаются железные изделия, причиной чего является не стадиальность процесса, а наличие больших запасов меди и почти полное отсутствие месторождений железа в данном районе. И такое распределение материала по разным арехологическим периодам произошло, несмотря даже на тот очевидный факт, что носителями этих археологических культур были близкородственные скифо-сибирские племена.

Не спасает и более дробная периодизация, выделяющая «позднюю бронзу» и «раннее железо», поскольку она уводит в бесконеч-

ные споры о том, почему скифы в Причерноморье использовали железо, в то время как обитатели Минусинской котловины вполне удовлетворялись бронзовыми орудиями и оружием.

Во-вторых, основной категорией является археологическая культура, привязанная к конкретному региону. При этом границы между регионами часто выделяются на основании современной политической карты. Так, например, описывается пазырыкская культура на Алтае, но в то же время игнорируется тот факт, что она была распространена также на территории современного Восточного Казахстана и современного северо-восточного Китая. А там уже археологи выделяют другие культуры, по сути, с тем же вещевым набором. Другой пример – уюкская культура в Туве описывается отдельно от практически идентичной ей культуры в северо-восточной Монголии. В итоге мы получаем «чересполосицу» культур, каждая из которых представляет собой герменевтически замкнутую систему артефактов. Для историков же совершенно очевидно, что целый период истории на территории Южной Сибири и Центральной Азии связан с расселением здесь скифо-сибирских племён, частичной ассимиляцией живших до них народов и установлением обширных связей этих племён с другими народами Средней Азии, Западной Сибири, Прибайкалья и Забайкалья. Иногда, конечно, арехологи отмечают факт схожести таких культур, разделённых современными политическими границами. Так, авторы первого тома «Истории Сибири» отмечают, что в VII–III вв. до н.э. «в Приуралье и Казахстане, Западной и Южной Сибири, в Забайкалье и Монголии и, наконец, в Маньчжурии встречаются вещи, удивительно похожие на те, которые были в употреблении у причерноморских скифов» [3. Т. 1. С. 217], но из этого они не только не делают никаких обобщающих выводов, а, наоборот, расчленяют всё это единство на отдельные не связанные между собой археологические культуры.

Для историка же нет сомнений в том, что VIII–III вв. до н.э. степная и лесостепная зоны Евразии представляли единое культурное пространство, которое необходимо рассматривать и изучать не только с точки зрения его внутренних взаимосвязей, как отдельный, своеобразный период в истории этой части Старого Света, но и с точки зрения обширных внешних контактов скифо-сибирского мира, который на западе входил в соприкосновение с древними центрами цивилизации Средиземноморья, Закавказья и Ближнего Востока, в средней части – соприкасался с центрами цивилизации Сред-

него Востока и Индии, а в Забайкалье – с центрами цивилизации Дальнего Востока, Тибета, Индокитая.

В-третьих, попытка археологов классифицировать исторические процессы в терминах «первобытная община» и «эпоха ранних государств», предпринятая в упоминавшейся выше «Истории Сибири», привела к тому, что историческое пространство Сибири оказалось «разорвано» между двумя этими «периодами». В итоге, например, скифо-сибирские племена оказались частично отнесёнными к «эпохе первобытной общины», а частично – к «эпохе племенных союзов и первых государств». Между тем, как эти народы имели над-родовые и над-племенные структуры (о чём свидетельствует резкое имущественное расслоение, фиксируемое археологами) и во многом были похожи на живших позднее их хунну, которые оказались целиком в «эпохе племенных союзов и первых государств». Это ещё раз свидетельствует о формальном подходе, применяемом археологами для теоретических обобщений.

Таким образом, язык описания, который применяют археологи при изучении, например, древней истории Сибири, не позволяет увидеть целостный историко-культурный процесс и связать его с глобальным историческим процессом. Очевиден и тот факт, что попытка описания истории Сибири путём выделения отдельных стадий, соответствующих изменению типов хозяйства, также не даёт нам целостной картины происходившего в те далёкие времена.

Отсюда вытекает вопрос: возможно ли найти язык описания, который бы адекватно отражал исторический процесс, описывал явления, которые охватывают длительное время, обширное пространство и множество самых разнообразных, более или менее тесно взаимодействующих друг с другом обществ, находящихся на разных стадиях развития? И, по-видимому, мы можем дать положительный ответ.

Стремление увидеть и представить историю человечества как единый процесс, где локальные истории отдельных регионов, народов и культур вписаны в контекст универсальных изменений, обусловленных экономическими и культурными транс-ойкуменическими связями, привело к формированию особого направления в исторической науке, которое в англосаксонской традиции получило название «Global History». За несколько десятилетий интенсивных научных исследований представители этого направления достигли впечатляющих результатов. Благодаря работам таких авторов,

как И. Валлерстайн, Шунтаро Ито, В. Макнил, Г.С. Маршалл, П. Маннинг, В. Грин, М. Ходжсон, Д. Абу-Луход, А. Франк, Н. Розов и др. [4; 5; 6; 7] россыпь локальноцентричных региональных и национальных историй обрела интегральное единство в внутреннюю логику развития.

Сегодня мы знаем, что уже на стадии формирования древнейших центров мировой цивилизации их развитие во многом определялось межкультурными и торгово-экономическими связями, охватывающими Евразийско-Африканское континентальное пространство в широтном направлении от Китая до Средиземноморья. И «Великий шёлковый путь», если брать его не в узком смысле, как систему длительных и регулярных торговых отношений, обеспечивающих бесперебойное движение товаров между Средиземноморьем, Индостаном и Дальневосточным регионом, а в более широком смысле, как *направление* устойчивого межкультурного обмена, представляет *ось*, вдоль которой и вокруг которой структурируется история доколумбовой эпохи в Восточном полушарии.

Вот, к примеру, как могло бы выглядеть описание скифо-сибирского мира на языке этой исторической методологии. Скифо-сибирский мир существовал не изолированно, а в окружении соседей. Что касается Южной Сибири, то она активно взаимодействовала с великими державами своего времени – прежде всего ахеменидским Ираном при посредничестве Средней Азии (это был магистральный путь взаимодействия), со скифами Причерноморья через савроматов Южного Урала, с античной Грецией через скифов Причерноморья, с Китаем через Центральную Азию, с таёжными племенами. Поэтому можно попробовать посмотреть на эти общества через понятия связей и обмена. Связи могли быть разной интенсивности – эпизодические торговые обмены и постоянные связи. Обмен осуществлялся материальными ценностями, людьми, идеями и культурными достижениями. Всё это прекрасно зафиксировано на археологическом и антропологическом материале.

Возникают закономерные вопросы: почему одни вещи заимствовались, а другие нет? Чем, как и насколько интенсивно обменивались различные сообщества между собой? Насколько тесными были связи? Как происходит распространение культурных феноменов (как материальных, так и духовных)? Следует учитывать, что степень их «социальной мобильности» чрезвычайно различна. Как правило, легче всего распространяется то, что даёт непосредственную эконо-

мическую и социальную выгоду (орудия труда, средства передвижения, оружие, культурные растения и т.п.), что может быть воплощено в конкретных вещах, которые нетрудно воспроизвести (предметы обихода, одежда, обувь, украшения и т.п.), наконец, то, что имеет наибольшее количество носителей и сравнительно легко передаётся (мифы, обряды, фольклор и т.п.). Но, например, скифы так и не восприняли письменность, хотя народы, с которыми они контактировали, её имели.

Ответы на эти вопросы и позволяют нам увидеть целостную картину формирования и развития скифо-сибирского мира, в древние времена распространившегося в Центральной и Средней Азии, Южной Сибири и Причерноморье.

Литература

1. *Kokoulin V., Likhomanov I.* North-East Eurasia (Siberia) in the context of World History: New concepts // Siberia: Ecology, Diversity and Enviromental Impact. New-York: Nova Science Publishers, 2016. P. 1–15.
2. *Киселёв С.В.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
3. *История* Сибири с древнейших времён. Л., 1968.
4. *Ito Shuntaro.* A Framework for Comparative Study of Civilization. Comparative Civilizations Review. 1997. Vol. 36 (Spring). P. 4–15.
5. *Manning P.* The Problem of Interaction in World History. American Historical Review. 1996. Vol. 101. No 3. P. 771–782.
6. *Marshall G.S.* Hodgon. Rethinking World History: Essays on Europe, Islam and World History / ed. by E.Burke, III. Cambridge Univ. Press, 1993.
7. *McNeill W.H.* The Changing Shape of World History. History and Theory. 1995. Theme Issue. Vol. 34. P. 8–26.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Азарова Арина Витальевна, магистрант Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск)
e-mail: arina-azarova95@mail.ru

Акульшин Петр Владимирович, д-р ист. наук, профессор кафедры истории России Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (Рязань)
e-mail: stone2708@mail.ru

Алимджанов Бахтиёр Абдихакимович, канд. ист. наук, независимый исследователь (Ташкент)
e-mail: balimdjanov@gmail.com

Ананьев Денис Анатольевич, канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории СО РАН (Новосибирск)
e-mail: denis.ananyev@gmail.com

Батищев Сергей Дмитриевич, студент историко-филологического факультета Челябинского государственного университета (Челябинск)
e-mail: batischew.sergey2015@yandex.ru

Белгородская Людмила Вениаминовна, д-р ист. наук, профессор кафедры истории России Сибирского федерального университета (Красноярск)
e-mail: Blv.kr@yandex.ru

Белянин Дмитрий Николаевич, д-р ист. наук, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета (Кемерово)
e-mail: bdn73@list.ru

Беневаленская Евгения Николаевна, канд. ист. наук, научный сотрудник УНИЛ «Историческое краеведение» Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул)
e-mail: rabota-ben11@yandex.ru

Бетмакаев Алексей Михайлович, канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета (Барнаул)
e-mail: btmkv@yandex.ru

Бобкова Марина Станиславовна, д-р ист. наук, руководитель Центра истории исторического знания Института всеобщей истории Российской академии наук (ИВИ РАН) (Москва)
e-mail: bobkova_marina@list.ru

Борисенко Виктория Павловна, аспирант Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
e-mail: leva33359@mail.ru

Василюк Наталья Ивановна, студентка Гродненского государственного университета им. Янки Купалы (Гродно)
e-mail: nata.vasiliuk2018@yandex.ru

Веремчук Людмила Павловна, д-р ист. наук, профессор кафедры права и международных отношений Казахстанско-Американского свободного университета (Усть-Каменогорск)
e-mail: 269724@mail.ru

Виниченко Наталья Вадимовна, магистрант Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск)
e-mail: n.vinichencko2015@yandex.ru

Виноградов Павел Валентинович, канд. ист. наук, начальник кафедры естественнонаучных и специальных дисциплин Дальневосточной пожарно-спасательной академии – филиала Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (Владивосток)
e-mail: supwin26@mail.ru

Гаман Лидия Александровна, д-р ист. наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Северского технологического института – филиала Национального исследовательского ядерного университета Московский инженерно-физический институт (НИЯУ МИФИ) (Северск)
e-mail: GamanL@yandex.ru

Герш Ксения Вадимовна, канд. ист. наук, доцент кафедры истории и обществознания Новокузнецкого института (филиала) Кемеровского государственного университета (Новокузнецк)
e-mail: bambizova@mail.ru

Головашина Оксана Владимировна, канд. ист. наук, доцент кафедры философии и методологии науки Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина (Тамбов)
e-mail: ovgolovashina@mail.ru

Груздинская Виктория Сергеевна, аспирант Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск)
e-mail: vik11910314@yandex.ru

Гумерова Жанна Анатольевна, канд. ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Томск)
e-mail: janet80@inbox.ru

Демин Михаил Александрович, д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного педагогического университета (Барнаул)
e-mail: mademin52@mail.ru

Дериглазова Лариса Валериевна, д-р ист. наук, профессор кафедры мировой политики Томского государственного университета (Томск)
e-mail: dlarisa@inbox.ru

Долгова Евгения Андреевна, канд. ист. наук, доцент, зам. руководителя научно-образовательной программы «Центр междисциплинарных гуманитарных исследований» Российского государственного гуманитарного университета (Москва)
e-mail: medievalis@list.ru

Дорошенко Ольга Петровна, проректор по учебно-методической работе Томского института переподготовки кадров и агробизнеса (Томск)
e-mail: dop@tipkia70.ru

Дронова (Серженко) Ива Ильинична, научный сотрудник Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва)
e-mail: Ivailis@yandex.ru

Жеравина Ольга Александровна, канд. ист. наук, зав. кафедрой библиотечно-информационной деятельности Томского государственного университета (Томск)
e-mail: ozheravina@yandex.ru

Ивонин Юрий Перфильевич, д-р филос. наук, профессор Сибирского института управления – филиала РАНХиГС (Новосибирск)
e-mail: ivonin@ngs.ru

Ивонина Ольга Ивановна, д-р ист. наук, профессор Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск)
e-mail: ivonina@ngs.ru

Ипполитов Георгий Михайлович, д-р ист. наук, профессор кафедры философии Поволжского государственного университета телекоммуникаций и информатики (Самара)
e-mail: ippo1953@yandex.ru

Камынин Владимир Дмитриевич, д-р ист. наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)
e-mail: kamyninv@yandex.ru

Капустина Яна Васильевна, преподаватель Ачинского колледжа отраслевых технологий и бизнеса (Ачинск)
e-mail: yana-kapustina@yandex.ru

Карначук Наталья Викторовна, канд. ист. наук, доцент кафедры английской филологии Томского государственного университета (Томск)
e-mail: karnach2005@yandex.ru

Кейб Елена Сергеевна, студентка Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета (Тюмень)
e-mail: lenakejb@yandex.ru

Кирсанова Екатерина Семеновна, канд. ист. наук, доцент Северского технологического института – филиала Национального исследовательского ядерного университета Московский Инженерно-физический институт (НИЯУ МИФИ) (Северск)
e-mail: zavkir@mail.ru

Киселев Михаил Юрьевич, канд. ист. наук, руководитель Центра учета и обеспечения сохранности документов Архива Российской академии наук (Москва)
e-mail: kiss_RAN@mail.ru

Кискидосова Татьяна Александровна, канд. ист. наук, зав. сектором истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (Абакан)
e-mail: tak_74@mail.ru

Клементьев Александр Юрьевич, магистрант Омского государственного педагогического университета (Омск)
e-mail: a.klementev.83@mail.ru

Клочков Виктор Викторович, д-р ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Института истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)
e-mail: vicpeel@mail.ru

Кокоулин Владислав Геннадьевич, д-р ист. наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища (Новосибирск)
e-mail: kwladislaw@yandex.ru

Коньков Дмитрий Сергеевич, канд. ист. наук, доцент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Томск)
e-mail: dkonkov@mail.ru

Корзун Валентина Павловна, д-р ист. наук, профессор кафедры современной отечественной истории и историографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск)
e-mail: Korzunv@mail.ru

Корнева Лидия Николаевна, д-р ист. наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений факультета истории и международных отношений Кемеровского государственного университета (Кемерово)
e-mail: korneva_21@mail.ru

Кравцова Елена Сергеевна, д-р ист. наук, профессор кафедры философии, директор Музея истории Курского государственного медицинского университета (Курск)
e-mail: elenakravcova@yandex.ru

Кузоро Кристина Александровна, канд. ист. наук, доцент института искусств и культуры Томского государственного университета (Томск)
e-mail: clio-2002@mail.ru

Кузнецова Наталья Юрьевна, начальник управления довузовской и профориентационной работы Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск)
e-mail: foliage.07@mail.ru

Куприянова Ирина Васильевна, д-р ист. наук, доцент кафедры музеологии и документоведения Алтайского государственного института культуры (Барнаул)
e-mail: irinak-63@mail.ru

Курапова Елена Рудольфовна, канд. ист. наук, зам. директора Российского государственного архива экономики (Москва)
e-mail: curapova@mail.ru

Линченко Андрей Александрович, канд. филос. наук, научный сотрудник Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве РФ (Липецк)
e-mail: linchenko1@mail.ru

Лихарев Дмитрий Витальевич, д-р ист. наук, профессор кафедры исторического образования Дальневосточного федерального университета (Владивосток)
e-mail: likharev_dv@mail.ru

Лихоманов Игорь Валентинович, канд. филос. наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Новосибирского высшего военного командного училища (Новосибирск)
e-mail: graingar@yandex.ru

Массов Александр Яковлевич, д-р ист. наук, зав. кафедрой истории и культурологии Санкт-Петербургского государственного морского технического университета (Санкт-Петербург)
e-mail: amassov@gmail.com

Мезенцев Виктор Федорович, канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Нижнетагильского государственного социально-педагогического института (филиал)

Российского государственного профессионально-педагогического университета (Нижний Тагил)
e-mail: vicmir10@gmail.com

Менщиков Владимир Владимирович, д-р ист. наук, профессор кафедры истории и документоведения Курганского государственного университета (Курган)
e-mail: vmen1@yandex.ru

Метель Ольга Вадимовна, канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск)
e-mail: olgametel@yandex.ru

Миронов Виктор Владимирович, канд. ист. наук, доцент кафедры истории и теории международных отношений Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск)
e-mail: vvm_512@rambler.ru

Михайленко Валерий Иванович, д-р ист. наук, зав. кафедрой теории и истории международных отношений Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)
e-mail: valery.mikhaylenko@urfu.ru

Мордзилович Анна Андреевна, магистрант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)
e-mail: annamordzilovich@gmail.com

Мочалов Дмитрий Петрович, магистрант Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург)
e-mail: dosoldschool@yandex.ru

Мустафин Артур Рашидович, канд. ист. наук, младший научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва)
e-mail: art-staf@yandex.ru

Непомнящий Андрей Анатольевич, д-р ист. наук, зав. кафедрой исторического регионоведения и краеведения Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь)
e-mail: dr.aan@mail.ru

Никитин Филипп Николаевич, студент Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)
e-mail: mr.fil.nikitin@mail.ru

Новиков Павел Александрович, д-р ист. наук, зав. кафедрой истории и философии Иркутского национального исследовательского технического университета (Иркутск)
e-mail: novikov710@yandex.ru

Пиков Геннадий Геннадьевич, д-р ист. наук, профессор кафедры всеобщей истории Новосибирского государственного университета (Новосибирск)
e-mail: gennadij-pikov@yandex.ru

Пухов Денис Юрьевич, канд. ист. наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета (Екатеринбург)
e-mail: histp5@gmail.com

Рамазанов Сергей Павлович, д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Волжского филиала Волгоградского государственного университета (Волжский)
e-mail: sp-ram@yandex.ru

Савина Анна Викторовна, старший преподаватель кафедры всеобщей истории и социально-экономических дисциплин Вологодского государственного университета (Вологда)
e-mail: avsavina@ya.ru

Самойлов Никита Юрьевич, аспирант Алтайского государственного университета (Барнаул)
e-mail: nicksamoylov@yandex.ru

Свешников Антон Вадимович, д-р ист. наук, профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск)
e-mail: *pucholik@rambler.ru*

Смоленчук Ольга Юрьевна, канд. ист. наук, доцент кафедры антропологии и этнологии Томского государственного университета (Томск)
e-mail: smolenchuk@gmail.com

Соколов Александр Станиславович, д-р ист. наук, зав. кафедрой истории, философии и права Рязанского государственного радиотехнического университета (Рязань)
e-mail: falcon140770@yandex.ru

Стороженко Алёна Александровна, канд. ист. наук, доцент Тувинского государственного университета (Кызыл)
e-mail: alstorozhenko@yandex.ru

Уланов Мерген Санджиевич, канд. ист. наук, профессор кафедры философии и культурологии Калмыцкого государственного университета им. Б.Б. Городовикова (Элиста)
e-mail: ulanov1974@mail.ru

Умнов Егор Евгеньевич, аспирант Омского государственного педагогического университета (Омск)
e-mail: istfak16@gmail.com

Федосеева Ксения Владимировна, соискатель Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва)
e-mail: kvfedoseeva@yandex.ru

Хахалкина Елена Владимировна, д-р ист. наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и международных отношений Томского государственного университета (Томск)
e-mail: ekhakhalkina@mail.ru

Чуркин Михаил Константинович, д-р ист. наук, профессор кафедры отечественной истории Омского государственного педагогического университета, ведущий научный сотрудник Тобольской комплексной научной станции УрО РАН (Тобольск)
e-mail: proffchurkin@yandex.ru

Шиловский Михаил Викторович, д-р ист. наук, профессор Новосибирского государственного университета, заведующий сектором Института истории СО РАН (Новосибирск)
e-mail: istorik.novosib@gmail.com

Шишкина Елизавета Викторовна, младший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Екатеринбург)
e-mail: shishkinaelizaveta13@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 3

I. ИСТОРИК И ЕГО ВРЕМЯ: ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, ВЕХИ ЛИЧНОСТНОГО И НАУЧНОГО РОСТА В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ 7

Дорошенко О.П. Г.Е. Катанаев и областничество: становление научно-исследовательских идей в контексте развития сибиреведения второй половины XIX века 9

Герш К.В., Свешников А.В. Политическая публицистика И.М. Гревса 16

Дронова (Серженко) И.И. Деятельность историка Москвы П.В. Сытина в 1910–1920 годы – музейная, научная административная работа в контексте эпохи перемен. Становление историка-урбаниста 22

Груздинская В.С. «Возвращение в науку»: реабилитация М.Н. Покровского в советской исторической науке (1960-е гг.) 27

Демин М.А. Научная карьера провинциального историка в контексте профессиональной коммуникации и внешней социальности 33

Шиловский М.В. Они были первыми: формирование исторического сообщества в Новосибирске в 1960–1970-х гг. 37

Камынин В.Д. Личностные и профессиональные коммуникации историков Уральского университета на рубеже 1960 – 1970-х гг. 44

Менщиков В.В. Н.Ф. Емельянов как представитель томской исторической школы 50

Хахалкина Е.В. Эволюция взглядов А. Тойнби на международные отношения в межвоенный период 55

Михайленко В.И. Ренцо Де Феличе: историк, изменивший Италию 62

Смоленчук О.Ю. Йорис Ворхуве: историк, ученый, дипломат и его труд «Мир, прибыль и принципы» для Королевства Нидерландов в XX веке 68

Клочков В.В. Артур Джон Бреретон Марвик: междисциплинарные исследования в современной британской историографии и поиск «методологического консенсуса» в истории 73

Миронов В.В. Школа без лидера? К вопросу о роли лидерства в создании Английской школы международных отношений 79

Линченко А.А. Этика как условие рефлексии в исторической науке: теоретические воззрения Йорна Рюзена 86

Мордзилович А.А. «Священный рейх» Р. Штайгманна-Галля: новый взгляд на проблему христианства и нацизма 92

Бетмакаев А.М. Концепция постсталинизма чешского историка Павла Коларжа 99

Дериглазова Л.В. Апология истории сегодня: вызовы и соблазны 104

Белгородская Л.В. Современный российский историк: от визуального поворота к public history 110

Чуркин М.К., Умнов Е.Е. Воспоминания, как эго-текст: детская тыловая повседневность сибирской провинции в годы Великой Отечественной войны 116

Ипполитов Г.М. Историк-исследователь и фактор времени 122

Мезенцев В.Ф. Особенности эволюции исторической урбанистики на современном этапе 127

Кузнецова Н.Ю. Религиовед А. С. Пругавин: личность, биография, особенности исследовательской концепции 133
Акульшин П.В., Соколов А.С. Историческая наука на рубеже XIX–XX вв. в российской провинции: жизнь и научное наследие С.Д. Яхонтова (1853–1942) 137
Долгова Е.А. «Восьмидесятилетних юбилеев не бывает»?»: пять памятных дат жизни Н.И. Кареева, 1917–1931 гг. 143
Киселев М.Ю. М.Н. Покровский и его школа: оценка историка А.В. Шестакова 149
Мочалов Д.П. Творчество историка, социолога Филарета Тележникова в условиях смены политической конъюнктуры 20–30-х гг. XX века 154
Непомнящий А.А. Алексей Башкиров: поступь ученого в развивающемся крымоведении первой трети XX столетия 160
Курапова Е.Р. Милица Нечкина. Автопортрет на фоне эпохи. (По материалам эпистолярия историка) 167

II. ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ КОЛЛИЗИИ И ПАРАДОКСЫ РАЗВИТИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ 173

Бобкова М.С. Историографическая революция в Западной Европе Раннего Нового времени 175
Кирсанова Е.С., Рамазанов С.П. Историографическая школа в Томском университете: (К 90-летию Б.Г. Могильницкого) 180
Мустафин А.Р. Доиндустриальные циклы в отечественной и зарубежной историографии 186
Клементьев А.Ю. История ментальностей, её направления в отечественной и зарубежной историографии. Время большой протяжённости (Ф. Бродель) 192
Беневаленская Е.Н. Историографические практики изучения региональной идентичности в контексте памяти о прошлом 197
Головашина О.В. Историография и проблема исторического события 203
Кейб Е.С. Проблемы исторической эмоциологии в трудах Б. Розенвейн 209
Коньков Д.С. Понятие, текст, дискурс: методологические возможности применения истории понятий для анализа раннесредневековых источников 214
Ивонина О.И., Ивонин Ю.П. Парадоксы русского европеизма в историософии П.Я. Чаадаева 220
Гаман Л.А. «Историю я вижу в эсхатологической перспективе…»: Н.А. Бердяев о Советской России в поздний период творчества (1939–1948 гг.) 224
Ивонина О.И. Концепция «Нового Средневековья» Н.А. Бердяева 230
Куприянова И.В. Альтернативные версии причин церковного раскола в интерпретациях расколоведов 237
Виниченко Н.В. Политическая элита периода правления императора Петра I: историографический аспект 243
Батищев С.Д. «История хозяйства Демидовых в XVIII – XIX вв. Опыт исследования по истории уральской металлургии. Том 1.» (1949 г.) Б.Б. Кафенгауза в освещении рецензий современников: к 70-летию выхода монументального труда 248
Белянин Д.Н. Проблема аграрного кризиса России пореформенного периода в трудах современных исследователей 253

Ананьев Д.А. История сибирской каторги и ссылки (2-я пол. XIX – начало XX вв.) в работах англо- и немецкоязычных исследователей 260
Кузоро К.А. Профессорско-преподавательская корпорация церковных историков высшей духовной школы в отечественной историографии второй половины XIX – начала XXI вв. 266
Шишкина Е.В. Отечественная историография образовательной деятельности старообрядцев Урала в XIX – начале XX в. 272
Стороженко А.А. Автоэтнографическое описание старообрядчества Тувы в историографическом ландшафте второй половины XX – начала XXI в. 278
Кискидосова Т.А. История «городской повседневности» дореволюционного периода в современной сибирской историографии 280
Азарова А.В. Репрезентации Первой мировой войны в журнале «Нива» (историография вопроса) 285
Виноградов П.В. Военно-техническое сотрудничество Российской империи с союзниками в годы Первой мировой войны в отечественной исторической литературе 291
Кравцова Е.С. Освещение налоговой политики России в период Первой мировой войны в современной отечественной историографии 296
Новиков П.А. Современное состояние историографии боевых действий Гражданской войны в Сибири 302
Капустина Я.В. Историография о жизни города Красноярска в годы революции и Гражданской войны 307
Гумерова Ж.А. Георгий Петрович Федотов в постсоветской историографии 314
Корзун В.П. А.В. Флоровский, Н.Л. Рубинштейн: два измерения историографического процесса 320
Никитин Ф.Н. Современная конфессиональная историография и историографические мифы (на примере движения пашковцев) 326
Пухов Д.Ю. О современных исследованиях российской преступности второй половины XIX – начала XX в. 331
Уланов М.С. Буддийская культура в Калмыкии в русской дореволюционной историографии 337
Карначук Н.В. Английская площадная баллада на поворотах исторической науки XIX – XXI вв. 344
Савина А.В. Музыка политических сфер: К.А. Кузнецов о политических идеях английского кальвинизма XVI века 350
Метель О.В. Европейские революции нового времени в советской историографии 1920 – 1950-х гг. 357
Василюк Н.И. Анализ историографии по теме «Двор Станислава Августа Понятовского в 1764 – 1795 гг.» 362
Веремчук Л.П. Проблема альтернативности Великой французской революции в трактовке Алексиса Токвиля 369
Борисенко В.П. Российские и зарубежные историки о Японии и Китае в дипломатических отношениях Великобритании и России в годы Первой мировой войны 1914 – 1918 гг.: историографический обзор 381
Корнева Л.Н. Немецкая историография нацизма: коллизии, парадоксы и методологические подходы 387
Самойлов Н.Ю. Историографические подходы к изучению западного молодежного движения 1960–80-х гг. в отечественной и зарубежной науке 392

Федосеева К.В. «Русская школа» социальной истории Англии (Сравнение взглядов С.И. Архангельского и Е.А. Косминского на роль русских и советских историков в разработке истории Англии) 397
Массов А.Я. Изучение истории Австралии в России: этапы и достижения 404
Жеравина О.А. Мариано Песет как ключевая фигура в развитии новых тенденций в испанской историографии университета 412
Лихарев Д.В. Реформы адмирала Дж.А.Фишера в ревизионистском дискурсе англоязычной историографии. 418
Алимджанов Б.А. История и «Восток» 424
Пиков Г.Г. Формирование исторического подхода к изучению восточноазиатских кочевников в трудах В.П. Васильева 429
Кокоулин В.Г., Лихоманов И.В. Языки описания истории и археологии: трудности диалога 435

Сведения об авторах 441

Научное издание

ТВОРЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ИСТОРИКА: ГОРИЗОНТЫ ВОЗМОЖНОГО

(к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого)

Материалы
Всероссийской научной конференции
с международным участием
(Томск, 3–4 октября 2019 г.)

Часть I

Редактор В.С. Сумарокова

Компьютерная верстка Т.В. Дьяковой

Подписано в печать 25.10.2019 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Печ. л. 28,4; усл. печ. л. 26,4; уч.-изд. л. 26,9. Тираж 300. Заказ 465

ООО «Издательство ТГУ», 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
ООО «Интегральный переплет», 634040, г. Томск, ул. Высоцкого, 28, стр. 1